

Л.Н. Чернова Под сенью Святого Павла

Л.Н. Чернова

Под сенью Святого Павла:

деловой мир Лондона
XIV–XVI вв.

THE CHARING CROSS.

BISHOPS - CA

Larisa Chernova

**Under the Shadow
of St. Paul:
Business World of London
of the XIVth—XVIth Centuries**

Moscow–Sain-Petersburg

**Center for humanitarian initiatives
2016**

Л.Н. Чернова

Под сенью
Святого Павла:
деловой мир Лондона
XIV—XVI вв.

Центр гуманитарных инициатив

Москва — Санкт-Петербург
2016

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

Ч49

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Т.В. Мосолкина
доктор исторических наук, профессор И.Я. Эльфонд

Чернова Л.Н.

Ч49 Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XVI вв. / Л.Н. Чернова. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 366 с. — (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-655-4

С позиций современного исторического знания в монографии комплексно исследуется деловой мир Лондона XIV—XVI вв. На основе широкого круга оригинальных источников воссоздается картина жизни торгово-предпринимательских слоев и властной элиты города на начальном этапе трансформации общества от традиционного к новационному. В работе прослеживается динамика развития городской правящей элиты, отражается специфика формирования, функционирования и удержания власти олддерменами, выявляются устойчивые общности, деловые и социальные связи в их среде, характеризуются экономическая деятельность (торговля, кредит, субсидирование короны, инвестиции в недвижимость) и деловая этика, социальные устремления, ценностные ориентиры и частная жизнь лондонцев, занятых активной коммерческой деятельностью и вовлеченных во властные отношения.

Для историков – научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, и всех интересующихся социально-политической и культурной историей Англии в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени

ISBN 978-5-98712-655-4

© Чернова Л.Н., 2016

© Гладков А.К., составление серии, 2016

© Центр гуманитарных инициатив, оформление,
2016

Оглавление

Введение. Проблемы, историография, источники	7
Глава I. Лондон: от римского муниципия к городу раннего Нового времени	29
Глава II. Деловые люди Лондона в пространстве социума и власти	69
§1. Социальный статус и должностные критерии олдерменов.....	71
§2. Социальное происхождение олдерменов и способы продвижения в олдерменскую общность	78
§3. Структура, функции, должностные лица магистрата.....	95
§4. Принципы и механизмы формирования органов муниципальной власти	102
Глава III. Занятия и образ жизни деловых людей	137
§1. Торговля и кредит.....	139
§2. Кредитные операции и субсидирование короны.....	166
§3. Торговля и богатство в восприятии деловых людей.....	182
§4. Инвестиции в недвижимость.....	192
4.1. Недвижимость в пределах городской черты.....	194
4.2. Внегородское землевладение.....	224
Глава IV. Социальные устремления, ценностные ориентиры и частная жизнь деловых людей	249
§1. Купцы-джентльмены Лондона	251
§2. Ценностные установки в «Жизнеописании Джона Ишема»	271
§3. Отношение к образованию в купеческой среде Лондона.....	280
§4. Приватная жизнь: гендерный ракурс	286
Заключение	337
Библиография	347
Summary	359
Content	365

Введение

Проблемы, историография, источники

Лондон в Средние века и раннее Новое время — самый крупный и богатый город Англии, центр общенационального и международного значения, не имевший внутри страны сколько-нибудь серьезных конкурентов, оказывавший колоссальное влияние на экономическую, социально-политическую и социокультурную жизнь королевства. Изучение различных аспектов истории этого мегаполиса, как справедливо заметила М.М. Яброва, имеет не локальное, а общеанглийское значение — «не в том смысле, что остальные города развивались точно так же, а в том, что, опережая их, Лондон наиболее полно и ярко выражал ведущие тенденции развития страны»¹.

Объектом изучения данной монографии стали купцы, финансисты и шире — предпринимательские слои лондонского социума, к которым, по аналогии с итальянскими городами, в частности, Флоренцией, применим распространенный в историографии многих стран термин «деловые люди»². Они активно участвовали в политической жизни города и формировании его властных структур (в качестве олдерменов, мэров, шерифов и пр.), в сфере рыночных отношений, предпринимательства и инвестиций в земельную собственность, оказывая огромное, если не определяющее, влияние не только на городское общество, но и королевство в целом. Поэтому изучение различных проявлений публичной и частной жизни деловых людей Лондона, некоторых аспектов их обыденного сознания представляет несомненный научный интерес.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен научной ситуацией последних десятилетий, значительно актуализировавшей проблему исторической переходности как одной из глобальных, имеющей междис-

¹ Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV—начала XVI вв.). Саратов, 1983. С. 35. С. Трапп писала, что уже к началу XIV в. Лондон был более схож с крупнейшими городскими центрами континентальной Европы, чем с прочими английскими городами (см.: Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Chicago, 1948. P. 1).

² Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV—XV вв.: в 2 ч. М.; Ставрополь, 1995. Ч. 1. С. 3.

циплинарное теоретико-методологическое значение³. XIV—XVI столетия в истории Англии (и Европы) — это период наивысшей зрелости средневековых институтов и начала их упадка; время модернизации и зарождения в недрах старого общества новых, капиталистических, отношений⁴; это особый переходный период, который понимается как комплексный, инвариантный и исторически длительный процесс генезиса социальных, политических, экономических и культурных инноваций на широком фоне трансформации и адаптации множества традиционных элементов в новых условиях⁵. И для английского города это было время, «когда переплеталось то, что тянуло назад к средневековью, и то, что вело вперед к новому времени, порождая неожиданные явления в различных сферах жизни»⁶.

Однако надо учитывать, что именно люди, в первую очередь, наиболее активные и предприимчивые, создают новые структуры. Поэтому исторический транзит должен рассматриваться как арена социальных взаимодействий, делание истории «снизу», людьми, потребности и мотивации которых также подвергаются изменениям, адаптируются к запросам времени и одновременно оказывают влияние на облик будущего общества. В итоге исторический переход оказывается сложным процессом, который никоим образом не сводится к элементарному вымыванию устаревших традиций и замене их новациями. Элементы новаций и традиций могут принимать самые причудливые конфигурации, в том числе в моделях жизни⁷. Как раз деловые люди и были активными творцами новой жизни, благодаря своей пассионарности

³ *Побережников И.В., Редин Д.А.* Исследование феномена исторической переходности: в поисках «методико-методологического консенсуса» // Проблемы истории России. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2011. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени. С. 4.

⁴ Подробно об этом см.: *Яброва М.М.* Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV—начала XVI вв.); *Мосолкина Т.В.* Город Бристоль в XIV—XV веках. Экономика, общественные отношения, социальная психология. Саратов, 1997; *Стам С.М.* К проблеме генезиса капитализма в Западной Европе // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1998. Вып. 13. С. 87—100.

⁵ *Ким О.В.* К вопросу о ранней модернизации в Европе и России (мир-системная парадигма) // Средние века. 2009. Вып. 70 (1—2). С. 139, а также: Раннее Новое время и теория модернизации. Выступления участников конференции // Там же. С. 98—138.

⁶ *Мосолкина Т.В.* Основные проблемы истории английского города XIV—XV вв. // Новая и новейшая история. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 31. Это весьма убедительно показал В.А. Евсеев в своих исследованиях о городах Англии XVI—начала XVII в. (см.: *Евсеев В.А.* Английский город в Тюдоровскую эпоху: регионы и города. Иваново, 1995; *Он же.* Очерки по истории английского города раннего нового времени. Иваново, 2010).

⁷ *Побережников И.В., Редин Д.А.* Исследование феномена исторической переходности: в поисках «методико-методологического консенсуса». С. 5.

расширяли и меняли границы, формы и масштабы торговли, денежных операций и предпринимательства, создавали условия для наступления новационной эпохи, оказываясь в эпицентре трансформаций, глубоко переживая происходящее, так или иначе приспособливаясь к вызовам времени, формулируя новые запросы, вырабатывая, чаще — неосознанно, подспудно — новые социальные и ценностные установки.

Обращение к заявленной проблематике обусловлено также обстоятельствами историографического и методологического характера.

Проблема города выступает как одна из фундаментальных проблем современного научного знания, поскольку город — явление историческое: его содержание и функции, как и формы урбанизма и пространственный ареал урбанизации, изменялись по мере смены исторических эпох. При этом город не только менялся сам в ходе цивилизационных процессов, но и воздействовал, прямо или косвенно, на динамику их движения⁸.

Особое место в истории европейского урбанизма занимает период Средневековья и раннего Нового времени. Как известно, именно тогда сложилась собственно городская система, и оформился социально-политический строй, придававший уникальность западноевропейскому городу, сыгравшему исключительную по важности роль в эволюции Западной цивилизации⁹.

Заявив о себе на рубеже XVIII—XIX вв., проблема города Средних веков и начала Нового времени вызывала неподдельный интерес, сохраняющийся и сегодня. При этом каждое последующее поколение исследователей, со своими концепциями и своим видением истории, вновь и вновь обращается к урбанистической тематике, подвергая пересмотру, казалось бы, незыблемые положения. Благодаря этому медиовистическая и ранненовистическая урбанистика, ее проблематика и источниковый материал являют собой своеобразное «опытное поле», на котором пересматривается и совершенствуется арсенал познавательных средств и приемов исторической науки. Все те методологические изменения, которые имели место на протяжении XX в., особенно второй его половины, не обошли стороной и урбанистику, ставшую одной из важнейших областей, где отрабатывались новые методы структурно-системного анализа, историко-демографических, социокультурных, культурно-антропологических исследований.

⁸ Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 15.

⁹ Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. 1. С. 10—11; Сванидзе А.А., Анисимова А.А. Город в Средние века // Всемирная история: в 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М., 2012. С. 54—70.

Проблематика истории английского города эпохи Средневековья и раннего Нового времени на сегодняшний день является наиболее интенсивно и динамично развивающейся в британской и в англоязычной историографии в целом¹⁰. Феномен города изучается представителями разных научных школ и направлений, самыми авторитетными из которых являются «локальная история» (local history)¹¹ и «социальная», или «новая социальная история» (social, or new social history).

В рамках local history изучение городской истории ведется с начала 1960-х гг.¹² Наиболее значимые проблемы в урбанистической тематике локальных исследований опираются, прежде всего, на методы микроанализа: поливариантность генезиса городов¹³, городская топография и планировка, история улиц, зданий, церковных приходов¹⁴, а также история отдельных отраслей производства и торговли, транспорта и образования, институтов городского самоуправления, социальных групп и общностей¹⁵.

Уже с 70-х гг. XX в. проявилась тенденция к комплексному анализу феномена урбанизма на основе междисциплинарных и компаративных исследований в русле «новой локальной истории», а к началу 1980-х гг. многочисленные локальные исследования подготовили почву для обобщений на национальном уровне¹⁶.

«Новая социальная история» за последние несколько десятилетий, по выражению Л.П. Репиной, из «золушки» превратилась в самую привлекательную и влиятельную область исторических исследований, «в королеву,

¹⁰ The English Medieval Town. A Reader in English Urban History 1200—1540 / Ed. by R. Holt and G. Rosser. L.; N.Y., 1990. P. 1.

¹¹ См. подробно: *Everitt A. Ways and Means in Local History*. Oxford, 1971; *English Local History at Leicester, 1948—1978. A Bibliography of Writings by Members of the Department of English Local History, University of Leicester / Compiled by A. Everitt and M. Tranter*. Leicester, 1981. P. XI—XVII; *Campbell-Kease J. A Companion to Local History Research*. Sherborne, 1989. P. 349—350; *Phythian-Adams Ch. Re-thinking English Local History*. Leicester, 1991.

¹² *The Oxford Companion to Local and Family History / Ed. by D. Hey*. Oxford, 2002. P. 280—285, 466—469.

¹³ *Russell J. Medieval Regions and their Cities*. L., 1972.

¹⁴ *Smith A. Dictionary of City of London Street Names*. N.Y., 1970; *Bebbington G. London Street Names*. L., 1972; *Smith S. Underground London. Travels Beneath the City Streets*. L., 2004; *Long D. A History of London in 100 Places*. L., 2014. P. 47—90.

¹⁵ См., напр.: *Wrightson K. English Society 1580—1680*. L., 1982; *Он же. «Разряды людей» в Англии при Тюдорах и Стюартах // Средние века*. 1994. Вып. 57. С. 46—61; *French H.R. The Middle Sort of People in Provincial England 1600—1750*. Oxford, 2007.

¹⁶ *The Oxford Companion to Local and Family History*. P. 281; *Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. М., 2011. С. 183—176. Яркие примеры — уже упоминавшиеся исследования К. Райтсона об английском обществе 1580—1680 гг. и Г. Френча о «среднем классе» в провинциальной Англии XVII—середины XVIII в.

претендующую на самодержавное правление»¹⁷. Ее становление и расцвет связывается с интенсивным процессом обновления методологического арсенала исторической науки, развернувшимся во второй половине XX в., с интеллектуальным движением, направленным на создание аналитической полидисциплинарной истории, претендующей на интерпретацию исторического прошлого в терминах социальности, которые описывают внутреннее состояние общества, его отдельных групп и отношений между ними¹⁸.

На рубеже XX—XXI вв. складывается новая парадигма социальной истории: в науку вошло иное видение предметного поля исторических исследований — как пространства, которое вбирает в себя изучение всего, относящегося «к проявлению социальности человека» и охватывающего разнообразные сферы его практики в их системно-структурной целостности и в фокусе пересечения социальных связей и культурно-исторических традиций¹⁹.

¹⁷ *Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П.* Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 103.

¹⁸ *Fairburn M.* Social History. Problems, Strategies and Methods. L.; N.Y., 1999. P. 1, 15—16; *Репина Л.П.* Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания. Сборник обзоров и рефератов: в 2 ч. / Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. М., 2001. Ч. 1. С. 71; *Она же.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. С. 14—15.

¹⁹ *Ястребицкая А.Л.* Средневековая культура и город в новой исторической науке. С. 19; *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. С. 314. «Социальная история» разрабатывается как на макро-, так и на микроуровне, изучение состояния общества ведется с разных точек зрения: и «сверху» — сквозь призму социальных структур, и «снизу» — через быт, поведение и сознание людей в местных сообществах (см.: *Соколов А.Б.* Введение в современную западную историографию. Ярославль, 2002. С. 37). Ярким представителем направления «новой социальной истории», объединившим макро- и микроуровни в своих исследованиях, является К.Б. МакФарлейн, основатель научной школы по изучению английского дворянства преимущественно XV в. (см.: *McFarlane K.B.* The Nobility of Later Medieval England. Oxford, 1973; а также см.: *Payling S.J.* Social Mobility, Demographic Change, and Landed Society in Late Medieval England // *Economic History Review.* 1992. № XLV. P. 51—73). Работы, относящиеся к «новой социальной истории», исключительно разнообразны по методам (см.: *Fairburn M.* Social History. Problems, Strategies and Methods. P. 2—5, 309—312; *Bryman A.* Social Research Methods. Oxford, 2001. P. 501—506; *Neuman W.L.* Basics of Social Research. Qualitative and Quantitative Approaches. Boston, 2004. P. 354—363; *Wysocki D.K.* Readings in Social Research Methods. Wadsworth, 2004. P. 300—305) и тематике исследований. Это история различных общностей, в том числе, история семьи (см., напр.: *Stone L.* The Family, Sex and Marriage in England 1500—1800. L., 1990) и медицины (см., напр.: *Porter R.* Disease, Medicine and Society in England, 1550—1860. Cambridge, 1993; *Dobson M.* Contours of Death and Disease in Early Modern England. Cambridge, 1997), ландшафтная история (см., напр.: *Maps and History in South-West England* / Ed. by K. Barker and R. Cain. Exeter, 1991) и пр.

При всем многообразии и тематической разноплановости исследований по «новой социальной истории», написанных англоязычными авторами за последние десятилетия, выделим лишь некоторые, имеющие непосредственное отношение к проблематике английского города Средневековья и начала раннего Нового времени. Это, прежде всего, работы по истории Лондона, принадлежащие перу Р. Грэя²⁰, Ф. Шеппарда²¹ и С. Инвуда²², а также ряд исследований об английских средневековых городах и Англии в целом²³, которые являют собой удачные попытки представить картину исторической жизни города во взаимодействии собственно исторических, историко-географических, историко-демографических, социально-политических, социокультурных и экономических факторов.

Авторы обращаются к разработке исследовательских парадигм целостной, «глобальной» истории и к микроанализу как конкретному историческому методу системного изучения локальных социальных идентичностей, производства и репроизводства социального. Главным достижением нового подхода к изучению средневековой городской истории на Западе стало «принципиальное расширение горизонта наших представлений о городе как историческом феномене и одной из форм общественного существования»²⁴ в средневековой Европе.

Важнейшие методологические новации в зарубежных исторических исследованиях не прошли мимо отечественной исторической науки и, в частности, урбанистики. С последней четверти XX в. меняется ракурс

²⁰ Gray R. A History of London. L., 1978.

²¹ Sheppard F. London. A History. Oxford, 1998.

²² Inwood S. A History of London. L., 2000.

²³ См., напр.: Platt C. The English Medieval Town. L.; Toronto; Sydney; N.Y., 1979; Land-er J.R. Government and Community. England 1450—1509. L., 1980; Thomson J.A.F. The Transformation of Medieval England. 1370—1529. N.Y., 1983; Briggs A. A Social History of England from the Romans to Mrs Thatcher. L., 1985; Johnson P. A History of the English People. N.Y.; Cambridge; Philadelphia, 1985; Rowley T. The High Middle Ages. 1200—1550. L.; N.Y., 1986; Fox S. Londoners. L., 1987; Keen M. English Society in the Later Middle Ages. 1348—1500. L., 1990; Archer I.W. The Pursuit of Stability. Social Relations in Elizabethan London. Cambridge; N.Y.; Port Chester; Sydney, 1991; Britnell R.H. The Commercialisation of English Society, 1000—1500. Cambridge, 1993; Patterson C.F. Urban Patronage in Early Modern England. Corporate Boroughs, the Landed Elite, and the Crown, 1580—1640. Stanford, California, 1999; The Fifteenth Century: Revolution and Consumption in Late Medieval England / Ed. by M. Hicks. Woodbridge, 2001; Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. Oxford, 2005; Prestwich M. Plantagenet England, 1225—1360. (New Oxford History of England). Oxford, 2005; Williams G.A. Medieval London. From Commune to Capital. N.Y., 2007; Fourteenth Century England / Ed. by J.S. Hamilton. Woodbridge, 2014.

²⁴ Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. С. 53.

рассмотрения традиционных проблем, наблюдается смещение интересов историков в сторону новых тем²⁵. Среди таковых — социальная идентичность²⁶, различные аспекты проблемы социальной памяти и коллективных представлений²⁷, гендерная история общества²⁸, историческая биография²⁹, политическая история и политическая культура³⁰.

Город, как своеобразный микро- и макромир одновременно, основывающийся на сложной системе специфических взаимосвязей, на диалектическом взаимодействии между индивидами и общностями, материальными условиями и культурными силами, между нормами и реальной практикой³¹; город как целое, как «общественный концентрат» с особой топографией, со значительным гетерогенным (этнически, социально и профессионально) населением, со средоточением товарообмена и товарного производства, институтов власти, культуры, со специфическим образом жизни³², представляет собой идеальный объект для системного исследования и «впервые превратился из сценической площадки, места социально-исторического действия в специальный предмет изучения...»³³. В рамках контекстуального подхода город предстает «как комплексный объект в единстве своих многообразных (хозяйственных, организационных, административно-политических, военно-стратегических и др.) функций и одновременно — как

²⁵ Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 5; Бессмертный Ю.Л. Несколько вводных замечаний // Историк в поиске: Микро- и макроподходы к изучению прошлого / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1999. С. 7; Хачатурян Н.А. Запретный плод... или новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе: Явление. Модель. Среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.:СПб., 2001. Вып. 1. С. 7.

²⁶ См., напр.: Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007.

²⁷ См., напр.: Человек XV столетия: грани идентичности / Под ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2007; Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008; Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010.

²⁸ См., напр.: Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001—2014. № 1—22; Гендер и общество в истории / Под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой, А.Г. Суприянович. СПб., 2007.

²⁹ См., напр.: История через личность. Историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005.

³⁰ См., напр.: Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008; Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время: монография / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 2011.

³¹ Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. С. 13.

³² Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы. С. 9.

³³ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 23.

элемент включающей его целостности, как пространственное воплощение ее социальных связей и культурной специфики»³⁴.

Вместе с тем, как заметила А.Л. Ястребицкая, «новые подходы и направления изучения истории европейского города, накопленный материал <...> не стали еще предметом специального критического осмысления и обобщения ни в зарубежной, ни в отечественной науке»³⁵. Поэтому актуальной представляется задача разработки сравнительной истории европейского города, исходящей из этого целостного представления и одновременно раскрывающей широкие взаимосвязи разнообразных факторов, определяющих многообразие локальных форм и конкретно-историческое своеобразие «городских индивидуальностей»³⁶.

Исследование о Лондоне XIV—XVI вв., его деловых людях может стать определенным вкладом в решение этой непростой, но столь востребованной задачи.

Изучение деловых людей Лондона, в разных аспектах, под различными углами зрения, имеет определенную историографическую традицию. Прежде всего, большое внимание исследователи уделяют социально-политической и институциональной характеристике данной общности в контексте проблемы городского патрициата/городской элиты. Известно, что для английских городов в научных штудиях конца XIX—60-х гг. XX в. либо ставилось под сомнение наличие городского патрициата в таком виде, как в городах континентальной Европы, либо утверждалось, что он не играл значительной роли в жизни торгово-ремесленных центров Англии³⁷.

Многие британские исследователи в работах 70—90-х гг. XX в., признавая дискуссионный характер проблемы городского патрициата в Англии, связывали ее разрешение с дальнейшим изучением городской

³⁴ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. С. 25—26. Подробнее см.: Ястребицкая А.Л. Европейский город (Средние века — раннее Новое время). Введение в современную урбанистику. М., 1993; Репина Л.П. Город, общество, цивилизация: историческая урбанистика в поисках синтеза // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 32—38.

³⁵ Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. С. 17.

³⁶ Там же. С. 54.

³⁷ Gross Ch. The Guild Merchant. A Contribution to British Municipal History: in 2 vols. Oxford, 1890. Vol. 1. P. 106, 108, 110, 112—114; Кеннингем У. Рост английской торговли и промышленности в Средние века. М., 1903. С. 290—294; Colby Ch. W. The Growth of Oligarchy in English Towns // The English Historical Review. 1890. № 20. P. 639—642, 648—651; Green A.K. Town Life in the Fifteenth Century: in 2 vols. L., 1907. Vol. 1. P. 35—124; Vol. 2. P. 266—268; Hibbert A.B. The Origins of Medieval Town Patriciate // The Past and Present. 1953. № 3. P. 15—27; Jacob E.F. The Fifteenth Century. 1399—1485. Oxford, 1961. P. 365—367, 387—390, 395.

социальной структуры, как на локальном уровне, так и в русле компаративной истории³⁸.

Целый ряд исследований посвящен проблеме лондонского управления и характеристике правящей верхушки английской столицы XIII—XVI вв.³⁹

В целом можем отметить, что современная англо-американская историография признает наличие «богатейшей правящей группы» в английском средневековом городе, в том числе в Лондоне XIII—XVI вв. Обращает на себя внимание постепенный отказ от применения термина «патрициат» для обозначения данной общности в пользу другого — «элита» — при фактической идентичности их содержания. Х. Суонсон, в частности, прямо пишет о том, что «правящая элита и есть патрициат английских городов»⁴⁰. Признается, что за терминами «патрициат» и «элита» скрывается, по сути, одинаковый набор характеристик: участие в торговых и финансовых операциях, приносящих весьма значительные доходы и богатства; вложение инвестиций в земельные владения; монополизация и зачастую наследственная передача высших должностей в муниципальном управлении; теснейшие внутриклановые связи — деловые, родственные и дружеские, способствующие укреплению и возвышению данного слоя; элементы аноблирования: стремление породниться с дворянством, иметь гербы и семейные часовни наподобие дворянских, желание подражать дворянам в поведении и частной жизни.

Уточнению социального облика купеческой и правящей элиты города во многом способствовали работы, написанные в русле «новой социальной истории» и посвященные проблеме миграций, социальной мобиль-

³⁸ См., напр.: *Reynolds S.* An Introduction to the History of English Medieval Towns. Oxford, 1977. P. 67—68; *Miller E.* English Town Patricians, c. 1200—1350 // *Gerarchie Economiche e Gerarchie Sociali secoli XII—XVII* / A cura di A. Guarducci. Serie II.12. Firenze, 1990. P. 217; *Hilton R.* Status and Class in the Medieval Town // *The Church in the Medieval Town* / Ed. by T.R. Slater and G. Rosser. Aldershot, 1998. P. 9—19.

³⁹ *Unwin G.* The Guild and Companies of London. L., 1925; *Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Chicago, 1948; *Mitchell R.J., Leys M.* A History of London Life. L.; N.Y., 1958; *McKisack M.* The Fourteenth Century. 1307—1399. Oxford, 1959. P. 376—382; *Baker T.* Medieval London. N.Y.; Washington, 1970. P. 166; *Hoskins W.G.* The Age of Plunder. King Henry's England, 1500—1547. L., 1976. P. 100—104; *Clark P., Slack P.* English Towns in Transition, 1500—1700. Oxford, 1976. P. 129; *Reynolds S.* An Introduction to the History of English Medieval Towns. P. 78; *Gray R.* A History of London. P. 113; *Platt K.* The English Medieval Town. P. 119, 121—122; *Fox S.* Londoners. P. 94; *Rappaport S.* Worlds Within Worlds: Structures of Life in Sixteenth Century London. Cambridge, 1989. P. 165, 173; *Keen M.* English Society in the Later Middle Ages. 1348—1500. P. 98; *Archer I.W.* The Pursuit of Stability. Social Relations in Elizabethan London. P. 18, 40—49; *Barron C.M.* London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500.

⁴⁰ *Swanson H.* Medieval British Towns. N.Y., 1999. P. 91.

ности и обновления состава городского населения⁴¹. В англо-американской историографии утвердилось мнение о значительной социальной динамике, характерной для Англии позднего Средневековья и раннего Нового времени. Это был феномен общеевропейского значения. Более того, выяснилось, что европейское общество было подвержено этим процессам в большей степени, чем обычно считали, и в силу причин, о которых вообще не подозревали. Они были обусловлены в целом более низкой рождаемостью и продолжительностью жизни в городах, а также эпидемиями⁴². Городские семьи, особенно по мужской линии, в массе исчезали быстро, причем вымирание (часто на протяжении двух—трех поколений) городских линияжей хорошо прослеживается не только в крупных центрах, но и в провинциальных городках⁴³. Тем не менее, необходимо признать, что представление о высокой степени социальной мобильности, характерной для английского и, в частности, лондонского общества XIV—XVI столетий, необходимо подкрепить конкретно-историческими исследованиями, представить реальную, возможно, детализированную картину взаимоотношений различных социальных групп и общностей.

В отечественной историографии изучение английского города и проблемы городского патрициата имеет устойчивую традицию еще с середины прошлого века. Ряд авторов⁴⁴ признает олигархический ха-

⁴¹ *Platt K.* The English Medieval Town. P. 124—125; *Reynolds S.* An Introduction to the History of English Medieval Towns. P. 129, 163; *O'Connor S.* Adam Fraunceys and John Pyel: Perceptions of Status Among Merchants in Fourteenth-Century London // Trade, Devotion and Governance. Papers in Later Medieval History / Ed. by D.J. Clayton, R.G. Davies, P. McNiven. Stroud, 1994. P. 17—18; *Keen M.* English Society in the Later Middle Ages. 1348—1500. P. 127; *Miller E.* English Town Patricians, c. 1200—1350. P. 222—223, 236—240.

⁴² См., напр.: *Cantor N.F.* In the Wake of the Plague: The Black Death and the World it Made. N.Y., 2002.

⁴³ *Ястребицкая А.Л.* Средневековая культура и город в новой исторической науке. С. 152.

⁴⁴ *Левицкий Я.А.* Английский средневековый город. Лекция 2: Формирование и развитие городов в Англии // *Левицкий Я.А.* Город и феодализм в Англии. М., 1987. С. 270; *Гутнова Е.В.* Городское представительство в английском парламенте конца XIII—начала XIV века // Средние века. 1953. Вып. 4. С. 103—123; *Она же.* Города и сословные собрания // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т. 4: Extra muros: город, общество, государство. С. 29—45; *Кириллова А.А.* К вопросу об образовании городского патрициата в английских городах XIV—XV вв. // Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XIII—XVII вв. М., 1960. С. 30—48; *Она же.* Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в. // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1969. Вып. 321: Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV—XV вв. С. 3—253; *Мосолкина Т.В.* Город Бристоль в XIV—XV вв. Экономика, общественные отношения, социальная психология; *Евсеев В.А.* Очерки по истории английского города раннего нового времени. Гл. II.

ракетер городского самоуправления Лондона и других английских городов (Ковентри, Линкольне, Линне, Честере и пр.) уже с XIII в., поскольку выборы мэра проводились узким кругом наиболее зажиточных и почтенных бюргеров, выделявшихся богатством, связанных с ведущими отраслями торговли или производства, владевших домами и лавками, получавших дворянское звание, роднившихся с семьями английских дворян. В исследованиях отмечается, что высокий имущественный ценз и определенные социальные ограничения при избрании на высшие административные должности способствовали превращению городской верхушки в относительно замкнутую группу.

Иное мнение высказала Л.П. Репина, поставившая под сомнение правомерность применения самого термина «патрициат» в приложении к реалиям английских городов⁴⁵ и полагавшая, что выделившаяся внутри городского сословия высшая группа, состоявшая из представителей крупнейшего купечества, заняла прочные позиции в городском управлении и парламентском представительстве, имела значительные земельные владения, родственные связи с дворянством. Данной купеческой верхушке был присущ ряд признаков, характерных для патрициата континентальных городов. Однако, считает автор, некоторые специфические особенности данного слоя горожан в Англии (мобильность высшей группы горожан и их стремление, накопив в городе богатства, вернуться в сельскую округу уже в качестве представителей титулованного дворянства; отсутствие фиксации права наследственной передачи статуса; наличие в составе *potentiores* и *meliiores* в начале XIV в. ремесленников и мелких розничных торговцев) не укладываются в устоявшийся в исторической литературе смысл термина «патрициат»⁴⁶.

Не вдаваясь глубоко в подробности дискуссии, которая, как представляется, сегодня уже не столь актуальна, обратим внимание лишь на некоторые моменты. Представляется вполне естественным, что некоторые состоятельные и влиятельные лондонские купцы, входившие в состав городских официалов, в условиях широкого развития товарного

⁴⁵ Репина Л.П. Городское сословие в английском парламенте XIV в. // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1978. Вып. 4. С. 60—73; Она же. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979; Она же. *Potentiores* и *meliiores* Лондона в начале XIV в. // Средние века. 1981. Вып. 44. С. 225—228; Она же. Городское сословие средневековой Англии: основные проблемы и этапы истории // Проблемы Британской истории. М., 1984. С. 158—172; Она же. Лондонские землевладельцы в начале XV века (по данным налогового списка 1412 г.) // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987. С. 199—219; Она же. Английский средневековый город // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 1. С. 92—106.

⁴⁶ Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. С. 80—81.

производства и обращения, рыночной конкуренции теряли часть своих средств, опускались вниз по социальной лестнице и отстранялись от власти. В то же время другие купеческие фамилии, используя благоприятную для них рыночную конъюнктуру и собственные предпринимательские навыки, быстро богатели, добивались власти и пополняли состав правящей элиты. Следует принять во внимание и замечание К. Платта о том, что распространенной практикой для старшей линии процветающих лондонских фамилий была миграция в графства, но в столице оставалась младшая ветвь — сыновья занимали место отцов⁴⁷.

Неустойчивость и мобильность социальной структуры средневекового города, не только английского, но немецкого и итальянского, объясняется и еще одним фактором, на который обратила внимание Т.В. Мосолкина: наследственные фамилии медленно приживались среди горожан, и даже использование фамилии двумя поколениями не могло помешать представителям третьего изменить ее. Поэтому исчезновение фамилии еще не означало вымирания семьи или выбывания из рядов торгово-предпринимательского сословия в связи с разорением. Может быть, просто была изменена фамилия, но даже при такой неустойчивости наследственных фамилий представители некоторых семей встречаются среди высших должностных лиц города на протяжении 100 лет и более⁴⁸.

Необходимо напомнить также о высоком уровне смертности в средневековых городах, когда естественная убыль населения не покрывалась за счет рождаемости, а требовала притока новых сил извне.

Что касается фиксации прав и привилегий представителей городской правящей элиты/патрициев. Видимо, речь должна идти не о формальных признаках патрициата, а о фактических, реально отграничивавших представителей этой социальной группы от всех прочих категорий городского населения.

В целом, проблему деловых людей Лондона, включая представителей правящей городской элиты, эпохи Средневековья и начала раннего Нового времени нельзя считать абсолютно неисследованной. Хотя надо признать, что многие её аспекты требуют либо дополнительного изучения и уточнения, как, например, вопрос о критериях, факторах социальной идентичности городской правящей элиты, экономических основах возникновения и эволюции этой общности; либо специального исследования с учетом тематики и перспектив «новой социальной истории»: проблемы социального и политического взаимодействия, механизмов властвования и реальной практики осуществления властных полномочий, социальных устремлений

⁴⁷ Platt K. The English Medieval Town. P. 121—122.

⁴⁸ Мосолкина Т.В. Город Бристоль в XIV—XV вв. Экономика, общественные отношения, социальная психология. С. 162—163.

и ценностных ориентиров, разнообразных аспектов повседневной жизни. Необходимо также признать, что интерес специалистов сконцентрирован на изучении купеческо-предпринимательских слоев и правящей элиты английских городов, в том числе Лондона, преимущественно XII—XIII вв., в меньшей степени XIV—XV и лишь незначительно XVI столетия.

К изучению заявленной темы привлечен широкий круг разнообразных источников.

Благодаря деятельности архивных обществ Лондон располагает немалым количеством опубликованных материалов, в разной степени имеющих отношение к рассматриваемой проблеме. Вместе с тем, необходимо оговорить, что компактных источников по интересующим нас вопросам не существует: сведения приходится выбирать, за редким исключением, из большого числа разнородных по типу и характеру материалов. Специфика источников заключается и в том, что они, как правило, не содержат информации, позволяющей осуществить полную статистическую обработку. В большинстве своем удается представить статистические выкладки лишь по отдельным аспектам нашей темы.

Из всех городских архивов Британии наиболее полной оказалась публикация архивов именно Лондона, прежде всего, различных «Городских книг», хранившихся вместе с муниципальными документами и городской печатью в помещении магистрата — Гилдхолле. «Книги записей», или «Памятные книги Лондона»⁴⁹, велись в английской столице с 1275 г. Здесь наиболее полно отразилась деятельность городских магистратов, обладавших судебными, административными, исполнительными, а зачастую политическими и законодательными функциями, и действовавших как нотариальные конторы, оформляя купчие, закладные, завещания, дарственные и прочие акты, связанные с движением имущества, проводя по ним расследования и взыскания. «Памятные книги Лондона» содержат материал об этих сторонах жизни и деятельности лондонцев, их занятиях, практике разрешения имущественных споров, структуре и движении их собственности, коммерческих операциях и деловых партнерах, организации рынков и торговых связях в последней четверти XIII—XV вв.

«Описи исков и памятных событий Лондона», или «Свитки»⁵⁰, представляют собой отдельную серию из 102 свитков, сохранившихся в Гилд-

⁴⁹ Calendar of Letter-Books Preserved Among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / Ed. by R. Sharpe. Letter-Book E. A.D. 1312—1337. L., 1903; Letter-Book F. A.D. 1337—1352. L., 1904; Letter-Book G. A.D. 1352—1374. L., 1905; Letter-Book I. A.D. 1400—1422. L., 1909; Letter-Book K. A.D. 1422—1461. L., 1911; Letter-Book L. A.D. 1461—1497. L., 1912.

⁵⁰ Calendar of Plea and Memoranda Rolls (1364—1381) of the City of London / Ed. by A.H. Thomas. Cambridge, 1929; Calendar of Plea and Memoranda Rolls (1413—1437) of the City of London / Ed. by A.H. Thomas. Cambridge, 1943; Calendar of Plea and

холле и относящихся к периоду с 1298 по 1485 гг. Первоначально «Свитки» задумывались как официальный регистр, но уже с 1326 г. записи стали приобретать самый общий характер. В них содержатся постановления городского Совета, записи обычаев Лондона, списки таможенных пошлин, взимавшихся в городе, правила, регулирующие пребывание иностранных купцов и деятельность торговых судов, формулы клятв мэра, олдерменов и других должностных лиц. Помимо дел магистрата здесь же фиксировался и его состав, налоги и городской бюджет, а также сделки с недвижимостью. Большинство документов, включенных в «Свитки», посвящено судебному разбирательству дел, связанных с нарушением условий завещаний лондонцев. Рассматриваются также многочисленные иные имущественные споры, возникавшие в среде горожан. Важно, что в этих случаях дается описание имущества лиц, участвовавших в судебном процессе в качестве оспаривающих то или иное право сторон.

Содержательным, но и своеобразным источником по социально-политической жизни средневекового города является так называемая «Белая книга» Лондона⁵¹ — собрание существовавших городских обычаев и законов, позволяющих проанализировать механизм формирования столичного муниципалитета, роль в этом процессе олдерменов, мэров, шерифов и прочих должностных лиц, а также их функциональные обязанности и сферу полномочий. Важно, что в этом издании содержатся действительно полные публикации, а не изложение основного смысла источников, что не является редкостью в англо-американских изданиях. Появление «Белой книги» исследователи относят примерно к 1419 г. Ее главным автором-составителем является городской клерк — Джон Карпентер⁵².

Немало ценных материалов содержит двухтомное издание «Олдермены Лондона со времен Генриха III до 1912 г.», опубликованное А. Би-

Memoranda Rolls (1437—1457) of the City of London / Ed. by Ph.E. Jones. Cambridge, 1954; Calendar of Plea and Memoranda Rolls (1458—1482) of the City of London / Ed. by Ph.E. Jones. Cambridge, 1961.

⁵¹ Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn // Munimenta Gildhallae Londoniensis / Ed. by Th. Riley. L., 1859—1862. Vol. 1. Part 1—2.

⁵² Джон Карпентер был поистине примечательной личностью. Известно, что родился он, скорее всего, в конце правления Эдуарда III, получил юридическое образование, поступил на службу в Лондонский Сити, и в апреле 1417 г. был избран городским клерком. В 1436 и 1439 гг. Карпентер представлял Сити на парламентских сессиях. Судя по завещанию, он владел лавками и другими строениями в Лондоне, которые оставил на нужды образования. Именно благодаря завещанному Карпентером имуществу в последней четверти XV в. была основана Лондонская школа Сити, существующая и поныне. Труд клерка был по достоинству оценен: 13 февраля 1429 г. мэр Лондона Уильям Эстфелд от лица «всей Общины Лондона» назначил Джону пожизненную ежегодную ренту в 10 ф. (см.: Letter-Book K (1422—1461). P. 108).

венном в 1908—1913 гг.⁵³ По самым разным архивным документам автор сумел составить практически полные погодные списки лондонских олдерменов с 1220 по 1912 г., о некоторых из представителей столичной правящей верхушки собрал свидетельства биографического, имущественного, социального, а отчасти и политического характера. Благодаря этой публикации, материалы которой могут быть подвергнуты статистической обработке, появилась во многом уникальная возможность в хронологической последовательности восстановить имена олдерменов, выяснить, какие должности и в какое время они занимали в органах городского самоуправления, каков был их имущественный и социальный статус. Приводимые А. Бивеном сведения позволяют проследить семейно-родственные связи представителей некоторых олдерменских фамилий, в отдельных случаях выявить социальное и географическое происхождение олдерменов, их взаимоотношения с английским дворянством и королевской властью.

Не менее важный материал, извлеченный из архивов, опубликован в качестве «Приложений» в книге о купечестве американской исследовательницы С. Трапп⁵⁴.

По характеру содержащихся сведений к перечисленным публикациям примыкает материал, собранный и изданный Дж. Рилом в 1975 г.⁵⁵

Эти данные дополняют архивные сведения, опубликованные в исследовании Дж. Уиллана о Московской компании 1555 г.⁵⁶ В «Приложение» к работе он включил самую разнообразную информацию о купцах Московской компании, среди которых представлены и олдермены Лондона.

Неоценимые по важности данные о территориально-географическом происхождении лондонских купцов, в том числе олдерменов, позволяющие проследить, из каких графств пополнялся состав деловой среды английской столицы XIV—XVI вв., содержатся в публикации архивных материалов в работе Э. Эквелла⁵⁷.

Высокой степенью информативности обладают такие документальные источники, как завещания⁵⁸. «Завещания лондонских купцов и мастеров»

⁵³ *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London: in 2 vols. L., 1908. Vol. 1. P. 1—489; 1913. Vol. 2. P. 1—486.

⁵⁴ *Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendixes. P. 321—369.

⁵⁵ *Reel J.V.* Index to Biographies of Englishmen, 1000—1485, Found in Dissertations and Theses. L., 1975. P. 431—689.

⁵⁶ *Willan J.S.* The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953. Appendix. P. 75—130.

⁵⁷ *Ekwall E.* Studies on the Population of Medieval London. Stockholm, 1956. Appendix. P. 1—316.

⁵⁸ Их ценность на английском материале в свое время показала А.А. Кириллова (см.: *Кириллова А.А.* Завещание как источник по истории средневекового английского города XIV—XV вв. // Из истории западноевропейского Средневековья. М., 1972.

были опубликованы Р. Шарпом в 1889 г. и охватывают период с середины XIII до конца XVII в.⁵⁹ Из огромного количества завещаний, имеющих в сборниках публикаций Р. Шарпа, нами были отобраны и проанализированы только те, что составлены лондонскими олдерменами и их ближайшими родственниками на протяжении XIV—XVI вв. Таких завещаний оказалось 221, из которых 73 относятся к XIV в., 116 — к XV и 32 — к XVI вв.

Завещания лондонцев, как правило, составлены по единой формуле: они начинаются с имени завещателя и указания его профессиональной принадлежности. Затем следуют распоряжения о похоронах, на проведение которых выделяются некоторые средства. Вслед за этим обычно идет перечисление пожертвований различным церквям, монастырям и монашеским орденам: каждый купец считал своим долгом позаботиться о благосостоянии церковных учреждений или священнослужителей. В любом завещании важное место занимает часть, посвященная бедным и благотворительности, что связано с религиозно-нравственными нормами того времени, со стремлением завещателя доказать свою добропорядочность. Но главной целью завещаний все же является обеспечение семьи и близких, которые выступают в качестве наследников лондонских купцов. Эта часть текста завещаний позволяет характеризовать родственные связи и отношения завещателя с получателями наследства. Завещания содержат любопытные сведения об имуществе купцов, о структуре их собственности. Безусловно важны содержащиеся в завещаниях сведения о торговой и кредитной деятельности представителей деловых людей Лондона, в том числе олдерменов. На этот счет имеется богатая информация, позволяющая оценить величину денежных средств, находящихся в обороте, иногда — сопоставить ее с инвестициями в недвижимость, в ряде случаев определить масштабы и широту деловых связей лондонцев. Кроме того, завещания содержат много данных, позволяющих судить об образе жизни, быте влиятельных горожан XIV—XVI вв., их одежде, жилище, мебели, утвари, украшениях и пр.

В 1993 г. усилиями С.Дж. О'Коннора были опубликованы материалы, имеющие отношение к двум богатейшим представителям лондонского купечества — Адаму Фрэнси и Джону Пайелу, купцам и олдерменам XIV в.⁶⁰ Это картулярии — сборники актов и грамот, касающихся, главным образом, владельческих прав этих олдерменов и членов их се-

С. 21—43), а применительно к истории немецкого города — Т.С. Никулина (см.: Никулина Т.С. Бюргерские завещания как источник по социально-культурной истории средневекового города (на материалах Любека) // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1991. Вып. 10. С. 138—148).

⁵⁹ Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London. A.D. 1258—1688: in 2 vols. / Ed. by R. Sharpe. L., 1889.

⁶⁰ Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / Ed. by S.J. O'Connor. "Camden Fifth Series". L., 1993. Vol. 2.

мей на земли, находившиеся в столице и в графствах Англии. При этом основной земельный комплекс Адама Фрэнси располагался (помимо Лондона) преимущественно в Эссексе и Миддлсексе, Джона Пайела — в Нортхемптоншире. Необходимо подчеркнуть, что данные источники еще не введены в научный оборот отечественными исследователями, а британские авторы делают лишь первые шаги в этом направлении⁶¹.

Применительно к истории Лондона (как и английского города в целом) и истории семей отдельных лондонских горожан эпохи Средневековья обнаружение такого рода источников, в силу относительно низкой сохранности архивных материалов из-за частых пожаров, — большая удача для исследователей. Хотя, по признанию С. О'Коннора, картулярии были весьма популярны среди богатых горожан, стремившихся приобрести земли и повысить свой социальный статус. Цель создания таких сборников состояла в том, чтобы собрать воедино копии важнейших документов о владельческих правах, поскольку их оригиналы в нужный момент могли оказаться недоступными по разным причинам: привлечения в судебных разбирательствах, порчи или утраты⁶².

Рукопись картулярия Адама Фрэнси была обнаружена в архиве Роберта Сесила, первого герцога Солсбери в начале XVII в.⁶³ По всей видимости, она перешла к этой фамилии вместе с манором Эдмонтон (в Миддлсексе), который был конфискован короной после известных событий 1485 г., а в конце XVI в. приобретен Уильямом Сесилом, лордом Берли. Создание картулярия было начато в 1362 г., когда Адам Фрэнси приобрел манор Эдмонтон, а завершено в 1369 г. Манускрипт состоит из 112 пергаменных свитков, написанных на латинском и французском языках, содержит 1286 актов и грамот периода 1285—1369 гг.⁶⁴ Картуля-

⁶¹ *Barron C.M.* London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. По справедливому замечанию С.М. Стама, подготовившего к публикации на русском языке один из редких комплексных памятников истории средневекового города (см.: *Картулярий Тулузского консулата (XII—XIII века)* / Пер. с лат. Л.М. Лукьяновой. Вступ. ст., ред., прим. С.М. Стама. Саратов, 1998): «городские картулярии — явление не частое. Даже в наиболее значительных городах средневековой Западной Европы подобные сборники актов появляются, как правило, не ранее конца XIII века и становятся устойчивым явлением только в XIV и XV веках» // *Стам С.М.* Окно в мир средневекового города // *Картулярий Тулузского консулата (XII—XIII века)*. С. 17.

⁶² *O'Connor S.J.* The Cartularies: the Cartulary Tradition // *Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys*. P. 75, 77.

⁶³ Этот архив не представляет единого комплекса. Одна его часть хранится в Хэтфилде, другая — в Государственном Архиве Великобритании, третья — в Британской библиотеке, четвертая, самая обширная часть коллекции, находится в архиве Вестминстерского Аббатства.

⁶⁴ В переводе на английский язык все они опубликованы Стивом О'Коннором, см.: *Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys* // *Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys*. P. 193—433.

рий имеет четкую структуру, содержащиеся в нем документы сгруппированы по хронологическому и топографическому (с описанием владений в конкретных манорах) принципам.

Рукопись картулярия Джона Пайела с 1684 г. является частью обширной коллекции манускриптов College of Arms и представляет собой 120 бу-мажных свитков, содержащих 255 актов и грамот за период 1348—1369 гг., написанных на латыни и французском языке⁶⁵. Первые 17 свитков касаются собственности в Лондоне, приобретенной Джоном Пайелом совместно с Адамом Фрэнси; остальные связаны с владениями Пайела в Нортхемптонне. В отличие от картулярия Адама Фрэнси этот памятник полностью не систематизирован. Содержащийся в нем материал сгруппирован только хронологически, в остальном же его структура довольно хаотична.

Во многих отношениях оба картулярия уникальны. Прежде всего, ценно то, что они позволяют выявить структуру и масштабы земельных комплексов двух лондонских олддерменов, имена и статус их деловых партнеров и, что особенно важно, детализируют представления о способах приобретения, а иногда и методах использования земель могущественными лондонцами XIV в. Кроме того, картулярии предоставляют редкую возможность воссоздать и сопоставить социальные портреты и историю жизни двух лондонских современников, теснейшим образом связанных друг с другом деловыми узами, а также реконструировать этапы их карьерного роста и социальные устремления.

Некоторые сведения о семействе Фрэнси удалось обнаружить в публикации архивных материалов Йоркского собора, осуществленной в 1993 г. Н.Дж. Трингэмом. Это, прежде всего, грамоты, фиксирующие сделки с недвижимостью между клириками и горожанами, в числе которых нами обнаружены шесть представителей фамилии Фрэнси: в 1274—1395 гг. они владели в Йорке и его предместьях землями, усадьбами и разнообразными строениями⁶⁶.

Дополнительную информацию о деятельности Джона Пайела и Адама Фрэнси, как и о компании торговцев предметами роскоши в целом, позволяют извлечь деловые книги этой ливрейной компании Лондона в интересующий нас период⁶⁷.

Некоторые чрезвычайно полезные для нас сведения содержатся в королевских хартиях, законодательных актах и правительственных рас-

⁶⁵ Все они также в переводе на английский язык представлены в публикации С. О'Коннора. См.: Calendar of the Cartulary of John Pyel // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 101—192.

⁶⁶ Charters of the Vicars Choral of York Minster: City of York and Its Suburbs to 1546 / Ed. by N.J. Fringham. "Record Series". Leeds, 1993. Vol. 148. P. 9, 27, 138, 141, 195—198, 259.

⁶⁷ The Medieval Account Books of the Mercers of London: in 2 vols. / An ed. and transl. by L. Jefferson. Padstow, 2009. Vol. 1.

поряжениях. Прежде всего, необходимо отметить изданный в 1810 г. в Лондоне свод статутов парламента, включающий обширный законодательный материал в области финансов, торговли, суда, администрации, военной службы и т.д.⁶⁸. По содержанию к данному источнику примыкают ранние Тюдоровские прокламации⁶⁹.

Хартии, пожалованные Лондону королевской властью на протяжении XIV—XVI вв.⁷⁰, позволяют проследить расширение прав и полномочий городской общины в сфере финансов, налогообложения, администрации и самоуправления в целом; выявить динамику взаимоотношений города и монархии, а также характер и специфику политики короны в отношении столичного центра Англии.

Интересный материал по разнообразным вопросам, связанным с городской историей, содержит официальная переписка мэров и городского Совета Лондона с муниципальными властями других английских и ряда континентальных городов⁷¹. Послания направлялись после судебных разбирательств о долговых обязательствах, нарушениях контрактов для урегулирования отношений между отдельными купцами или же группами купцов. «Письма» позволяют определить районы и сферы проникновения столичного купеческого капитала, степень влияние лондонских купцов, масштабы их деятельности. Немаловажно, что «Письма» дают возможность оценить политику лондонской мэрии и магистрата в отношении торгово-кредитной деятельности столичного купечества, в том числе олдерменов, за период 1350—1370 гг.

Полезную информацию по разным интересующим нас аспектам жизнедеятельности деловых людей Лондона можно извлечь из источников личного происхождения. В данном случае это относящаяся ко второй половине XV в. семейная переписка Сели — лондонских купцов, входивших в состав компании стапельщиков Кале⁷². Данный комплекс документов состоит преимущественно из писем членов семейного объединения (большинство принадлежит перу Ричарда-ст., отца семейства) и их корреспондентов из числа лиц, теснейшим образом связанных с этой семьей.

⁶⁸ Statutes of the Realm: in 12 vols. L., 1810. Vol. 1—2, 4.

⁶⁹ Tudor Royal Proclamation. Vol. 1. The Early Tudors (1485—1553) / Ed. by P.L. Hughes and J.F. Larkin. New Haven; L., 1964.

⁷⁰ The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / Ed. by W.G. Birch. L., 1887. P. 1—131; British Borough Charters, 1042—1216 / Ed. by A. Ballard. Cambridge, 1913; Select Charters and Other Illustrations of English Constitutional History from the Earliest Times to the Reign of Edward the First / Ed. by W. Stubbs. Oxford, 1929; British Borough Charters, 1307—1660 / Ed. by M. Weinbaum. Cambridge, 1943.

⁷¹ Calendar of Letters From the Mayors and Corporation of the City of London. A.D. 1350—1370 / Ed. by R. Sharpe. L., 1885.

⁷² The Cely Letters, 1472—1488 / Ed. by A. Hanham. Oxford, 1975.

Как замечает М.М. Яброва, подготовившая публикацию на русском языке значительной части данного источника, эти письма весьма неординарны как по содержанию, так и по их количеству — 247 писем⁷³. Их тщательный анализ может дать представление не только об основных направлениях торговли, ее объеме, финансовых операциях, внешних связях семейного объединения, но и позволяет выявить особенности повседневной жизни, внутрисемейных и дружеских отношений⁷⁴.

Анализ семейной переписки Сели позволяет предположить, что начало складывания такого вида источников, как частная переписка, в Англии может быть отнесено к XV в. В письмах семейной компании Сели есть ряд черт, благодаря которым их можно отнести к данному виду источников, но присутствует и ряд особенностей, характерных, скорее, для официальных документов⁷⁵.

⁷³ Яброва М.М. Введение // Купцы-складчики Кале. Деловая переписка семейной компании Сели (XV в) / Пер. со староангл., прим. и вступ. ст. М.М. Ябровой. Саратов, 1998. С. 10, 18.

⁷⁴ Там же. С. 11. Вопрос об общей видовой специфике эпистолярных комплексов XV в., применительно к семейным эпистолярным комплексам джентри XV в., исследован Е.Д. Браун (см.: Браун Е.Д. Особенности семейных архивов и частной переписки в Англии XV в. (на материалах семейных архивов Пастронов, Стоноров и Пламптонов) // Делопроизводство: Информационно-практический журнал. М., 2001. № 1. С. 69—72).

⁷⁵ Прежде всего, следует упомянуть о том, что дошедшие до нас письма еще не могут быть названы частной перепиской в полном смысле этого слова, поскольку они не обладают всеми отличительными особенностями данного вида источников. В современном российском источниковедении существует мнение о том, что источники личного происхождения как особый тип сформировались в Европе в XVI—XVII вв. (см.: Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцев М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. М., 1998. С. 319). Ряд черт сближает письма Сели с официальными документами. В данный период письма, за редким исключением, писали не просто из желания общения; поводом для написания письма была необходимость сообщить корреспонденту информацию, имеющую существенное значение для автора письма или его адресата, либо для них обоих. Основными темами писем Сели были перипетии, связанные с торговлей, финансовыми операциями, хозяйственными вопросами, брачными отношениями или политическими катаклизмами. Корреспонденты, как правило, выделяют те вопросы, которые, по их мнению, заслуживают особого внимания. Необходимо также подчеркнуть, что сведения, предоставляемые перепиской, по достоверности зачастую превосходят документальный материал. Не случайно, когда после смерти Ричарда-ст. между братьями Сели началась тяжба из-за наследства, именно данная переписка явилась основным документом для юристов и тяжущихся сторон (см.: Яброва М.М. Введение // Купцы-складчики Кале. С. 11). С другой стороны, письма Сели отличаются ряд черт, присущих частной переписке. То обстоятельство, что они писали письма, как правило, по существенным поводам, не мешало им добавить к основному содержанию письма личную информацию. В письмах Сели встречаются упоминания о состоянии здоровья корреспондентов, их опасениях, надеждах, переживаниях и т.д. От официальных

Специфика эпистолярного наследия Сели позволяет предложить следующий подход к этим источникам. Переписка семейного объединения купцов Сели может рассматриваться как своего рода автопортрет элитарного купечества. Как уже было сказано выше, в своих письмах Сели и их корреспонденты сообщали друг другу лишь ту информацию, те сведения и оценки, которые они сами были готовы обнародовать. Мы имеем дело с дошедшим до нас в текстовом выражении представлением социальной группы о самой себе и современном ей обществе.

Еще одним очень интересным и содержательным нарративным источником являются опубликованные в 1962 г. Дж. Рэмси деловые книги лондонского купца Джона Ишема⁷⁶. Они предоставляют возможность охарактеризовать структуру и специфику торговли купцов елизаветинской эпохи, входивших в состав компании купцов-авантюристов. Первая книга охватывает период с января 1558 г. до июля 1571 г.⁷⁷; вторая — с июля 1571 г. до мая 1580 г.⁷⁸ В качестве «Приложений» здесь помещены «Опись имущества Грегори Ишема, 1558 г.»⁷⁹ и «Жизнеописание Джона Ишема»⁸⁰, составленное либо непосредственно его сыном Томасом, либо по распоряжению последнего. Обе книги написаны на английском языке XVI—начала XVII в. с вкраплением французских и латинских слов.

Для воссоздания политических событий общенационального масштаба, к которым непосредственное отношение имели деловые люди, среди которых — олдермены, был привлечен ряд наиболее известных лондонских хроник, содержащих материалы, относящиеся к XIV—XV вв.⁸¹ Эти источники

документов эти письма отличает также их стиль. Практически он представляет собой зафиксированную на бумаге устную речь, со всеми ее повторами и междометиями. Необходимо также отметить, что Сели, как правило, не утруждали себя изложением известных им деталей, поэтому их письма изобилуют намеками и недомолвками. Следует указать также на ту особенность писем Сели, которая значительно увеличивает ценность указанных источников, — они сами и их корреспонденты зачастую не скрывали своего отношения к событиям, о которых упоминали. Оценочный момент в этом эпистолярном комплексе выражен достаточно ярко, но о полной откровенности в данном случае речь идти все же не может.

⁷⁶ *Isham John*. John Isham, Mercer and Merchant Adventurer: Two Account Books of a London Merchant in the Reign of Elizabeth I / Ed. by G.D. Ramsey. Gateshead, 1962.

⁷⁷ *The First Account Book of John Isham // Isham John*. John Isham, Mercer and Merchant Adventurer: Two Account Books of a London Merchant in the Reign of Elizabeth I. P. 1—124.

⁷⁸ *The Second Account Book of John Isham // Ibid*. P. 125—153.

⁷⁹ *The Inventory of Gregory Isham, 1558 (Appendix I) // Ibid*. P. 155—166.

⁸⁰ *The Life of John Isham (Appendix II) // Ibid*. P. 167—174.

⁸¹ *William Gregory's Chronicle of London // The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century / Ed. by J. Gairdner*. Westminster, 1876. P. 55—240; *Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II. (Roll Series. № 76)*. L., 1882. Vol. 1.; *Chronicles of London / Ed. with introd. and notes by C.L. Kingsford*. Glous., 1977.

предоставляют обширный, прежде всего, фактический материал, позволяющий воссоздать реалии социально-политической жизни Лондона, участниками которых были интересующие нас персонажи. Эти сведения важны как для воссоздания событий, имевших место непосредственно в столице, где позиции олдерменов, их политические симпатии проявлялись особо выпукло и наглядно, так и для характеристики взаимоотношений представителей правящей элиты Лондона и королевской власти на разных этапах политической истории Англии. Исключительно ценным является то, что хроники «оживляют» историю, наполняя ее персоналиями, помогают приблизить эпоху, отделенную от нас несколькими веками. В результате многие купцы-олдермены, имена которых упоминаются в хрониках, воспринимаются не только как абстрактные представители правящей верхушки, но и как реально действующие люди, со своими интересами, симпатиями и страстями, что помогает лучше понять мотивацию тех или иных их поступков.

Разнообразный материал, включающий королевские распоряжения по самым разным вопросам, в том числе, касающимся городов и горожан, фрагменты городских хартий, обычаев и постановлений муниципалитетов, хроник, преимущественно общеанглийских, находится в многотомном издании «Английских исторических документов»⁸², а также в публикации «Документов, иллюстрирующих историю цивилизации средневековой Англии»⁸³.

Для воссоздания социально-хозяйственного облика средневекового Лондона были привлечены его «Описания», относящиеся к XII, XV—XVI вв.⁸⁴

Каждый из используемых нами источников представляет ценность сам по себе, но значительно важнее, что они дополняют друг друга и дают возможность для комплексного исследования. Весь круг источников охватывает довольно длительный период — XIV—XVI вв., что позволяет исследовать общность деловых людей Лондона не только в статике, что, безусловно, важно, но и в динамике, определяя основные тенденции в ее эволюции на протяжении трех столетий.

⁸² English Historical Documents. 1189—1327 / Ed. by H. Rothwell. L., 1975. Vol. 3; English Historical Documents. 1327—1485 / Ed. by A.R. Myers. L., 1969. Vol. 4.

⁸³ Documents Illustrating the History of Civilization in Medieval England (1066—1500) / Ed. by R.T. Davies. N.Y., 1969.

⁸⁴ FitzStephen W. Description of London // London 1066—1914: Literary Sources and Documents / Ed. and with introd. by X. Baron. Mountfield, 1997. Vol. 1: Medieval, Tudor, Stuart and Georgian London. 1066—1800. P. 53—60 (характеристику этому источнику дала Н.А. Богодарова, осуществившая также перевод на русский язык значительной его части. См.: Фиц-Стефен У. Описание благороднейшего города Лондона / Пер. и коммент. Н.А. Богодаровой // Городская жизнь в средневековой Европе. С. 147—156); Mancini Dominic. From The Usurpation of Richard the Third: Concerning the Situation of the Town of London // London 1066—1914: Literary Sources and Documents. P. 77—79; Thomas Platter's Travels in England // Ibid. P. 188—197.

Глава I
Лондон:
от римского муниципия
к городу
раннего Нового
времени

Крупнейший город современной Англии — Лондон — имеет длительную историю, насчитывающую около 2000 лет. И чем глубже хронологически залегает исторический пласт, тем сложнее его изучать по причине полного или почти полного отсутствия письменных источников. В такой ситуации неоспоримо важное значение приобретает использование историками и археологами уже на протяжении десятилетий археологических методов. В рамках так называемой «городской археологии» история поселения восстанавливается буквально по крупицам археологических сведений, полученных благодаря новым наработкам в методах исследования. В 1946—1962 гг. Совет по раскопкам римского и средневекового периодов в Лондоне проводил первые столь продолжительные обследования в английской столице. Наибольший интерес представляли остатки римских зданий, но обращалось внимание и на находки более поздних эпох. Практически одновременно, в 50-е гг. XX в., началось изучение средневековой городской топографии, продолжающееся и сегодня. Археология существенно повлияла на изучение городов, наполнив конкретным содержанием их раннюю историю (до 1100 г.) и во многом изменив её восприятие¹.

Принято считать, что Лондон был основан в 43 г. н. э., во время вторжения в Британию римлян во главе с императором Клавдием. Ранний Лондиниум занимал очень маленькую площадь: в XIX в. археологами было установлено, что длина города с востока на запад составляла около 1,6 км, а с севера на юг около 0,8 км². Но, скорее всего, город возник за много лет до отмеченного события. Его истоки обнаруживаются в глубине юго-восточного побережья Англии, на двух холмах высотой примерно 15 м, с плоской вершиной из гравия. Они располагались между тремя небольшими южными притоками Темзы — Флитом, Уолбруком и Хаундзвичем. Исходя из материалов археологических раскопок³, можно предположить, что на месте нынешнего города существо-

¹ Подробнее см.: Анисимова А.А. Средневековая археология в Великобритании // Средние века. 2009. Вып. 70 (3). С. 67—86.

² Perring D. Roman London. L., 1991. P. 1.

³ На месте возникновения центральной части Лондона были найдены металлические предметы (шлемы, щиты) и кости, свидетельствующие о том, что к концу железного века и накануне прихода римлян в долине Темзы совершались какие-то ритуальные обряды. В окрестностях Лондона находились участки обрабатываемой земли — например, на холмах Хитроу, в 20 км к западу от будущего Лондиниума, или на островах у южного берега Темзы. Сельскохозяйственная продукция включала в себя зерновые культуры, овощи, мясо, молоко, шерсть и кожу. Уже в то время Темза была главным торговым путем, связывавшим остров с европейским континентом, и эта ее функция в ходе исторического развития лишь упрочится (см.: Клаут Х. История Лондона / Пер. с фр. Е.Д. Мурашкинцевой. М., 2002. С. 15—16). Впрочем, необходимо отметить, что комплексные археологические раскопки на большей части исторического Лондона еще не проводились.

вали, скорее всего, кельтские поселения. Остатки кельтских свайных построек, найденные археологами в устье притока реки Флит, свидетельствуют о том, что это удобное возвышенное место среди болот на берегу большой реки очень рано привлекло первых поселенцев⁴. Весьма вероятно, что будущий Лондон имел древнекельтское происхождение, а Лондиниум — это лишь видоизмененное на римский лад название “Llyn Din”, которое можно перевести с кельтского приблизительно как «укрепление», «озерная крепость»⁵.

В 55 г. до н. э. Юлий Цезарь высадился в Кенте во главе 10-тыс. войска, однако, после встречи с местными жителями римскому флоту пришлось отступить в Галлию. В следующем году римляне вернулись с более многочисленной армией — около 25 тыс. — и продвинулись вглубь острова, к северу от Темзы. Вожди бриттов покорились и дали согласие выплачивать Риму ежегодную дань. Весной 43 г. н. э. римская армия вновь появилась в Кенте и начала завоевание острова. Легионеры высадились в Ричбороу, на восточном побережье Кента; главной их резиденцией стал Колчестер, в восточной части будущего Эссекса. Между этими пунктами находилась естественная преграда — устье Темзы, где римлянами был выстроен мост, вошедший в историю как Лондонский мост.

Колчестер и другие гавани на побережье оказались удобными плацдармами для захвата низин, но нужны были и другие опорные пункты, позволявшие контролировать внутренние территории и главные реки. Новая провинция должна была иметь столицу: всем требованиям удовлетворяло лишь одно место на берегу Темзы — у крайней границы прилива и морской навигации.

Римляне создали Лондиниум по образу и подобию своих городов⁶. Они начали с того, что построили крепость, рядом с которой возник жи-

⁴ По мнению некоторых ученых, плотность населения в долине Темзы накануне римского завоевания была почти такой же, как в сельской местности эпохи Высокого Средневековья (см., напр.: *Репина Л.П.* Лондон — столица и мегаполис // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы.* Т. 1. С. 341).

⁵ *Inwood S.* A History of London. P. 15. Действительно, место, где возник город, было болотистым. Во время прилива воды Темзы покрывали его целиком, образуя огромное озеро, над которым поднимался невысокий глинистый холм и несколько небольших островов. Последовательные изменения уровня моря привели к образованию серии террас. Расположенные уступами участки и разнообразие почв создали благоприятные условия для земледелия, которым пользовались еще до прихода римлян. На тяжелых и влажных глинистых почвах Лондона произрастали густые леса: деревья служили материалом для строительства и производства угля, необходимого в числе прочих кузнецам. Болота в поймах Темзы и ее притоки изобиловали рыбой, а также могли служить пастбищем (см.: *Клаут Х.* История Лондона. С. 13—14).

⁶ Устройство римлянами своих лагерей и муниципиев на месте бывших кельтских племенных и региональных центров и просто укрепленных пунктов было

лой квартал: уже в 50-е гг. н. э. появилось довольно много деревянных домов, которые вскоре были заменены на каменные. С 90 по 130 гг. здесь проводились крупные общественные работы по строительству форта (который служил, скорее, казармой, чем крепостью, и располагался на пяти гектарах к северо-западу от древней городской зоны) и крепостных стен: камень для них доставляли на баржах из Кента. Поблизости возвели амфитеатр (обнаруженный только в 1988 г.⁷), а также базилику длиной 160 м; на берегу реки построили дворец и несколько общественных бань (при широком распространении частных). На обоих берегах Темзы появились набережные и гавани⁸. С. Инвуд, говоря о римском Лондоне, характеризует этот период как «жизнь в богатстве», подчеркивая обилие каменных домов с крытыми черепицей крышами, мозаичными полами, множеством разнообразной домашней утвари и ювелирных украшений⁹.

Судя по раскопкам, можно предположить, что в то время Лондиниум занимал территорию, по меньшей мере, в 25 гектаров¹⁰. Этому поселению суждено было стать главным опорным пунктом продвигавшейся вперед римской армии. Когда около 200 г. н. э. Британия в административном отношении была разделена на две части, Лондиниум стал центром Верхней Британии (Upper Britain) (Йорк — центром Нижней (Lower) Британии) и получил статус главной столицы¹¹.

Лондиниум превратился и в важный, если не доминирующий, экономический центр новой римской провинции¹². Первое упоминание о Лондоне как о процветающем торговом городе встречается уже у Тацита: к 60-м гг. н. э. он «был славен торговлей и наводнен торговцами»¹³. С этого времени Лондон, римский Лондиниум или Аугуста, куда приходили корабли, груженные людьми и продовольствием, отправляемыми во внутренние районы Британии, стал превращаться в главный порт. Большую роль сыграли и проложенные римлянами дороги,

обычной практикой; впоследствии некоторые из них стали англосаксонскими бургами: сквозь цепь преобразований прошли, в частности, Йорк, Уинчестер, Линкольн, Кентерберн, Глостер, Сомбери, Колчестер, Сент-Олбанс и другие английские города. См.: *Репина Л.П.* Английский средневековый город // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. / Отв. ред. А.А. Сванидзе.* М., 1999. Т. 1. С. 92—93.

⁷ *Клаут Х.* История Лондона. С. 19.

⁸ *Long D.* A History of London in 100 Places. P. 1—16: Roman Londinium.

⁹ *Inwood S.* A History of London. P. 23.

¹⁰ *Клаут Х.* История Лондона. С. 20.

¹¹ *Richardson J.* The Annals of London. A Year-by-year Record of a Thousand Years of History. Berkeley; Los Angeles, 2000. P. 7.

¹² *Sheppard F.* London. A History. P. 28; *Keene D.* London from the Post-Roman Period to 1300 // *The Cambridge Urban History of Britain.* Cambridge, 2000. Vol. 1: 600—1540 / Ed. by D.M. Palliser. P. 187.

¹³ *Gray R.A.* A History of London. P. 34.

которые, как лучи, расходились во все стороны: в Ричбороу и Дувр, в Сент-Олбанс и Честер, в Колчестер, Линкольн, Чичестер, Брэнтфорд, Чисвик¹⁴. Эта система дорог связывала многие отдаленные пункты, обеспечивала если не постоянное, то, по крайней мере, регулярное сообщение между ними. И Лондон занял центральное положение на разветвленной сети дорог, что во многом определило его последующую историю как важнейшего города Британии¹⁵.

Лондон приобрел центральное место в торговле между римской Британией и континентом: сюда везли в основном средиземноморские товары (вино, маслины, оливковое масло, гончарные изделия), а также стекло, изделия из серебра и бронзы из Галлии, Испании и долины Рейна. И хотя Лондон был вовлечен в торговлю со всеми частями Римской империи, некоторая, не последняя по значимости, продукция имела местное происхождение. Соль, зерно, кожи, олово, свинец добывали и обрабатывали непосредственно вдоль побережья Темзы и на прилегающей территории не только для внутреннего потребления, но и на вывоз¹⁶.

Точно определить численность населения Лондиниума невозможно (вполне вероятно, что она достигала 20 тыс. человек¹⁷), но, несомненно, это был самый большой город римской Британии и пятый по величине римский город к северу от Альп¹⁸. Уже тогда сочетание хороших сухопутных дорог и крупной водной артерии — Темзы — сделало Лондон важнейшим торговым центром не только Британии, но и всей Северной Европы.

Между 190 и 210 гг. со стороны суши была возведена каменная стена для защиты города, охватывавшая площадь в 125 гектаров. Это сооружение определило облик Лондона на тысячу лет вперед и стало неотъемлемым элементом его административного устройства вплоть до нынешнего времени. Никаких укреплений вдоль реки не существовало: видимо, достаточной защитой считалась сама Темза с ее плотно застроенными набережными. Стена начиналась от того места, где теперь стоит Тауэр, и тянулась почти до реки Флит, поглотив древний форт: се-

¹⁴ English Historical Documents. 1189—1327. Vol. 3. Preface. P. 8; Inwood S. A History of London. P. 26.

¹⁵ Интересным напоминанием о Лондоне римского времени служит так называемый «Лондонский камень» (London Stone), вделанный в стену церкви св. Суизина на Кэнон-стрит в Сити. Предполагается, что это был римский верстовой столб, аналогичный «Золотому столбу», стоявшему на форуме в Риме, от которого расходились дороги и велся счет расстояниям. Такие пограничные камни стояли вдоль дорог и отмечали расстояние до Сити.

¹⁶ Inwood S. A History of London. P. 25—26.

¹⁷ Baker T. Medieval London. P. 2.

¹⁸ Клаут Х. История Лондона. С. 23.

верная и западная стороны превратились в часть крепостной ограды¹⁹. Скорее всего, она простиралась за пределы жилой зоны и включала в себя огородные земли. В целом длина стены превышала 3 км, а высота — 7 метров. Во время раскопок обнаружили, что снаружи и изнутри римская стена была облицована квадратными плитами, обтесанными и пригнанными очень искусными каменщиками, тогда как внутренняя часть состояла из щебенки, залитой известковым раствором. С внешней стороны шел ров шириной примерно в пять метров и глубиной в один или два метра²⁰. На всем протяжении стену украшали каменные венцы; в ней были пробиты ворота — Ньюгейт (Newgate — Новые ворота) на западе, Олдгейт (Oldgate — Старые ворота) на востоке, Бишопсгейт (Bishopsgate — Епископские ворота) на севере, Крипплгейт (Cripplegate — Хлебные ворота), Даугейт (Dawgate — Ленивые ворота), (Billingsgate — Рыбные ворота).

Этой римской стене, которую подновляли в течение почти тысячи лет, суждено было остаться единственной в истории города. В отличие от многих европейских столиц развитие Лондона не было ограничено строгой городской чертой, здесь отсутствовала (по крайней мере, до XVII в.) сколько-нибудь систематическая градостроительная планировка. Лондон — это «город-созвездие», образовавшийся в результате срастания отдельных городков и деревень (на протяжении веков Лондон «поглотил» около 32 деревень), обязанных своим возникновением Темзе.

В 408 г. римские войска, размещенные в Британии, были вызваны в Галлию для восстановления порядка на рейнской границе и назад уже не вернулись. Провинция была предоставлена самой себе, ее связи с континентом стали быстро свертываться. В этих условиях участились разбойные нападения скоттов и пиктов, населявших, соответственно, Ирландию и Шотландию. На просьбы о помощи слабеющий Рим не отзывался. А с середины V в. началось англосаксонское завоевание Британии, растянувшееся на несколько столетий. К середине VI в. южные, центральные и северо-восточные области острова оказались занятыми племенами англов, саксов, ютов и фризов; кельтское население вытеснялось в труднодоступные части Уэльса, Корнуэлла; множество бриттов переселилось на континент, в Арморик²¹.

Судьба Лондона после ухода римлян порождает множество вопросов. Как замечает А.Г. Глебов, «традиционно принято считать, что эпо-

¹⁹ *Russell J.* London. P. 47; *Keene D.* London From the Post-Roman Period to 1300. P. 187.

²⁰ *Long D.* A History of London in 100 Places. P. 2—5: London Wall.

²¹ По данным археологических раскопок, картина расселения германских народов в Британии была чрезвычайно сложной. См.: *Зверева В.В.* Христианизация Британии в сочинениях Беды Достопочтенного // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 222.

ха раннего Средневековья начинается с устойчивого регресса экономической жизни, который характеризовался упадком производства, сокращением торговли и, как следствие, стагнацией городской жизни. На фоне упадка поздних римских городов вследствие варварских вторжений городская жизнь Европы на время (IV—VII вв.) замирает»²². Ситуация меняется лишь к началу VIII в., когда в Северной и Северо-Западной Европе идет процесс активного возникновения раннегородских центров, характер которых во многом определили потребности аристократии. В результате, вики и эмпории англосаксонской Британии (а также франкской Галлии и Скандинавии того времени) «интерпретируются как королевские и аристократические творения, порты для торговли престижными товарами, пользовавшиеся поддержкой королевской или сеньориальной власти»²³. Однако, как замечает А.Г. Глебов, последние археологические исследования позволяют иначе взглянуть на отдельные моменты обозначенной историко-экономической модели. Во-первых, понятно, что возникновение раннесредневековых вигов и эмпориев Севера и Северо-Запада Европы не было случайным процессом. Во-вторых, очевидно, что степень преэминентности первых городских поселений раннесредневековой Европы с римскими городскими традициями была значительно выше, чем это допускалось ранее. В-третьих, и это очень важно, Европа раннего Средневековья отчасти унаследовала не только «дух» позднеримской городской экономики, но и те социальные силы, которые были его носителями: ремесленников и торговцев. «Именно они, а не аристократы и королевская власть, сохра-

²² Глебов А.Г. Археология и эмпории: некоторые аспекты возникновения городских поселений в Северной и Северо-Западной Европе раннего Средневековья // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. Вып. 1. С. 78. Действительно, после англосаксонского завоевания значительная часть римских городских поселений сильно сократилась в размерах и частично аграризировалась (см.: *The Peopling of Britain. The Shaping of a Human Landscape* / Ed. by P. Slack and R. Ward. Oxford, 2002. P. 146; Глебов А.Г. Некоторые проблемы городского развития Англии в ранний англосаксонский период (VII—IX вв.) // *Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов*. Саратов, 2002. Вып. 15. С. 16). Я.А. Левицкий даже писал в свое время, что за исключением нескольких поселений, наиболее крупных и удобно расположенных на торговых путях, римские города в большинстве своем превратились в населенные пункты, которые либо вообще ничем не отличались от деревни по своей хозяйственно-экономической сущности, либо сохраняли лишь внешние отличия от аграрных поселений: стены, остатки былой планировки и застройки и т.п. Подробнее см.: *Левицкий Я.А. Английский средневековый город. Лекция 1. Возникновение английского средневекового города* // *Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии*. С. 243.

²³ Глебов А.Г. Археология и эмпории: некоторые аспекты возникновения городских поселений в Северной и Северо-Западной Европе раннего Средневековья. С. 78.

нили и заново сформулировали старые античные городские традиции в новых условиях. Жизнеспособность этих социальных сил, выдержавших экономический и политический нажим со стороны королевской власти и феодализировавшейся знати, стала главным залогом возникновения и в целом успешного развития городских центров раннего Средневековья»²⁴.

Англосаксонское завоевание само по себе не привело к полному исчезновению римского города и самих традиций городской жизни²⁵. Из фрагментарных сведений, проливающих довольно тусклый свет на судьбы англосаксонских королевств, становится ясно, что, пусть и не все, но города римской Британии все же сумели относительно благополучно пережить опустошения варварских завоеваний и продолжили свое существование — это Лондон (он был включен в состав королевства англов — Мерсии), Йорк, Линкольн, Уинчестер, Эксетер, Честер, Глостер. Многие из них, по наблюдению А.Г. Глебова, играли заметную роль в политической и духовной жизни, особенно в процессе христианизации: миссионерская и прочая религиозно-церковная деятельность в V—VI вв. концентрировалась именно в старых римских городских центрах — Кентербери, Рочестере, Лондоне, Уинчестере, Йорке²⁶.

Прямых доказательств того, что Лондон все время был заселен, история не сохранила, но уже само положение этого крупного узлового пункта в системе дорог и торговых путей не могло не сказаться благотворно на его судьбе. И хотя первоначальное англосаксонское поселение в Лондоне до сих пор не подвергалось интенсивным археологическим исследованиям²⁷, сохранились ранние свидетельства письменных источников, позволяющие говорить о том, что традиции городской жизни здесь не замирали с позднеримского времени. Наиболее ценную информацию содержит «Церковная история народа англов» Беда Достопочтенного. В частности, Беда упоминает о том, что вскоре после восшествия на папский престол Григорий I направил в Британию (597 г.) римского миссионера Августина, который, воспользовавшись приглашением короля Кента Этельберта, избрал центром для своей деятельности Кентербери и обратил в христианство жителей Кента. А в 604 г. Лондон стал центром епископского диоцеза, созданного для обращения в христианскую веру жителей Эссекса. Известно, что в 604 г. Августин посвятил в сан епископа своего ученика Меллитуса, для ко-

²⁴ Глебов А.Г. Археология и эмпории: некоторые аспекты возникновения городских поселений в Северной и Северо-Западной Европе раннего Средневековья. С. 79.

²⁵ Long D. A History of London in 100 Places. P. 17—30: Saxon Lundenwic.

²⁶ Глебов А.Г. Некоторые проблемы городского развития Англии в ранний англосаксонский период. С. 16.

²⁷ Там же. С. 23.

торого король Этельберт выстроил церковь, посвященную св. Павлу²⁸, считавшемуся покровителем и заступником Лондона. Беда Достопочтенный сообщает и о том, что с середины VII в. здесь располагался королевский монетный двор²⁹. Д. Кин отмечает, что уже к 700 г. Лондон вновь, как и в римский период, стал главным экономическим центром, концентрировавшим и внутреннюю, и заморскую торговлю³⁰.

Немало споров в английской научной среде породила проблема соотнесения раннего англосаксонского поселения в Лондоне с городом в границах римских укреплений. Поскольку история Лондона обнаруживает непрерывность существования еще с эпохи римлян, логично было бы отождествить эти два очага. Открытое в 2008 г. англосаксонское кладбище в Ковент-Гарден показало, что пришельцы начали селиться там с начала VI в.³¹ При этом основная часть поселения, известного как Люнденвик (суффикс -вик здесь означает торговое поселение), находилась за пределами старых городских стен, в лондонских районах Олдвич и Стренд³². Дальнейшее расширение этого раннего поселения в VII—VIII вв. происходило с запада на восток по оси, идущей вдоль современной улицы Стренд, соединяющей Уэст-Энд и Сити. Именно с первыми англосаксами связано появление в первой половине VII в. достаточно большого погребального комплекса близ церкви св. Мартина на полях (Трафальгарская площадь) и рынка Ковент-Гарден³³. Археологические материалы показывают наличие в поселении ремесленных отраслей — выплавки железа и меди, кузнечного дела, резьбы, ткачества. Что касается обмена, найдены свидетельства (керамика, такие экзотические продукты, как фиги и виноград) торговых связей с континентальной Европой, а именно Северной Францией, территорией современных Бельгии и Люксембурга и Рейнской областью³⁴. Зафиксированы и внутрианглийские контакты. В этот период Лондон был местом рыночного обмена. Именно здесь, согласно судебникам, в частности, «Законам

²⁸ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., ст., прим. В.В. Эрлихмана. СПб., 2003. С. 29—30, 42—43, 51.

²⁹ Глебов А.Г. Некоторые проблемы городского развития Англии в ранний англосаксонский период. С. 23.

³⁰ Keene D. London From the Post-Roman Period to 1300. P. 188.

³¹ Медведев А.В. К проблеме завоевания, заселения и колонизации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 102.

³² Глебов А.Г. Некоторые проблемы городского развития Англии в ранний англосаксонский период. С. 23.

³³ В течение второй половины IX в. это раннее поселение, уже достаточно разросшееся, было заброшено, а население перебралось под защиту стен старого римского города.

³⁴ Глебов А.Г. Некоторые проблемы городского развития Англии в ранний англосаксонский период. С. 24.

Хлотхере (Хлотаря) и Эдрика (Эадрика)», еще в VII в. заключались торговые сделки как между жителями Кента («Если какой-либо человек из Кента покупает в Люнденвике имущество...»³⁵), так и с чужаками («Если кто-то примет гостя на три дня в своем собственном имении — купца или другого, который придет из-за пределов [Кента]...»³⁶). По сведениям Беда Достопочтенного, в первой трети VIII в. Лондон служил торговым центром для кентцев, эссекцев, торговцев из других англосаксонских королевств и для приезжавших из-за моря купцов: «для многих народов, приходящих с суши и с моря»³⁷. По мнению А.Г. Глебова, о важности торговой функции Лондона вполне определенно свидетельствует и ряд грамот королей Мерсии и Кента, относящихся к 30—40-м гг. VIII в.: они предоставляют освобождение от пошлин и других королевских податей кораблям, в основном принадлежащим различным монастырям, заходящим в Лондонский порт³⁸.

С конца IX в. значение города резко возрастает благодаря оборонному потенциалу его фортификационных сооружений: именно в это время были обновлены городские стены. Этот факт уже сам по себе позволяет говорить о росте экономики и населения Лондона.

В XI в. столица объединенного англосаксонского королевства переносится из Уинчестера в Лондон, что отражает реальную политическую значимость города, его экономический потенциал. К XI в. Лондон был значительно богаче всех других английских городов: при выплате «датских денег» королю Кнуту Великому в 1018 г. на него пришлась сумма в 105 тыс. ф., то есть более одной восьмой всей суммы, выплачиваемой Англией³⁹.

Новый этап в истории Лондона начинается после Нормандского завоевания 1066 г., когда значение его как важнейшего политического и экономического центра становится очевидным⁴⁰. Вильгельм Завоеватель (1066—1087) нашел Лондон цветущим торгово-ремесленным городом с многочисленным населением⁴¹ и обширными связями по другую сто-

³⁵ Законы Хлотхере (Хлотаря) и Эдрика (Эадрика) / Пер. М.В. Землякова // Средние века. 2014. Вып. 75(1—2). С. 291.

³⁶ Там же.

³⁷ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англ. С. 51.

³⁸ Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. СПб., 2007. С. 114.

³⁹ Gray R. A History of London. P. 61.

⁴⁰ Long D. A History of London in 100 Places. P. 31—46: Norman London.

⁴¹ К 1066 г. только пять городов Англии имели население в тысячу человек. На этом фоне Лондон с его почти 20 тыс. жителей производил колоссальное впечатление. Хотя оценки общего уровня урбанизации Британии этого периода неодинаковы. Х. Свэнсон полагает, что в лучшем случае 5% населения проживало в городах (см.: Swanson X. Medieval British Towns. P. 1). Х. Херк считает, что в городах концентрировалось 7 и даже 10% населения (см.: Harke X. Kings and Warriors. Population and Landscape from Post-Roman to Norman Britain // The Peopling of Britain. The Shaping of a Human Landscape. P. 157).

рону Ла-Манша и Северному морю⁴². Это обстоятельство, видимо, способствовало тому, что Вильгельм предпочел не брать Лондон штурмом, а добивался признания своих прав на английский престол в качестве законного наследника Эдуарда Исповедника, гарантировав лондонцам сохранение их старых вольностей и обычаев особой королевской хартией: «Вильгельм, король, дружески приветствует Уильяма, епископа, и Годфри, портрива, и всех горожан (burgesses) Лондона, как французов, так и англичан. И я провозглашаю, что жалую вам все законы и обычаи, которые вы имели во времена короля Эдуарда»⁴³. Одновременно Завоеватель предусмотрительно взломал городскую стену и построил на восточных границах Лондона королевскую крепость — Тауэр во многом для того, чтобы в случае необходимости оказывать давление на горожан.

Как показывает история Лондона, важнейшей основой его процветания и жизнеспособности всегда служила торговля. Центром коммерческой активности и после Нормандского завоевания оставалась Темза. Это был жизненно важный путь, связывавший Лондон с постоянно расширявшейся сферой торговых интересов. Благодаря реке Лондон, лежащий довольно далеко, в 80 км от Северного моря, был связан не только с морем, но и с океаном — со всем тогдашним миром. Необходимо отметить и в целом его очень удачное географическое положение с доступным и удобным выходом к морю: от Лондона было ближе до французского берега, чем до Бристоля, до Фландрии ближе, чем до Йоркшира⁴⁴. Ла-Манш не столько отделял Англию от континента, сколько связывал с ним, и главная роль в этом принадлежала Лондону, расположенному на большом перекрестке, где сходились торговые пути из Скандинавии, Прибалтики, Северного моря, Атлантического побережья. Не случайно Уильям Фиц-Стефен, автор «Жития» архиепископа Фомы Бекета, писал в 1173—1174 гг., что в Лондоне «купцы всех народов, живущих под небесами и плавающих по морям, рады вести торговлю. Золото шлют арабы, специи и ладан — сабеи, оружие — скифы; пальмовое масло из богатых лесов — тучная земля Вавилона; драгоценные камни — Нил; Китай — пурпурные ткани; галлы — свои вина, норвеги и русы — беличьи меха и соболей...»⁴⁵.

В начале XII в. сфера торговых интересов Лондона включала в себя Северную Германию, Скандинавию, Испанию, Францию и Нормандию.

⁴² Keene D. London from the Post-Roman Period to 1300 P. 188; Keeper of the Kingdom / Ed. by A. Bruce, J. Calder, M. Cator. L., 2002. P. 48.

⁴³ The First Charter of William the Conqueror // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London. P. 1.

⁴⁴ Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.;Л., 1947. С. 393.

⁴⁵ Fitz-Stephen W. Description of London. P. 53—54, 55—56.

Во времена Уильяма Фиц-Стефена особенно частыми гостями в Лондоне были французские и нормандские купцы⁴⁶. Важную роль в торговле играли также купцы из Нижней Лотарингии. Они привозили в Лондон изделия из золота, драгоценные камни, одежду из Константинополя и Регенсбурга, тонкое полотно и доспехи из Майнца, вино⁴⁷. Торговля перцем, специями и воском находилась также в их руках. Датские и норвежские купцы имели право жить в городе по году: очевидно, как и позднее, они привозили лесоматериалы и парусину. Возможно, что через них поддерживалась связь с Русью⁴⁸ и далее — с Востоком. После бракосочетания Генриха II и Алиеноры Аквитанской в середине XII в. и особенно после потери Нормандии в начале XIII в. у Лондона установились тесные связи с винокельской провинцией Бордо⁴⁹. К 20-м гг. XIII в. основной поток иностранцев составляли ганзейские купцы из Северной Германии и итальянцы⁵⁰. Последние сумели укрепить свои позиции после изгнания в 1290 г. евреев, заполнив освободившуюся нишу в тех сферах, где те доминировали. Итальянцы создали множество независимых контор, расположенных, в частности, вокруг Ломбард-стрит. Немецким купцам удалось приобрести участок земли поблизости от Темзы, получивший известность под названием «Стальной двор»: здесь, за высокой стеной, хранили зерно, древесину, ткани, краски, меха и другие товары⁵¹.

⁴⁶ Данные, которые приводит в своём исследовании Эквелл, позволяют предположить, что количество жителей Лондона, говоривших по-французски, исчислялось многими сотнями. См.: *Ekwall E. Studies on the Population of Medieval London.* P. XXXI—XXXIII.

⁴⁷ *Richardson J. The Annals of London. A Year-by-year Record of a Thousand Years of History.* P. 19.

⁴⁸ Существование англо-русских связей подтверждается данными археологии. Так, монетный состав кладов Новгородской земли с конца X в. позволяет считать Англию одним из главных поставщиков западноевропейского серебра. К XII—XIV вв. относятся найденные при раскопках английские сукна. См.: *Матузова В.И. Английские средневековые источники IX—XIII вв. М., 1979. С. 47.*

⁴⁹ Впоследствии события Столетней войны привели к сокращению экспорта бордосских вин в Англию (см. подробно: *Kowalski M. Warfare, Shipping, and Crown Patronage: The Economic Impact of the Hundred Years War on the English Port Towns // Money, Markets and Trade in Late Medieval Europe: Essays in Honour of John H.A. Munro / Ed. by L. Armstrong, I. Elbl, M. Elbl. Leiden, 2007. P. 233—256.*

⁵⁰ См.: *Baker T. Medieval London.* P. 28; *Huffman J.P. Family, Commerce, and Religion in London and Cologne, Anglo-German Emigrants c. 1000—c.1300. Cambridge, 1998.*

⁵¹ Итальянские и ганзейские торговцы оказались временными гостями, жившими обособленными колониями, тогда как приезжавшие во множестве фламандцы и валлонцы сумели интегрироваться в лондонскую жизнь. Больше всего их привлекали восточные предместья, поскольку там они могли действовать самостоятельно, не попадая под юрисдикцию Сити или торговых гильдий. Среди них было немало искусных мастеров, и лондонские ремесленники многому у них

В XIV в. английские города — и Лондон в их числе — переживали один из важнейших этапов своей истории. Именно в это время консолидация городского сословия в Англии на основе роста товарного производства и повышения роли города достигла наибольших успехов, но одновременно шел процесс его имущественной и социальной дифференциации⁵². Крупный купеческий капитал активизировался как внутри города и страны, так и во внешней торговле, охватывающей фландрские города (Ипр, Дуа, Брюгге), Байону, Сент-Омер, Геную, Флоренцию, Лукку и пр.⁵³ Уже в начале XIV в. треть всех товаров, экспортируемых из Англии, погружалась на корабли с набережных Лондона. К середине XIV в. английские купцы смогли захватить большую часть торговли шерстью, потеснив итальянцев⁵⁴. Если в 1273 г. на долю английских купцов приходилось немногим более 1/3 экспорта шерсти, то в 1362—1368 гг. — в среднем ежегодно до 71%. Шерсть (45 различных сортов) вывозилась из всех ведущих портов королевства: Лондона, Бостона, Халла, Саутгемптона, Ярмута, Ньюкасла и Линкольна. Но при этом в 1332 г. через порт Лондона проходило уже более 32% всего экспорта, и почти половина его находилась непосредственно в руках лондонских купцов⁵⁵.

На протяжении второй половины XIV в. экспорт шерсти из Англии сократился почти вдвое, что связано с развитием местной суконной промышленности. Этому во многом способствовала экономическая по-

научились. Это относится в первую очередь к ткацкому делу, пивоварению, выделке кожи, обработке металла, производству кирпича и стекла. См.: Keene D. London From the Post-Roman Period to 1300. P. 197—198; Клаут Х. История Лондона. С. 36—37.

⁵² Репина Л.П. К вопросу о профессиональной, имущественной и социальной дифференциации городского сословия в Англии XIV в. // Средние века. 1974. Вып. 38. С. 230.

⁵³ Calendar of the Close Rolls Preserved in the Public Record Office. Edward I. L., 1908. Vol. 5. A.D. 1302—1307 / Ed. by W.H. Stevenson.

⁵⁴ Power A. The Wool Trade in the Fifteenth Century // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N.Y., 1933. P. 55. Заметим, что столкновение экономических интересов лондонских и итальянских купцов еще долго давало о себе знать, приводя подчас к острым конфликтам. Приведем лишь один пример. 8 октября 1359 г. мэром Лондона, шерифами и 12 присяжными было проведено расследование относительно «преступников и нарушителей мира, которые с завистливой дерзостью и злобой злонамеренно совершили ужасную драку...». Как выяснилось, три торговца тканями (Генри Форестер, Томас де Мелдоун и Джон Мелевард) совершили «по умысленной злобе силой оружия» нападение на Франческо Боучело и Раймунда Флэми, ломбардцев, в районе Коулман-стрит, «ранили, избили и навредили им...» // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries / Ed. by H. Riley. L., 1868. P. 302—303. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 23.03.2015)).

⁵⁵ Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии. С. 43, 46.

литика Эдуарда III (1327—1377): ввоз сукна из-за границы был запрещен, поощрялось производство английского сукна на родине⁵⁶. В результате быстрыми темпами рос вывоз готовых сукон: в 1350—1360 гг. из Англии экспортировалось 32 тыс. тюков шерсти в год (каждый тюк официально содержал 364 фунта шерсти), экспорт сукна в год составлял в этот период 5 тыс. тюков; к концу правления Генриха VII (1509 г.) ежегодно вывозилось 5 тыс. тюков шерсти и 82 тыс. тюков сукна⁵⁷. Причем доля Лондона в этой отрасли торговли постоянно увеличивалась: если в 1356—1358 гг. она составляла 12%, то в 1392—1395 гг. — 32%⁵⁸; в первые шесть лет правления Генриха VII (1485—1490) через Лондон проходило 70% английского экспорта сукна, а к концу правления Генриха VIII (к 1547 г.) — более 88%⁵⁹.

С XIV же столетия, как полагает У.М. Уилл, лондонские меховщики взяли под свой контроль импорт кожи и мехов⁶⁰.

Показательные изменения произошли также в импорте вина, где Лондон традиционно занимал первое место среди английских городов: до 1337 г. $\frac{2}{3}$ его гасконские купцы сами привозили в порты Англии; к 1350 г. доля лондонских купцов в этой отрасли торговли составляла половину, а к концу XIV в. торговля вином почти полностью перешла в руки столичных купцов (некоторую конкуренцию могли еще составить итальянцы и немцы)⁶¹.

Большой известностью уже во времена Дж. Чосера пользовался Уинтри-Уорд — район средневекового Лондона, примыкавший к набережной Темзы, где сгружали свой товар виноторговцы: кельнские куп-

⁵⁶ Statutes of the Realm of England. Vol. 2. P. 138.

⁵⁷ Ramsey P. Tudor Economic Problems. L., 1966. P. 50.

⁵⁸ Крупнейшим экспортёром сукна в этот период был Бристоль: в 1355 — 60 гг. его доля в ежегодном экспорте английского сукна составляла 30%, а в 1365 — 70 гг. выросла до 40% (см.: Мосолкина Т.В. Город Бристоль в XIV—XV веках. Экономика, общественные отношения, социальная психология. С. 58).

⁵⁹ Ramsey P. Tudor Economic Problems. P. 53; Thomson J. The Transformation of Medieval England. 1370—1529. P. 61; Barron C.M. London 1300—1540 // The Cambridge Urban History of Britain. Vol. 1. P. 412.

⁶⁰ Основными поставщиками мехов в Англию были Русь и Норвегия. Из Русских земель привозили лучшие сорта белки, главным образом, белку с белым брюшком и голубовато-серой спинкой, ценившуюся так же высоко, как соболь и горностаи. Белчьи меха (наряду с лисьими) считались самыми модными в XIII в. Исконно русским товаром были соболя. Соболю привлекал окраской — различными оттенками: от темно-коричневого до черного. По существовавшей иерархии использования мехов представителями английских сословий соболь занимал высокое место: одежды из него принадлежали только придворной знати (см.: Veal E.M. The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966. P. 228).

⁶¹ Barron C.M. London 1300—1540. P. 412—413; Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии. С. 46.

цы, которым принадлежало огромное укрепленное здание с причалом, и собственно лондонцы. Среди всех зданий на Темз-стрит в районе Уинтри выделялся дом, наполовину каменный, наполовину деревянный, с подвалами для хранения вина, принадлежавший известнейшим торговцам вином XIV столетия — сначала Джону Джизорсу, а затем Генри Пикарду⁶².

Важно, что развитая внешняя торговля не отрывала Лондон от страны. Этому в значительной степени способствовало то, что в средневековой Англии были исключительно благоприятные условия для развития внутреннего рынка: еще до XIV в. шел активный процесс освобождения городов от пошлин по всей стране (право беспошлинной торговли в королевстве получил и Лондон), экономическая же специализация городов и районов определяла и стимулировала обмен между ними. Притягательность Лондона как важнейшего центра внешней торговли и внутреннего обмена обеспечивалась и тем, что здесь пересекались сухопутные пути, ведущие на запад страны, к Уэльсу; Темза, судоходная на большом протяжении, облегчала и удешевляла доставку сюда продовольствия, промышленных изделий и топлива. От устья реки Флит и вплоть до Тауэра северный берег Темзы был застроен набережными и складами. Здесь же находились два небольших причала — в Куинхите и в устье Уолбрука. Морское строительство процветало и на северном берегу, между Лондонским мостом и Тауэром, но постепенно здесь перешли только к перевозкам товаров.

Притяжение Лондона ощущалось по все стране. Потребности столицы в продовольствии в немалой степени обусловили хозяйственное развитие и процветание не только близлежащих деревень (Кенсингтон или Хаммерсмит) и графств, но и относительно далеко от нее отстоявших: одни служили для нее молочной фермой, огородом и садом; другие выращивали пшеницу и выпасали стада, предназначенные для бойни⁶³.

Повсюду, по меньшей мере, с XII в. были известны рынки Лондона, на которых продавались самые разнообразные товары. Главной рыночной площадью средневекового Лондона была Чипсайд, представлявшая собой скорее широкую улицу, вдоль которой стояли дома горожан, по центру были расположены источники питьевой воды — фонтаны. Начиная с XIII в. большинство живших здесь людей занималось розничной торговлей. Первые этажи домов вдоль улицы были заняты маленькими лавками, площадью в среднем от 5 до 6 м². В 1300 г. их было около 400. Позади лавок располагались торговые ряды, где в первой половине

⁶² Гарднер Дж. Жизнь и время Чосера. М., 1986. С. 52—54.

⁶³ Keen M. English Society in the Later Middle Ages. 1348—1500. P. 109.

XIII в. продавались перчатки и прочая кожгалантерея, а во второй половине — ткани и одежда⁶⁴.

В местах компактного поселения ремесленников разных профессий возникали специализированные рынки. Наиболее распространенными из них были те, что обеспечивали город продовольствием, фуражом, топливом и прочими предметами первой необходимости. Грасчерч являлся одним из основных рынков розничной торговли домашней птицей, зерном, сыром, солодом. Сыр, лук, чеснок и прочее для ежедневного потребления продавалось на рынке Корнхилл, где можно было приобрести также изделия из дерева и металла: ведра, котелки, металлические сундуки, ящики, клетки⁶⁵. На обширном пространстве Смитфилда, рядом с городскими стенами, еще с XII в. по понедельникам и пятницам продавали лошадей, прочий живой скот и птицу (это место имело дурную славу из-за неприятного запаха и вечно пьяных скотоводов), а впоследствии торговля скотом сменилась торговлей мясом. На Темзе располагался рыбный рынок Биллингсгейт (здесь можно было приобрести также зерно и соль), а в самом центре Сити — Лиденхолл, покрытый свинцовой кровлей, где в больших количествах продавали свежее мясо птицы, яйца и кожи⁶⁶. Большую часть товаров и в XVI в. везли на два рынка — Уэстчип и Истчип⁶⁷. На огромном Уэстчипе, который растянулся от собора св. Павла до реки Уолбрук и захватил окрестные улицы, изначально продавалась лишь сельскохозяйственная продукция, привезенная из ближних и дальних деревень, затем появились заморские товары. Названия нынешних улиц вокруг Уэстчипа до сих пор напоминают о том разнообразии продуктов, которыми здесь торговали: например, Старая Рыбная улица, Хлебная улица, Мельничная улица, Медовый переулок, Птичья улица. Между Уэстчип и рекой можно найти рынок шелковых и бархатных тканей, Винные погреба, Чесночный рынок. Прилежавшие к Уэстчипу и собору св. Павла улицы составляли ядро средневекового Лондона. Разумеется, с течением времени Уэстчип перестал быть только продуктовым рынком: здесь появились ткани, металлические и кожаные изделия, пряности, ювелирные украшения и другие предметы роскоши. Расположенный ближе к берегу Истчип специализировался на тяжеловесных грузах, доставляемых морем.

⁶⁴ Ретина Л.П. Лондон — столица и мегаполис. С. 346.

⁶⁵ Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn. Vol. 1. Part 1. P. XXXV.

⁶⁶ Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии в XIII—XIV в. СПб., 1899. С. 82; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII века. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 587. Археологи полагают, что именно здесь была центральная площадь поселения римлян.

⁶⁷ Hugh Alley's Caveat: The Markets of London in 1598 / Ed. by I. Archer. L., 1988. P. 4.

Долгое время в научной литературе было широко распространено представление о Лондоне, прежде всего, как о центре потребления, а его экономическое значение связывалось преимущественно с рынком и торговлей. Между тем, положение Лондона как важнейшего центра внешней и внутренней торговли Англии способствовало развитию здесь ремесленного производства. К. Бэррон замечает, что город был важным производящим центром, хотя этот аспект его хозяйственной жизни изучен недостаточно⁶⁸. К середине XI в. ремесленное производство уже вполне выделилось в важнейшую отрасль городской экономики⁶⁹. По числу ремесленных отраслей Лондон, очевидно, превосходил остальные английские города. По данным Л.П. Репиной, к началу XI в. здесь насчитывалось, по крайней мере, 120 ремесленных специальностей⁷⁰. Дж. Анвин пишет, что к 1422 г. в городе было 111 гильдий⁷¹. А Дж. Пэттен признает существование в Лондоне 180 специальностей к XV в.⁷² В любом случае дробность профессий никем не отрицается, и свидетельствует она о далеко зашедшем процессе разделения труда, многоотраслевом характере лондонского хозяйства, благополучие и процветание которого основывалось на заморской и внутренней, распределяющей по своему характеру, торговле, ремесленном производстве и обслуживающих отраслях⁷³. В целом нужно иметь в виду, что многообразие занятий — вполне обычное явление в профессиональной структуре населения даже не очень крупных средневековых городов⁷⁴.

Представление о ремесленном облике Лондона конца XIV в. и структуре лондонского ремесла можно получить на основании списков лиц, подозреваемых в поддержке восстания 1381 г., которые были составлены по каждому административному району столицы и находятся в судебных документах Лондона⁷⁵. Некоторым из этих районов можно дать обстоятельную социальную и экономическую характеристику. Так, Фарндон (Farndon) был населен мелкими и средними ремесленниками, в основном седельщиками и башмачниками, а также каменщиками, плотниками, малярами, портными. Брэд-стрит (Bread Street) — тоже ремесленный район, где жили пивовары, сапожники, столяры

⁶⁸ Barron C.M. London 1300—1540. P. 426.

⁶⁹ Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. С. 108.

⁷⁰ Репина Л.П. Английский средневековый город. С. 101.

⁷¹ Unwin D. The Gilds and Companies of London. P. 167.

⁷² Patten J. English Towns, 1500—1700. Folkestone, 1978. P. 183.

⁷³ Barron C.M. London 1300—1540. P. 412.

⁷⁴ Например, в начале XIV столетия в городских документах Честера и Кембриджа упоминается 50 специальностей, в Кентербери — около 70, а в Бристоле, как и в Йорке к концу века, — более 120 (см.: Репина Л.П. Английский средневековый город. С. 101).

⁷⁵ Calendar of Plea (1364—1381). P. 288—291.

и золотых дел мастера. Район Касл-Байнард (Castle Baynard) населяли лодочники, возчики, седельщики, деревообработчики, мастера, изготавливающие циновки. Район Даугейт (Dawgate) был представлен канатчиками, верёвочниками, ткачами, красильщиками. Олдгейт (Aldgate) — плотниками, кожевниками, портными, малярами, пивоварами. В районе Кордуэйнер-стрит (Cordwainer Street) жили и работали башмачники, делающие обувь из кордовской кожи, то есть из сафьяна. Население Королевской гавани (Queen Hithe) занималось в основном рыбной ловлей. Богатым и густо населённым районом Лондона был Чип (Cheap), где жили ремесленники различных специальностей: поясники, мастера, выделывающие свечи, подсвечники, кошельки, оружейники, обойщики, седельщики, портные, а также мясники, пекари, пивовары. Уолбрук (Wallbrook) населяли ткачи, кожевники, сапожники, занимающиеся починкой обуви, носильщики; район Коулмен-стрит (Coleman Street) — башмачники, поясники, мастера, вырабатывающие булавки, гребни для расчёсывания шерсти; район Кэндлэвик (Candlewick) — ремесленники, изготавливающие грубую шерстяную пряжу. Многие ремесленники района Крипплгейт (Cripplegate) занимались дублением кож.

Изделия лондонских ремесленных мастеров пользовались известностью по всему королевству. Особенно славились предметы роскоши, а торговцы и купцы продавали на всех крупных ярмарках и рынках страны продукцию ювелиров⁷⁶, меховщиков, портных, поясников, седельщиков столицы.

Торгово-ремесленный облик Лондона ярко запечатлел посетивший его в начале 80-х гг. XV в. итальянский монах-августинец Доминико Манчини: «На берегах Темзы — огромное количество складов для хранения доставленных товаров и бесчисленное количество подъемников различных размеров для разгрузки товаров с судов. Из восточного района (Тауэр-стрит), соседнего с Тауэром, по направлению к западным стенам ведут три мощные дороги, они самые многолюдные во всем городе и почти прямые. Из них одна (Темз-стрит, вдоль которой шел «Рыбный ряд») ближе к реке и ниже, чем остальные, она занята лавками с жидкими и тяжелыми товарами: там можно найти все виды полезных ископаемых, вина, мед, воск, смолу, лен, веревки, нитки, зер-

⁷⁶ О значении ювелиров для Лондона говорит запись, сделанная около 1500 г. миланским купцом, посетившим английскую столицу: «На одной улице (Чипсайд), ведущей к собору св. Павла, расположены 52 лавки ювелиров, настолько богатые серебряными предметами, что с ними могут сравниться лишь все лавки Милана, Рима, Венеции и Флоренции вместе взятые...» // *Campbell M. English Borough: Studies on Its Origins and Constitutional History. Manchester, 1936. P. 118—119, 124.*

но, рыбу и другие неприятно пахнущие товары. На улице (Тауэр-стрит), которая лежит между двумя другими, вы не найдете ничего кроме тканей. Через третью улицу (Паултри), идущую через центр по равнине, проходят более ценные товары, такие как: золотые и серебряные кубки, красители, различные шелка, ковры, гобелены и многие другие экзотические товары. Хотя нигде нет недостатков ни в чем, эти места лучше приспособлены для торговли вышеупомянутыми товарами. Кроме этого, в городе много других густонаселенных кварталов с многочисленными лавками, так как все принадлежат ремесленникам и торговцам»⁷⁷.

Исключительно важное значение для Лондона имела Тюдоровская эпоха (1485—1603 гг.), очень сложная для жизни английских городов, переломная по своей сути, оказавшая колоссальное влияние на их последующую историю. В.А. Евсеев, подчеркивая эту значимость, пишет о «новом этапе в развитии городов»⁷⁸, а Лондон с его округой выделяет в особый экономический регион «в связи с его необычайно бурным ростом и усилением влияния столицы во всех сферах жизни страны в рассматриваемый период»⁷⁹.

Отмечая стремительное экономическое развитие Лондона в XVI в., в первую очередь следует выделить зарубежную торговлю⁸⁰. Конкурируя с торговцами провинциальных портов, лондонские купцы пользовались уже не только и не столько географическими преимуществами: аккумуляция богатств в городе обеспечивала появление необходимых финансовых ресурсов, особенно с начала XVI столетия⁸¹. Можно с полным правом согласиться с предположением ряда авторов о том, что разрыв между уровнем развития Лондона и провинции, а соответственно и статусом столичного и периферийного купечества постоянно сохранялся и даже усиливался на протяжении XIV—XVII вв.⁸² Например, в 1524 г. Лондон заплатил 8262 ф. налога, а крупнейший провинциальный город Англии Норич — 1704 ф., т.е. почти в 5 раз меньше. В середине XVII в. это соотношение увеличилось в 25 раз⁸³.

⁷⁷ Mancini D. From The Usurpation of Richard the Third: Concerning the Situation of the Town of London. P. 78.

⁷⁸ Евсеев В.А. Английский город в Тюдоровскую эпоху: регионы и города. С. 3.

⁷⁹ Там же. С. 10.

⁸⁰ Myers A.R. England in the Late Middle ages. L., 1991. P. 225; Nightingale P. The Growth of London in the Medieval English Economy // Progress and Problems in Medieval England / Ed. by R. Britnell and J. Hather. Cambridge, 1996. P. 89.

⁸¹ Britnell R. The Closing of the Middle Ages? England, 1471—1529. Oxford, 1997. P. 217—218.

⁸² Федоров С.Е., Кондратьев С.В., Питулько Г.Н. Англия XVII века: социофессиональные группы и общество / Под ред. С.Е. Федорова. СПб., 1997. С. 137.

⁸³ Clay C.G. Economic Expansion and Social Change: England 1500—1700. Cambridge, 1984. Vol. 1. P. 197.

Благодаря этому уникальному сочетанию финансовых, хозяйственных и социальных возможностей, «общности экономической жизни Англии и ее централизации»⁸⁴ Лондон совершенно преобразился: заурядный, по европейским меркам, портовый город на западной границе торговой системы Северной Европы, он превратился в торговый центр — ядро новой системы, которая постепенно захватывала мировое лидерство. Разительные перемены в облике английской столицы делали ее все более популярным местом для посещения, которое входило в обязательный «образовательный тур» европейской молодежи⁸⁵.

Осенью 1599 г. в Лондоне находился 25-летний швейцарский путешественник, студент-медик Томас Платтер (1574—1628 гг.), младший сын известного немецкого (швейцарского) гуманиста Томаса Платтера из Базеля⁸⁶. Платтер-мл. совершал поездку по Франции и Англии. Пробыв в Лондоне пять недель, с 18 сентября по 20 октября, в течение следующих шести лет он перерабатывал свои «Путешествия по Англии», содержащие целую главу, посвященную Лондону.

Уже в самом начале своего повествования Платтер четко определяет значение Лондона, делая ценные замечания относительно того, что он стал «местом, которое путешествующим европейцам стоит посетить <...> по отношению к другим городам Англии он занимает главенствующее положение, так как говорят, что не Лондон в Англии, а Англия в Лондоне...»⁸⁷.

Мы находим у автора представление о планировке и размерах города. При этом отправной и формообразующий элемент для него — Темза, которой лондонцы обязаны возвышением и процветанием своего

⁸⁴ Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957. С. 51.

⁸⁵ Известно, например, что в августе 1562 г. Лондон посетил молодой венецианский купец Алессандро Магно, оставивший интересные путевые заметки (см.: The London Journal of Alessandro Magno 1562 / Ed. by C. Barron, C. Coleman and C. Gobbi // The London Journal. 1983. Vol. 9. № 2. P. 136—152). В 80—90-х гг. XVI в. здесь побывали Леопольд фон Ведель (1584 г.), Фредерик, герцог Вюртембергский (1592 г.), Пол Ханцнер (1598 г.), барон Вальдстайн (1598 г.) и др. Все они оставили дневники-отчеты, которые можно рассматривать как проявление представлений ренессансных гуманистов о путешествии как важной части культурного образования (см., напр.: The Journals of Two Travelers in Elizabethan and Early Stuart England. L., 1995; The Image of London: Views by Travelers and Émigrés 1550—1920 / Ed. by M. Warner. L., 1987).

⁸⁶ Томас Платтер-ст. (1499—1582) известен как ученый друг Эразма Роттердамского и почитатель Ульриха Цвингли. Старший сын Томаса Платтера-ст., Феликс, был известным врачом и одним из основоположников медицинского образования в университете Базеля. Томас Платтер-мл. стал профессором ботаники, анатомии и практической медицины.

⁸⁷ Thomas Platter, A Swiss Tourist in London. URL: http://www.wwnorton.com/college/english/nael/16century/topic_4/tplatter.htm (дата обращения: 20.01.2010).

города. Платтер сообщает, что Лондон «...чудесно спроектирован»⁸⁸, он «... расположен на реке Темза <...> которая протекает через город и течет дальше <...> множество маленьких улочек ведут к Темзе со всех концов Лондона»⁸⁹. Привязка к реке определила вытянутую форму города, которую запечатлел автор, обозревая городское пространство сверху: «Оттуда [с крыши собора св. Павла] чудесный вид на весь Лондон, какой он длинный и узкий»⁹⁰.

Общее впечатление о Лондоне у иностранного путешественника дополняется представлением о его делении на части, хотя, надо признать, что представление это очень расплывчатое. Платтер в самом общем виде знает, что в городе есть центр (Лондонский мост, как и Тауэр, «... находится не в центре города...»⁹¹), окраины («...королевская церковь Вестминстера <...> находится <...> в полумиле от Лондона, однако не совсем вне города, а в дальнем его конце...»⁹²) и окрестности, пригороды («...в пригороде, у Бишопсгейт...»⁹³), а сам город «разделен на 120 приходов»⁹⁴.

Такое восприятие Лондона путешественником неразрывно связано с его представлением о невероятном богатстве города. По словам Платтера, «он [Лондон] такой богатый, что опережает всех не только в этом королевстве, но и во всем христианском мире»⁹⁵. И далее Томас замечает: «На одной только улице Чипсайд, где живут исключительно ювелиры и банкиры, можно увидеть несметные сокровища и много денег»⁹⁶; «...город большой и дорогой...»⁹⁷. Дороговизну Лондона автор «Путешествий» отмечает неоднократно, что, видимо, может характеризовать и его самого как человека очень рачительного и бережливого, вполне в духе протестантской этики. Особенно это бросается в глаза при описании им посещения Тауэра, где Платтер дотошно фиксирует восемь раз (!) взимавшуюся с него и его компаньонов плату за осмотр тех или иных достопримечательностей⁹⁸, и постоянно подмечает детали, подтверждающие восприятие им Лондона как чрезвычайно богатого и дорогого города. Так, в Тауэре он видел «...множество <...> милых вещичек, богато украшенных. Они все очень дорого стоят, поскольку на их изготовление

⁸⁸ Thomas Platter's Travels in England. P. 189.

⁸⁹ Ibid. P. 188.

⁹⁰ Ibid. P. 196.

⁹¹ Ibid. P. 189.

⁹² Ibid. P. 196.

⁹³ Ibid. P. 195.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Ibid. P. 189.

⁹⁶ Ibid. 190.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Ibid. P. 191—193.

пошло много золота»⁹⁹. И «гобеленовую скатерть для стола» ему показали «очень дорогую»¹⁰⁰. Другой «...очень старый гобелен, который хранится в замке уже 500 лет <...> очень большой и дорогой»¹⁰¹.

Процветание города Томас Платтер справедливо связывает с развитием торговли, которую в значительной степени обеспечивает судоходная Темза. Соответственно, как неотъемлемый элемент социально-профессиональной действительности Лондона Платтер отмечает огромное количество лодочников, которые буквально «толпились на берегах [Темзы]...»¹⁰².

Большинство же жителей, по его мнению, «заняты коммерцией, они продают, покупают, торгуют по всему миру, к их услугам водные пути, поскольку корабли из Франции, Нидерландов, Германии и других стран приходят в город, доставляя товары и загружая другие взамен привезенных...»¹⁰³. Словно в подтверждение этих слов путешественник пишет: «...я сам проплыл на большой галере вдоль всего города от пригорода св. Екатерины до моста, встретив на пути сотни кораблей, и ни в одном другом порту я не встречал столько кораблей»¹⁰⁴.

Весьма точно Платтер сумел уловить коммерческий дух английской столицы. Он обращает внимание на то, что «...там [в Лондоне] много купцов...»¹⁰⁵, «...богатых купцов и банкиров, некоторые из них торгуют дорогими товарами, в то время как другие занимаются толькокладами или оптовой торговлей»¹⁰⁶. Путешественник особо отметил, что в Лондоне продают любые вина — «легкие и крепленые [вина], греческие, испанские, французские и немецкие», которые «...можно купить за приемлемую цену из-за низких морских ввозных пошлин»¹⁰⁷.

Большое впечатление на швейцарца произвела Лондонская биржа — «огромная, как и в Антверпене, однако немного меньше, там два входа и только один большой сквозной коридор, где выставлены все товары на витринах <...> Семьсот человек можно встретить там два раза в день, до ланча, в 11 часов, а потом снова после ужина в шесть, покупают, продают, обмениваются новостями, в общем, ведут дела»¹⁰⁸.

В Лондоне, как замечает путешественник, «...продаются разные товары»¹⁰⁹. С этой точки зрения Платтер оказался весьма наблюдатель-

⁹⁹ Thomas Platter's Travels in England. P. 192.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Ibid. P. 188.

¹⁰³ Ibid. P. 189.

¹⁰⁴ Ibid. 188.

¹⁰⁵ Ibid. P. 189.

¹⁰⁶ Ibid. P. 189—190.

¹⁰⁷ Ibid. P. 191

¹⁰⁸ Ibid. P. 190.

¹⁰⁹ Ibid. P. 189.

ным, запечатлев в своем отчете поистине бурлящую торговую жизнь города.

Практически все нити экспортной торговли, все английские торговые компании в XVI—начале XVII в. (от Купцов-авантюристов, появившихся до 1500 г., до Ост-Индской и Африканской компаний, возникших в начале XVII в.) были в основном монополизированы состоятельными лондонскими купцами, самой активной и многочисленной (более 60% членов корпораций) частью пайщиков большинства внешнеторговых компаний¹¹⁰. В результате уже в начале XVI в. быстро выросла доля Лондона в зарубежной торговле: к 1500 г. 60% английской шерсти, 70% сукна (в середине столетия доля экспорта сукна достигла почти 90%) и 65% прочих товаров экспортировалось через Лондонский порт¹¹¹. В конце XVI—начале XVII в. появились новые направления торговли: Россия, Балтика, Средиземноморье, Атлантика и Дальний Восток, где Лондон также имел почти полную монополию¹¹².

Рост морской торговли стимулировал развитие судостроения, которое с конца XVI в. стало процветать по берегам Темзы. Колониальная торговля вызвала к жизни новые отрасли производства, в частности, сахароварение, которое в середине XVI в. разместилось на восточных окраинах города. В 1568 г. начали изготавливать венецианское стекло, и до второй половины XVII в. его производство ограничивалось только рамками Лондона. Шелк, часы, кареты в XVI в. также производились только в столице¹¹³. В городе продолжали существовать и традиционные отрасли ремесленного производства: текстильная, кожевенная¹¹⁴, металлообработка, строительство и многие другие. При этом ремесленное производство все больше переходило на окраины, где была дешевая рабочая сила иммигрантов, отсутствовало регулирование производства, и имелись необходимые для некоторых отраслей водные ресурсы.

Богатство, экономический потенциал и политическое значение позволили Лондону стать наиболее привилегированным городом уже в XI столетии: Вильгельм I Завоеватель, перед которым город открыл свои ворота, признав его королем, в первые десятилетия своего правления пожаловал ему две хартии, в которых подтвердил «все права и обычаи короля Эдуарда»¹¹⁵.

¹¹⁰Евсеев В.А. Английский город в Тюдоровскую эпоху: регионы и города. С. 119.

¹¹¹Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. P. 117.

¹¹²Изготовлению венецианского стекла и шелка лондонские ремесленники научились у приезжих итальянцев и французов.

¹¹³Clay C.G. Economic Expansion and Social Change. P. 209.

¹¹⁴К началу XVII в. в Лондоне производилось 10% всей кожи в стране (см.: Clarkson L.A. The Pre-industrial Economy of England, 1500—1750. L., 1971. P. 93).

¹¹⁵The First Charter of William the Conqueror. Second Charter of William the Conqueror // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London. P. 1—2; Tait J. The Medieval English Borough; Studies on Its Origins and Constitutional History. Manchester, 1936. P. 118—119, 124.

Генрих I (1100—1135) по хартии 1131 г.¹¹⁶ предоставил городу за 300 ф. право фирмы — уплаты в казначейство ежегодной фиксированной денежной суммы взамен произвольных поборов с правом горожан делать раскладку этих средств и самим их собирать¹¹⁷.

Получение права фирмы связано с особенностью городского развития в Англии: подавляющее большинство английских городов, при этом почти все наиболее значительные и влиятельные, были расположены на королевской земле¹¹⁸. В силу этого освобождение городов от сеньориальной зависимости происходило, как правило, посредством финансовых соглашений с короной. С другой стороны, осознавая всю важность городов для борьбы с крупными феодалами и для усиления королевской власти, постоянно испытывая потребность в денежных средствах, последняя охотно предоставляла городам привилегии. Однако короли, которые в Англии, помимо горожан, имели прочную опору в мелком рыцарстве и свободном крестьянстве и располагали сильным государственным аппаратом, могли не так уж считаться с городами и направлять развитие городских привилегий по выгодному для себя руслу, ставя их в определенные рамки в отношении правительства. В результате ни один город в Англии, включая Лондон, не смог добиться права полного самоуправления по типу французской коммуны, фландрских городов или «имперских» городов Германии¹¹⁹. К началу XIV в. лишь 35% английских городов получили право фирмы; 31% мог избирать своих мэров и бейлифов, 48% имели свой городской суд; остальные вынуждены были довольствоваться более или менее скромными экономическими и политическими привилегиями¹²⁰.

Некоторые авторы усматривают причину такого своеобразия социально-политической жизни английских городов в наличии в стране уже в ранний период относительно сильной центральной власти: процесс государственной централизации, способствовавший экономическому развитию городов, в то же время приводил к ограничению их политического могущества¹²¹.

¹¹⁶Оригинал этой хартии, к сожалению, не сохранился, но имеется копия начала XIII в.

¹¹⁷Charter of Henry I // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London. P. 3—4.

¹¹⁸По данным Я.А. Левицкого, приблизительно $\frac{2}{3}$ всех городов в Англии были королевскими, см.: Левицкий Я.А. Английский средневековый город. Лекция 2. Формирование и развитие городов в Англии. С. 268.

¹¹⁹Hunt E.S., Murray J.M. A History of Business in Medieval Europe, 1200—1550. Cambridge, 1999. P. 79.

¹²⁰Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979. С. 57.

¹²¹Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII века). М., 1960. С. 203, 204; Hunt E.S., Murray J.M. A History of Business in Medieval Europe, 1200—1550. P. 79.

Данные хартийного материала, детально проанализированные Е.В. Гутновой, показывают нарастание борьбы городов за привилегии и все большее распространение последних от XII к XIII в. Генрих II (1154—1189) выдавал хартии городам довольно скупно: Лондон получил хартию с подтверждением своих прав лишь в самом начале его правления¹²². Позже острота финансовых проблем (особенно в связи с участием в Крестовом походе) заставила Ричарда I (1189—1199) применять эту практику шире (Лондону были предоставлены две хартии — 23 апреля 1194 г. и 14 июля 1197 г.¹²³), что позволило городам заключать сделки с королевской властью на весьма выгодных для себя условиях и в дальнейшем. Если в XII в. впервые получили хартии только 79 городов, то в XIII в. впервые было инкорпорировано 113 городов. Кроме того, 24 города из инкорпорированных в XII в., добились в XIII в. значительного расширения своих привилегий.

Интенсивность инкорпорации городов значительно увеличилась также и от начала к концу XIII в. В правление Иоанна Безземельного (1199—1216) городам было дано 67 хартий (в том числе Лондону — 5 хартий: 3 — в 1199 г. и по одной — в 1202 и 1215 гг.¹²⁴). Значение Лондона отражено и в «Великой Хартии вольностей» (1215 г.): «...и город Лондон должен иметь все древние вольности и свободные свои обычаи, как на суше, так и на воде...»¹²⁵. В правление Генриха III (1216—1272) городам было пожаловано 194 хартии (из них 55 хартий — городам, прежде их не имевшим). Лондон получил от Генриха II 10 хартий, охватывающих период с февраля 1227 г. по март 1268 г.¹²⁶ Эдуард I (1272—1307) дал городам всего 110 хартий (из них 38 — городам, прежде не имевшим хартий)¹²⁷; Лондону — одну хартию 28 мая 1298 г.¹²⁸ И все последующие монархи не обходили своим вниманием столицу: Эдуард II пожаловал ей две хартии (в 1319 и 1321 гг.)¹²⁹; Эдуард III — шесть (по две — в 1327 и 1376 гг., по одной в 1337 и 1354 гг.)¹³⁰; Ричард II — одну в 1377 г.¹³¹; Эдуард IV — четыре (по одной — в 1462 и

¹²²Charter of Henry II // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London. P. 5—6.

¹²³The First Charter of Richard I. The Second Charter of Richard I // Ibid. P. 7—10.

¹²⁴Charters of King John // Ibid. P. 11—20.

¹²⁵Magna Charta, 1215 // English Historical Documents. 1189—1327. Vol. 3. P. 318.

¹²⁶Charter of Henry III // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London. P. 21—42.

¹²⁷Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. С. 197.

¹²⁸Charter of Confirmation of the City Privileges by Edward I // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London. P. 43—44.

¹²⁹Charters of Edward II // Ibid. P. 45—51.

¹³⁰Charters of Edward III // Ibid. P. 52—69.

¹³¹Charter of Richard II // Ibid. P. 69—70.

1463 г. и две в 1478 г.)¹³²; Генрих VII — одну в 1485 г.¹³³; Генрих VIII — две (в 1518 и 1531 гг.)¹³⁴; Эдуард VI — одну весьма внушительную хартию в 1550 г.¹³⁵; Елизавета I ограничилась изданием 7 июля 1580 г. прокламации против возведения новых зданий внутри и вокруг Лондона¹³⁶.

Основные виды городских привилегий в Англии XII—XIII вв. сводились к следующим. 1. Привилегия городского держания, приравнивавшая горожан как держателей земли к держателям сокажа, то есть освобождавшая их от отработочных повинностей, дававшая им свободу распоряжаться своими наделами и пользоваться городскими сервитутами бесплатно или за небольшую плату. 2. Привилегия «городской свободы», превращавшая в лично свободного человека всякого, кто прожил в городе определенный срок (обычно — год и день) и получил право городского гражданства. 3. Различные торговые привилегии: право горожан держать свой рынок и самим собирать на нем пошлины в свою пользу, иногда деля доходы с сеньором, право монополии производства определенных товаров в городе и торговли на городском рынке. Наиболее полно эта монополия выражалась в праве некоторых городов иметь свою «купеческую гильдию». К торговым привилегиям относилось также право беспошлинной торговли в пределах всего королевства или какой-нибудь его части. 4. Право фирмы — право городского самообложения, освобождавшее город от вмешательства сеньора и его администрации в городские финансы, за определённый ежегодный взнос в казначейство. 5. Судебные привилегии: право иметь свой суд с компетенцией феодального суда «свободной курии», освобождение от участия в суде сотни или графства, право судиться только в пределах города. 6. Административные привилегии: запрещение королевским или сеньориальным чиновникам, в частности шерифам, вмешиваться в те или иные отрасли городского управления или вообще вступать на территорию городского иммунитета. 7. Привилегии, связанные с самоуправлением городов: право иметь своих выборных должностных лиц — мэров, бейлифов, коронеров, а также выборный городской совет¹³⁷.

Количество городов, получивших более широкие привилегии, возросло в XIII в. по сравнению с XII в. Если в XII в. только 7,5% городов,

¹³²Charters of Edward IV // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London. P. 74—93.

¹³³Charters of Edward IV // Ibid. P. 94—96.

¹³⁴Charters of Henry VIII // Ibid. P. 97—105.

¹³⁵Charter of King Edward VI // Ibid. P. 110—127.

¹³⁶Proclamation of Queen Elizabeth Against New Buildings in and about London // Ibid. P. 128—131.

¹³⁷Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. С. 197—198.

имевших хартии, пользовались частичными освобождениями от административного вмешательства, то в XIII в. это право получили 60% городов, инкорпорированных в XIII в. Наконец, право выбирать своих должностных лиц в XII в. получили всего 19%, а в XIII в. — 30% инкорпорированных городов¹³⁸.

С XIII в. Лондон обладал практически всеми привилегиями, предоставляемыми королевской властью¹³⁹ и сумел добиться высшей степени муниципальной независимости, которая была вообще мыслима в Англии того периода, его положение считалось, в сущности, недосяжимым идеалом для остальных городов королевства. Разумеется, Лондон не стал полностью независимым от короны, выполняя перед ней многочисленные обязанности финансового, военного и судебно-административного характера. Английские короли, хотя и содействовали развитию городских вольностей, но действовали в этом вопросе с большой осторожностью, избегая давать городам слишком широкие привилегии, ставившие их вне политического контроля центрального правительства. Они постоянно старались подчеркнуть политическую несамостоятельность даже тех городов, которые формально пользовались правами «вольного города».

В отношении городов, расположенных на землях королевского домена, политика английских королей определялась двумя основными принципами: с одной стороны, постоянным стремлением не выпускать города, даже имеющие хартии, из-под контроля центрального правительства, с другой стороны, — стремлением использовать пожалования привилегий городам для пополнения королевской казны¹⁴⁰. Английские города всегда ощущали на себе тяжелую руку центрального правительства и являлись объектом вымогательства с его стороны. Каждая новая хартия и каждое последующее ее расширение дорогой ценой оплачивались городом, хотя эти хартии мало чем гарантировались и могли быть отняты в любой момент. Возобновление хартии сплошь и рядом сопровождалось единовременным платежом и повышением суммы годовой фирмы: в первые годы правления Иоанна Безземельного за возобновление и расширение своих хартий Лондон уплатил 3 тыс. марок¹⁴¹; в 1504 г. Сити уплатил 5 тыс. марок за подтверждение свобод горожан¹⁴².

Даже самые широкие привилегии не освобождали город от постоянного и повседневного контроля центрального правительства. Право

¹³⁸ Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. С. 198—199.

¹³⁹ British Borough Charters, 1307—1660. P. 74—75.

¹⁴⁰ Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. С. 205.

¹⁴¹ Там же. С. 202.

¹⁴² Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII / Пер. с англ.; общ. ред. М.А. Барга. М., 1990. С. 132.

фирмы не освобождало его от связей с Казначейством¹⁴³, судебные привилегии городов обычно касались лишь низшей юрисдикции (не выше сотенной), не освобождая города от наездов разъездных судей и от поездок в королевские суды по гражданским и уголовным искам. Ни право фирмы, ни право городского иммунитета не спасали город от периодических посещений сборщиками тальи или других государственных налогов, не входивших в состав фирмы. Наконец, выборные должностные лица — мэры и бейлифы городов — обычно утверждались в должности сеньором города, в королевских городах — королем.

По замечанию Е.В. Гутновой, «город в любой момент по капризу короля мог потерять даже самые широкие свои привилегии и, во всяком случае, должен был беспрекословно терпеть самые грубые их нарушения»¹⁴⁴. Городские привилегии немедленно аннулировались в случае вооруженных столкновений между городами и их сеньорами и прежде всего — королем.

Наиболее характерны в этом плане взаимоотношения короны с Лондоном, который пользовался максимумом политической независимости, возможным в Англии, и, тем не менее, то и дело попадал в «руку короля». Город был лишен своих прав самоуправления в 1248 г.¹⁴⁵, затем, получив эти права обратно, вновь лишился их 20 мая 1250 г. После поражения Симона де Монфора город с 1265 по 1269 г. находился в «руке короля». Вернув свои вольности в 1269 г. ценой уплаты штрафа в 20 тыс. марок серебром, в 1287 г. Лондон снова впал в немилость и был лишен прав самоуправления на 12 лет — до 1298 г.¹⁴⁶

¹⁴³ Финансовая эксплуатация городов в XII и XIII вв. осуществлялась в разных формах. Доходы короны от городов складывались: 1) из городских фирм, которые как бы поглощали феодальные платежи горожан — ренту за держание, судебные штрафы, рыночные сборы и т. д. По самым минимальным подсчетам фирма королевских городов к концу XIII в. составляла не менее 3600 ф. в год. Даже в таком преуменьшенном размере она составляла около 10% среднегодовых доходов короны в правление Генриха III (1216—1272) — 35 тыс. ф. в год; 2) из городских платежей за вновь приобретённые привилегии, а также рент, рыночных и судебных доходов в тех городах, которые не пользовались правом фирмы; 3) из штрафов, взимавшихся с городов за различные правонарушения в пользу короля; 4) из произвольных поборов в пользу короны; 5) из налогов на движимость, которые начинают распространяться на города ещё до начала городского представительства в парламенте — с начала XIII в.; 6) из призов, захватов, закупок в кредит в пользу короля, иногда без всякой оплаты, а с 1275 г. также из регулярных пошлин на ввоз и вывоз, в основном падавших на городское население (см.: Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. С. 213—215).

¹⁴⁴ Там же. С. 202.

¹⁴⁵ Аналогичные случаи имели место в XIII в. в отношении Оксфорда в 1252 г., Саутгемптона в 1276 г., Йорка, Карлейля в 1305 г., Вустера в 1257 г., Норича, Уинчестера в 1275 г., конфедерации Пяти портов и многих других.

¹⁴⁶ Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. С. 202.

Не будучи независимыми и свободными городскими республиками, английские города, тем не менее, вместе с сотнями торговых и промышленных городских или полугородских местечек обеспечивали такой уровень развития товарно-денежных отношений в стране в целом, который во многом предопределил особенности генезиса капитализма в Англии. Важнейшую роль в этом процессе играл Лондон.

Благосостояние Лондона, развитая международная и внутренняя торговля и ремесла, широкие хозяйственные функции, положение политического центра привлекали в него людей из разных графств Англии и чужеземцев. Интенсивность миграционных потоков в значительной мере определялась возможностями города предоставить занятия, способные прокормить семью или повысить ее социальный статус и уровень жизни. В Лондоне эти возможности многократно возрастали вследствие масштабности и разносторонности функций города, разветвленной инфраструктуры, необходимой для обеспечения широких торговых операций, а также для обслуживания придворных кругов, государственных учреждений, духовенства. Исследования последних десятилетий определили основные направления и расстояния миграции в английские города в XIII—XIV вв. Источники миграции Лондона располагались достаточно равномерно вплоть до зоны радиусом около 100 км. Более 20% его новых горожан происходили из миграционной зоны примерно в 30 км, еще около 27% — в 65 км, 18% — около 100 км, 7% — около 130 км и более 11% — в 160 км¹⁴⁷. Объяснение данному факту следует искать в политической и экономической роли Лондона как столичного центра. Особенно велика была доля мигрантов из Восточной Англии и Восточного Мидленда, что определялось тесными торговыми связями между этой региональной зоной и Лондоном. Необходимо подчеркнуть, что Лондон, как любой другой город Средневековья с его высокой смертностью, особенно, но не только в периоды эпидемий¹⁴⁸, был ориентирован на постоянный приток новых жителей

¹⁴⁷По этому показателю Лондон далеко превосходил все остальные города Англии: больше половины иммигрантов в административные центры графств, такие, как Йорк, Норич, Лестер, происходили из мест, находившихся в радиусе 30 км от города; для Уинчестера и Бристоля — соответственно 35% и 32%, а примерно половина иммигрантов прибыла из округа около 65 км. Подробнее см.: Репина Л.П. Демографическая характеристика средневекового города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. С. 200.

¹⁴⁸Изучение сохранившегося статистического материала переписей населения отдельных городов и областей позволяет говорить о том, что города обычно имели более высокий коэффициент смертности (в нормальные годы он составлял 3%, но при крайне непродолжительности жизни: в Англии в 1276—1300 гг. средняя продолжительность жизни была около 31 года, в 1348—1375 гг. — около 17 лет, в 1426—1450 гг. — около 33 лет) и более низкие коэффициенты брачности (в Лон-

из сельской округи, он не мог поддерживать численность населения за счет своих внутренних ресурсов, т.е. за счет естественного воспроизводства¹⁴⁹.

Население Лондона росло довольно быстро и постоянно. Уже в середине XI в. там проживало, по крайней мере, 25 тыс. населения¹⁵⁰, в середине XII столетия — 30 тыс., в XIV в. — около 40 тыс., в 1500 г. — свыше 75 тыс. человек¹⁵¹. Особенно выделяется Тюдоровский период, когда отличительной чертой развития столицы был именно рост ее населения. В конце XVI в. на это обратил внимание Т. Платтер. Он неоднократно

доне в 1377 г. он составлял 33,4%, в провинциальных английских городах — в среднем около 40%) и рождаемости (в среднем около 4%, но в живых, как правило, оставалось не более двух-трех детей), чем сельские районы (см.: *Репина Л.П. Демографическая характеристика средневекового города. С. 189—192).*

¹⁴⁹*Бродель Ф. Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II / Пер. с франц. М.А. Юсима: в 3 ч. М., 2002. Ч. 1. Роль среды. С. 450; Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. С. 146—147. Многочисленные мигранты и беженцы, как правило, селились за восточными укреплениями, где активно занимались ремеслом и торговлей, что не могло не тревожить цехи и компании, поскольку их юрисдикция не распространялась на эти кварталы. Стремясь разрешить экономические проблемы, связанные с миграцией в предместья, власти Сити запретили жилое строительство за пределами городских стен. Вследствие этого старые здания в Сити стали расширяться за счет надстроенных этажей, погребов и флигелей. На любом клочке свободной земли возникали крохотные домишки, что увеличивало плотность населения внутри стен. Но все попытки властей обуздать урбанизацию оказались безуспешными. Мигранты, нуждавшиеся в дешевом жилье, продолжали прибывать в город морем, а также из многолюдных и плодородных областей Юго-Восточной и Восточной Англии. И именно в восточном направлении (Степени, Уайчепел) росли предместья средневекового Лондона, где бок о бок жили и бедные ремесленники, и богатые торговцы. Тогда и возник сохранившийся поныне социальный контраст между восточной и западной частями Лондона. Например, за 75 лет, с 1530 по 1605 гг., население окраин выросло с 15 до 115 тыс., то есть, более чем в 7 раз, а в пределах городских стен — в 2 раза. См.: *Евсеев В.А. Английский город в Тюдоровскую эпоху: регионы и города. С. 117.**

¹⁵⁰Исследователи подсчитали, что в это время население Йорка составляло примерно 8 тыс. человек, в Уинчестере жило от 6 до 8 тыс., в Кентербери — около 2,5 тыс., в Колчестере, Сэндвиче и Хантингдоне — около или чуть более 2 тыс., в Кембридже, Саутгемптоне, Ипсвиче и Шрусбери — от 1 тыс. до 1,5 тыс. Крупным городом севера был Норич, насчитывавший, примерно, 5 тыс. жителей. См.: *Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. С. 106.*

¹⁵¹*Gray R. A History of London. P. 141. Население Гента в середине XIV в. составляло 50 тыс. человек, во Флоренции в начале XV в. — 38 тыс. (см.: Ястребицкая А.Л. Малые города как проблема сравнительного изучения средневекового города // Средние века. 1988. Вып. 51. С. 64, 75). К концу XIV в. по численности населения Лондон отставал от Парижа, который в 1590 г. насчитывал 180 тыс. жителей, и от итальянских городов, в частности, от Неаполя, где проживало 300 тыс. человек (см.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1. С. 559).*

замечает, что «...город очень большой, открытый и населенный...»¹⁵², «...Лондон большой <...> он густо населен...»¹⁵³, «...населен так, что нельзя просто идти по улицам из-за толпы»¹⁵⁴, «...и эта улица [Лондонский мост] выглядит очень оживленной»¹⁵⁵.

Такое восприятие города имело под собой серьезные основания. Оценки численности лондонского населения, которое росло довольно быстро и постоянно, могут быть только приблизительными, но в литературе приводятся такие цифры: в 1520 г. — 80 тыс.¹⁵⁶, в 1582 г. — 100—120 тыс.; в 1600 г. — около 220 тыс.; если добавить сюда жителей той зоны вне городских стен, на которую распространялись городские вольности, то цифры увеличатся еще более чем на 20 тыс. человек¹⁵⁷. Ни в одном из крупных европейских городов не наблюдалось такого бурного роста¹⁵⁸. На протяжении XVI в. в Лондон устремился столь мощный поток обедневших и обнищавших сельских жителей, мечтавших найти средства к существованию и поселиться в столице, что Елизавета I, «услышав жалобы и уступив просьбам горожан Лондона» (надо думать, не обычных горожан, а наиболее богатых и влиятельных) вынуждена была издать специальную прокламацию, ограничивавшую строительство новых зданий как в Лондоне, так и в его предместьях¹⁵⁹.

Характерной особенностью лондонской демографии, социальной структуры и хозяйственной жизни была пестрота, сложность профессионального, имущественного, социального и этнического состава населения и его занятий. Большинство горожан были заняты в сфере производства и обращения товаров — это, прежде всего, ремесленни-

¹⁵²Thomas Platter, A Swiss Tourist in London. URL: http://www.wwnorton.com/college/english/nael/16century/topic_4/tplatter.htm (дата обращения: 20.01.2010).

¹⁵³Thomas Platter's Travels in England. P. 189.

¹⁵⁴Thomas Platter, A Swiss Tourist in London. URL: http://www.wwnorton.com/college/english/nael/16century/topic_4/tplatter.htm. (дата обращения: 20.01.2010).

¹⁵⁵Thomas Platter's Travels in England. P. 189.

¹⁵⁶См.: Gray R. A History of London. L., 1978. P. 141. В Англии ни один город не мог сравниться с Лондоном. Достаточно отметить, что к 1547 г. в Нориче было 17 тыс., а в Бристоле 10 тыс. жителей, а это крупнейшие после Лондона города Англии. См.: Ramsey P. Tudor Economic Problems. P. 10—11; Lander A.R. Government and Community of England. 1450—1509. P. 17.

¹⁵⁷Beier A.L. Social Problems in Elizabethan London // The Tudor and Stuart Town. A Reader in English Urban History, 1530—1688 / Ed. by J. Barry. L.; N.Y., 1990. P. 123; Акройд П. Лондон. Биография / Пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М., 2007. С. 131.

¹⁵⁸Показательно, что в 1550 г. по численности населения Лондон занимал 17 место среди городов Европы, в 1600 г. — четвертое, а в 1700 г. — первое место, став крупнейшим городом Западной Европы (см.: Евсеев В.А. Английский город в Тюдоровскую эпоху: регионы и города. С. 117).

¹⁵⁹Proclamation of Queen Elizabeth Against New Buildings in and About London. P. 128—131.

ки разных специальностей, мелкие торговцы и солидные купцы. Значительная часть городского населения была занята обслуживанием производства, торговли и в сфере услуг: носильщики, возчики, лодочники, матросы, трактирщики (самыми известными были три трактира Лондона: Bull Inn, Crane in Vintry, Swan Inn¹⁶⁰), повара, цирюльники и многие другие. В XVI в. сфера обслуживания и ряд коммунальных служб стали одними из наиболее быстрорастущих секторов городской экономики: в столице появились сотни гостиниц, пивных, трактиров, кофеен, где были заняты тысячи людей¹⁶¹. Складывалась интеллигенция: нотариусы, судьи и адвокаты¹⁶², врачи и аптекари, контролеры и прочие. Английские епископы и архиепископы (Ламбет, Дарем, Йорк, Уинчестер¹⁶³), аббаты, бароны имели в Лондоне свои собственные резиденции, в частности, Baynard's Castle, Crosby's Palace, Bishop's Palace at St. Paul's, Ely Inn, Salisbury Inn¹⁶⁴, а король — дворец, построенный Вильгельмом Рыжим в западном предместье Лондона — Вестминстере, где в XI в. еще при Эдуарде Исповеднике началось строительство Вестминстерского аббатства¹⁶⁵. В это же время было положено начало одной из

¹⁶⁰Chronicles of London. P. 360.

¹⁶¹Евсеев В.А. Английский город в Тюдоровскую эпоху: регионы и города. С. 122—123.

¹⁶²В Лондоне не было университета, но уже в XIV в. поблизости от дворцов придворных и епископов обосновались помощники адвокатов. После 1400 г. «Судебные инны» (четыре корпорации барристеров, которые пользуются исключительным правом приема в адвокатуру) и «Канцлерские инны» (корпорации солиситоров со школами подготовки разных категорий юристов, кроме барристеров) создали сложную систему юридической подготовки и получили привилегию присваивать звание адвоката королевских судов. К 1470 г. существовало уже около дюжины «иннов» (юридических школ), которые образовали целый квартал адвокатов, расположенный примерно посередине между дворцами и судами Вестминстера и церковными трибуналами при Саутуоркском соборе. См. подробно: Tucker P. Law Courts and Lawyers in the City of London, 1300—1550. Cambridge, 2007.

¹⁶³Baron X. The Character and Spirit of Medieval London: the Love of Order and Ceremony // London 1066—1914: Literary Sources and Documents. Vol. 1. P. 37.

¹⁶⁴Ibid.

¹⁶⁵Аббатство («Соборная церковь святого Петра») — коронационная церковь и усыпальница английских королей (Эдуарда I и его супруги Элеоноры Кастильской, Эдуарда III, Ричарда II, Генриха VII и его супруги Елизаветы Йоркской, Генриха VIII, Елизаветы I, Марии Тюдор, Марии Стюарт и др.), великолепный образец готической архитектуры, было основано Эдуардом Исповедником (он захоронен в Часовне Эдуарда Исповедника, и его могила была в течение сотен лет местом паломничества) в 1005 г. на том месте, где ранее находился храм, построенный 500 лет назад, а затем — бенедиктинское аббатство. Почти целиком Аббатство было выстроено в XIII в., во времена правления Генриха III. Однако 1298 г. оно было почти полностью уничтожено огнем и восстановлено только в 1388 г.

главных улиц современного Лондона — Стрэнду, соединяющей Сити и Вестминстер¹⁶⁶. С XI в. представители аристократических родов, архиепископы и епископы стали приобретать обширные владения в окрестностях Вестминстера — на берегу Темзы, в Саутуорке¹⁶⁷ и вдоль идущей из Сити дороги Стрэнд. В XVI в. все больше представителей знати из самых разных регионов покупали или арендовали дома в Лондоне. В 1597 г. 118 дворян, включая знать, постоянно проживали в столице, большинство — на западных окраинах города; в 1630-е гг. уже около сотни пэров и несколько сотен джентри жили в столице, где тратили от трети до половины доходов со своих внелондонских поместий¹⁶⁸. Внутри и вокруг городских стен вплоть до Реформации росло кольцо монастырей и религиозных домов — бенедиктинцев, францисканцев, доминиканцев, картезианцев, цистерцианцев, кармелитов и августинцев; приорств — the Knights Templars' на Стрэнде, св. Варфоломея на Смитфилде и св. Марии в Саутуорке; конвентов — св. Елены на Бишопсгейт и св. Марии на Клеркенуэлл; колледжей (в том числе св. Мартина ле Гранда) и госпиталей¹⁶⁹. В самом Лондоне насчитывалось 139 церквей и приходов¹⁷⁰; представители духовенства и монашества до 30-х гг. XVI в. составляли важный элемент лондонского населения.

На протяжении всего Средневековья немалую роль в хозяйственной и социальной жизни Лондона играли иностранные купцы и ремесленники, некоторые из которых обосновывались здесь на постоянное жительство, а все вместе они способствовали этническому разнообразию населения столицы. Еще со времен Этельреда II (978—1016) в городе были постоянные колонии так называемых «императорских людей», по-видимому, рейнских купцов; за ними последовали и другие — из северогерманских городов, а после битвы при Гастингсе стали прибывать многие французские, нормандские, а также фламандские купцы и ре-

¹⁶⁶В 1180 г. Вестминстер стал хранилищем королевской казны, а в XIII в. здесь же разместились основные службы — канцелярия, казначейство, суд. Несмотря на свою важнейшую роль в жизни королевства, Вестминстер на протяжении веков будет отделен в географическом и административном смысле от Лондона и сохранит относительно скромные размеры в сравнении с огромным соседом, находящемся в 3 км к востоку от него.

¹⁶⁷Предмесье Саутуорк возникло благодаря дороге, проходившей через заболоченную местность перед Лондонским мостом. Прибывающие в Лондон путешественники могли заночевать в многочисленных постоялых дворах, здесь же часто останавливались странники, например, направлявшиеся в Кентербери паломники из рассказов Дж. Чосера. В 1550 г. Саутуорк стал частью лондонского Сити.

¹⁶⁸Clay C.G. *Economic Expansion and Social Change*. Vol. 1. P. 205.

¹⁶⁹Baron X. *The Character and Spirit of Medieval London: the Love of Order and Ceremony*. P. 37—38.

¹⁷⁰Chronicles of London. P. 360.

месленные мастера, которые вскоре составили важный компонент лондонского населения. Как писал один из современников, Лондон «был удобнее всего для их торговли и больше всего снабжен товарами, которыми они привыкли торговать»¹⁷¹.

В XI в. особо важную роль играли торговцы из Фландрии, Северной Франции и Рейнского региона¹⁷². В XII—XIII вв. в столицу переместилась значительная часть итальянской иммиграции. В лондонских предместьях в XIII—XVI вв. осело много ремесленников — иммигрантов из Франции, Фландрии, Италии, Германии, количество которых постоянно росло. В 1567 г. их насчитывалось около 2700 чел., из которых 2 тыс. — фламандцы и более 400 — французы, в 1579 г. число иммигрантов удвоилось, достигнув 5 тыс. человек¹⁷³.

Но далеко не все население Лондона входило в состав городского сословия, начало формирования которого Я.А. Левицкий относит к XI—XII вв., а окончательное оформление к XIII в.¹⁷⁴ В документах городского Совета Лондона (как и других английских городов) от XIV—XVI вв. совокупность горожан-бюргеров именуется «общиной» (Common) или «корпорацией» (Corporation).

Определение социально-экономического и правового статуса горожан осложняется тем, что сами термины «городское сословие» и «бюргерство» неоднозначны. Л.П. Репина отмечает, что из сословия горожан исключаются представители других сословий (дворянства, духовенства), живущие в городе; подмастерья и ученики; деклассированные элементы — городской плебс. Однако более широкое толкование термина «сословие горожан» охватывает все торгово-ремесленное население города, в том числе подмастерьев, учеников, наемных работников, которые в той или иной мере пользовались городскими свободами, хотя и не были полноправными горожанами. В любом случае главными формирующими элементами городской общины являлись средние торгово-ремесленные слои и купеческая верхушка¹⁷⁵.

А.А. Сванидзе обращает внимание на то, что термины «бюргер» и «бюргерство» могут применяться: 1) ко всем жителям города, связанным непосредственно с городскими занятиями, в отличие от населения сельского; 2) к широкому среднему слою горожан, в отличие от патрициата и плебса; 3) к среднему и высшему слою городских жителей, ко-

¹⁷¹Цит. по: Мортон А.Л. История Англии. М., 1950. С. 73.

¹⁷²Keene D. London From the Post-Roman Period to 1300. P. 191, 196.

¹⁷³Clark P., Slack P. English Towns in Transition, 1500—1700. P. 68.

¹⁷⁴Левицкий Я.А. Английский средневековый город. Лекция 2. Формирование и развитие городов в Англии. С. 257—261.

¹⁷⁵Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. С. 6—7.

торые обладали всей полнотой прав и обязанностей в городе; 4) к городскому сословию в сословных учреждениях¹⁷⁶.

Следовательно, имеет значение критерий, который берется за отправную точку исследования: экономический, политический, социальный или правовой.

Необходимо учитывать также, что в разные периоды городской истории содержание этих терминов менялось. В XII в. «бюргерство» — это все постоянные жители города, владевшие земельными участками, имевшие право быть членами городского собрания и участвовавшие в уплате податей королю. В XIII в. в провинциальных английских городах статус бюргера теснейшим образом увязывался не только с владением землей, но и с членством в Торговой гильдии — сообществе тех, кто участвовал в торговле, занимался торговлей в том или ином качестве, в той или иной мере: это могли быть и были не только купцы, но и ремесленники, продававшие свои изделия¹⁷⁷. Представляется заслуживающей внимания точка зрения А. Мортон, полагавшего, что в Торговую гильдию входили люди, участвовавшие в выкупе городских вольностей¹⁷⁸. Членство в Торговой гильдии приравнивалось к допущению к привилегиям и свободам.

Понятие «свобода» (freedom) развивалось постепенно и лишь к XIV в. было оформлено полностью. В XIV—XVI вв. свобода в городе определялась совокупностью гражданских, экономических прав и обязанностей. Отсюда, полноправный горожанин — фримен.

Кто такие фримены Лондона, и что было необходимо для приобретения этого статуса? Торговой гильдии в столице не существовало никогда. Исследователи объясняют такую особенность лондонской жизни несколькими причинами. По мнению Ч. Гросса и Е.В. Гутновой, бурное развитие торговли и ремесла в Лондоне и раннее, четкое разграничение функций между ними способствовало тому, что здесь не было почвы для возникновения и деятельности купеческой гильдии как своеобразного нерасчлененного объединения всех горожан, занятых в торговоремесленной сфере; здесь сразу стали появляться отдельные гильдии¹⁷⁹. Я.А. Левицкий полагал, что отсутствие этого института в английской столице объясняется тем, что Лондон располагал уже столь значительными и широкими привилегиями, в том числе в области торговли, что

¹⁷⁶Сванидзе А.А. Социальная характеристика шведского бюргерства XIV—XV веков // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 40—41.

¹⁷⁷Левицкий Я.А. К вопросу о характере так называемой *gilda mercatoria* в Англии XI—XIII вв. // Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. С. 170—171, 175.

¹⁷⁸Мортон А.Л. История Англии. С. 82.

¹⁷⁹Gross Ch. The Gild Merchant. Vol. 1. P. 116; Гутнова Е.В. Городское представительство в английском парламенте конца XII—начала XIV века. С. 119.

не было необходимости добиваться их оформления путем учреждения Торговой гильдии¹⁸⁰. Для приобретения статуса полноправия Лондон располагал иными, по сравнению с членством в Торговой гильдии провинциальных городов, возможностями.

При этом необходимо учитывать, что категория «фримен» на протяжении веков неизбежно эволюционировала. Для получения права городского гражданства вплоть до конца XIII в. требовалось приобретение городского земельного держания¹⁸¹. Дж. Уильямс считает, что полноправными горожанами были жители, участвовавшие в уплате городской фирмы¹⁸². Лондонская мэрия в 1275 г. постановила, что фрименом можно стать по наследству. Возможность приобретения статуса полноправности открывало ученичество и получение звания мастера в связи с замыканием цехов; уже с 70-х гг. XIII в. допускалась также покупка полноправности¹⁸³.

Приобрести статус фримена можно было, войдя в одну из лондонских компаний через уплату вступительного взноса. Именно так стали фрименами: Ричард Лацер, торговец предметами роскоши первой половины XIV в.; Ричард Ли, бакалейщик 40-х—начала 70-х гг. XV в.; Джон Мэтью, Уильям Пэчейс и Уильям Браун, торговцы предметами роскоши второй половины XV—начала XVI вв.¹⁸⁴ К сожалению, о величине вступительного взноса источники умалчивают. Однако интересная информация на этот счет содержится в материалах, касающихся переходов лондонских купцов из одной компании в другую. Джон Ковентри первоначально был шляпником, но в 1401 г. перевелся в значительно более престижную компанию торговцев предметами роскоши, уплатив при этом 2 ф. 8 ш. Аналогичная история произошла, несколько десятилетий спустя, с Джеффри Болейном, только ему пришлось уплатить 5 ф. 13 ш.¹⁸⁵ А. Джонсон полагает, что в компании суконщиков взнос в среднем составлял 4 ф.¹⁸⁶ По мнению С. Трапп, чтобы стать членом лондонской компании, необходимо было иметь товаров стоимостью не менее 40—60 ф.¹⁸⁷

¹⁸⁰ *Левецкий Я.А.* К вопросу о характере так называемой *gilda mercatoria* в Англии XI—XIII вв. С. 175.

¹⁸¹ *Котельникова Л.А.* Крестьянство и город // *История крестьянства в Европе.* М., 1986. Т. 2. С. 80.

¹⁸² *Williams G.A.* *Medieval London. From Commune to Capital.* L., 1970. P. 45.

¹⁸³ *Ibid.*

¹⁸⁴ *Beaven A.B.* *The Aldermen of London.* Vol. 1. P. 384; Vol. 2. P. 10, 16, 18, 20. *Thrupp S.* *The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500).* P. 352, 353, 355, 362; 327.

¹⁸⁵ *Thrupp S.* *The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500).* Appendix. P. 347, 323, 333.

¹⁸⁶ *Johnson A.H.* *The History of the Worshipful Company of Drapers of London: in 2 vols.* Oxford, 1914. Vol. 1. P. 159.

¹⁸⁷ *Thrupp S.* *The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500).* P. 104.

Сложно сказать, насколько обоснованы эти цифры: лондонские компании серьезно различались по своему богатству и влиянию. На это обратил внимание еще Дж. Анвин: на основании списков плательщиков неких штрафов он установил, что возглавляли такие списки ювелиры, выплачивавшие 45 марок, в то время как торговцы пряностями платили 16 марок, а мясники и другие «бедные ремесла» — лишь по одной марке на каждого члена своей компании¹⁸⁸. Для вступления в различные лондонские компании, очевидно, требовались и различные по величине средства.

Трудно определить, каково было численное соотношение между лицами, имевшими права гражданства, и так называемыми неполноправными. Р. Грей считает, что уже к XIII в. только треть лондонцев была допущена к пользованию городскими привилегиями, остальные исключались из сферы пользования правами горожан¹⁸⁹. Во времена Дж. Чосера лишь каждый четвертый житель Лондона был фрименом, а в середине XV в. только 3 тыс. мужчин из 20 тыс. (при общей численности населения, примерно, 40 тыс.) имели статус полноправных горожан Лондона¹⁹⁰. Очевидно сокращение числа лондонских фрименов на протяжении XIII—XV вв., что отражает общие тенденции социально-политического развития как английского, так и континентального города: усиление имущественной и социальной дифференциации и поляризации населения, активизация процесса «замыкания» цеха в условиях возникновения раннекапиталистических отношений (особенно со второй половины XIV в.).

Права фрименов были весьма значительны. Только фримены имели право розничной торговли и право торговли различными товарами в пределах территории, которую контролировал город. Ни один чужеземец не мог купить товар, на который претендовал фримен (конечно, если последний предлагал равную плату). За каждым фрименом признавалось право переменить свою профессию. Фримен имел юридическую и финансовую защиту в случае столкновения с жителями других городов. Наконец, только фримены могли участвовать в городском управлении и выборах должностных лиц города¹⁹¹. Такой объем прав

¹⁸⁸ *Unwin D.* The Gild and Companies of London. P. 54—55.

¹⁸⁹ *Gray R.* A History of London. P. 81.

¹⁹⁰ *Barron C.M.* London 1300—1540. P. 400.

¹⁹¹ *British Borough Charters.* P. 74—75; *English Historical Documents 1327—1485.* Vol. 4. P. 569—570; *Кеннингем У.* Рост английской торговли и промышленности. С. 216—217; *Яброва М.М.* Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 38, 50. Это положение было общим для всех городов Англии. В Бристоле XIV—XV вв. и в Йорке в XVI в. только фримены могли заниматься торговлей, держать лавки (см.: *Мосолкина Т.В.* Организация ремесла в Бристоле в XIV—XV вв. // *Бристольские ремесленные цехи в XIV—XV вв.* Сборник текстов. Саратов, 1995. С. 7).

фрименов был характерен не только для Лондона: аналогичные права бюргеров существовали в XIV—XV вв., по крайней мере, в Лестере¹⁹² и Бристоле¹⁹³. Возможно, это была общеанглийская практика.

Оставаясь в юридическом отношении равноправными, по своему социальному и, тем более, экономическому положению торгово-ремесленное полноправное население подвергалось существенному расслоению. По данным Л.П. Репиной в отношении Лондона, в список налогоплательщиков в 1332 г. было внесено 1627 человек при населении в 40 тыс., т.е. приблизительно 4%¹⁹⁴. Подавляющее большинство налогоплательщиков составляли представители купечества, ремесленных и торговых гильдий, цеховой верхушки. В XIV—XV вв. процесс имущественной дифференциации в Лондоне достиг наивысшего уровня: произошло четкое выделение узкого круга богатейших представителей торгово-ростовщического капитала; довольно значительного среднего слоя самостоятельных ремесленников и торговцев; массы малоимущих фрименов, ниже которых находились подмастерья, ученики, наемные работники, полноправными бюргерами не являвшиеся¹⁹⁵.

Как показали исследования, социальное размежевание в Лондоне шло по трем основным направлениям: между полноправными членами гильдий и подмастерьями; между рядовыми мастерами и гильдейской верхушкой; между «старшими» и «младшими» гильдиями. В результате внутри гильдий, как ремесленных, так и торговых, четко выделились две группы: «бедные общины» и гильдейская верхушка, интересы которых всё более расходились. Целые группы ремесленных гильдий Лондона попали в зависимость от крупных купеческих корпораций, особенно это касалось ремесленников, работавших на экспорт или использовавших поставляемые с отдаленных рынков сырье. Свое формальное завершение процесс социального расслоения в торгово-ремесленных объединениях Лондона XIV—XVI вв. нашел в поглощении

¹⁹²Records of the Borough of Leicester. 1103—1327 / Ed. by M. Badeson. L., 1899. Preface. P. XXVII.

¹⁹³British Borough Charters. P. 38—41; Мосолкина Т.В. Город Бристоль в XIV—XV веках. Экономика, общественные отношения, социальная психология. С. 151.

¹⁹⁴Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии. С. 53. Интересные данные в этой связи приводит Т.В. Мосолкина: в 1313 г. в списках налогоплательщиков Бристоля числился всего 631 человек, хотя население города насчитывало примерно 10 тыс. жителей; в 1327 г. в уплате налога участвовало еще меньше — 330 человек (см.: Мосолкина Т.В. Город Бристоль в XIV—XV веках. Экономика, общественные отношения, социальная психология. С. 151). В начале XVI в. богатейшая элита Ковентри и Саутгемптона составляла 2% от общего числа бюргеров этих городов, а Лестера — 3% (см.: Keen M. English Society in the Later Middle Ages. 1348—1500. P. 97).

¹⁹⁵Репина Л.П. Лондон — столица и мегаполис. С. 347.

некоторыми «старшими» цехами «младших» и в образовании внутри каждой корпорации особого привилегированного слоя, члены которого носили ливреи — одежду цвета данной гильдии и занимали ведущие позиции в ее администрации. Самые значительные из этих корпораций вошли в элитную группу, известную как «Двенадцать Больших ливрейных компаний». Члены именно этих компаний составляли элиту сообщества горожан Лондона XIV—XVI вв. — элиту экономическую, социальную, административно-политическую. Это были олдермены — важнейшая часть общности деловых людей Лондона рассматриваемого периода.

Глава II
Деловые люди Лондона
в пространстве
социума
и власти

§1. Социальный статус и должностные критерии олдерменов

В «Белой книге» Лондона, составленной городским клерком Джоном Карпентером в 1419 г. и включающей разнообразный материал о городской жизни XIII—XIV вв., содержится положение о том, что «главными должностными лицами являются мэры, шерифы и олдермены»¹. Особо оговаривается, что мэры — исключительно, а шерифы — желательны должны выбираться из числа олдерменов². Это позволяет предположить, что на протяжении нескольких столетий олдермены были важнейшими должностными лицами Лондона, а сама эта должность, скорее всего, возникла раньше, нежели должности мэра и шерифа. Видимо не случайно клерк с большим почтением излагает материал, касающийся олдерменов, этих *reputable men*, подчеркивая древность происхождения самого термина: от саксонского *alde*, что означает человека, занимающего высокое положение, соответствующее понятию о *superior, senior*³.

¹ Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn. P. 4, 12. Я.А. Левицкий отметил, что олдермен как лицо, возглавлявшее Гилдхолл (или Торговый холл) и стоявшее во главе должностных лиц гильдий, упоминается в документах ряда других городов, в частности, Уоллингфорда в Беркшире (см.: *Левицкий Я.А.* К вопросу о характере так называемой *gilda mercatoria* в Англии XI—XIII вв. С. 166).

² Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn. P. 4, 12.

³ Ibid. P. 32. В свое время Р. Гнейст заметил, что к периоду правления Альфреда Великого (871—900) олдермен (*ealdorman*) был одним из высших сановников в государстве и занимал второе, после монарха, место в королевском Совете. Однако все его права сохранялись лишь до тех пор, пока этот сановник был облечен доверием короля, являясь его представителем в графствах (шайрах) или в наиболее значительных городских центрах (см.: *Гнейст Р.* История государственных учреждений в Англии / Пер. с нем. под ред. С.А. Венгерова. М., 1885. С. 50). По единодушному мнению исследований, олдермен в этот период чаще всего был представителем высшей знати, зачастую член королевской фамилии. Законодательство защищало их чрезвычайно высоким вергельдом, который в 4 раза превышал вергельд тэна, причем половину возмещения составляла сумма, относящаяся именно к должности. Пост олдермена не был наследственным, но, несмотря на это, многие знатные дома (по крайней мере, семьи Годвина и Леофрика в XI в.) сохраняли его за собой в течение нескольких поколений. Обычно под началом олдермена находился один шайр, но к концу X в. распространилась практика, позволявшая вручать в управление одному олдермену огромные территории (например, целиком Нортумбрию или Восточную Англию). Уже в VII—IX вв. олдермены обладали широким кругом должностных обязанностей на местном уровне. Они были предводителями вооруженных отрядов своего шайра, осуществляли полицейскую власть (должны были содействовать поимке вора), надзирали за передвижением населения и были наделены судебными полномочиями (перед ним можно было ходатайствовать за обвиняемого). Возглавляя совет шайра, олдермен имел возможность влиять на принятие решений, касающихся важнейших вопросов его внутренней жизни. См.: *Глебов А.Г.* Англия в раннее Средневековье. С. 172.

Безусловно, прямой аналогии между лондонскими олдерменами XIV—XVI вв. и англосаксонскими сановниками проводить нельзя⁴, но отметить определенную терминологическую преемственность, отражающую восприятие олдерменов как высших городских официалов, необходимо.

По мнению Л.П. Репиной, уже с конца IX в., когда социально-политическое значение Лондона резко возрастает, горожане в лице своих выборных представителей — олдерменов нередко вели переговоры с англосаксонскими и датскими претендентами на королевский престол⁵.

К. Бэррон относит появление именно городской должности олдермена Лондона к самому началу XI в.⁶, и с этим можно согласиться, учитывая возросшую экономическую, социальную и политическую роль города. К этому времени он становится значительно богаче и значительнее всех других английских городских центров.

Новый этап в истории Лондона начинается после Нормандского завоевания 1066 г., которое, по образному выражению З.Ю. Метлицкой, провело своеобразную черту между прошлым и будущим в истории Британии⁷. Несмотря на серьезные социально-политические коллизии, сопутствовавшие завоеванию⁸, именно в это время его значение как политического и экономического центра становится очевидным. Возможно, это связано и с тем, что Вильгельм Завоеватель, придав коронацией в Вестминстерском аббатстве легитимный статус своему правлению, проявил себя как продолжатель объединительных традиций государ-

⁴ Тем более что, по наблюдению А.Г. Глебова, в документах середины X в. термин «олдермен» начинает все чаще уступать место скандинавскому титулу «эрл» («eorl»), обозначавшему уже не столько королевского служащего, сколько могущественного земельного магната, нередко находившегося в конфронтации с центром. Там же. С. 172—173.

⁵ Репина Л. П. Лондон — столица и мегаполис. С. 341.

⁶ Barron C. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. P. 136.

⁷ Подробно об этом см.: Метлицкая З.Ю. Харольд — последний король англосаксов (человек и символический образ) // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2003. С. 102—114.

⁸ После Гастингса, овладения нормандцами Лондоном и рядом южных графств и коронации Вильгельма Завоевателя (1066—1087) в декабре 1066 г. последовал период долгого, сопровождавшегося интенсивными и широкомасштабными боевыми действиями покорения территории Англии. Потери среди англосаксов были весьма ощутимыми и особенно чувствительно ударили по тэнам, практически переставшим существовать. При общей численности населения Англии в 1,1 млн чел. около 4 тыс. тэнов погибло в сражениях, особенно в 1066 и 1069 гг., до 30 тыс. оказались в эмиграции в Шотландии, Скандинавии, даже на Руси и в Византии (см.: Горелов М.М. Этнополитическая идентичность и традиции исторического описания в Англии XI—XII вв. // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени. С. 122).

ственного строительства, имевших место и в старой, англосаксонской Англии⁹. И хотя Вильгельм не упоминает олдерменов в предоставленных жителям города хартиях, известно, что, по меньшей мере, с середины XI в. они возглавляли городские округа (wards) Лондона. И уже в это время выборы этих официалов происходили именно по округам, на которые был разделен город: их главная функция — охрана тех или иных городских ворот¹⁰.

К моменту завоевания 1066 г. лондонские олдермены выполняли ряд важных функций — организация защиты возглавляемых ими 24-х административных округов и городских ворот, сбор так называемых «датских денег», председательство в судебном собрании своего округа¹¹. Финансовые и судебно-административные полномочия олдерменов, как и их обязанности по охране и защите округов, сохранялись на протяжении всего рассматриваемого периода. В первой четверти XV в. олдерменам было предписано «особо заботиться о противопожарной безопасности округов»¹²: как известно, пожары были настоящим бедствием для Лондона.

Первое упоминание об олдерменах в собственно городских документах относится к 1127 г., когда появился некий список, состоявший всего из трех имен: двух, очевидно, чеканщиков и одного священника собора св. Павла¹³. «Служебные книги» Лондона начинают фиксировать имена олдерменов с 1220 г. Сам факт такого рода фиксации позволяет говорить об определенной институализации и консолидации олдерменской группы. Не случайно некоторые исследователи справедливо полагают, что в XIII в. лондонские олдермены составляли вполне оформившуюся правящую верхушку в городе¹⁴, притом, что процесс ее конституирования активно шел уже в XII столетии¹⁵. Хотя, следует признать, что источники сохранили крайне скудные сведения на этот счет. Даже свидетельства об олдерменах XIII в. весьма отрывочны. Вероятно, данное обстоятельство можно объяснить как невысоким в целом уров-

⁹ Горелов М.М. Этнополитическая идентичность и традиции историописания в Англии XI—XII вв. С. 123.

¹⁰ Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn. P. 34.

¹¹ Sheppard F. London. A History. P. 78.

¹² Letter-Book K (1422—1461). P. 60, 109.

¹³ Reynolds S. An Introduction to the History of English Medieval Towns. P. 78.

¹⁴ Home G. Medieval London. P. 108; Gray R. A History of London. P. 81; Keen M. English Society in the Later Middle Ages. P. 117; Barron C. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. P. 136. Олдермены составляли верхушку городской администрации во многих английских городах, в том числе в Бристолле, Йорке, Халле и др. (см.: Kermod J.I. Obvious Observations on the Formation of Oligarchies in Late Medieval English Towns // Towns and Townspeople in the Fifteenth Century / Ed. by J.A. Thomson. Gloucester, 1988. P. 87—88; Мосолкина Т.В. Традиции самоуправления в городах Англии // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 187).

¹⁵ Inwood S. A History of London. P. 56.

нем ведения городской документации, так и недостаточной сохранностью архивных материалов этого периода.

Всего перечислены 33 олдермена, многие из которых принадлежали к наиболее известным купеческим семьям XIII в. Это — Уильям и Ральф Хэддл (торговцы вином или суконщики); Джерард и Николас Бат (видимо, торговцы вином); торговцы предметами роскоши Серло ле Мерсер и Ральф Эсви; Ричард Рэйнджер, Роджер и Питер Фиц-Алан (их профессиональная принадлежность не известна); Джон Джизорс (торговец пряностями или вином); суконщики Джон Норман, Адам Бэсинг, Уильям Фиц-Ричард и Томас Фиц-Томас; торговец пряностями Генри Фроуик; ювелир Грегори де Роксли¹⁶. Обращает на себя внимание присутствие уже среди этих олдерменов нескольких представителей одних и тех же фамилий, очевидно, особо упрочивших свои позиции в городском сообществе.

Оформление олдерменской группы как особой социальной и политико-административной общности именно в XIII в. далеко не случайно и напрямую связано с развитием самого города, его привилегий и институтов. Напомним, что уже с XIII в. Лондон обладал полным объемом привилегий, предоставляемых королевской властью. Важнейшими были привилегии, связанные с городским самоуправлением: право иметь своих выборных должностных лиц — мэров, олдерменов, бейлифов, коронеров и пр., а также выборный Городской совет¹⁷. Однако, выборные должностные лица — мэры и бейлифы городов — обычно утверждались в должности сеньором города, а в королевских городах — королем.

Городское законодательство предъявляло особые требования к желающим стать олдерменами. Предусматривалось, что претендент на эту должность обязан соответствовать нескольким критериям, характеристика которых поможет точнее определить и полнее представить социальный статус этой категории деловых людей. Во-первых, необходимо было принадлежать к числу полноправных горожан — фрименов, права которых,

¹⁶ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 236, 337, 338, 371, 372, 373, 374.*

¹⁷ В целом для большинства английских городов были характерны две системы управления. Прежде всего, это иерархия выборных официалов, наиболее важные среди которых — мэр, шерифы/бейлифы, 12, 24 или 48 олдерменов и чемберлены, возглавлявшие/входившие в Совет, один или более. Такая модель была свойственна королевским городам. В частности, в Йорке к XV в. установилась следующая структура управления: три Совета, возглавлявшиеся и заполнявшиеся, в том числе, мэром, двумя шерифами, тремя чемберленами и 48 олдерменами. В Халле в это же время действовали мэр, шериф, два чемберлена и Совет 12-ти олдерменов. В сеньориальных городах система управления была иной: Совет, как правило, из 12-и избранных хранителей/управляющих/старост, коллективно выполнявших свои обязанности, связанные с функционированием городских финансов. Именно такой вариант описан для Беверли, см.: *Kermode J.I. Obvious Observations on the Formation of Oligarchies in Late Medieval English Towns. P. 87, 94.*

как мы видели, были весьма значительны. Во-вторых, претендент на должность олдермена обязан был состоять в одной из «Двенадцати Больших ливрейных компаний»: торговцев предметами роскоши, суконщиков, бакалейщиков, ювелиров, меховщиков, торговцев рыбой, готовым платьем, железными изделиями, солью, вином, галантерейщиков, купцов-сукноделов¹⁸.

Даже беглый взгляд на наши источники позволяет отметить, что почти все олдермены, за редким исключением, принадлежали к этим известным лондонским компаниям. Очевидно, что место олдерменов в городской общине было теснейшим образом связано с их участием в хозяйственной жизни города. В этом нас убеждают архивные материалы, опубликованные А. Бивеном. Их изучение позволило выявить, что в XIV—XVI вв. в городской Совет были избраны 729 олдерменов: 274, 181 и 274 человека соответственно по столетиям. И почти все они входили в состав известнейших «Двенадцати Больших ливрейных компаний» Лондона. В XIV в. среди олдерменов так же значатся: один кожевенных дел мастер (избран в 1319 г.), четыре канатчика, три оружейных мастера и один свечной торговец (избран в 1381 г.)¹⁹ В XV в. — по одному седельщику (избран в 1403 г.) и оловянщику (избран в 1451 г.)²⁰. В XVI в. ни о каких представителях этих, преимущественно ремесленных, компаний речи уже не идет. В основном мы имеем дело с наиболее крупными и значительными лондонскими объединениями, к XV в. выделившимися из большого числа ливрейных компаний, возникших в Лондоне во второй половине XIV столетия. Именно они держали в своих руках городское управление: мэр, шерифы и олдермены обязаны были носить ливрею той компании, членом которой они состояли. За нарушение полагался штраф в пользу муниципалитета Лондона.

Характер и специфику организации ливрейных компаний исследовала М.М. Яброва, показавшая, что они открывали немалые возможности для концентрации купеческого капитала и его проникновения в ремесло и розничную торговлю²¹.

¹⁸ Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV—начала XVI вв.). Гл. 3; Репина Л.П. Лондон — столица и мегаполис. С. 347.

¹⁹ Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 202—404. Для XIV в. имеются данные о профессиональной принадлежности 227 олдерменов из 274.

²⁰ Ibid. Vol. 2. P. 2—39. Сведения имеются о профессиональном статусе 175 олдерменов XV в. из 181.

²¹ Яброва М.М. Лондонские ливрейные компании и так называемый процесс амальгамации // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 146—173; Она же. Лондонские ливрейные компании и внешняя торговля (вторая половина XVI в.) // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1975. Вып. 3. С. 181—203; Она же. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. Гл. 3.

Попытаемся выяснить, какое место в ливрейных компаниях занимали олдермены. Это позволит нам более точно определить их социальный статус. Известно, что ливрейные компании не были однородными ни в имущественном, ни в социальном отношениях. Купеческий капитал подчинил себе массу ремесленников и мелких торговцев, концентрируясь в так называемых «ливреях». Остальные члены компании формировали «йоменри». Соотношение «ливреи» и «йоменри» менялось в зависимости от компании. Ряд исследователей приводит некоторые данные на этот счет. Так, Дж. Анвин подсчитал, что у ювелиров в 1485 г. 56 человек были в составе ливреи, а 73 — вне ее; в компании суконщиков в 1494 г. из 229 человек только 114, т.е. лишь половина, могли носить ливрею²². По данным С. Трапп, у бакалейщиков в 1470 г. из 102 человек ливрею носили только 75 членов компании²³.

Выразительную фразу, свидетельствующую о далеко зашедшем расхождении в некоторых ливрейных компаниях, содержат завещания бакалейщиков Томаса Ноллеса, олдермена 1393—1435 гг., и Джона де Уоллеса, олдермена 1420—1436 гг., и меховщика Генри Бартона, олдермена 1406—1435 гг., которые оставили деньги и имущество «бедным и очень бедным людям» своих компаний²⁴. Очевидно, что сами олдермены к этой категории себя не причисляли и в реальной жизни к таковой не принадлежали.

Но расхождением между «ливреей» и «йоменри» дело не ограничилось. В «Завещаниях» удалось обнаружить весьма примечательный факт: торговец предметами роскоши Джон Уодсок, олдермен 1397—1408 гг., оставил 20 марок тем, «кто носит ливреи» членов этой компании, «но стал бедным»²⁵. Следовательно, и сама ливрея не была однородной, в ней активно шли процессы имущественной дифференциации. Дж. Анвин приводит интересный факт из истории компании бакалейщиков: в 1430 г. 55 ее членов носили ливреи полностью, а 17 — только капюшоны²⁶. Важно, что олдермен Джон Уодсок, оставивший пожертвования для обедневших собратьев по ливрее, не причислял себя к таковым. Он явно дистанцируется от тех, «кто стал бедным», очевидно, относя себя к иному имущественному полюсу.

Любопытные подсчеты произвела С. Трапп: среди бакалейщиков крупнейшие купцы — владельцы капитала свыше одной тыс. ф. составляли 18% от общего числа членов компании; от 400 ф. до одной тыс.

²² *Unwin D.* The Guild and Companies of London. P. 226.

²³ *Thrupp S.* The Grocers of London; a Study in Distributive Trade // *Studies in English Trade in the Fifteenth century.* P. 254.

²⁴ *Calendar of Wills.* Vol. 2. P. 476, 477—479, 499—500.

²⁵ *Ibid.* P. 397—399.

²⁶ *Unwin D.* The Guild and Companies of London. P. 191.

ф. — 28%, а до 400 ф. — 54%²⁷. Судя по этим цифрам, олдермены входили не просто в самую влиятельную часть компании — ливрею, но и являлись ее верхушкой — той самой, что формировала 18%²⁸. Такой вывод напрашивается из еще одного, третьего, условия, необходимого для избрания на должность олдермена Лондона.

Претендент на избрание должен был иметь необходимый уровень материальной обеспеченности. В 1397 г. постановлением лондонской мэрии, подтвержденным затем в 1469 г., был установлен имущественный ценз для олдерменов — одна тыс. ф. «в товарах и кредитах»²⁹, который в 1525 г. был увеличен и составлял 1500 ф. «в товарах, кредитах и землях или усадьбах»³⁰. Таким образом было внесено дополнительное условие: отныне олдерменом мог стать собственник не только денежных средств, но и земли, в том числе усадеб, находившихся в Лондоне и за его пределами. Но, как видим, на первом месте непременно значатся деньги и товары. Характерно, что именно размеры движимости олдерменов XIV—XVI вв. позволяли им занять эту должность в муниципалитете. Данное положение имеет принципиальное значение: оно закрепляет специфически городское богатство — деньги, товары и кредиты, которыми располагали лондонские олдермены и которые служили своего рода барьером, отделявшим олдерменский круг от прочих бюргеров, даже очень состоятельных.

Заметим, что постановление мэрии от 1525 г. не только сузило круг возможных претендентов на должность олдермена, но, что важно, отразило изменения, произошедшие в социальном облике представителей олдерменской элиты к XVI в., а именно возрастание роли земли и недвижимости вообще в структуре их собственности³¹. Это неизбежно должно было произойти, принимая во внимание не столько количественные, сколько качественные показатели развития экономики, социальной сферы и всей инфраструктуры Лондона, превратившегося в торгово-производственный и финансовый центр международного значения.

В ордонансе Генриха V от 16 октября 1413 г., обращенном к мэру и олдерменам Лондона, было зафиксировано еще одно, четвертое, немаловажное условие: «Никто в будущем не будет олдерменом, если он не рожден в Английском королевстве и его отец — не англичанин»³². Дан-

²⁷ Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). P. 110.

²⁸ С. Трапп полагает, что в элиту ливреи входил тот, кто участвовал во внешней торговле, в том числе сырьем, и был в состоянии предоставить работу другим (Ibid. P. 13).

²⁹ Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. XXXIX.

³⁰ Ibid.

³¹ В 1640 г. ценз для олдерменов был увеличен на порядок — до 10 тыс. ф. (см.: Foster F. The Politics of Stability. A Portrait of the Rulers in Elizabethan London. L., 1977. P. 97).

³² Letter-Book I (1400—1422). P. 117.

ное королевское предписание, принятое, скорее всего, по просьбе самих лондонских олдерменов, примечательно в нескольких отношениях. Оно позволяет говорить о стремлении представителей столичной правящей элиты закрыть доступ в свои ряды предприимчивым заморским купцам (особенно итальянского и немецкого происхождения), которые некогда пополняли ее состав в силу своего исключительного богатства и влияния. Необходимо отметить и очевидно возросшую силу и влияние самих олдерменов Лондона, сумевших добиться от короля принятия такого решения, что лишний раз подтверждает общеизвестный факт: с середины XIV в. лондонские купцы начинают активно вытеснять иностранцев из наиболее прибыльных сфер торговли, концентрируют в своих руках огромные по английским меркам средства, становятся конкурентоспособными не только на рынках, но и в вопросе финансирования короны.

Высокий социальный статус лондонских олдерменов, основанный на их богатстве и общественном положении, отразился в решении палаты Общин английского парламента: еще в 1379 г., при утверждении субсидий на военные цели (вспомним, что шла Столетняя война), они были обложены так же, как английские бароны — в 2 ф.³³

Скорее всего, лондонские олдермены, как верхушка ливреи, — не просто профессиональные торговцы, а представители высшего, наиболее состоятельного купеческого слоя, принадлежавшие к бюргерской элите. Требования, предъявлявшиеся в XIV—XVI вв. к претенденту на должность столичного олдермена, совершенно четко отграничивали данную социальную группу от остальной массы лондонских фрименов.

Но насколько замкнутой была олдерменская общность? Особенно, если принять во внимание высокий уровень мобильности, в целом характерный для населения английской столицы.

§2. Социальное происхождение олдерменов и способы продвижения в олдерменскую общность

Немаловажно выяснить, за счет представителей каких социальных групп происходило формирование олдерменской среды Лондона, участвовали ли в данном процессе только лондонцы или же еще и выходцы из провинциальных городов и графств Англии. Это поможет детальнее и глубже осознать степень мобильности/замкнутости элитарной части деловых людей столицы, ее взаимосвязь с миграционными потоками, устремленными в Лондон.

³³ Keen M. English Society in the Later Middle Ages. 1348—1500. P. 9.

Материалы имеющихся в нашем распоряжении источников позволяют отметить, что значительная часть олдерменов имела купеческие «корни», происходила из купеческих фамилий, как столичных, так и провинциальных. Вот только некоторые факты, свидетельствующие о присутствии существенной потомственной купеческой компоненты в составе лондонских олдерменов. Известно, что отец виноторговца Уолтера Догета, олдермена 1380 г., тоже был лондонским торговцем вином, а его дед — владельцем таверны³⁴. Суконщик Николас Уоттон, олдермен 1403—1446 гг., значился сыном также суконщика из Лондона — Томаса Уоттона, а торговец рыбой Стефен Фостер, олдермен 1444—1458 гг., — сыном лондонского торговца рыбой³⁵. Сыном столичного пивовара числился торговец предметами роскоши Джон Тэйт, олдермен 1463—1479 гг.³⁶

Учитывая колоссальные возможности самых влиятельных ливрейных компаний Лондона, к которым принадлежали олдермены, можно предположить, что и их сыновья стремились попасть в число именно таких корпораций. Здесь вполне уместно привести данные, которыми оперирует С. Раппапорт: в 1551—1553 гг. состав «Больших ливрейных компаний» был пополнен 91 лондонцем из числа коренных жителей; при этом у более чем $\frac{3}{4}$ из них там уже числились их отцы³⁷. Цифры весьма показательные, свидетельствующие о преобладании фактически наследственного принципа комплектования «Больших ливрейных компаний» в середине XVI в., а скорее всего, и в более ранний период. Преимуществом такого рода в первую очередь пользовались именно лондонские купцы, уже входившие в состав этих объединений. Хотя и для прочих лондонцев (пусть на четверть) возможность попасть в могущественные ливрейные корпорации оставалась. Как, видимо, сохранялась она и для определенной части чужаков, провинциальных жителей, особенно в условиях высокой социальной мобильности, характерной для Лондона всего рассматриваемого периода и резко усилившейся в XVI в.³⁸

В этом убеждают и многочисленные факты, почерпнутые из источников. В частности, сыном купца из Солсбери был торговец пряностями и лондонский олдермен 1325—1330 гг. Адам де Солсбери³⁹, сама фамилия которого подчеркивает его географическое происхождение.

³⁴ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 394; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 375.*

³⁵ *Ibid. Vol. 2. P. 9; Ibid. P. 340.*

³⁶ *Ibid. P. 16; Ibid. P. 369.*

³⁷ *Rappaport S. Worlds Within Worlds: Structures of Life in Sixteenth Century London. P. 308.*

³⁸ *Ibid. P. 285; Beier A.L. Social Problems in Elizabethan London. P. 122—124.*

³⁹ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 383; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 364.*

Старшим из трех сыновей известнейшего купца из Халла — Уильяма де ля Поля — был Ричард де ля Поль, олдермен 1330—1340 гг. и деловой партнер своего не менее знаменитого среднего брата — Уильяма де ля Поля-мл., более 30 лет связанного с финансированием и торговым обслуживанием королевского двора⁴⁰. Отец торговца рыбой Джона Лоукина, лондонского олдермена 1347—1368 гг., был купцом из Кингстона-на-Темзе⁴¹. Олдермен 1355—1360 гг., торговец пряностями Томас Долсли зафиксирован в источниках как «сын Генри Долсли, торговца пряностями из городка Фапэм, графство Суррей», а среди его родственников встречаются крупный собственник, торговец из Уинчестера Роберт Долсли и торговец пряностями, лондонский олдермен 1348—1362 гг. Саймон Долсли⁴².

Обратим внимание на то, что, во-первых, из семьи Долсли вышли два олдермена Лондона, и оба принадлежали к компании торговцев пряностями. Это может служить немаловажной деталью, позволяющей наметить существование семейно-наследственного принципа замещения и важнейшей муниципальной должности, и состава одной из ливрейных компаний XIV в. Во-вторых, семья Долсли осуществляла торговлю в нескольких городах Англии (по меньшей мере, в Лондоне и Уинчестере). Вполне возможно, что Томас и Саймон Долсли, лондонские торговцы пряностями и олдермены, могли иметь общие деловые интересы с Робертом Долсли, неким торговцем из Уинчестера. В-третьих, семья Долсли объединяла не только горожан, в том числе представителей олдерменской элиты Лондона, но и дворян, среди которых — «крупный собственник» по фамилии Долсли. Данный факт, на наш взгляд, может быть истолкован как одно из частных проявлений тесных взаимосвязей, в том числе родственных, существовавших между разными социальными общностями средневековой Англии — общностями богатых и влиятельных горожан, — с одной стороны, и дворян-землевладельцев, — с другой.

Весьма успешную карьеру в столице сделал младший сын Томаса Юнга, купца из Бристоля, бакалейщик Джон Юнг, лондонский олдермен 1460—1481 гг.⁴³ Отцом бакалейщика Уильяма Эдварда, олдермена 1464—1480 гг., был торговец солью из небольшого городка в Эссексе⁴⁴.

⁴⁰ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 384; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 361; Fryde E.B. William de la Pole. Merchant and King's Banker. L.; Ronceverte, 1988. P. 2—3.*

⁴¹ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 386; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 354.*

⁴² *Ibid. P. 395; Ibid. P. 337.*

⁴³ *Ibid. Vol. 2. P. 13; Ibid. P. 376.*

⁴⁴ *Ibid. P. 12; Ibid. P. 340.*

Купец Стапля из Ковентри Томас Тэйт фигурирует в источнике как отец Джона Тэйта, олдермена 1485—1515 гг., и Роберта Тэйта, олдермена 1497—1500 гг., — торговцев предметами роскоши⁴⁵.

Таким образом, среди предков лондонских олдерменов XIV—XVI вв. источники фиксируют как лондонских купцов, так и купцов из самых разных, по величине и степени удаленности от столицы, городов Англии — Бристоля, Кингстона-на-Темзе, Ковентри, Солсбери, Халла, городов в Суррее и Эссексе.

Состояние источников, их значительная фрагментарность, к сожалению, не позволяют реконструировать сколько-нибудь полную картину купеческого происхождения лондонских олдерменов. Но, видимо, немалая их часть являлась потомственными купцами, членами купеческих династий. В связи с этим заслуживает внимания наблюдение Дж. Хоума: самые известные и процветающие столичные купцы «вырастали» из нескольких поколений деловых людей, пользовавшихся хорошей репутацией в городском сообществе. Он полагает, и, очевидно, с этим можно согласиться, что успех крупных лондонских купцов во многом обеспечивался и подкреплялся постоянным притоком наиболее предприимчивых людей из провинциальных английских городов: Бесинга, Глостера, Кентербери, Ковентри, Нортхемптона, Чигвелла и др.⁴⁶

Каким образом провинциальный купец, пришедший в Лондон, мог подняться до уровня, позволявшего ему занять прочное положение в хозяйственной, политической жизни столицы и в городском обществе в целом?

По мнению С. Трапп, вновь прибывшему купцу, чтобы начать карьеру в столице, необходимо было, во-первых, иметь значительный начальный капитал и, во-вторых, уже внести заметный вклад в развитие внешней торговли⁴⁷. Следовательно, провинциальный купец, стремившийся перебраться в Лондон и удержаться в нем, должен был весьма прочно укрепиться в сфере торговли и быть известным в деловом мире человеком. Именно наличие капитала и участие во внешней торговле,

⁴⁵ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 17; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 338.*

⁴⁶ *Home G. Medieval London. P. 273.*

⁴⁷ *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). P. 103—104.* Любопытно, что и в Йорке 20—30-х гг. XIV в. именно участие во внешней торговле, прежде всего торговле шерстью, обеспечивало и коммерческий успех, и карьерный рост «чужакам», прибывшим сюда из других городов или графств Англии. Именно так сделал карьеру Уильям Ригтон, получивший статус фримена Йорка как удильщик, а к 1338 г. ставший одним из наиболее известных и уважаемых экспортеров шерсти. И Генри де Бэлтон, владелец таверны, уже в 20-х гг. XIV столетия экспортировал шерсть, а в 1338 г. во время известных событий в Дордрехте стоимость принадлежавшей ему шерсти составляла 1668 ф. (см.: *Miller E. English Town Patricians, c. 1200—1350. P. 222—223*).

что было характерно и для ведущих лондонских купцов, в том числе олддерменов, открывали широкие перспективы перед провинциальным купечеством.

Еще один распространенный способ закрепиться в Лондоне — стать членом одной из столичных торговых компаний. Для этого было необходимо иметь товаров, в среднем, на 40—50 ф.⁴⁸

Высшей ступенью, на которую мог подняться купец, и о которой он, безусловно, мечтал, — это проникновение в т.н. фамильный бизнес. М.М. Яброва, специально изучавшая эту проблему, пришла к выводу, что уже к XV в. есть все основания говорить о тенденции к упрочению, стабилизации мелких объединений, главным образом, семейных компаний⁴⁹. Яркий тому пример — семейное объединение купцов Сели, возникшее в XV в. в пределах компании купцов-стапельщиков Кале и состоявшее из отца, матери и трех сыновей. Кроме того, к делам компании были причастны несколько их агентов и слуг⁵⁰. Однако подняться до уровня фамильного бизнеса в Лондоне могли далеко не все: начальный капитал, по подсчетам С. Трапп, должен был соответствовать запасу товаров на 1100 ф.⁵¹ Лишь очень немногие прибывавшие в столицу купцы были настолько обеспечены. Та же С. Трапп установила, что большинство из них владело значительно меньшим капиталом — от 20 до 200 ф.; в некоторых случаях к этому добавлялась земельная собственность, расположенная в их родном городе. Обладая такими наличными средствами и доходами от земельных владений, можно было попытаться начать дело совместно с лондонскими купцами: в этом случае «иногородние» вносили пай в 10 ф.⁵², что было вполне им по силам. Такого рода возможность, безусловно, представлялась намного доступнее фамильного бизнеса. Важно было в этой ситуации найти надежных компаньонов, для чего могли понадобиться определенные связи в деловом сообществе Лондона. Объективные условия для этого складывались достаточно благоприятные. Хотя объединение средств, возникновение малых компаний происходило в Англии позже, чем в некоторых других странах, особенно Средиземноморского

⁴⁸ Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). P. 104.

⁴⁹ Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 46.

⁵⁰ Подробнее об этом см.: Яброва М.М. Из истории семейных торговых компаний в Англии XV века (семья Сели) // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1987. Вып. 8. С 105—116; Она же. Некоторые особенности структуры английских семейных компаний конца XV века // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1991. Вып. 10. С. 129—137.

⁵¹ Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). P. 104.

⁵² Ibid.

региона⁵³, тенденция к объединению прослеживается уже со второй половины XIII в. В XIV—XVI вв. были распространены как внутригородские, так и межгородские торговые компании⁵⁴. Для провинциальных купцов существовала реальная возможность найти и занять свое место в лондонской экономике. Необходимы были средства, предпринимательские качества и деловые связи.

Дошедшие до нас письменные источники XIV—XVI вв. содержат свидетельства того, что некоторая часть столичных олдерменов вела свое происхождение от различных землевладельческих, в том числе дворянских, фамилий. Вот лишь один яркий пример. Джон Обри, олдермен 1370—1377 гг., происходил из фамилии нормандской знати, пользовавшейся особым расположением еще Вильгельма Завоевателя. Основатель фамилии — Обри де Вэре получил от Вильгельма обширные владения в Лондоне, включая манор Кенсингтон (270 акров земли и церковь). Впоследствии две улицы в столице королевства принадлежали этой семье — Обри Роуд и Обри Уолк⁵⁵. Но больше всего сведений о происхождении олдерменов Лондона из землевладельческих фамилий различных английских графств.

История сохранила интереснейшие материалы, касающиеся фамилий двух лондонских олдерменов второй половины XIV в. — Адама Фрэнси и Джона Пайела.

Адам Фрэнси, торговец предметами роскоши и олдермен 1352—1375 гг., родился около 1315 г., скорее всего, в одной из деревень в Северной Англии. Судя по всему, он был третьим сыном, которому предстояло попытаться счастья в городе. Бесспорных данных о точном географическом ареале его происхождения, к сожалению, нет. Фамилия Фрэнси в начале XIV в. отмечена во многих английских графствах. Возможно, что родственники Адама проживали в Линкольншире. Это были сыновья некоего Уильяма Фрэнси из Тэйсуэлла — Джон, Эллис и Ричард. Любопытно, что два последних брата служили герцогу Ланкастерскому в Бретани, а после 1358 г. Эллис перешел на службу к Джону, герцогу Бретонскому. Вполне вероятно, что он же был Эллисом Фрэнси, лондонским торговцем предметами роскоши, связанным с Саймоном и Адамом Фрэнси, возможно, не только деловыми, но и родственными узами. Брат Эллиса Ричард тоже известен как горожанин Лондона и, скорее всего, торговец предметами роскоши. О его далеко не последней роли в городском сообществе столицы свидетельствует

⁵³ Рутенбург В.И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. М.;Л., 1951.

⁵⁴ Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 53—86.

⁵⁵ *Bebbington G. London Street Names. P. 30, 109.*

хотя бы тот факт, что после кончины в 1374 г. он был похоронен в часовне церкви св. Ботольфа на Олдгейт⁵⁶.

С большей определенностью можно говорить о том, что Адам Фрэнси принадлежал к довольно обширному семейному клану из Йоркшира. В него же входил и упоминавшийся выше Саймон Фрэнси, тоже лондонский торговец предметами роскоши, финансист, олдермен и мэр столицы первой половины XIV в.⁵⁷ Немаловажную информацию о семействе Фрэнси удалось обнаружить в публикации архивных материалов кафедрального собора Йорка. В числе контрагентов сделок с недвижимостью за период 1274—1395 гг. выступили шесть представителей фамилии Фрэнсив: они владели в Йорке и его предместьях землями, усадьбами и строениями⁵⁸. А один из них — Уильям Фрэнси — избрался бейлифом города в конце 50—начале 60-х гг. XIV в.⁵⁹ Нельзя не отметить и того, что Адам Фрэнси имел некоторое, хотя и сложно сказать, какое именно, отношение к аналогичной фамилии в Ланкашире⁶⁰. Скорее всего, Адам принадлежал к широко разветвленному семейному клану Фрэнси, представители и ветви которого имелись в нескольких графствах: Линкольншире, Ланкашире и Йоркшире.

Джон Пайел, торговец предметами роскоши и лондонский олдермен 1369—1382 гг., был родом из деревни Итлинборо в Нортхемптоншире. Еще в 1285—1289 гг. его дед — Джон Пайел-ст. — приобрел здесь землю, усадьбу и другие строения⁶¹. С. О'Коннор полагает, что Пайелы происходили из числа держателей аббатства Питерборо и сумели многого добиться, став к началу XIV в. весьма состоятельными людьми, обладавшими деловой хваткой и предприимчивостью⁶². Скорее всего, Джон Пайел был старшим из сыновей, поскольку унаследовал имя своего деда и отца — Джон, кроме того, в документах сохранились свидетельства о его младшем брате Генри, знатоке канонического и гражданского права, получившем образование в Оксфорде.

Третьим сыном сэра Уильяма из местечка Паунтли в Глостершире был Ричард Уайттингтон, олдермен 1393—1423 гг., мерсер. Владения сэра Уильяма включали мелкий манор Паунтли с годовым доходом в 8 марок и небольшую собственность в местечке Соллершоп в Хере-

⁵⁶ O'Connor S.J. Biographical Background: Adam Fraunceys // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 4.

⁵⁷ Ibid. P. 4—5.

⁵⁸ Charters of the Vicars Choral of York Minster: City of York and Its Suburbs to 1546. Vol. 148. P. 9, 27, 138, 141, 195—198, 259.

⁵⁹ Ibid. P. 27, 138.

⁶⁰ O'Connor S.J. Biographical Background: Adam Fraunceys. P. 5—6.

⁶¹ O'Connor S.J. Biographical Background: John Pyel. P. 22—24.

⁶² O'Connor S.J. Adam Fraunceys and John Pyel: Perception of Status Among Merchants in Fourteenth-Century London. P. 20.

фордшире⁶³. Ясно, что столь незначительные владения не могли обеспечить достойную жизнь трем сыновьям сэра Уильяма, и Ричард, как младший из сыновей, был вынужден отправиться на поиск лучшей доли в Лондон. Здесь он впервые появился в 1379 г. и на протяжении 40 лет «творил свою судьбу и управлял ею, создавая богатство в трех основных сферах своей деятельности: как торговец предметами роскоши, как королевский финансист и как экспортер шерсти»⁶⁴. Карьера Ричарда Уайттингтона в Лондоне была остремительной и успешной: уже в первые 10 лет своего пребывания в столице он мог совершенно безболезненно оперировать суммами свыше 2 тыс. ф., а через 14 лет после появления на страницах анналов лондонской истории был избран олдерменом⁶⁵.

«Коллега» Ричарда Уайттингтона по компаний мерсеров и олдермен 1426—1446 гг. Томас Уэндесфорд был младшим сыном сэра Джона, землевладельца из графства Йоркшир⁶⁶. Бакалейщик Уильям Кэпелл, олдермен 1435—1451 гг., значится как второй сын сэра Джона из Лестершира⁶⁷. Младшим из 11-ти сыновей землевладельца из Кента, дворянина незнатного происхождения, был лондонский галантерейщик и олдермен 1567—1571 гг. Генри Бэчер⁶⁸. Три брата Ишем — Грегори, Джон и Генри, достигшие больших успехов в Лондоне, создав семейную компанию, отличительной чертой которой являлась торговля дорогим итальянским текстилем, родились в селении Рингстед, графство Нортхемптон, в период между 1520 и 1530 гг. и были соответственно четвертым, пятым и шестым мальчиками в семье эсквайра⁶⁹.

Обобщенные данные, характеризующие землевладельческие корни олдерменов в XIV—XVI вв., представлены в таблице 1⁷⁰.

Из таблицы видно, что наибольшее число олдерменов, связанных своим происхождением с землевладельческими семьями, приходится на XIV—XV вв. Именно с этим временем совпадает и наибольшее распространение олдерменского землевладения в графствах. Очевидно, эти два процесса могут быть взаимосвязаны: многие представители

⁶³ *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 374.*

⁶⁴ *Barron C.M. Richard Whittington: the Man Behind the Myth // Studies in London History / Ed. by A. Hollaender and W. Kellaway. L., 1969. P. 199.*

⁶⁵ *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 374.*

⁶⁶ *Ibid. P. 372.*

⁶⁷ *Ibid. P. 328.*

⁶⁸ *Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 80.*

⁶⁹ *The Life of John Isham (Appendix II). P. 167.*

⁷⁰ Составлена по: *Calendar of Wills. Vols. 1—2; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 321—369; Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 75—130; Ekwall E. Studies on the Population of Medieval London. Appendix. P. 1—316.*

землевладельческих фамилий, приходя в город, «приносили» с собой и часть унаследованной земельной собственности, по крайней мере, в отдельных случаях. Уход в город отпрысков землевладельческих семей во многом был обусловлен сложной экономической и социальной перестройкой английской деревни в конце XIV—XV в., когда традиционное феодальное поместье было подорвано под воздействием товарно-денежных отношений, и возникало несоответствие между стабильными доходами и неуклонно растущими ценами и расходами. В то же время интенсивный рост торговли и производства, а, следовательно, и уровня благосостояния продолжался в таком крупном центре, как Лондон (а также в Бристоле, Халле и ряде других городов).

Таблица 1

Землевладельческое происхождение лондонских олдерменов

Название графств	Количество олдерменов		
	XIV в. (из 274)	XV в. (из 181)	XVI в. (из 274)
Беркшир	—	2	—
Бедфордшир	—	2	—
Бакингемшир	—	5	1
Вустершир	—	—	1
Гламоргеншир	—	—	1
Глостершир	1	1	1
Дарем	4	—	—
Йоркшир	4	5	2
Камберленд	1	—	—
Кембриджшир	3	3	1
Кент	—	2	3
Лестершир	1	2	—
Линкольншир	6	2	1
Миддлсекс	1	—	1
Нортумберленд	1	—	—
Нортхемптоншир	6	2	1
Норфолк	22	3	1
Ноттингемшир	1	—	—
Оксфордшир	—	1	—
Стаффордшир	—	1	—
Суррей	2	—	—
Сассекс	1	—	—
Суффолк	1	5	—
Уорикшир	2	2	—
Хантингдоншир	1	1	1
Хартфордшир	—	5	1
Чешир	—	5	1
Шропшир	1	—	1
Эссекс	2	4	—
Всего:	61	53	18

Представляет интерес и еще одно обстоятельство: судя по данным источников, в город уходили, как правило, младшие сыновья землевладельцев, прежде всего мелких дворян. Очевидно, что на уход в город младших отпрысков землевладельческих семейств толкали слишком малые размеры получаемого наследства и доходы, которые не могли обеспечить подходящий их положению образ жизни⁷¹. В этом нас убеждает хотя бы история Ричарда Уайттингтона. Не будем забывать, что в рассматриваемый период по букве права все еще соблюдался принцип единонаследия родовых владений земельных собственников⁷². Поэтому младшие сыновья дворян зачастую вынуждены были искать для себя иные источники доходов.

Вовлечение представителей английского дворянства, пусть и нетитулованного по большей части, в торговлю и в целом сферу городской экономики свидетельствует также о повышении социального статуса купечества, хотя отношение общества к профессии купца оставалось противоречивым. С одной стороны, без купцов было крайне сложно обойтись. С другой, — социальный престиж их недостаточно высок. «Богач вызывает зависть и недоброжелательство, — отмечает А.Я. Гуревич, — его добропорядочность и добросовестность внушают серьезные сомнения. В целом купец оставался скорее «парией» средневекового общества»⁷³. И даже в XVI в. Эразм Роттердамский, как известно, тесно связанный с английскими гуманистами, в том числе Томасом Мором, писал: «Глупее и гаже всех купеческая порода, ибо купцы ставят себе самую гнусную цель в жизни и достигают ее наигноснейшими средствами: вечно лгут, божатся, воруют. Жульничают, надувают и при всем этом мнят себя первыми людьми в мире потому только, что пальцы их украшены золотыми перстнями»⁷⁴.

Обращает на себя внимание и то, что речь идет не о крупных собственниках земли, не о представителях титулованной аристократии, а о средних и мелких землевладельцах-дворянах. И это далеко не случайно и связано с «проблемой джентри», широко дискутировавшейся в английской исто-

⁷¹ Подробно о ситуации в английской деревне и развитии города в связи с аграрными проблемами см.: *Keene D. Landlords, the Property Market and Urban Development in Medieval England // Power, Profit and Urban Land: Landownership in Medieval and Early Modern Northern European Towns / Ed. by F.-E. Eliassen, G.A. Ersland. Aldershot, 1996. P. 93—139; Davies M., Kissock J. The Feet of Fines, the Land Market and the English Agricultural Crisis of 1315 to 1322 // Journal of Historical Geography. 2004. № 30, 2. P. 215—30; Campbell B.M.S. The Agrarian Problem in the Early Fourteenth Century // Past & Present. 2005. № 188. P. 3—70.*

⁷² *Holdsworth R. W. History of English Law. L., 1923. Vol. 4. P. 32.*

⁷³ *Гуревич А.Я. Средневековый купец // Одиссей. М., 1990. С. 100.*

⁷⁴ *Эразм Роттердамский. Похвала глупости / Сост., вступ. ст., прим. А.Л. Субботина. М., 1991. С. 98.*

риографии⁷⁵. Известно, что английские мелкие и средние вотчинники были широко и повсеместно втянуты в товарно-денежные отношения, будучи связанными с так называемой «новой вотчиной», возникавшей с XIV в. Такие вотчинники нового типа продолжали вести домениальное хозяйство, основанное на применении наемного труда, сочетали зерновое производство с товарным животноводством, эксплуатацией мельниц, солодовен, маслобоен и других аналогичных предприятий. Это было так называемое «новое дворянство» — джентри (как правило, в сословном отношении к ним принадлежали те, кто в источниках манориальной истории фигурирует как рыцарь — knight, эсквайр — esquire, просто джентльмен — gentleman, оруженосец — armiger и т.д.), умело приспособившееся к изменившимся условиям, стремившееся всячески повысить доходность своих владений⁷⁶. Для таких землевладельцев город не был чем-то далеким и незнакомым. Они успешно сочетали торговые занятия и предпринимательскую деятельность с эксплуатацией имевшейся в их распоряжении земли, осуществляя торговлю хлебом, сыром, мясом, шерстью и другой сельскохозяйственной продукцией. Джентри, таким образом, действительно представляло собой «социальный гибрид» дворянина-землевладельца и предпринимателя-«капиталиста», соединяя в доходной части своего бюджета земельную ренту и предпринимательскую прибыль⁷⁷. По наблюдению Э. Эквелла, отношения между лондонскими горожанами и джентри уже в XV в. были настолько тесными и многообразными, что зачастую трудно отделить последних от собственно горожан⁷⁸.

⁷⁵ Подробно об этом см.: *Винокурова М.В.* Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI—начала XVII в. М., 2004. С. 44—50.

⁷⁶ *Ульянов Ю.Р.* Образование и эволюция структуры манора Стонор в XIV—XV вв. // *Средние века.* 1971. Вып. 34. С. 117—144; 1972. Вып. 35. С. 154—173; *Он же.* Образование и структура маноров Биртон и Сток в XIV в. // *Средние века.* 1978. Вып. 43. С. 49—83; *Mingay G.E.* The Gentry: The Rise and Fall of a Ruling Class. L.; N.Y., 1976. P. 1—5; *Heal F., Holmes C.* The Gentry in England and Walls, 1500—1700. Stanford, 1994. P. 7—8, 15. О хозяйственной деятельности «новых дворян» и в XIV, и в XV—XVI вв. мало что известно. Из переписки Пастонов ясно, что в 50—60-е гг. XV в. они сами и некоторые джентри из их окружения почти не вели домениального хозяйства, испытывали определенные трудности с получением ренты. Однако, они попытались поправить свои дела за счет широкого применения краткосрочной аренды на 1—2 года с целью более эффективного использования изменений в рыночной конъюнктуре, держали в своих владениях много мельниц, пивоварен, солодовен, маслобоен, приносивших им немалый доход, и вели активную и выгодную торговлю зерном, солодом, шерстью (см.: *Ульянов Ю.Р.* Рост нового дворянства в Англии в XV в. // *Из истории средневековой Европы X—XVII вв.* М., 1957. С. 141—149, 150).

⁷⁷ *Лавровский В.М., Барз М.А.* Английская буржуазная революция. М., 1958. С. 98.

⁷⁸ *Ekwall E.* Studies on the Population of Medieval London. P. XXXII, XXXVIII. М.В. Винокурова отмечает, что в XVII в. коммерческая предприимчивость нового дво-

Из таблицы видно, что в XVI в. удельный вес олдерменов — выходцев из дворянских фамилий резко снижается. Отчасти это можно объяснить относительным замыканием олдерменского круга: не случайно в это время нарастает недовольство городских властей и городской корпорации Лондонского Сити массовым притоком иммигрантов из-за опасения конкуренции и обострения социальных конфликтов⁷⁹. Необходимо учитывать также увеличение цены на землю в XVI в., что способствовало ее сохранению и приобретению землевладельцами, особенно теми, кто сумел перестроить свое хозяйство на развивавшихся раннекапиталистических принципах. Это обстоятельство должно было в некоторой степени уменьшить дворянский миграционный поток в направлении города.

Данные таблицы показывают, что наиболее интенсивно элитарную купеческую общность Лондона пополняли выходцы из графств Норфолк, Нортхемптон и Линкольн. Эти графства традиционно были связаны со столицей, издавна «кормили» ее население. В целом же вырисовывается наглядная картина того, как община лондонских горожан пополнялась за счет жителей почти из всех графств Англии, начиная с ближайших — Миддлсекс, Кембриджшир, Суррей и т.д., и заканчивая наиболее отдаленными — Йоркшир, Нортумберленд, Камберленд и т.д. При этом, по наблюдению К. Плата, состав городского управления в значительно меньшей степени зависел от выходцев из собственно Лондона, а пополнялся «лучшими талантами», прежде всего, из Восточной Англии и Центра⁸⁰. Заслуживают внимания и сведения, приводимые П. Рэмси: в 1480—1660 гг. из 170 мэров, возглавлявших столичный муниципалитет, только 14 по рождению были лондонцами; а из 403 купцов, составивших завещания, менее 10% родились в Лондоне; из 389 владельцев лавок и розничных торговцев — менее 4%⁸¹.

Наибольшее число олдерменов XIV—XVI столетий — это выходцы из Восточной Англии, включающей графства: Кембридж, Линкольн, Норфолк, Суффолк, Хантингдон и Эссекс. К данному региону тесно примыкает Юго-Восточная Англия — графства: Бедфордшир, Бакин-гемшир, Беркшир, Кент, Миддлсекс, Оксфордшир, Суррей, Сассекс и

ряства была не только очевидна, но и передавалась по наследству, в результате чего в указанное время возникали целые кланы коммерчески настроенных джентри, занятых в делах Лондонского Сити, компании купцов-авантюристов, Средиземноморской торговле. В наиболее престижных купеческих компаниях столицы сыновья джентльменов, «выходцев из села», составляли от 16 до 30% (см.: *Винокурова М.В.* Мир английского манора. С. 48).

⁷⁹ *Штокмар В.В.* Очерки по истории Англии XVI века. С. 49—50.

⁸⁰ *Platt C.* The English Medieval Town. P. 117. Возрастающее влияние этих регионов на формирование населения английской столицы отмечено и в исследовании Дж. Рассела (см.: *Russell J.* Medieval Regions and their Cities. P. 126).

⁸¹ *Ramsey P.* Tudor Economic Problems. P. 110.

Хартфордшир. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие представителей Юго-Запада Англии, скорее всего, тяготевших к Бристолю. По мнению П. Рэмси, высшее купечество Лондона формировалось в основном за счет трех округов: центральных графств, особенно Стаффордшира и Шропшира, четырех восточных графств, расположенных южнее Йоркшира, и графств, окружающих Лондон⁸².

В целом это соответствует картине, вырисовывающейся на основе данных наших источников, что подчеркивает притягательность Лондона для жителей Англии, его обширные связи с самыми разными регионами страны: приходившие сюда сыновья землевладельцев, постепенно поднимавшиеся по имущественной и социальной лестнице лондонского общества, становившиеся богатыми и влиятельными купцами и олддерменами — деловыми людьми столицы.

Каков был путь выходца из графства к вершине социального могущества в Лондоне? Познакомимся поближе с некоторыми олддерменами.

Известно, что Адам Фрэнси в конце второго — начале третьего десятилетия XIV в. оказался в составе знаменитой лондонской компании торговцев предметами роскоши (мерсеров), куда стремились попасть выходцы из сельских джентри⁸³. Как горожанин Лондона он фигурирует в источниках с декабря 1339 г., когда налог с его движимого имущества составил солидную сумму в 100 ф.⁸⁴

Надо сказать, что Адам не был первопроходцем, в одиночку проторявшим себе путь в столице. Чуть ранее или, быть может, одновременно с ним здесь оказались Саймон Фрэнси из Йоркшира, тоже мерсер, впоследствии богатейший финансист, олддермен и мэр столицы в 1355—1356 гг.⁸⁵, а также Эллис и Ричард Фрэнси из Линкольншира, также мерсеры⁸⁶. Достоверным фактом являются тесные деловые связи (прежде всего, кредитные сделки и операции с недвижимостью) между всеми обозначенными Фрэнси. В целом же в 40-х гг. XIV—XV вв. в деловом мире Лондона и его муниципалитете активно действовали, по меньшей мере, 10 человек из многочисленного семейного клана Фрэнси. Среди них были торговцы предметами роскоши и вином, ювелиры, трое из которых возглавляли корпорацию Сити в качестве мэров⁸⁷.

⁸² Ramsey P. Tudor Economic Problems. P. 110.

⁸³ The Medieval Account Books of the Mercers of London: in 2 vols. Vol. 1. P. 48—57.

⁸⁴ O'Connor S.J. Biographical Background: Adam Fraunceys. P. 6.

⁸⁵ Ibid. P. 4—5. Саймон скончался в 1358 г., Адам Фрэнси был его душеприказчиком.

⁸⁶ Ibid. P. 4.

⁸⁷ Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 398; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 342; Reel J.V. Index to Biographies of Englishmen, 1000—1485, Found in Dissertations and Theses. P. 152, 504, 530, 560, 564.

Братья Ишем происходили из семьи мелких землевладельцев из местечка Питчли в графстве Нортхемптон. Грегори, родившийся около 1519—1520 гг., был отдан в школу и по достижении 16—17 лет отправлен в Лондон, где около 1537 г. поступил в ученичество в одну из богатейших и престижных купеческих компаний — торговцев предметами роскоши, в 1546 г. став ее полноправным членом⁸⁸. Проникнуть в эту лондонскую корпорацию было не просто. Скорее всего, Грегори опирался на поддержку кого-то из родственников, к тому времени обосновавшихся в столице. Видимо, речь должна идти о некоем Джоне Ишеме, еще в 1513 г. допущенном к свободам компании мерсеров и ставшем купцом-авантюристом, которому Грегори приходился внучатым племянником.

Джон, родившийся в 1525 г., до 16 лет воспитывался и обучался отцом чтению и английскому письму, а затем был тоже отправлен в столицу, где к тому времени уже находился его брат, который всячески заботился о нем, а чуть позже и о Генри. Скорее всего, именно Грегори поспособствовал тому, чтобы Джон в 1542 г. поступил в обучение к мерсеру Отуэллу Хиллу, благодаря женитьбе связанному с влиятельной лондонской семьей Лок⁸⁹.

Самый младший из братьев, Генри, «провел детство за книгами и по достижении возраста был отправлен в Лондон, к Грегори Ишему в ученичество»⁹⁰ и оставался под его началом до получения звания мастера в 1555 г.⁹¹

Показательна судьба богатейшего елизаветинского суконщика Джона Лэмбарда. Он родился около 1500 г. в селении Лэдбари в графстве Херефорд и был младшим из двух сыновей небогатого джентльмена по имени Уильям. Поскольку, согласно традиции и закону, фамильную собственность наследовал старший брат Томас, Джону предстояло попытать свое счастье на ином поприще — на церковной или военной службе, либо в торговле. Он предпочел последний вариант и в 1515 г. появился в Лондоне, где был определен учеником в ливрейную компанию суконщиков. Проучившись 13 лет, Джон Лэмбард начал свое продвижение по карьерной лестнице. В 1534 г. ему удалось приобрести ливрею, в 1544 г. он был избран младшим смотрителем, а в 1547 г. стар-

⁸⁸ The Life of John Isham (Appendix II). P. 169.

⁸⁹ На протяжении XV—XVI вв. представители этой фамилии играли видную роль в экономической и социополитической жизни Лондона, в частности, в 1463 г. должность столичного олдермена занимал торговец предметами роскоши Джон Лок, а в 1545—1550 гг. — Уильям Лок, также мерсер (см.: *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 12; Reel J.V. Index to Biographies of Englishmen, 1000—1485, Found in Dissertations and Theses. P. 604*).

⁹⁰ The Life of John Isham (Appendix II). P. 169.

⁹¹ Ibid.

шим мастером компании суконщиков и олдерменом Лондона, сохранив обе эти должности до своей кончины в 1554 г.⁹²

Еще один олдермен XVI в. Лайонел Дакет происходил из землевладельческой семьи из графства Ноттингемшир. Был определен в ученики к лондонскому торговцу предметами роскоши Джону Колету. В 1537 г. получил статус фримена; четырежды избирался старшим мастером компании торговцев предметами роскоши. Стал купцом-авантюристом, торговал сукном и вином, покупал секуляризованные земли, предоставлял займы короне, активно участвовал в деятельности Московской компании, в организации экспедиций в Гвинею, в разработке Королевских рудников. В 1564 г. был избран шерифом (на период 1564—1565 гг.) и олдерменом (оставался в должности до момента своей кончины в 1587 г.), в 1572 г. — мэром Лондона⁹³.

Успешной была и карьера Фрэнсиса Банема, происходившего из графства Хантингдоншир. Отец определил его учеником в компанию суконщиков Лондона. В 1541 г. Фрэнсис стал фрименом; дважды избирался старшим мастером своей компании. Был участником Московской компании, торговал сукном, субсидировал корону. В 1568—1576 гг. — лондонский олдермен, в 1570—1571 гг. — шериф. Умер (в мае 1576 г.) весьма состоятельным человеком: оставил недвижимость в Лондоне, Суррее, Эссексе и Уэльсе, а также движимое имущество на сумму в 2200 ф.⁹⁴

Таким образом, для наших героев «карьера» в Лондоне зачастую основывалась на семейной солидарности, поддержке родственников и начиналась с ученичества в одной из ливрейных компаний⁹⁵. Ранее было показано, что стать фрименом и, следовательно, получить все права горожанина, можно было и через вхождение в одну из лондонских ливрейных компаний посредством уплаты вступительного взноса. И в том, и в другом случаях происходило пополнение и обновление купечества Лондона за счет представителей английского дворянства.

Кроме этого, интеграция выходцев из графств в столичный купеческий социум обеспечивалась вполне определенной брачной стратегией. В частности, Джон Пайел, к февралю 1349 г. достигший 30—35 лет, женился на девушке по имени Джоан. К сожалению, известно о ней крайне мало, лишь

⁹² Warnicke R.M. William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536—1601. P. 2.

⁹³ Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 92.

⁹⁴ Ibid. P. 79.

⁹⁵ Такой вариант начала «городской жизни» для выходцев из английских графств отмечен не только для Лондона. Например, около половины должностных лиц Йорка 20—30-х гг. XIV в. имели землевладельческие «корни», а начинали в городе как купцы, вошедшие в компании торговцев предметами роскоши, торговцев рыбой или железными изделиями (см.: Miller E. English Town Patricians, с. 1200—1350. P. 222—223).

то, что родилась она в Лондоне между 1330—1335 гг., видимо, в семье торговца готовым платьем⁹⁶. Исследователи не без оснований полагают, что в основе успеха олдермена Джона Лэмбарда лежит его удачная женитьба в начале 30-х гг. XVI в. на Джулиане, дочери и наследнице известного суконщика и лондонского олдермена XVI в. Уильяма Хорна. Даже средства на приобретение ливреи, без чего невозможно было рассчитывать на карьерный рост в компании, не говоря уже о масштабах города, ему предоставила супруга. Надо думать, что немалую роль сыграли авторитет и деловые контакты ее отца — олдермена⁹⁷. Избранницей Грегори Ишема в декабре 1548 г. стала дочь Мэтью Дэйла из компании торговцев галантерейными товарами, купца-авантюриста. Если верить «Жизнеописанию Джона Ишема», супруга принесла ему хорошее наследство⁹⁸. А Джон Ишем в 26 лет женился на Элизабет Бакер, весьма состоятельной вдове лондонского купца. Благодаря этому браку Джон получил внушительное состояние: поместье в Оксфордшире, шесть домов в Лондоне, 1787 ф. 10 ш. 8 п. «в товарах и кредитах» и 235 ф. 3 ш. 9 п. наличными⁹⁹. Эти деньги, — замечает автор «Жизнеописания», — «весьма кстати перешли к Джону Ишему», у которого почти «ничего не было своего...»¹⁰⁰.

Приведенные факты не только показывают конкретные пути и механизмы пополнения и обновления элитарного купечества Лондона за счет выходцев из графств, но и могут служить яркой иллюстрацией того, как складывался союз джентри и торговой верхушки Лондона в переходную эпоху XIV—XVI столетий.

Итак, подведем некоторые итоги.

Оформление олдерменской группы как особой социально-политической общности Лондона произошло в начале XIII в., что напрямую связано с развитием самого города, его социально-политических институтов и привилегий.

Городское законодательство предъявляло ряд требований к желающим занять должность олдермена: 1) принадлежность к сообществу полноправных горожан — фрименов, которые, помимо прочих привилегий, единственные могли участвовать в городском управлении и выборах должностных лиц города; 2) членство в одной из «Двенадцати Больших ливрейных компаний». Причем, как мы выяснили, олдермены

⁹⁶ Данное предположение основано на завещании Джоан Пайел, по которому она оставила 20 ш. «братству торговцев готовым платьем». С. О'Коннор полагает, что сама Джоан входила в эту компанию (см.: *O'Connor S.J. Joan Pyel (d. 1412) // Medieval London Widows, 1300—1500 / Ed. by C.M. Barron and A.F. Sutton. L., 1994. P. 74*).

⁹⁷ *Warnicke R.M. William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536—1601. P. 2.*

⁹⁸ *The Life of John Isham (Appendix II). P. 169.*

⁹⁹ *Ibid. P. 170—171.*

¹⁰⁰ *Ibid. P. 171.*

входили в узкую, но самую богатую и влиятельную, часть компании — верхушку ливреи; 3) наличие определенного уровня материальной обеспеченности — имущественного ценза в одну тыс. ф. «в товарах и кредитах» с конца XIV в. и 1500 ф. «в товарах, кредитах и землях или усадьбах» с 1525 г. Данное требование имеет ключевое значение, закрепляя, с одной стороны, специфически городское богатство — деньги, товары и кредиты, а, с другой, — недвижимость. Владение таким имуществом и его величина служили своеобразным водоразделом между олдерменским кругом и прочими даже очень состоятельными бюргерами; 4) в 1413 г. зафиксирован еще один критерий — быть урожденным англичанином.

Очевидно, что перечисленные должностные критерии выделяли олдерменов в особую социальную группу, ограничивали ее, придавая ей в определенной мере замкнутый характер. Однако замкнутость олдерменской общности XIV—XVI вв. была далеко не абсолютной: ее состав активно пополнялся выходцами из самых разных социальных страт. Среди них обнаруживаются лондонские купцы и купцы из различных городов и городков Англии — Бристоля, Бэсинга, Глостера, Кингстона-на-Темзе, Кентербери, Ковентри, Нортхемптона, Солсбери, Халла, Чигвелла и др. Естественно, что такие купцы уже обладали немалыми средствами и были известны в деловой среде, связанной с внутренней и, прежде всего, внешней торговлей.

Состав столичных олдерменов пополнялся и за счет представителей землевладельческих фамилий, что может свидетельствовать об определенном повышении социального статуса купечества. Как правило, в город уходили младшие сыновья мелких дворян, стремившиеся обеспечить свою жизнь и вынужденные искать для этого иные, нежели наследственные земли, источники доходов. Следует принять во внимание, что для таких землевладельцев город не был совершенно чуждым явлением. По меньшей мере, с XIV в. английские мелкие и средние вотчинники (т.н. «новое дворянство» — джентри) были широко и повсеместно втянуты в товарно-денежные отношения, реально участвуя в сфере торговли и предпринимательства. Чаще всего для отпрысков землевладельческих фамилий карьера в Лондоне начиналась с прохождения ученичества в той или иной ливрейной компании.

В региональном отношении преобладали выходцы из графств, традиционно экономически связанных со столицей, — Норфолка, Нортхемптона и Линкольна. На фоне этого можем констатировать, что олдерменская общность Лондона пополнялась за счет жителей почти из всех графств Англии, начиная с ближайших — Миддлсекса, Кембриджшира, Суррея и т.д., и заканчивая наиболее отдаленными — Йоркширом, Нортумберлендом, Камберлендом и др.

Представляется, что постоянный приток свежих сил из провинциальных английских городов и различных графств благотворно сказывался на качественном состоянии олдерменской группы Лондона, обновляя ее состав, во многом обеспечивая успех крупных лондонских купцов и укрепляя межсословные взаимосвязи, а, в конечном счете, усиливая позиции олдерменов в городском сообществе и городских органах власти.

§3. Структура, функции, должностные лица магистрата

Высшим должностным лицом Лондона был мэр (Mayor), осуществлявший общее руководство городом и городской корпорацией Сити. В официальных документах — хартии Иоанна Безземельного — лондонский мэр впервые упоминается 20 марта 1202 г.¹⁰¹ Из контекста хартии следует, что мэр появился в Лондоне раньше. Это зафиксировано в «Хронике» Уильяма Грегора: во времена борьбы за власть Иоанна Безземельного в конце XII в. именно лондонский мэр выступал представителем горожан в переговорах с королем. Но и до настоящего времени продолжают дебаты по поводу даты учреждения этой должности в английской столице. Сама корпорация лондонского Сити признает в качестве таковой 1189 г.¹⁰²; Ф. Шеппард называет 1193 г. и приводит имя первого лондонского мэра¹⁰³, известного также из хроник — это Генри Фиц-Элвин, преуспевавший купец, скорее всего, суконщик, занимавший должность в течение 20 с лишним лет — с 1191 г. вплоть до своей кончины 19 сентября 1212 г.¹⁰⁴

К сожалению, нам не удалось найти документально зафиксированной даты первого появления должности мэра Лондона ни в хартиях, ни в опубликованных архивах города, ни в хрониках. Авторы же, о которых мы упомянули, ограничиваются только констатацией самих фактов. В любом случае, можно утверждать, что лондонцы получили право избирать мэра на рубеже XII—XIII столетий.

По выражению К. Бэррон, мэр являлся «могущественным правителем в небольшом домене в три квадратные мили»¹⁰⁵. Это был полномостный

¹⁰¹Fourth Charter of King John // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London. P. 18.

¹⁰²Richardson J. The Annals of London. A Year-by-Year Record of a Thousand Years of History. P. 22.

¹⁰³Sheppard F. London. A History. P. 83.

¹⁰⁴Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 225; William Gregory's Chronicle of London. P. 243—244.

¹⁰⁵Barron C. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. P. 147. Милия — 1,609 км.

и самый престижный из официалов. Столь ответственный пост надлежало занимать человеку достойному, из числа «лучших людей», способному действовать «как можно лучше», «со знанием дела», проявляя «мудрость, добросовестность, честность и беспристрастность, порядочность, инициативность и предприимчивость», что обеспечило бы эффективность функционирования всей административной системы города. Его задачей провозглашалась защита доходов, владений, вольностей и привилегий горожан. В то же время мэр Лондона официально считался и королевским чиновником: он отвечал перед королем за «поведение» горожан, прежде всего, в политико-финансовой сфере. Уже к началу XIII в. была установлена практика, когда вновь избранный мэр Лондона являлся к королю в Вестминстерский дворец для принесения ему или его представителям ежегодной клятвы¹⁰⁶. В этой клятве, произносившейся при вступлении в должность, достаточно четко разъяснялись обязанности главы города. В ней содержалось обещание, в первую очередь, верно служить королю, оберегать все его права и интересы, а также справедливо управлять горожанами, охранять права всех, одинаково относясь к богатым и к бедным, к полноправным лондонцам и к чужакам (*forinseci*)¹⁰⁷. «...Защищай вдов и сирот против злобы сильных, но не в такой степени, чтобы эти сильные могли потерпеть ущерб из-за слез слабых...»¹⁰⁸.

Таким образом, с одной стороны, декларировалось «безразличие» к статусу человека, с другой, — горожане четко различались по предпочтению: «свои» и «хорошие» — на одном полюсе, все «чужие» — на другом. От мэра официально требовалось проявлять заботу обо всех категориях горожан, не допуская ущемления интересов и «слабых», и наиболее состоятельных, пользующихся определенным влиянием лондонцев, к числу которых принадлежал и он сам. Другой вопрос — насколько этот идеал воплощался в реальной политике главы муниципалитета? Ответ очевиден: лондонские хроники и судебные протоколы буквально пестрят фактами о притеснениях «слабых» «сильными», о злоупотреблениях представителей власти имущих.

Социальный статус, престиж лондонских мэров был очень высок: согласно постановлению парламента от 1379 г., они облагались так же, как герцоги — в 4 ф.¹⁰⁹ Примерно с 1283 г. лондонский мэр становится

¹⁰⁶Fox S. *Londoners*. P. 12.

¹⁰⁷Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn. P. 521—522.

¹⁰⁸Ibid. Аналогичные требования к высшим должностным лицам средневековых городов Прованса — Марселя, Арля, Авиньона и Ниццы — упоминает Г.М. Тушина (см.: Тушина Г.М. Городская власть и горожане в зеркале статута XII—XIII вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. 3. С. 40—49).

¹⁰⁹Keen M. *English Society in the Later Middle Ages*. 1348—1500. P. 9.

«лорд-мэром»¹¹⁰, что, вероятно, свидетельствует об укреплении позиций и возрастании значения и авторитета главы муниципальной власти английской столицы. За публичное оскорбление мэра предусматривалось наказание в виде штрафа. Известно, например, что олдермен с 1499 г. Ричард Хэддон (зять шерифа Роберта Уэйфелда) был оштрафован мэром Ричардом Гарднером «за прилюдное оскорбление его персоны»¹¹¹.

Одним из высших должностных лиц в Лондоне был шериф (Sheriff). Оформление этой должности относится ко времени правления Генриха I: по хартии 1131 г. король приравнял Лондон к графству, что повышало его статус, и лондонцы получили право избирать шерифа графства Миддлсекс, которое отныне считалось неотделимым от города¹¹². Таким образом, Лондон приобрел очень важную привилегию: шериф фактически являлся главой королевской администрации в графстве¹¹³, и отныне его избирали сами горожане. Избранный лондонцами, шериф был призван защищать интересы не только короны, но и горожан, охраняя мир и осуществляя судопроизводство¹¹⁴. Более того, горожанам удалось укрепить свое положение и расширить влияние, выбирая отныне двух шерифов — собственно Лондона и графства Миддлсекс¹¹⁵. Показательно, что уже в этой хартии шериф, выбиравшийся горожанами, рассматривался как представитель королевской власти, что подчеркивает особый характер взаимоотношений между высшими должностными лицами Лондона и английской короной.

Формально шериф — это королевский чиновник, призванный защищать финансовые интересы короны, а именно: собирать третью часть судебных штрафов в пользу короля, контролировать соблюдение королевских законов. Но избирался шериф из числа горожан, чаще всего, — олдерменов¹¹⁶. В иерархии высших официалов шериф следовал сразу за мэром, по образному выражению Дж. Карпентера, «был его глазами»¹¹⁷. Важно, что именно служба в качестве шерифа позволяла претендовать на избрание мэром Лондона¹¹⁸.

¹¹⁰Richardson J. The Annals of London. A Year-by-Year Record of a Thousand Years of History. P. 38. Правда, Дж. Бэддли приводит другую дату — 1414—1415 гг. См.: Baddeley J.J. The Guildhall of the City of London. Colchester, 1939. P. 116.

¹¹¹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 437.

¹¹²Charter of Henry I. P. 3; British Borough Charters. 1307—1660. P. 74. Preface to Charters of London.

¹¹³Lander J.R. Government and Community: England 1450—1509. P. 52.

¹¹⁴Charter of Henry I. P. 3.

¹¹⁵Ibid. P. 3—4.

¹¹⁶Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 121—469; Vol. 2. P. 1—420.

¹¹⁷Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn. P. 306—307.

¹¹⁸Inwood S. A History of London. P. 59; Barron C. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. P. 159.

Таким образом, представители высшего эшелона лондонской правящей элиты, представляя перед короной интересы фрименской верхушки городской общины, в то же время служили проводниками политики короля, выступали своеобразным каналом связи между определенной частью столичного социума и королевской властью.

Шериф имел собственный штат помощников. Согласно хартии 1319 г., ему полагалось «не больше двух клерков и двух сержантов, за которых он нес полную ответственность»¹¹⁹. В начале XV в. (в 1403—1404 гг.) количество сержантов в штате шерифа было увеличено до восьми человек с общим содержанием в 20 ф.¹²⁰ Это связано, по всей видимости, с территориальным ростом и увеличением численности населения города и графства и, соответственно, с возрастанием объема выполняемой шерифом работы. Служба шерифа была оплачиваемой — в 1199 г. из городской казны ему полагалась немалая сумма в 20 ф.¹²¹, а с XIV столетия — 50 ф. в год¹²².

Важными должностными лицами муниципалитета были также: рикордер (Recorder of London) — высший судебский чиновник, утверждаемый, как правило, лорд-канцлером из числа избранных горожан для рассмотрения уголовных и гражданских дел в суде магистрата и передачи наиболее серьезных из них в суды высших инстанций¹²³; коронер (Coroner) — судебский чиновник, расследовавший (обычно с присяжными) дела о насильственной или скоропостижной смерти при сомнительных обстоятельствах; чемберлен, или городской казначей (City Chamberlain) — высшее должностное лицо городской корпорации, избиравшееся и смещавшееся в случае необходимости городской общиной¹²⁴, несшее высшую и полную материальную ответственность за состояние финансов городской общины (только он имел непосредственный доступ к городской казне и лично следил за служебными расходами); городской клерк (Common Clerk), избиравшийся с 1274 г. городской общиной и отвечавший не только за всю административную документацию, но и за муниципальный церемониал¹²⁵.

¹¹⁹British Borough Charters, 1307—1660. P. 74—75.

¹²⁰Letter-Book I (1400—1422). P. 32—33.

¹²¹British Borough Charters, 1042—1216. P. 241—242.

¹²²Gray R. A History of London. P. 83.

¹²³The London Encyclopaedia / Ed. by B. Weinreb and Ch. Hibbert. L., 1984. P. 639. Первым из известных рикордеров был Джефффри де Нортон; упоминание о нем относится к 1298 г.

¹²⁴British Borough Charters, 1307—1660. P. 75. Первое упоминание о городском чемберлене Лондона относится к 1237 г., когда на эту должность был избран некий Джон Уокер (см.: The London Encyclopaedia. P. 161).

¹²⁵British Borough Charters, 1307—1660. P. 75; Richardson J. The Annals of London. A Year-by-Year Record of a Thousand Years of History. P. 36.

Кроме них в городе имелись сборщики пошлин, констебли, сержанты-приставы и другие мелкие чиновники. В отличие от некоторых высших муниципальных должностей, служба чиновников среднего и низшего уровня оплачивалась из городской казны. Но суммы оплаты были невелики. Например, сержанты в английских городах получали в два-три раза меньше жалования квалифицированного ремесленника¹²⁶. Видимо, недостаток средств заставлял отыскивать дополнительные источники для пополнения чиновничьего кошелька. Не случайно, в хартии Лондона от 1319 г. было записано, что «городской клерк и городской сержант не должны получать что-либо еще за свою службу, а должны довольствоваться обычным вознаграждением»¹²⁷.

Все упомянутые высшие должностные лица и мелкие служащие заполняли лондонский муниципалитет¹²⁸, структура которого оформилась, скорее всего, в течение XII — первой трети XIII вв.¹²⁹ и представляется следующей. Это — «Совет олдерменов», куда входили олдермены в составе 23—26 человек (в зависимости от количества административных округов) и мэр; «Совет избранных», комплектовавшийся за счет мэра, олдерменов и 150—212 советников, избравшихся по административным округам; «Совет Ассамблеи горожан», состоявший из мэра, олдерменов, шерифов и, примерно, 70 «гильдейских старшин», занесенных в списки фрименов и носивших ливрею.

О функциях этих властных структур говорить довольно сложно, поскольку однозначной и абсолютной иерархии власти и четкого разделе-

¹²⁶ Мосолкина Т.В. Традиции самоуправления в городах Англии. С. 189.

¹²⁷ British Borough Charters, 1307—1660. P. 75.

¹²⁸ Право избирать городской Совет к началу XIV в. имели лишь 14 английских городов. Например, в Бристоле в 1344 г. в «Малой Красной книге» был зафиксирован факт появления городского Совета в составе «48 наиболее влиятельных и благоразумных людей» (см.: Мосолкина Т.В. Традиции самоуправления в городах Англии. С. 186—187).

¹²⁹ До этого времени, начиная еще с англосаксонского периода, все горожане Лондона по звону большого колокола собора св. Павла должны были, по меньшей мере, трижды в год (в день св. Михаила, на Рождество и в день св. Иоанна) собираться на фолькмут, где решались важнейшие судебные дела, обсуждались вопросы организации власти и принимались решения по ним, а также провозглашались новые законы. Это собрание, в XII в. превратившееся в ассамблею фрименов Лондона, традиционно проходило на открытом воздухе, в северо-восточной части площади вокруг собора. Однако в связи с ростом населения и усложнением структуры городского хозяйства к XIII в. проведение такого рода собраний стало практически невозможным: фолькмут постепенно (последние упоминания о нем относятся к 1227 и 1242 гг.) уступил свое место другим органам власти в Лондоне (см.: Select Charters and Other Illustrations of English Constitutional History From the Earliest Times to the Reign of Edward the First. P. 312—313; Inwood S. A History of London. P. 43—44; Barron C. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. P. 127).

ния полномочий не выявляется, но некоторые замечания по этому поводу высказать можно.

«Совет олдерменов» осуществлял судебную и исполнительную власть, утверждал избрание олдерменов, мэра, шерифов и назначение рикордеров, коронеров и прочих судейских чиновников, рассматривал вопросы, связанные с законностью выборов на различные муниципальные должности. Как исполнительный орган, пользовался правом осуществления расходов из городской казны и в связи с этим утверждал в должности городского казначея — чемберлена, контролировал действия полиции.

Обычным местом проведения заседаний «Советов» был Гилдхолл (Guildhall или Hall of Guilds) — городская ратуша, впервые упомянутая в хартии 1127 г.¹³⁰, выстроенная на средства горожан и, безусловно, являющаяся воплощением престижа и значимости городской общины и городского самоуправления¹³¹.

До 1545 г. заседания «Совета олдерменов» проходили в разное время в зависимости от сезона: осенью и зимой четыре сессии начинались в 9 часов утра, с 25 марта по 29 сентября — с 8 часов; в обоих случаях утренние заседания заканчивались к 11 часам. Третьего ноября 1545 г. были установлены единые часы заседаний — с 8 до 11 часов утра независимо от времени года. Предусматривались и специальные собрания олдерменов, участники которых могли собираться в любое время, даже до 8 часов утра, но чаще всего — после обеда. «Совет олдерменов» должен был заседать в Гилдхолле каждый вторник и четверг в течение всего года, исключая праздники (неделю до Рождества, вторник на масляной неделе и неделю перед Пасхой) и августовские каникулы (до дня св. Варфоломея — 24 августа). Две ассамблеи в неделю были минимумом, нормальной же практикой было проведение трех-четырех заседаний.

¹³⁰Gray R. A History of London. L., 1978. P. 122; Inwood S. A History of London. P. 60.

¹³¹В период 1270—1290 гг. Гилдхолл был перестроен: его каменный подземный свод уцелел в западной части крипты современного Гилдхолла, строительство которого было начато на средства горожан в 1411 году. Новое здание ратуши должно было символизировать возросшее значение городских властей и отвечать потребностям проведения различных церемоний. Строительством, полностью завершившимся почти через 30 лет, руководил известный мастер Джон Крокстон. Но и это здание Гилдхолла не сохранилось в своем первоначальном виде: крыша, фронтон, окна и многие детали интерьера неоднократно восстанавливались и переделывались из-за пожаров (особенно после Великого пожара, начавшегося 2 сентября 1666 г.: за 4 дня в пепел превратились 13 тыс. домов и более 60 церквей. Этот пожар, как считают, разрушил средневековый образ Лондона; от Гилдхолла сохранились лишь стены и склеп). Сегодня Гилдхолл является штаб-квартирой правительства Сити, именно здесь собирается Консистерия — Городской совет (см.: Long D. A History of London in 100 places. P. 60—61).

В частности, в первый год правления Елизаветы I олдермены собирались 115 раз¹³².

«Совет избранных» обладал законодательной властью: имел право вносить изменения в обычаи и законы Лондона. Кроме того, ему принадлежало право контроля над поступлением и расходом всех денежных средств города; в его ведении находились городские земельные владения и городская печать. Деятельность «Совета Ассамблеи горожан» была связана с избранием чемберлена и выдвижением кандидатов на должности мэра и шерифов¹³³.

Гражданская администрация города была тесно связана с судебной властью. В городе с XII в. действовали Суд мэра (этот чиновник не имел права подавать судебный иск «ни в какой другой городской суд, кроме своего собственного»¹³⁴) и Суд шерифа. В первые десятилетия XIII в. в Лондоне появляется Суд 24-х (позднее, после 1394 г., — 25-ти и в XVI столетии — даже 26-ти) олдерменов, «покаявшихся всегда и во всем поступать в согласии с мэром»¹³⁵. Суды олдерменов и шерифа, как правило, рассматривали дела, связанные с имущественными, торговыми и всякого рода спорными вопросами материального характера. В городе функционировали также Суды округов во главе с олдерменами: их компетенция распространялась на организацию защиты административных районов и обеспечение их общественной безопасности и санитарного состояния¹³⁶.

Помимо этих судов с 1032 г., со времени правления Кнута Великого, в Лондоне действовал так называемый Court of Husting (дословно — «Судебная ассамблея в помещении», в противоположность англосаксонскому Folkmoot — «Народному собранию на открытом воздухе»). С XII в., когда Лондон получил статус графства, Court of Husting приобрел значение Суда графства, который собирался каждый понедельник и рассматривал спорные вопросы о долгах, торговле, недвижимости и земле. Уже в начале XIII столетия Court of Husting не справлялся с огромным количеством разнообразных имущественных, финансовых и в целом хозяйственных дел, требующих оперативного судебного разбирательства, и часть их перешла в ведение Суда мэра¹³⁷. Но и этого было недостаточно — столь стремительно растущей оказалась деловая активность лондонцев, сопро-

¹³²Foster F. The Politics of Stability. A Portrait of the Rulers in Elizabethan London. P. 77—80.

¹³³Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn. P. 12—34; Thomas G.H. Town Government in the Sixteenth Century. L., 1933. P. 16.

¹³⁴British Borough Charters, 1307—1660. P. 74—75.

¹³⁵The London Encyclopaedia. P. 12—13.

¹³⁶Juzo K. Новейшие течения в английском городском самоуправлении. С. 35—37; Thomas G.H. Town Government in the Sixteenth Century. P. 16.

¹³⁷Inwood S. A History of London. P. 43—44, 59; Sheppard F. London. P. 79.

вождавшаяся всевозможными имущественными конфликтами. С 1260 г. заседания Court of Husting стали проводиться два дня в неделю — в понедельник и вторник¹³⁸. В качестве высших судейских чиновников на этих заседаниях обязательно присутствовали шесть олдерменов, которые фактически контролировали рассмотрение дел и принятие решений.

§4. Принципы и механизмы формирования органов муниципальной власти

Начиная с Magna Carta Libertatum в английской политической мысли формируется, а с 60-х гг. XIII в. утверждается идея диалога власти и общества: любая помощь королю может предоставляться только с согласия «всей общины» королевства¹³⁹. Эта идея проходит через всю историю Англии, видоизменяясь и приобретая различные модификации в разные периоды и на разных уровнях. Один из вариантов коммуникации власти и социума сложился в Лондоне.

Надо понимать, что олдермены, мэры, шерифы и прочие официалы представляли далеко не все городское общество, но весьма узкий слой полноправных горожан — фрименов, допущенных к пользованию городскими привилегиями. Это подтверждается электоральными принципами в отношении высших должностных лиц городского магистрата, которые оформились предположительно к середине XIII в. и сохранялись на протяжении всего рассматриваемого периода.

Олдермены избирались на собрании фрименов, *probi homines*, каждого городского округа, как правило, из числа советников, входивших в «Совет избранных»¹⁴⁰. Советники, как нам кажется, являлись базовым звеном, с которого начинался карьерный рост, и вполне могли рассматриваться в качестве ближайшего резерва для пополнения органов муниципальной власти.

Своих избранных, «самых достойных и знающих горожан» (*most honest and sufficient citizens*), в количестве 4 человек *probi homines* представляли мэру и другим олдерменам, которые имели право выбрать одного из предложенных претендентов и утвердить его в должности, либо отвергнуть все кандидатуры. В последнем случае процедура из-

¹³⁸ Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. P. 128.

¹³⁹ Danziger D., Gillingham J. 1215: The Year of the Magna Carta. L., 2003. P. 245; Юсим М.А. Западная Европа в позднее Средневековье. Англия // Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. С. 542.

¹⁴⁰ Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn. P. 34—35.

брания олдермена должна была проводиться повторно. Если олдермены трижды отклоняли предлагаемые *probi homines* округов кандидатуры, то получали право своей властью назначить приемлемого для них олдермена без согласования с фрименами того или иного округа и без учета их мнения¹⁴¹. Таким образом, последнее и решающее слово оставалось за самими олдерменами. Хотя нельзя игнорировать тот факт, что фримены административных округов все же имели право на участие в выборах олдерменов и пользовались этим правом. Данное обстоятельство позволило К. Фридрихсу говорить даже о «коллективной власти» в Лондоне в XV—XVI вв.¹⁴² Но это никоим образом не доказывает наличия демократических принципов в процессе реального комплектования состава олдерменства.

Известно, что в XVI в. власть в Лондоне находилась в руках лишь 238 человек (26 олдерменов и 212 советников) при численности населения, по крайней мере, в 150—200 тысяч¹⁴³. Более того, из нескольких сотен олдерменов, избравшихся в городской муниципалитет на протяжении XVI в., только в четырех случаях были утверждены кандидатуры из списков, предложенных окружными собраниями фрименов¹⁴⁴. Все это дало С. Раппапорту основания говорить о существовании в Лондоне «небольшой группы олигархов», которой принадлежала власть¹⁴⁵. И К. Фридрихс, в конечном счете, признает, что «реальная власть концентрировалась у немногих, находившихся на самой вершине социальной иерархии»¹⁴⁶. Он справедливо полагает, что олигархический характер городского управления был свойственен не только Лондону, но и многим городам Европы. Однако это не означает, что горожане не играли абсолютно никакой роли в политической жизни города¹⁴⁷.

Дошедшие до нас свидетельства письменных памятников XIV—XVI вв. позволяют говорить о том, что для олдерменов, как правило, предусматривалось пожизненное пребывание в должности: они могли быть отстранены от нее только в случае, если их уличали в преступлении, влекущим за собой лишение прав гражданства в городе¹⁴⁸.

¹⁴¹См.: Letter-Book I (1400—1422). P. 18.

¹⁴²*Friedrichs Ch. The Early Modern City, 1450—1750. L.; N.Y., 1995. P. 46—47.*

¹⁴³*Rappaport S. Worlds Within Worlds: Structures of Life in Sixteenth-Century London. P. 175.*

¹⁴⁴*Ibid. P. 174.*

¹⁴⁵*Ibid. P. 165.*

¹⁴⁶*Friedrichs Ch. The Early Modern City, 1450—1750. P. 50.*

¹⁴⁷*Ibid.*

¹⁴⁸*Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn. P. 35—36.* Аналогичная практика существовала и в других городах Англии. Например, в Йорке и Халле, см.: *Kermode J.I. Obvious Observations on the Formation of Oligarchies in Late Medieval English Towns. P. 90, 91.*

Статистическая обработка данных, содержащихся в «Служебных книгах» Лондона, позволила установить, что в XIV в. вакансий не было в течение 15 лет; 19 лет избиралось по одному олдермену, 18 лет — по два, 11 лет — по три, 7 лет — по четыре, 8 лет — по пять, три года — по шесть, один год — 7, один год — 8, 17 лет — по 23 и один год — 25 олдерменов¹⁴⁹.

В XV столетии вакансии не открывались 21 год; 29 лет избиралось по одному олдермену, 14 лет — по три, 18 лет — по два, 9 лет — по четыре, пять лет — по пять, два года — по шесть и один год — 8 олдерменов¹⁵⁰.

В XVI в. выборы олдерменов не проводились шесть лет: в 1518, 1522, 1562, 1563, 1572 и 1575 гг.; 22 года избиралось всего по одному олдермену, 28 лет — по два, 18 лет — по три, 9 лет — по четыре и 9 лет — по пять, три года — по шесть, два года — по семь и два года — по 8, один год (1536 г.) — 12 олдерменов¹⁵¹.

Периодически практика пожизненного пребывания в должности олдермена нарушалась. В частности, королевская хартия Лондону 1319 г. зафиксировала, что «олдермены будут переизбираться каждый год в марте»¹⁵². Правда, К. Бэррон пишет о том, что это новшество было воспринято как нарушение обычая и вообще осталось лишь на бумаге¹⁵³. В 1377 г. парламент подтвердил практику ежегодных выборов олдерменов, что нашло отражение и в королевском распоряжении, и в хартии, предоставленной Лондону: выборы олдерменов должны были проходить 12 марта каждого года¹⁵⁴. Поводом для такого решения послужили серьезные разногласия, существовавшие между королевским судом, юрисдикция которого распространялась на всю территорию в пределах 12 миль от королевского дворца, и городскими судами, которые оспаривали право королевского маршала вести тяжбы горожан даже в случаях, когда они оказывались в пределах дворцовой юрисдикции. На этой почве нередко возникали острейшие конфликты. В 1377 г. произведенный королевским маршалом арест одного из горожан, воспринятый лондонцами как незаконное посягательство на городские вольности, вызвал небывалое возмущение и вылился в прямое насилие. Горожане во главе с представителями муниципалитета ворвались в резиденцию маршала, захватили арестованного им в городе человека и переправили его в городскую тюрьму Ньюгейт. Власти Лондона, солидарные с массами горожан в отношении защиты лондонских при-

¹⁴⁹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 271—469.

¹⁵⁰Ibid. Vol. 2. P. 1—19.

¹⁵¹Ibid. P. 18—39.

¹⁵²British Borough Charters, 1307—1660. P. 74—75.

¹⁵³Barron C. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. P. 137.

¹⁵⁴Ibid. P. 76.

вилегий, не предприняли никаких попыток, чтобы прекратить бунт, но затем, обеспокоенные реакцией короля на беспорядки в столице, направили к нему примирительную делегацию¹⁵⁵.

Однако окончательно помириться с монархом не удалось: город на время лишился права избирать олдерменов пожизненно, король стал более жестко контролировать избирательные процедуры. В результате в XIV столетии в столичный муниципалитет формально были избраны 689 олдерменов, но реально речь должна идти о 274 неоднократно переизбиравшихся лицах. Наибольшее количество олдерменов — 416 — было избрано как раз в 1377—1394 гг. Однако здесь вырисовывается весьма любопытная картина. В 1377 г., т. е., в первый год действия королевского распоряжения, муниципалитет был полностью обновлен за счет избрания 23 новых олдерменов. Но уже на следующий год 11 олдерменов были переизбраны и 12 избраны впервые. В 1379 г. соотношение становится следующим: 17 экс-олдерменов и шесть новых; в 1380 г. — 21 экс-олдермен и только два новых; в 1387 г. были переизбраны все олдермены предыдущего года, и эта практика повторялась вплоть до 1394 г.¹⁵⁶

Таким образом, что олдерменская верхушка Лондона довольно быстро приспособилась к изменившейся электоральной ситуации и в полной мере воспользовалась тем, что экс-олдермены уже через год могли участвовать в выборах¹⁵⁷. Реально это означает, что за термином «выбирать», который применялся для обозначения процедуры формирования городского Совета, скрывалась вполне определенная практика: члены действующего Совета сами выбирали себе преемников, в том числе и прежде всего из своей же среды¹⁵⁸. Электоральная система 1377 г. оказалась нежизнеспособной. В 1394 г. был восстановлен *status quo ante*, олдерменов вновь стали избирать пожизненно¹⁵⁹.

Примерно то же можно сказать и о составе лондонского муниципалитета в XV в., куда был избран 181 олдермен¹⁶⁰. Из них 70 человек избирались на должность пожизненно, а остальные, за редким исключением, неоднократно переизбирались¹⁶¹. Наиболее заметными в этом отношении персонажами являлись: суконщик сэр Томас Кук, которого избрали олдерменом сначала 4 октября 1456 г. (вместо скончавшегося виноторговца

¹⁵⁵Репина Л.П. Лондон — столица и мегаполис. С. 343.

¹⁵⁶Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 171—390.

¹⁵⁷British Borough Charters, 1307—1660. P. 74—75.

¹⁵⁸Аналогичная ситуация сложилась и в других европейских городах, например в шведском городе XV в., о котором пишет А.А. Сванидзе (см.: Сванидзе А.А. Стратегия удержания власти: к вопросу о «демократии» в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. С. 80).

¹⁵⁹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 392—402.

¹⁶⁰Ibid. Vol. 2. P. 2—19.

¹⁶¹Ibid.

и олдермена с 1446 г. Уильяма Абрахама), а затем 13 октября 1470 г. (вместо меховщика и олдермена с 1458 г. Томаса Олгрэйва, в силу каких-то причин покинувшего олдерменскую элиту); торговец предметами роскоши сэр Генри Колет, избравшийся олдерменом 15 ноября 1476 г. (на место скончавшегося ювелира Мэтью Филипа, занимавшего должность олдермена с 1450 г.) и 1 февраля 1483 г. (на место торговца рыбой Уильяма Хэмптона, олдермена с 1462 г.); галантерейщик сэр Уильям Бэкон 19 сентября 1480 г. сменил ушедшего из жизни олдермена с 1474 г., торговца готовым платьем Роберта Коулвича, а 20 августа 1483 г. занял место олдермена с 1481 г., торговца предметами роскоши Джона Фишера (умер в 1485 г.)¹⁶².

В XVI в. из 274 олдерменов 165 находились в этой должности пожизненно, 28 переизбирались дважды и занимали должность также до своей кончины (20 олдерменов, избранных еще в XV в., и 8 олдерменов XVI в.), остальные (81 олдермен) по тем или иным неизвестным нам причинам оставили муниципалитет¹⁶³.

Должность олдермена попадала в руки определенного круга людей — богатейших купцов, непосредственно связанных с деятельностью знаменитых «Двенадцати Больших ливрейных компаний» Лондона. В XIV—XVI вв. наибольшее количество олдерменов принадлежало к самой влиятельной и процветающей компании торговцев предметами роскоши (44, 41 и 49, т.е. 134 олдермена). Далее, по представительству в муниципалитете, следовали компании бакалейщиков (26, 31, 41, т.е. 98 олдерменов), суконщиков (30, 33, 31, т.е. 94 олдермена), торговцев рыбой (40, 15, 12, т.е. 67 олдерменов), ювелиров (19, 17, 19, т.е. 55 олдерменов), меховщиков (16, 14, 15, т.е. 45 олдерменов), торговцев готовым платьем (1, 6, 27, т.е. 34 олдермена), галантерейщиков (3 — в XV в., 28 — в XVI столетии, т.е. 31 олдермен), торговцев железными изделиями (3, 8, 14, т.е. 25 олдерменов), торговцев вином (16, 2, 5, т.е. 23 олдермена), торговцев солью (3 — в XV в., 14 — в XVI в., т.е. 17 олдерменов), торговцев пряностями (17 — в XIV в.), сукноделов (16 — в XVI в.), торговцев шерстью (6 — в XIV в.)¹⁶⁴.

Как видим, время вносило свои коррективы: одни компании укрепляли свое положение в муниципалитете, другие уступали им место, отходя на второй план или вовсе исчезая, как это случилось с компаниями торговцев шерстью и торговцев пряностями, поглощенными суконщиками и бакалейщиками. Причины такой эволюции коренятся в тенденциях экономического развития Лондона, о чем мы подробнее скажем далее. Пока же отметим, что XV—XVI столетия принесли уси-

¹⁶²Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 2—19.

¹⁶³Ibid. P. 18—39.

¹⁶⁴Ibid. Vol. 1. P. 171—402; Vol. 2. P. 2—39.

ление влияния таких компаний, как торговцы готовым платьем, галантерейщики, торговцы железными изделиями, торговцы солью. В XVI в. в муниципалитете Лондона впервые появились олдермены из компании сукноделов; а вот компании торговцев рыбой и особенно торговцев вином, судя по представительству олдерменов из их состава, совершенно очевидно сдали свои позиции по сравнению с XIV столетием. Но почти неизменно на первых местах оставались торговцы предметами роскоши, бакалейщики, суконщики, ювелиры и меховщики. Олдермены именно из этих ливрейных компаний постоянно и наиболее интенсивно пополняли состав лондонского муниципалитета.

Видимо, нередко в среде олдерменов разворачивалась довольно ожесточенная борьба за избрание или переизбрание на эту должность тех или иных кому-либо угодных кандидатов, о чем красноречиво свидетельствуют «Служебные книги» за XV—XVI вв. В частности, ювелир Хэмфри Хэйфорд в 1464 г. был избран на место умершего суконщика Джона Стоккера, олдермена 1458—1464 гг., и находился в должности до 1468 г., когда был заменен на суконщика Роберта Дроупа, олдермена 1468—1487 гг. Но в 1470 г. на место все того же Хэмфри Хэйфорда каким-то образом был избран меховщик Джон Кроук. Однако неожиданно и, по не известным нам причинам, он стремительно, буквально в течение нескольких дней, покинул муниципалитет (хотя прожил он до 19 ноября 1481 г.)¹⁶⁵. Можем предположить, что кому-то из олдерменов очень хотелось видеть среди своих «коллег» именно меховщика Джона Кроука. Другая же часть олдерменов по каким-то причинам настойчиво этому противодействовала и одержала победу.

Запутанная история произошла и с замещением должности олдермена 1464—1468 гг. Джона Пломера. Сразу отметим, что этот бакалейщик после ухода из муниципалитета, о причинах которого наши источники умалчивают, прожил еще 11 лет — он умер 5 октября 1479 г. На образовавшуюся вакансию 23 июля 1468 г. был избран суконщик Стефен Фабиан, остававшийся олдерменом вплоть до своей смерти в 1503 г. Однако 22 сентября 1468 г. на место того же Джона Пломера избрали еще одного олдермена — суконщика Томаса Столбрука, исполнявшего свои обязанности также до своей кончины в 1483 г.¹⁶⁶ Таким образом, на одну вакансию сумели избрать двух новых олдерменов, очевидно, достигнув определенного компромисса.

Немало трудностей выпало и на долю уже упоминавшихся сэра Томаса Кука, сэра Генри Колета и сэра Уильяма Бэкона. Сэр Томас впервые был избран олдерменом в октябре 1456 г., но осенью 1470 г. его сменил галантерейщик Роберт Биллингдон, остававшийся на должности до своей

¹⁶⁵Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 2—19.

¹⁶⁶Ibid.

смерти в 1492 г. Однако в октябре того же (1470) года сэр Томас Кук вновь оказался среди олдерменов. Сэра Генри Колета избрали на должность олдермена в ноябре 1476 г., где он находился до 18 июня 1482 г., когда вместо него в муниципалитет пришел торговец предметами роскоши Джон Мэтью. Но уже 1 февраля 1483 г., т.е. через семь с половиной месяцев, сэр Генри вновь стал олдерменом (его избрали на место торговца рыбой Уильяма Хэмптона) и не покидал этой должности до момента своей кончины в 1505 г. Сэр Уильям Бэкон стал олдерменом в сентябре 1480 г. Но уже в августе 1482 г. был вынужден уступить свое место суконщику Уильяму Уайту (занимал должность до 1504 г.), а через год вторично был избран олдерменом. Но продержался на посту только до октября 1483 г., когда его сменил ювелир Роберт Хардинг (олдермен 1483—1490 гг., умер в 1504 г.)¹⁶⁷.

Сложности возникли и с замещением вакансии, образовавшейся в связи с кончиной 23 апреля 1536 г. олдермена и бакалейщика Ричарда Чоппинга. Первого июня 1536 г. на его место избрали некоего Джона Ричмонда; 7 ноября того же года — бакалейщика Ральфа Элейна (до этого он становился олдерменом 3 марта 1534 г. вместо умершего Уолтера Чемпиона, олдермена с 1532 г., суконщика); 12 декабря — бакалейщика Ричарда Осборна (оставался олдерменом до 1544 г., когда и умер); а через два дня — торговца рыбой Генри Эмкота (занимал должность до момента своей кончины в 1554 г.). Джон Ричмонд при этом вновь оказался среди олдерменов: 11 декабря 1537 г. его избрали вместо умершего Хэмфри Монмута, олдермена с 1534 г., суконщика. Ральф Элейн еще раз (уже третий) появляется в олдерменском кругу 26 сентября 1538 г. — вместо отошедшего в «мир иной» Джона Лонга, олдермена с 1524 г., торговца солью¹⁶⁸.

К сожалению, источники, которыми мы располагаем, не позволяют достоверно говорить о конкретной ситуации, приведшей к столь многоступенчатому заполнению вакансии. Можем лишь предполагать существование различных группировок и, соответственно, групповых интересов, основанных, видимо, на тесных хозяйственных и семейно-родственных связях и порождавших серьезные трения внутри олдерменской элиты Лондона, в том числе, и в вопросе о пополнении состава муниципалитета.

Вывод о фактическом самоназначении целого ряда членов лондонского муниципалитета подтверждают и процедуры избрания мэра Лондона и шерифов.

Мэр избирался ежегодно и только из числа олдерменов. Это правило было обязательным и для Лондона, и для провинциальных английских городов¹⁶⁹. До 1346 г., когда избрание мэра перенесли на 13 октября¹⁷⁰,

¹⁶⁷ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 2—19.*

¹⁶⁸ *Ibid. P. 18—39.*

¹⁶⁹ *Ibid. P. XXXIX.*

¹⁷⁰ Праздник перенесения мощей св. Эдуарда.

обычным днем выборов было 28 октября¹⁷¹. Однако в 1365 г. вернули прежнюю дату — 28 октября, но лишь на 3 года, после чего, вплоть до 1546 г., выборы мэра проводились 13 октября. С 1546 г. была установлена новая дата — 29 сентября¹⁷², по-видимому, приуроченная к началу нового календарного года и осенней судебной сессии¹⁷³.

Формально само избрание проходило на собрании Ассамблеи горожан, которое проходило в Гилдхолле. Реально же здесь лишь называли имена двух олдерменов — кандидатов на должность мэра, а действующий мэр и олдермены выбирали одного из них, т.е. фактически мэра избирал Совет олдерменов¹⁷⁴. «И когда наступит такое время, когда нужно избирать нового мэра на следующий год, прежний мэр должен созвать Совет состоятельных людей города, которые лучше всех других знают конституцию города, и этот Совет должен провести выборы в соответствии с ранее установленными порядками»¹⁷⁵, — записано в «Белой книге» Лондона применительно к XIV—началу XV в. О ежегодном избрании мэра Лондона наиболее зажиточными горожанами в конце XVI в. сообщает в своем описании английской столицы Томас Платтер¹⁷⁶.

Согласно той же «Белой книге», выборы высших официалов — мэра и шерифа — со времен Генриха III (1216—1272), окончательно подтвердившего право лондонцев ежегодно выбирать их из своей среды, производились следующим образом: «...несколько наиболее зажиточных и опытных граждан» поименно приглашались на выборное собрание и избирали там мэра и шерифа¹⁷⁷. Автор весьма правдоподобно объясняет установление таких порядков волнениями в народе, которые происходили при каждом очередных выборах: «Ввиду того, что на выборы мэров и шерифов, — пишет он, — стекалась к зданию муниципалитета огромная толпа народа, и так как народных сборищ следует бояться, как это мудро засвидетельствовано в 26-й главе Экклезиаста, ибо при этом может подняться ропот и шум, мэр и олдермены за несколько дней до дня выборов имели обычай сходиться и обсуждать, каким образом провести эти выборы, чтобы избежать волнений и народного

¹⁷¹Праздник Святых Симона и Иуды.

¹⁷²День св. Михаила.

¹⁷³Letter-Book F (1337—1352). P. 304; Letter-Book G (1352—1374). P. 198; Letter-Book I (1400—1422). P. 22—23. В Йорке мэра избирали 3 февраля, в Халле — 30 сентября (см.: *Kermode J.I. Obvious Observations on the Formation of Oligarchies in Late Medieval English Towns.* P. 92, 93).

¹⁷⁴Такая процедура была типична для многих английских городов XIV—XV вв., в том числе для Халла (см.: *Keen M. English Society in the Later Middle Ages. 1348—1500.* P. 99).

¹⁷⁵*Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn.* P. 521—522.

¹⁷⁶*Thomas Platter's Travels in England.* P. 190.

¹⁷⁷*Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn.* P. 241.

ропота»¹⁷⁸. Дж. Карпентер не скрывает, что целью такого ограничения числа избирателей было устранение широких слоев населения Лондона от участия в избрании главных должностных лиц города.

Число выборщиков, приглашавшихся от каждого городского округа, варьировалось: от 12-ти в более ранний период, при Эдуарде I (1272—1307) и Эдуарде II (1307—1327), до четырех при Эдуарде III (1327—1377). На 24-м году правления последнего (в 1351 г.) эта цифра была твердо установлена: четыре представителя от каждого из 25-ти административных округов¹⁷⁹, т.е. в 100 человек. В любом случае, в выборах мэра и шерифов участвовала лишь очень незначительная часть населения города, и притом самые зажиточные и влиятельные его жители. «Община» Лондона фактически была отстранена от участия в выборах, что вполне согласуется с жалобами присяжных 1274 г. Это в полной мере подтверждает и документ от 10 октября 1442 г.: «Выборы мэра должны производиться олдерменами и другими наиболее благоразумными (*more discreet*) и могущественными (*powerful*) горожанами на основании старых обычаев»¹⁸⁰. Аналогичное предписание проходило через лондонский муниципалитет 23 сентября 1467 г.¹⁸¹

Избранный таким образом мэр должен был также получить одобрение короля. В источниках удалось обнаружить информацию о том, что во вторник, 13 октября 1372 г., мэром был избран Джон Пайел, торговец предметами роскоши, олдермен 1369—1382 гг., шериф 1370—1371 гг.¹⁸² Произошло это в присутствии Джона Бенеса, уходящего мэра, Уильяма Хэлдена, рикордера, 12-ти олдерменов и двух шерифов — «с их согла-

¹⁷⁸*Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn*. P. 19. Это сообщение о порядке выборов мэров и шерифов в Лондоне весьма красноречиво подтверждается фактами, относящимися к более раннему периоду, а именно данными расследования 1274 г., во время которого присяжные одного из лондонских округов сообщили дознавателям: «Хотя вся община Лондона должна выбирать себе мэра и шерифа, олдермены одни сходятся в течение пяти дней во время выборов и избирают себе мэра и шерифа из числа угодных им людей, и община не осмеливается им противоречить, если даже они не подходят для этой должности. И это все делается против вольностей общины и к разорению бедного народа, и они не знают, на каком основании» // *Ibid.* Об этом кратко упоминает и одна из лондонских хроник (см.: *Chronicles of the Reign of Edward I and Edward II*. P. 76).

¹⁷⁹*Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn*. P. 19.

¹⁸⁰*Letter-Book K (1422—1461)*. P. 274—275.

¹⁸¹*Letter-Book L (1461—1497)*. P. 73.

¹⁸²*Folios ccxxxi—ccxxxvi: Lists of mayors and sheriffs, temp. Richard I to Edward VI // Calendar of Letter-Books of the City of London: F. 1337—1352 / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1904. P. 276—303. URL: <http://www.british-history.ac.uk/london-letter-books/volf/pp276—303> (дата обращения: 23.03.2015); *Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. Appendix I: Mayors and Sheriffs*. P. 333.*

сия и согласия общины Лондона»¹⁸³. В четверг, 28 октября, в праздник святых Симона и Иуды, в Гилдхолле Джон произнес клятву, в которой обещал справедливо управлять горожанами и охранять их права, а на следующий день предстал перед баронами Казначейства в Вестминстере и принес клятву им, обещая верно служить королю и оберегать все его права и интересы¹⁸⁴. 21 марта 1377 г. мэром был избран Ник Брембр; 29 марта он торжественно принес клятву и присягу на верность городу в Гилдхолле и Ричарду II в Тауэре¹⁸⁵.

Король также имел право отстранить мэра от должности¹⁸⁶. Яркий пример — сторонник Джона Нортхемптона Адам Стэбл, который был смещен с должности мэра 21 марта 1377 г. по распоряжению короля¹⁸⁷. Причинами такого монаршего решения стали вспыхнувшие в Лондоне городские волнения, вызванные проповедями Дж. Уиклифа, но главное — противостояние двух группировок в правящей элите города. Одну из них, пользовавшуюся поддержкой Джона Гонта, возглавлял суконщик и олдермен Джон Нортхемптон; другую — бакалейщик и олдермен Николас Брембр, сторонник Ричарда II, который, кстати, в тот же день был избран новым мэром по указанию короля¹⁸⁸.

Однако не считаться с лондонцами королевская власть не могла. Это доказывает любопытный эпизод из истории Лондона XIV в. В 1359 г. Эдуард III, четверо его сыновей и 19 знатных вельмож переоделись в одежды мэра и олдерменов столицы во время праздника, устроенного

¹⁸³Folios ccxci—ccc: May 1372—... // Calendar of Letter-Books of the City of London: G. 1352—1374 / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1905. P. 296—306. URL: <http://www.british-history.ac.uk/london-letter-books/volg/pp296—306> (дата обращения: 23.03.2015).

¹⁸⁴Ibid.

¹⁸⁵Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. Appendix I: Mayors and Sheriffs. P. 333.

¹⁸⁶По крайней мере, в XIII в. Генрих III этим правом воспользовался: Уильям Джойнер был отстранен от должности лондонского мэра «за неподчинение королевской воле». Он отказался допустить к исполнению обязанностей шерифа Саймона Фиц-Мэри — королевского ставленника, не одобренного «всеми добрыми горожанами, несмотря на то, что был получен приказ короля выбрать именно Саймона Фиц-Мэри» (см.: *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 471*). Как видим, в данном случае мэр до конца отстаивал интересы «добропорядочных» лондонцев, не желавших подчиняться чужаку и стремившихся напомнить королю о необходимости соблюдения прав и интересов горожан.

¹⁸⁷Thripp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 333.

¹⁸⁸Documents Touching John of Northampton and Sir Nicholas Brembre // A Book of London English, 1384—1425 / Ed. by R.W. Chambers and M. Daunt. Oxford, 1931. P. 18. Брембр был переизбран мэром и в следующем году, а затем в 1383—1386 гг., участвовал в подавлении восстания Уота Тайлера, за что был посвящен в рыцари королем. Подробно об этом периоде в истории Англии и Лондона см.: *Jones D. Summer of Blood: The Peasants' Revolt of 1381. L., 2010*.

в честь бракосочетания Джона Гонта и Бланки Ланкастерской, что было расценено как явный комплимент городской общине Лондона и ее правящей элите¹⁸⁹. Подобный реверанс в сторону горожан легко объясним. Эдуард III, остро нуждавшийся в деньгах, особенно в связи с началом Столетней войны, широко практиковал займы у английских экспортных торговцев, которые были почти так же богаты, как иностранные¹⁹⁰.

Видимо, нередко выборы мэра (как и олдерменов) превращались в ожесточенную борьбу различных олдерменских группировок — сторонников разных кандидатур. Показательна в этом смысле судьба олдермена XV в. Ральфа Холланда, которого трижды (в 1439, 1340 и 1341 гг.) выдвигали в качестве кандидата на должность мэра, но безрезультатно. По причинам, о которых наши источники умалчивают, несмотря на все усилия, он так и не стал мэром Лондона¹⁹¹.

Очень часто на должность мэра баллотировались одни и те же люди, нередко нарушался и принцип ежегодного замещения этой должности, четко зафиксированный в хартии 1319 г.: «Никто не будет мэром два года подряд»¹⁹². А составитель «Белой книги» Лондона XIV в. оставляет весьма показательное замечание: «...если горожане изъявят и на будущий год иметь мэром того, кто был им в течение прошедшего года, я советую ему не брать снова в свои руки управление, да и трудно допустить, чтобы повторное несение этой должности было приятно всем»¹⁹³. Но далеко не все и не всегда следовали такому совету. Слишком привлекательной казалась эта должность, и, надо думать, не только с точки зрения престижа, но, что важнее, благодаря тем колоссальным возможностям, которые она предоставляла своим обладателям.

Удалось подсчитать, что в XIV в. из 274 олдерменов мэрами Лондона были избраны 70. Из них: 50 — лишь один раз, 16 — дважды, три — трижды, а один — четырежды становился мэром¹⁹⁴. Вот только один показательный пример. Хэмо де Чигвелл, торговец рыбой и олдермен с 1315 г., занимал пост лондонского мэра 9 лет подряд: в 1319—20, 1321—22, 1323—26 и в 1327—28 гг.¹⁹⁵ Приведенные данные легко убеждают в том, что именно олдермены на протяжении всего XIV столетия занимали должность мэра Лондона, фактически монополизировав ее.

¹⁸⁹Keen M. English Society in the Later Middle Ages. 1348—1500. P. 114.

¹⁹⁰Prestwich M. Plantagenet England, 1225—1360 (New Oxford History of England). Oxford, 2005; Kowalski M. Warfare, Shipping, and Crown Patronage: The Economic Impact of the Hundred Years War on the English Port Towns. P. 233—256; Fourteenth Century England / Ed. by J.S. Hamilton. Woodbridge, 2014.

¹⁹¹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 473.

¹⁹²British Borough Charters, 1307—1660. P. 74—75.

¹⁹³Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn. P. 521—522.

¹⁹⁴Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 171—469.

¹⁹⁵Ibid. P. 380.

В XV в. из 181 олдермена мэрами стали 78. Из них: 12 избирались на этот пост дважды, остальные — только один раз¹⁹⁶. В любом случае на протяжении этого столетия должность главы муниципалитета Лондона находилась в руках исключительно олдерменов.

В XVI в. ситуация с мэрами предстает в следующем виде: из 274 олдерменов должность мэра занимали 119, из них только 8 избирались мэрами дважды, остальные — один раз¹⁹⁷.

Таким образом, на протяжении XIV—XVI вв. наблюдается рост числа олдерменов, избравшихся главой лондонского муниципалитета. Но при этом можно констатировать снижение степени концентрации этой важнейшей должности в XV—XVI вв. по сравнению с XIV столетием. Хотя должность мэра Лондона оставалась исключительно привилегией олдерменов, лишь очень немногие из них в XV—XVI вв. избирались на нее дважды, не говоря уже о четырех или девяти возможностях переизбрания, встречавшихся в XIV в. Вероятно, в XV—XVI столетиях по определенным причинам лондонцы в большей степени соблюдали букву закона и придерживались правила о ежегодном переизбрании мэра столицы, содержавшегося в пожалованных королевской властью хартиях. Это могло быть связано и со значительно более пристальным вниманием короны к происходящему в Лондоне, в том числе, к соблюдению избирательных процедур, и, возможно, с изменением позиции самих олдерменов в отношении степени и уровня своего участия во властных структурах на фоне активизации и расширения масштабов их коммерческой деятельности.

Необходимо принять во внимание и любопытный факт из описания Лондона XVI в., оставленного Т. Платтером. Он отмечает, что «глава города должен иметь доход, по меньшей мере, в 100 тыс. ф., позволяющий ему достойно выполнять обязанности сообразно статусу»¹⁹⁸. Даже для лондонских олдерменов такая сумма была весьма внушительной, и ею, надо думать, свободно располагали далеко не все из них.

Немаловажным представляется выяснить, каково было количественное соотношение мэров из различных лондонских компаний. Нам удалось обобщить содержащийся в «Служебных книгах» статистический материал и представить его в таблице 2¹⁹⁹.

¹⁹⁶Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 1—19. Интересные данные в отношении Йорка XIV—XV вв. приводит Д. Кермод. В 1365—1399 гг. и в 1400—1509 гг. 31% мэров занимали эту должность дважды; 14% мэров XIV в. и 16% — XV в. являлись таковыми два и более раз, см: *Kermode J.I. Obvious Observations on the Formation of Oligarchies in Late Medieval English Towns*. P. 92.

¹⁹⁷Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 18—39.

¹⁹⁸Thomas Platter's Travels in England. P. 190.

¹⁹⁹Таблица составлена по: *Beaven A.B. Aldermen of the City of London*. Vol. 1. P. 171—404; Vol. 2. P. 1—39.

Олдермены — мэры Лондона

Название компаний	Количество мэров		
	XIV в.	XV в.	XVI в.
торговцы предметами роскоши	14	22	25
суконщики	10	14	18
торговцы рыбой	9	8	6
торговцы пряностями	8	—	—
бакалейщики	6	15	13
ювелиры	5	7	7
торговцы вином	4	—	2
меховщики	2	3	8
торговцы железными изделиями	—	1	5
галантерейщики	—	1	12
торговцы готовым платьем	—	1	8
торговцы солью	—	—	5
сукноделы	—	—	7
канатчики	1	—	—

Из таблицы видно, что наибольшее количество мэров «поставляли» все те же компании торговцев предметами роскоши (61 олдермен стал мэром), суконщиков (42), бакалейщиков (34). К XVI в. укрепили свое положение ювелиры (19), меховщики (13), галантерейщики (13), торговцы готовым платьем (9), торговцы железными изделиями (6) и торговцы солью. Сразу весьма уверенно заявили о себе олдермены из компании сукноделов, возникшей в XVI столетии, — 7 (из 16) были избраны мэрами. Утрачивали свои позиции торговцы рыбой (23), хотя общее число мэров из этой компании было немалым, торговцы вином и, конечно, канатчики, с XV в. вообще не избиравшиеся в лондонский муниципалитет. Видимо, эти процессы напрямую связаны со значением и ролью тех или иных компаний в торговле, с богатством и влиянием их купцов, что находило отражение в избрании из их среды олдерменов и мэров.

Шерифа, как и мэра, избирали ежегодно. Причем, с XIV в., как мы видели, законом предусматривалось ежегодное избрание двух шерифов Лондона и графства Миддлсекс. Шерифами становились как олдермены, так и представители неолдерменской среды, скорее всего, из числа советников. Избрание шерифов, как и мэра, утверждалось специальным королевским представителем²⁰⁰.

Удалось выяснить, что в XIV столетии должность шерифа занимали 166 олдерменов (из 274). При этом 101 — во время пребывания в должности олдермена, а 65 стали олдерменами после службы в качестве ше-

²⁰⁰Mitchell R.J., Leys M.D.R. A History of London Life. P. 55.

рифов²⁰¹. В XV в. шерифами были 154 олдермена (из 181): 102 — в период своего олдерменства, 52 — до него²⁰². В XVI столетии шерифами были избраны 225 олдерменов (из 274): 175 — во время пребывания в должности олдермена, 41 — до олдерменства, 9 избирались шерифами и до, и во время олдерменства²⁰³. Эти данные позволяют предположить, что во многих случаях должность шерифа открывала непосредственный доступ к избранию олдерменами и, таким образом, — к самой вершине лондонской власти. Обращает на себя внимание очевидное возрастание интереса олдерменской элиты Лондона к должности шерифа на протяжении рассматриваемого периода.

В XVI в. лондонские олдермены становились шерифами не только столицы, но и ряда английских графств — Бедфордшира, Ланкашира, Нортхемптона, Хартфордшира, Эссекса²⁰⁴. Эти факты могут свидетельствовать и о возрастании могущества и влияния столичных олдерменов, и об укреплении сотрудничества представителей купеческой верхушки Лондона и королевской власти, чьи интересы в графствах призваны были защищать шерифы.

Данные о профессиональной принадлежности шерифов Лондона представлены в таблице 3²⁰⁵.

Как видим, и должность шерифа чаще всего оказывалась в руках торговцев предметами роскоши (114 олдерменов), суконщиков (74), бакалейщиков (73), торговцев рыбой (52), ювелиров (39) и меховщиков (34). Однако необходимо признать, что присутствие на этой должности олдерменов из компаний торговцев рыбой и торговцев вином сокращается на протяжении рассматриваемого периода. С XV в. полностью утрачивают свои позиции торговцы пряностями и канатчики. Одновременно усиливаются торговцы железными изделиями, солью, готовым платьем, галантерейщиками и, естественно, сукноделами. Фактически мы можем говорить о совпадении тенденций на занятие должностей шерифа и мэра в XIV—XVI вв.

Для XV—XVI столетий оказалось возможным выявить максимальные и минимальные сроки пребывания олдерменов в своей должности. В XV в. первые составили от 10 до 44 лет. Двенадцать олдерменов занимали эту должность на протяжении 10 лет; 11 — в течение 15 лет; 10 находились в своей должности 11 лет; девять — 17 лет; восемь — 13 лет; семь — 18 лет; по шесть — 12, 14 лет, 22 и 24 года; пять олдерменов пребывали

²⁰¹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 171—404.

²⁰²Ibid. Vol. 2. P. 2—19.

²⁰³Ibid. P. 18—39.

²⁰⁴Ibidem.

²⁰⁵Таблица составлена по: Ibid. Vol. 1. P. 171—404; Vol. 2. P. 1—39.

Олдермены — шерифы Лондона

Название компаний	Количество шерифов		
	XIV в.	XV в.	XVI в.
торговцы предметами роскоши	36	37	41
торговцы рыбой	29	13	10
суконщики	19	27	28
торговцы пряностями	14	—	—
бакалейщики	13	27	33
меховщики	12	10	12
ювелиры	11	14	14
торговцы вином	10	1	4
канатчики	3	—	—
торговцы железными изделиями	2	6	11
галантерейщики	—	3	25
торговцы готовым платьем	—	5	20
торговцы солью	—	3	10
сукноделы	—	—	15

на своем посту 21 год²⁰⁶. Среди таковых — Ральф Бартон, меховщик, — в 1416—1437 гг.; Томас Уондесфорд, торговец предметами роскоши, — в 1426—1427 гг.; Уильям Хайлин, торговец рыбой, — в 1450—1471 гг.; Ричард Ли (Lee), бакалейщик, — в 1452—1473 гг.; Хью Брайс, ювелир, — в 1476—1497 гг. Четверо олдерменов (Джон Уэллес, бакалейщик, в 1420—1443 гг.; Роберт Тэйт, торговец предметами роскоши, — в 1479—1502 гг.; Уильям Уайт, суконщик, в 1482—1505 гг.; Уильям Мартин, меховщик, — в 1483—1506 гг.) были в этой должности 23 года; по три олдермена — 19 и 30 лет (торговец рыбой Джон Рэйнуэл — в 1416—1446 гг.; меховщик Генри Бартон — в 1405—1436 гг.; торговец предметами роскоши Генри Колет — в 1475—1505 гг.); по два — 20, 25 (бакалейщик Роберт Чайчел — в 1402—1427 гг.; торговец готовым платьем Стефен Дженинс — в 1498—1523 гг.) и 29 лет (торговец предметами роскоши Джон Браун — в 1469—1498 гг.; торговец солью Ричард Чаури — в 1480—1509 гг.); по одному олдермену — 26 (бакалейщик Уильям Тэйлор — в 1458—1484 гг.) и 28 лет (суконщик Джон Норман — в 1440—1468 гг.).

Истинными «рекордсменами» можно считать Николаса Дрейпера, суконщика, занимавшего должность олдермена на протяжении 44 лет — с 1403 по 1447 гг.; Томаса Помроя, приора церкви св. Троицы, пребывавшего на олдерменском посту 37 лет — с 1445 по 1482 гг.; Стефена Фабиана, суконщика, — 36 лет — с 1468 по 1504 гг.; Джона Гедни, тоже суконщика, — 35 лет — с 1414 по 1449 гг.; торговцев предметами роскоши Томаса Фауконера и Генри Фроуика — олдерменов в течение 34 лет

²⁰⁶Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 1—19.

(первый — с 1402 по 1436 гг., второй — с 1424 по 1458 гг.); суконщика Уильяма Краумера, бакалейщика Стефена Броуна и торговца рыбой Джона Мичелла — олдерменов на протяжении 32 лет²⁰⁷. Все перечисленные олдермены оставались в должности до момента своей кончины.

В XVI в. максимальные сроки пребывания на олдерменской должности определяются от 10 до 35 лет. Семнадцать олдерменов занимали эту должность на протяжении одного десятилетия; 15 — в течение 12 лет; по девять олдерменов — 11, 17 и 20 лет; восемь — 18 лет; по семь олдерменов — 15 и 19 лет; по шесть — 14 лет и 24 года; по четыре — 16 и 27 лет. Среди последних — торговец предметами роскоши Уильям Браун — олдермен в 1500—1527 гг., бакалейщик Уильям Батлер — в 1507—1534 гг., Уильям Элейн — в 1559—1586 гг., сукнодел Джон Спенсер — в 1583—1610 гг.). По три олдермена находились на этой должности 22 года (торговец железными изделиями Алекс Эвенон — в 1558—1580 гг., галантерейщик Генри Биллингсгейт — в 1585—1607 гг., сукнодел Джон Уоттс — в 1594—1616 гг.) и 25 лет (торговец предметами роскоши Ральф Уоррен — в 1528—1553 гг., торговец железными изделиями Кристофер Дрейпер — в 1556—1581 гг., меховщик Стефен Слэйни — в 1584—1609 гг.). По два олдермена пребывали в своей должности 23 года (торговец готовым платьем Томас Уайт — олдермен 1544—1567 гг. и торговец предметами роскоши Лайонел Дакет — олдермен 1564—1587 гг.), 26 лет (суконщик Джон Милборн — в 1510—1536 гг. и торговец предметами роскоши сэр Томас Бэннет — в 1594—1620 гг.), 28 лет (торговец вином Джеймс Спенсер — в 1516—1544 гг.), 29 лет (меховщик Джон Чепнейз — в 1527—1556 гг. и галантерейщик Томас Лоув — в 1594—1623 гг.), 30 лет (торговец предметами роскоши Джон Элейн — в 1515—1545 гг. и ювелир Мартин Боувз — в 1536—1566 гг.), а также 33 года (галантерейщик Джон Гаррард — в 1592—1625 гг. и торговец готовым платьем Томас Оффли — в 1549—1582 гг.). Один олдермен, сукнодел сэр Роланд Хэйвуд, занимал этот пост 34 года — в 1560—1594 гг. А суконщик Джордж Моноукс был олдерменом 35 лет — на протяжении 1506—1541 гг.²⁰⁸

Минимальные сроки пребывания в должности олдермена варьировались от нескольких лет (менее 10) до нескольких месяцев в XV в. и даже нескольких дней в XVI столетии. Вот только наиболее яркие примеры. Томас Уолсингем был олдерменом с 25 февраля по 4 апреля 1429 г.; торговец предметами роскоши Джон Лок занимал эту должность всего 4 месяца — с 18 марта по 19 июля 1463 г.; меховщик Джон Кроук, избранный олдерменом в июле 1470 г., оставил эту должность, по не известным нам причинам, уже в декабре того же года, как и меховщик Уильям Уайкинг,

²⁰⁷ Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 18—39.

²⁰⁸ Ibid.

пробывший олдерменом лишь с 16 февраля по ноябрь 1481 г. Срок пребывания в должности олдермена и бакалейщика Роберта Рэйуэлла оказался немного длиннее — с 25 февраля 1490 г. по 16 марта 1491 г. А виноторговец Роберт Уитенс занимал должность олдермена буквально несколько дней — с 18 по 30 июня 1590 г., как и торговец готовым платьем Джон Робинсон, который пробыл в должности олдермена с 29 февраля по 20 апреля 1592 г. Роберт Чемберлен, торговец железными изделиями, был олдерменом тоже весьма недолго — с июля по октябрь 1596 г., а бакалейщик Оливер Стил — с октября 1596 по январь 1597 г. Торговец железными изделиями Роберт Кэмбел находился в должности олдермена с 17 января по 15 февраля 1597 г.²⁰⁹

Удалось подсчитать, что в общей сложности в XV в. семь лондонских купцов занимали должность олдермена менее двух лет и семь — в течение нескольких месяцев; в XVI столетии четыре олдермена являлись таковыми менее двух лет, 20 олдерменов — несколько месяцев и 13 олдерменов — всего несколько дней²¹⁰. Совершенно очевиден большой динамизм в обновлении лондонского муниципалитета в XVI в. за счет усилившейся мобильности внутри олдерменской элиты. Однозначно ответить на вопрос, почему так происходило, не представляется возможным из-за специфики источников, но некоторые штрихи прорисовать необходимо.

Причин для столь кратковременного пребывания некоторых олдерменов в муниципалитете, видимо, несколько. Прежде всего, обновление его состава осуществлялось вследствие естественных причин — болезней и кончины олдерменов, многие из которых покидали властные структуры города незадолго до ухода «в мир иной» или непосредственно в связи с таковым. Так было и с упомянутыми Джоном Мичеллом, Уильямом Уайкингом и Джоном Локом, а также с Джоном Тэйтом, торговцем предметами роскоши и олдерменом 1485—1515 гг., Ричардом Чаури, торговцем солью и олдерменом 1481—1509 гг., с суконщиком Джоном Норманом, олдерменом 1441—1468 гг., и еще с целым рядом олдерменов XV в.²¹¹

И в XVI столетии зафиксировано много аналогичных случаев. Бакалейщика Энжела Дана избрали олдерменом 3 марта 1506 г. Он занимал эту должность до 14 июня того же года, а 2 декабря 1506 г. умер²¹². Торговец предметами роскоши Джон Уэст был избран олдерменом 23 октября 1515 г., оставил эту должность 1 сентября 1517 г., а 18 сентября того же года скончался²¹³. Еще один торговец предметами роскоши

²⁰⁹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 38.

²¹⁰Ibid. P. 1—39.

²¹¹Ibid. P. 3, 4, 12, 16, 17; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 330, 353, 356, 357, 369.

²¹²Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 20—21.

²¹³Ibid. P. 23.

Джон Хэйдон значился олдерменом с 27 сентября по 13 декабря 1582 г., хотя умер еще 28 ноября²¹⁴. Олдерменам явно потребовалось некоторое время для того, чтобы подыскать подходящую кандидатуру на освободившуюся вакансию. Торговец рыбой Уильям Туэйт стал олдерменом 15 февраля 1597 г., а уже 6 октября умер; нового олдермена — Кристофера Ходдесдона, галантерейщика, — сумели избрать на освободившееся место 17 октября 1597 г., но 2 апреля 1600 г. этот олдермен по каким-то соображениям предпочел уйти из муниципалитета²¹⁵.

Как видим, иногда олдермены оставались в должности до самой кончины, и требовалось определенное время, примерно две недели, чтобы на освободившуюся вакансию избрали нового олдермена.

Здесь, на наш взгляд, уместно поставить вопрос о возрасте, в котором лондонские купцы могли избираться олдерменами. Данных на этот счет — единицы, что делает их еще более ценными. Известно, что торговец предметами роскоши Адам Фрэнси появился на свет около 1315 г., в 1352 г., в возрасте, примерно, 38 лет, был избран олдерменом Лондона, а умер в 1375 г., преодолев 60-летний рубеж²¹⁶. Джон Пайел родился в 1314 или 1319 г.²¹⁷, олдерменом стал в 1369 г. в возрасте 56 или 51 года, мэром Лондона — в 1372 г.²¹⁸ (когда ему исполнилось 59 или 54 года), умер в мае 1382 г. в возрасте 69 или 64 лет. Сэр Эндрю Джадд, меховщик, олдермен 1541—1558 гг., родился около 1495 г., т.е. стал олдерменом в возрасте, примерно, 46 лет²¹⁹. Суконщик и олдермен 1547—1554 гг. Джон Лэмбард был избран олдерменом в 47-летнем возрасте (род. в 1500 г.)²²⁰. Роланд Хэйвуд, сукнодел, родился около 1520 г., олдерменом был избран в 1560 г., т.е. в возрасте, примерно, 40 лет (оставался в этой должности до своей кончины в 1593 г.)²²¹. Торговец предметами роскоши, Лайонел Дакет в 1537 г. получил статус фримена Лондона, а в 1564 г., скорее всего, в возрасте 42—44 лет, был избран олдерменом, каковым оставался до са-

²¹⁴Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 37.

²¹⁵Ibid. P. 38, 39.

²¹⁶The Medieval Account Books of the Mercers of London. Vol. 1. P. 387.

²¹⁷O'Connor S.J. Biographical Background: John Pyel. P. 24.

²¹⁸Folios ccxxxi—ccxxxvi: Lists of mayors and sheriffs, temp. Richard I to Edward VI // Calendar of Letter-Books of the City of London: F. 1337—1352 / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1904. P. 276—303. URL: <http://www.british-history.ac.uk/london-letter-books/volf/pp276—303> (дата обращения: 23.03.2015); Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 353; Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. Appendix I: Mayors and Sheriffs. P. 333.

²¹⁹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 30; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 105.

²²⁰Warnicke R.M. William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536—1601. P. 1.

²²¹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 36; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 102.

мой своей смерти в 1587 г.²²² Суконщик Джон Бранч, родившийся около 1515 г., приобрел статус полноправного горожанина в 1339 г., в 24 года; стал олдерменом в 1571 г., в довольно зрелом возрасте, примерно, 56 лет (покинул эту должность в 1588 г., когда и умер)²²³.

Таким образом, лондонские купцы попадали в муниципалитет в качестве олдерменов в возрасте около 40 лет. К этому времени они представляли вполне сформировавшимися и успешными людьми, имевшими свой «бизнес», внушительный материальный достаток, определенный вес и авторитет в купеческом и в городском сообществе, а также необходимые дружеские и деловые знакомства и связи, что в значительной мере позволяло им попадать во властные структуры Лондона.

Некоторые олдермены оставляли должность в расцвете лет и сил. Так, например, Томас Уолсингем, покинувший должность олдермена в 1429 г., оставался на страницах лондонской истории вплоть до своей кончины 11 ноября 1458 г.²²⁴ Джон Кроук оставил муниципалитет в декабре 1470 г., но еще в течение 11 лет продолжал успешно торговать мехами и прочими разнообразными товарами²²⁵. Сукнодел Ричард Фолкс, ушедший из властных структур Лондона в 1560 г., после четырех лет службы в качестве олдермена, умер лишь 11 декабря 1570 г., т.е. спустя 10 лет²²⁶. Торговец солью Джон Дент прослужил в качестве олдермена всего несколько дней — с 10 по 26 июня 1589 г., но умер 18 декабря 1595 г.²²⁷ Ричард Стэппер, тоже сукнодел, занимавший должность олдермена 16 дней — с 10 по 26 октября 1594 г., умер 12 июля 1608 г.²²⁸ Торговец железными изделиями Роберт Чемберлен был олдерменом с 29 июля по 19 октября 1596 г., а скончался 23 декабря 1607 г.²²⁹ Бакалейщик Оливер Стил, олдермен с 19 октября 1596 г. по 17 января 1597 г., судя по источникам, умер 6 июня 1622 г.²³⁰

Мы подсчитали, что 12 из 14 олдерменов, занимавших эту должность от нескольких дней до двух лет в XV в., и только 14 из 37 столь же «кратковременных» олдерменов XVI столетия оставили ее по причине своей кончины; остальные по каким-то причинам ушли из муниципалитета²³¹. Возможно, что для этих и прочих, поступивших аналогичным образом, олдерменов предпочтительнее оказалась их торговая деятельность, приносившая нема-

²²²Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 37; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 92.

²²³Ibid. P. 39; Ibid. P. 82.

²²⁴Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 229.

²²⁵Ibid. P. 234.

²²⁶Ibid. P. 207; Vol. 2. P. 35.

²²⁷Ibid. Vol. 2. P. 38.

²²⁸Ibid.

²²⁹Ibid.

²³⁰Ibid. P. 39.

²³¹Ibid. Vol. 1. P. 221—338; Vol. 2. P. 1—39.

лые дивиденды, а служба в муниципалитете требовала слишком много времени, сил и материальных затрат. Наиболее ярко это проявилось в XVI в. в связи с расширением коммерческой деятельности богатейших лондонских купцов. Ф. Фостер подсчитал, что в елизаветинский период на заседаниях «Совета олдерменов» обычно присутствовали 15 человек. Некоторые из олдерменов из-за болезни или вследствие занятости не посещали ассамблеи на протяжении месяца и более, но это были исключительные случаи. Особенно тяжело приходилось мэрам, обязанным присутствовать на каждом заседании, что наносило немалый ущерб их деловым интересам. В результате и мэры, и обычные олдермены вынуждены были находить компромиссы, балансировать, отдавая предпочтение то торговле, то исполнению своих властных полномочий и обязанностей. Это наглядно проявилось в деятельности Роланда Хэйвуда: в 1569 г. он присутствовал на 56 из 84 заседаний (т.е. на 67%), в 1577 г. — на 84 из 100 (т.е. на 84%, при этом он председательствовал на 57% заседаний), в 1593 г. (год его смерти) — на 62 из 97 заседаний (что составило 64%)²³². Участвовать в работе всех заседаний этот олдермен не мог, как и, надо думать, другие его «коллеги».

Весьма обременительными для олдерменов были и сопутствующие должности материальные затраты. В частности, олдермен XVI в. Ричард Мартин истратил за время пребывания в должностях шерифа и дважды мэра Лондона сумму в 7 тыс. ф.; его «колега» Пембертон только за год своего мэрства «расстался» с 4—5 тыс. ф.²³³ Возможно, что серьезные финансовые затруднения олдермена Томаса Лоджа, приведшие его в долговую тюрьму, также были вызваны большими расходами, призванными обеспечить ему достойное пребывание в должности мэра. Безусловно, все это представлялось большой и даже слишком большой ценой, уплачиваемой за участи во властных структурах города. И не все олдермены соглашались на такие условия, не все могли позволить себе изъять из торгового оборота столь крупные средства.

Было и еще одно обстоятельство, вынуждавшее олдерменов оставлять свою должность. Небезызвестный Томас Уолсингем так объяснил причину своего нежелания оставаться олдерменом: «В связи с тем, что приходится много заниматься службой короля»²³⁴. Видимо, ему пришлось выполнять многочисленные королевские поручения, что делало крайне сложным совмещение службы королю с выполнением обязанностей олдермена. Этот факт лишний раз подчеркивает существование довольно тесной связи между купеческой олдерменской элитой Лондона и королевской властью. Причем иногда служба королю оказывалась

²³²Foster F. The Politics of Stability. A Portrait of the Rulers in Elizabethan London. P. 81—82.

²³³Ibid. P. 84.

²³⁴Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 472.

предпочтительнее и, видимо, выгоднее, чем административная служба горожанам.

Здесь, на наш взгляд, уместно сказать, что отдельные олдермены находились непосредственно на службе у короля. Их можно было встретить в XIV в. среди королевских виночерпиев²³⁵, казначеев²³⁶ и коронеров²³⁷; королевских виночерпиев и коронеров (King's Butler and Coroner); главных судей казначейства (Chief Baron Exchequer), а в XV—XVI вв. — среди членов Тайного совета²³⁸. Так, в XIV столетии королевскими виночерпиями, казначеями и коронерами (King's Butler, Chamberlain and Coroner) были Уильям Трэнт (в 1301—1307 гг.), суконщик Стефен Абиндон (в 1316—1325 гг.); королевскими виночерпиями и коронерами (King's Butler and Coroner) — торговец пряностями Бенедикт де Фолшем (в 1325—1326 гг.), знаменитый Ричард де ля Поль (в 1327—1338 гг.), виноторговец Джеффри Ньюнтон (в 1376—1380 гг.); а Томас де Лоудлав, избранный олдерменом в 1361 г., в 1365—1373 гг. выполнял обязанности Главного судьи Казначейства (Chief Baron Exchequer)²³⁹. А вот Уильям Фиц-Уильям, олдермен 1504—1534 гг., торговец готовым платьем, был казначеем кардинала Уолси²⁴⁰. Членами Тайного совета являлись ювелир Эдмунд Шаа, олдермен 1473—1488 гг., (в 1483 гг.) и торговец предметами роскоши Джон Элейн, олдермен 1515—1546 гг.²⁴¹

Отметим, что олдерменская среда отнюдь не приветствовала отказ своих «коллег» от должности. Тот же Томас Уолсингем был оштрафован, видимо, на весьма внушительную сумму, поскольку вместо уплаты штрафа обязался покрыть глазурию «в лучшем стиле» восточный фронтон Гилдхолла²⁴². Значительно меньше «повезло» Джону Гедни,

²³⁵Титул высокопоставленного должностного лица при королевском дворе.

²³⁶Должность королевского казначея в Лондоне появилась, по меньшей мере, в середине XII в. Самыми важными обязанностями King's Chamberlain были взимание винной пошлины и поставки вина для нужд короля и королевского двора. В XII в. он назначался непосредственно королем, с XIII столетия — по рекомендации королевского стюарда, которому подчинялся, и получал за свою службу 40 марок в год. См.: *Kellaway W. The Coroner in Medieval London // Studies in London History / Ed. by A. Hollaender and W. Kellaway. L., 1969. P. 76.*

²³⁷Должность коронера была учреждена в Англии в 1194 г. в связи с деятельностью разъездных судов по уголовным делам в каждом графстве. В лондонских хрониках корнеры встречаются не ранее первой трети XIII в. (*Ibid.* P. 75).

²³⁸*Veaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 470.* Подробно о должностях королевской администрации см.: *Калмыкова Е.В. Властные институты и должности в средневековой Англии // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. С. 211—253.*

²³⁹*Veaven A.B. The Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 470.*

²⁴⁰*Ibid.*

²⁴¹*Ibid.*

²⁴²*Ibid.*

тоже попытавшемуся отказаться от должности олдермена (которую он занимал в общей сложности 34 года), но безуспешно: его упорство было сломлено заключением в тюрьму и временным насильственным закрытием принадлежавших ему торговых лавок²⁴³. Неудачей закончились и попытки олдерменов XVI в. Томаса Куртса и Джона Бранча отказаться от своих должностей²⁴⁴. А вот олдермен 1556—1560 гг. Ричард Фолкс добился освобождения от должности, уплатив штраф в 200 ф.²⁴⁵ Одержал победу в своем противостоянии олдерменской элите и Филипп Гантер: в 1569 г. его избрали олдерменом, но, заплатив штраф в 400 ф., он избавился от «столь обременительной обязанности»²⁴⁶.

Скорее всего, эти крупнейшие купцы-авантюристы, осуществлявшие торговлю сукном, воском, бумазеей, шелком, железом, смолой не только с городами Англии, но и с Антверпеном, Байонной, Ганзейскими городами²⁴⁷, не были заинтересованы в том, чтобы их внимание, средства, время и энергия отвлекались на выполнение служебных обязанностей в муниципалитете в ущерб торговле — их главному занятию. Тем более что отдельные олдермены XVI в. занимали важные позиции во вновь возникавших крупных торговых компаниях. В частности, казначеями Левантийской компании были: Поль Бэйнинг, бакалейщик, олдермен 1593—1616 гг., — в 1600—1602 гг.; сэр Леонард Холлидэй, торговец готовым платьем, олдермен 1594—1612 гг., — в 1602—1604 гг.; Ричард Чемберлен, торговец железными изделиями, олдермен 1596—1607 гг., — в 1602—1607 гг.; казначеем Виргинской компании в 1609—1620 гг. был сэр Томас Смит, галантерейщик, олдермен 1599—1625 гг.²⁴⁸

Случалось также, что Совет олдерменов по собственной инициативе отстранял некоторых олдерменов от должности. Так поступили, в частности, в отношении трех олдерменов XIV в. — Адама де Бари, Ричарда Лайенса и Джона Пэче. Все они были обвинены в злоупотреблениях по службе, а именно — в присвоении денег городской общины. Факт, свидетельствующий о далеко небескорыстном характере отдельных представителей лондонской правящей элиты. Такая же участь постигла и олдерменов XV в. Хэмфри Хэйфорда и Джона Пломера, обвиненных в измене в связи с их политическими симпатиями Ланкастерам (впоследствии, на фоне изменения политической ситуации, они были восстановлены в должности)²⁴⁹.

²⁴³Beaven A.B. The Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 474.

²⁴⁴Ibid. Vol. 2. P. 33, 39; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 89, 82.

²⁴⁵Ibid. P. 35; Ibid. P. 96.

²⁴⁶Ibid. P. 38; Ibid. P. 100.

²⁴⁷Ibid. P. 33, 39; Ibid. P. 89, 82.

²⁴⁸Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 39.

²⁴⁹Ibid. P. 471—475.

Отказ от должности не был массовым явлением во властных структурах Лондона XIV—XVI вв. Большинство олдерменов выполняли свои обязанности, как предусматривало городское законодательство — пожизненно. Вот только некоторые примеры. Упомянутый выше Джон Норман, олдермен 1440—1468 гг., скончался 4 октября 1468 г.; Ричард Чаури на протяжении 29 лет — с 1480 по 1509 гг. — находился в должности олдермена Лондона, пока не умер 27 ноября 1509 г.; Уильям Рэмингтон, олдермен 1484—1511 гг., скончался 27 июня 1511 г.; Джон Элейн был избран олдерменом 13 февраля 1515 г. и оставался таковым до 17 сентября 1545 г., а умер 15 января 1546 г.; Томас Рэмси был на посту олдермена с 1566 по 1590 гг., пока не умер; Роланд Хэйвуд, олдермен с 19 сентября 1560 г. по 7 февраля 1594 г., скончался 4 марта 1594 г.²⁵⁰ Можно предположить, что Джон Элейн и Роланд Хэйвуд были больны или немощны и не могли в полную силу выполнять свои служебные обязанности, когда покидали муниципалитет незадолго до смерти. В любом случае в вопросе о сроках пребывания в должности олдермена и причинах отказа от нее невозможно подвести все под общий знаменатель. Необходим индивидуальный подход к каждому конкретному случаю. Хотя общую тенденцию, направленную на усиление мобильности и обновление состава лондонского олдерменства в XVI в., все же удалось выявить.

Многие олдермены концентрировали в своих руках несколько ключевых должностей. Так, среди олдерменов XIV и особенно XV—XVI вв., судя по данным источников, популярностью пользовалась должность аудитора (Auditor) — ревизора, осуществлявшего надзор за расходованием городских средств и деятельностью городских органов власти. Должность лондонского аудитора была выборной. Предусматривалось ежегодное избрание ревизоров, которыми могли стать и олдермены, и неолдермены. Одни и те же лица избирались на эту должность от одного до пяти раз, но только на один год. В результате в XIV в. аудиторами были 70 олдерменов, причем, 53 из них совмещали эти две должности, девять значились аудиторами до избрания олдерменами, восемь — до и после того, как стали олдерменами²⁵¹. Следовательно, никаких ограничений на возможные варианты сочетания должностей олдермена и аудитора не наблюдалось. Дважды становились аудиторами 18 олдерменов, трижды — 10 олдерменов, 4 раза — три, 5 раз — 1 олдермен (Томас Уэлфорд) и остальные олдермены XIV столетия — по одному разу.

В XV в. уже 120 олдерменов избирались аудиторами: 56 — во время своего олдерменства, 25 — до такового, 39 — до и во время пребывания

²⁵⁰ Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 18—39. Привести полноценный статистический материал по данному вопросу не представляется возможным из-за его фрагментарности.

²⁵¹ Ibid. Vol. 1. P. 171—369.

Олдермены — аудиторы Лондона

Название компаний	Количество аудиторов		
	XIV в.	XV в.	XVI в.
торговцы предметами роскоши	20	30	25
бакалейщики	13	10	16
торговцы рыбой	9	12	5
суконщики	8	19	14
торговцы пряностями	6	—	—
ювелиры	5	19	10
торговцы вином	5	—	1
меховщики	6	6	7
торговцы железными изделиями	1	3	4
торговцы шерстью	1	—	—
галантерейщики	—	2	10
торговцы готовым платьем	—	6	8
торговцы солью	—	2	5
сукноделы	—	—	4

в должности олдермена²⁵². При этом 39 олдерменов становились аудиторами дважды, 7 олдерменов — трижды и 2 олдермена — четырежды, остальные — по одному разу.

В XVI столетии аудиторами становились 110 олдерменов: 39 — во время пребывания в должности олдермена, 55 — до олдерменства, 16 — до и во время службы в качестве олдерменов²⁵³. Из них: 16 олдерменов находились в должности аудитора дважды, 2 олдермена — трижды, остальные — по одному разу. Едва ли можно ставить под сомнение, что должность аудитора фактически постоянно находилась в руках олдерменов, как и должности мэра и шерифов.

В таблице 4 представлены обобщенные данные о количестве олдерменов — аудиторов XIV—XVI вв. из разных ливрейных компаний Лондона²⁵⁴.

Неудивительно, что большинство аудиторов принадлежали к компаниям торговцев предметами роскоши (75 олдерменов стали ревизорами), суконщиков (41), бакалейщиков (39), положение которых неизменно укреплялось на протяжении XIV—XVI столетий. Вновь необходимо констатировать снижение административной активности представителей компании торговцев рыбой при достаточно высокой численности олдерменов-аудиторов из их среды. Уменьшается также значение компании торговцев вином, а торговцы шерстью и пряностями с XV в. вообще сходят с политической сцены. Как и в случае с мэрами и шерифами, посте-

²⁵²Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 1—19.

²⁵³Ibid. P. 18—39.

²⁵⁴Таблица составлена по: Ibid. Vol. 1. P. 171—404; Vol. 2. P. 1—39.

пенно усиливают свое влияние на должность аудитора галантерейщики, торговцы солью, сукноделы, торговцы готовым платьем, меховщики.

Среди лондонских олдерменов встречаются также городские казначеи (City Chamberlain): семь олдерменов занимали эту должность в конце XIII—XV вв. Это торговцы предметами роскоши Саймон де Пэрис (в 1298—1300 гг.), Генри Сэчфорд (в 1328—1336 гг.), Стефен Спэлмен (в 1391—1404 гг.), Джон Миддлтон (в 1449—1450 гг.) и Уильям Пэрчес (в 1484—1492 гг.), торговец пряностями Уильям Эйншем (в 1374—1378 гг.) и торговец готовым платьем Роберт Коулвич (в 1463—1474 гг.).²⁵⁵

В качестве смотрителей Лондонского моста (Warden London Bridge) олдермены выполняли обязанности по его охране и обеспечению нормального функционирования. Среди таковых в XIV в. оказались девять человек. Ювелир Генри Глостер занимал эту должность в 1315—1319 гг.; торговец пряностями Анкетин де Джизорс — в 1315—1319 и в 1332—1336 гг.; канатчик Джон Вивьен — в 1320—1321 гг.; оружейник Уолтер Нил — в 1336—1337 гг.; торговцы рыбой — Джон Лоукин (в 1342—1350 гг.) и Джон Литтл (в 1350—1352 гг.); суконщик Джеймс Эндрю — в 1350—1352 гг.; виноторговец Генри Веннер — в 1353—1355 гг.; бакалейщик Джон Хоу — в 1381—1388 гг.²⁵⁶ Обратим внимание на присутствие среди олдерменов, занимавших должность смотрителя Лондонского моста в первой половине XIV в., представителей ремесленных гильдий — канатчиков и оружейников. Уже с конца 30-х гг. этого столетия ремесленники в олдерменской среде больше не встречаются. Скорее всего, путь в олдермены для них окончательно был закрыт.

В XV столетии смотрителей Лондонского моста из числа олдерменов было всего четверо. Это бакалейщики — Уильям Чайчел, который находился на данной должности в 1401—1404 гг., Уильям Севеноук — в 1404—1406 гг., и Уильям Уэтенхол — в 1434—1438 гг.; а также торговец железными изделиями Николас Джеймс — в 1417—1418 гг.²⁵⁷ После 1438 г. эта должность в наших документах не зафиксирована.

В XIV в. лондонские олдермены занимали также должности: городского клерка — один олдермен (Роджер де Дэпхам — в 1335 г.), рикордера — восемь человек²⁵⁸; помощника коронера (Deputy coroner) — два

²⁵⁵Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 170—404; Vol. 2. P. 2—19.

²⁵⁶Ibid. P. 380, 382, 383.

²⁵⁷Ibid. P. 338; Vol. 2. P. 2, 5.

²⁵⁸Джон де Уэнгрейв — в 1304—1320 гг., Джеффри де Хэтпул — в 1320 г., Роберт де Свэйлив — в 1321—1329 гг., Грегори де Нортон — в 1329—1338 гг., Роджер де Дэпхам — в 1338—1359 гг., Хью де Сэдлингстэйн — в 1359—1361 гг., Томас де Лоудлав — в 1361—1365 гг., Уильям де Холдейн — в 1365—1376 гг.; после 1376 г. должность рикордера, видимо, исчезает как самостоятельный институт (Ibid. Vol. 1. P. 378, 380, 382).

человека (Джон де Уинтри — в 1290—1304 гг., и тот же Джон де Уэнгрейв — в 1310—1320 гг.); главного констебля Тауэра (Joint Constable Tower) — 2 олдермена (торговцы пряностями — Джон де Джизорс и Ричард де Бетойн — в 1326 г.)²⁵⁹.

В XV—XVI столетиях такие должности преимущественно судебной и административно-полицейского характера исчезают из наших источников — ни одного олдермена, избранного хотя бы на одну из них, обнаружить не удалось. А вот олдермены, осуществлявшие функции сборщиков пошлин (Collector Customs) в Лондонском порту, т.е. находившиеся в должности фискального характера, зафиксированы в XIV и в XVI вв. В XIV столетии — это три олдермена: Уильям Серват — в самом начале века, торговец пряностями Джон Черчмен — в 1368—1369 гг., бакалейщик Николас Брембр — в 1379—1386 гг.²⁶⁰ Любопытно, что Джон Черчмен, видимо, желая улучшить условия своей деятельности, даже выстроил на собственные средства участок таможни в столице, где взвешивались тюки с шерстью, устанавливались и взимались пошлины, чем заслужил благодарность лондонцев²⁶¹.

В XVI в. два олдермена были сборщиками пошлин: меховщик Ричард Сэлтонстол и галантерейщик Уильям Ридер — в последней четверти XVI в.; а галантерейщик Генри Биллингейт в 1589 г. возглавлял таможенное казначейство Лондона²⁶².

В источниках содержится интересная информация о том, что на протяжении XIV в. девять олдерменов возглавляли существовавшее в Лондоне братство св. Антония²⁶³. Среди них: четыре торговца пряностями — отец и сын Долсли, первый — олдермен 1348—1362 гг. (его дочь постриглась в монахини), второй — 1355—1360 гг.; Джон Нотт и Роберт Хэтфилд, олдермены 60—70-х гг.; пять бакалейщиков — Бартоломью Фрэстлинг, Джон де Гануодби, Джон Мэринс, Ричард де Прэстон и Николас Брэмбр, олдермены 50—80-х гг.²⁶⁴

В течение XIV—первой четверти XVI столетий из числа олдерменов выбирались настоятели собора св. Троицы в Лондоне²⁶⁵. Известно, что

²⁵⁹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 379, 380, 384.

²⁶⁰Ibid. P. 379, 381.

²⁶¹Ibid. P. 473.

²⁶²Ibid. Vol. 2. P. 35, 37.

²⁶³По-видимому, братство св. Антония являлось религиозным объединением бакалейщиков, амальгамировавших торговцев пряностями. В функции братства, образовавшегося вокруг культа св. Антония, входило совместное участие в богослужении, взаимопомощь и благотворительность, забота о погребении и заупокойном поминовении, а также устройство празднеств в честь своего святого патрона.

²⁶⁴Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 382, 387, 388, 390, 391.

²⁶⁵Сведений об этом соборе и олдерменах — настоятелях крайне мало. А. Бивен сообщает о том, что до закрытия монастырей и религиозных учреждений Ген-

в XIV в. эту должность занимали семь олдерменов, в XV — 6, в XVI — 4 (с 1505 по 1524 гг.)²⁶⁶.

Интерес олдерменов к собору св. Троицы не случаен: вместе со званием настоятеля они получали церковные владения и доходы. Иногда это порождало серьезную конкуренцию. Так, по свидетельству источника, 21 апреля 1445 г. была получена королевская санкция на избрание настоятелем собора св. Троицы олдермена Томаса Помроя. И лишь 23 мая следующего года после длительных споров его избрание было признано и олдерменами, и канониками собора²⁶⁷.

В XVI в. олдерменов тоже привлекают должности, имеющие отношение к церкви, но само их содержание меняется. Прежде всего, это должности экономического характера, связанные с участием олдерменов в деятельности крупнейших торговых компаний, а также с Реформацией и секуляризацией церковных имуществ. С 1547 г. появляется целая группа олдерменов — 18 человек, занимавших должность казначея госпиталя св. Варфоломея. С 1560 г. девять олдерменов становились казначеями госпиталя св. Томаса и один олдермен был казначеем госпиталя св. Бэтлема и исправительного дома Бридуэлл. С 1557 г. лондонские олдермены становятся также главными контролерами (8 человек) и главными смотрителями (17 человек) госпиталей. С того же 1557 г. 13 олдерменов занимали должность генерального инспектора госпиталей. С 1551 по 1563 гг. оформляются должности президентов госпиталей и исправительных домов: госпиталя св. Варфоломея — 8 олдерменов, св. Томаса — 14, госпиталя св. Бэтлема и исправительного дома Бридуэлл — 18, госпиталя Христа — 7 олдерменов. Помимо этого, некоторые олдермены являлись президентами нескольких богоугодных учреждений: госпиталя св. Бэтлема и исправительного дома Бридуэлл и госпиталя св. Варфоломея — три олдермена, госпиталя св. Бэтлема и исправительного дома Бридуэлл и госпиталя св. Томаса — три, госпиталя св. Бэтлема и исправительного дома Бридуэлл и госпиталя Христа — два олдермена²⁶⁸. Среди тех, кто в разных сочетаниях занимал перечисленные выше должности встречаются многие олдермены. Так, ювелир сэр Мартин Боувз, олдермен 1536—1566 гг., в 1547 г. исполнял обязанности казначея госпиталя св. Варфоломея, в

рихом) VIII должность олдермена городского района Портсокен официально занимал настоятель собора св. Троицы на Олдгейте. Такая практика сложилась в результате передачи этому собору и его каноникам права манориальной юрисдикции еще Генрихом I в 1125 г. Что касается приорства св. Троицы, то оно было основано в 1108 г. Магильдой, супругой Генриха I, и передано вместе с правом юрисдикции. См.: *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 270.*

²⁶⁶Ibid. P. 171—404; Vol. 2. P. 2—19.

²⁶⁷Ibid. Vol. 1. P. 387.

²⁶⁸Ibid. Vol. 2. P. 2—39.

1557—1566 гг. — главного контролера госпиталей²⁶⁹. Уже упоминавшийся сэр Эндрю Джадд, олдермен 1541—1558 гг., меховщик, в 1547—1548 гг. был казначеем госпиталя св. Варфоломея, в 1557—1558 гг. — генеральным инспектором госпиталей²⁷⁰. Сэр Уильям Гаррард, олдермен 1547—1571 гг., галантерейщик, в 1548—1549 гг. занимал должность казначея госпиталя св. Варфоломея, в 1558—1559 гг. — президента Бэтлема и Бридуэлла, в 1566—1567 гг. — генерального инспектора госпиталей, в 1567—1571 гг. — главного контролера госпиталей. Его сын — сэр Джон Гаррард, олдермен 1592—1625 гг., тоже галантерейщик, продолжил дело отца: занимал должности казначея и президента госпиталя св. Томаса²⁷¹. Знакомый нам сэр Роланд Хэйвуд, олдермен 1560—1594 гг., сукнодел, в 1561—1563 гг. был президентом Бэтлема и Бридуэлла, в 1572—1593 гг. — президентом госпиталя св. Варфоломея, в 1582—1586 гг. — генеральным инспектором госпиталей, в 1582—1593 гг. — главным контролером госпиталей²⁷².

Функции казначеев, президентов, инспекторов и контролеров госпиталей и исправительных домов в разные годы осуществляли: торговцы предметами роскоши (4 человека), торговцы готовым платьем (5 человек), бакалейщики (9 человек), торговцы солью (3 человека), сукноделы (5 человек), торговцы рыбой (2 человека), торговцы железными изделиями (2 человека), ювелиры (2 человека), меховщики (2 человека), галантерейщики (6 человек), торговец вином²⁷³.

Таким образом, должности, связанные с управлением и инспектированием госпиталей и исправительных домов Лондона, в XVI в. занимали олдермены из всех «Двенадцати Больших ливрейных компаний», но их представительство было неодинаковым. Больше всего (9 человек из 41, или 22%) было бакалейщиков, галантерейщиков (в общей сложности 7 человек из 28, или 25%), сукноделов (всего 6 человек из 16, или 37,5%) и торговцев готовым платьем (5 человек из 27, или 18,5%). Затем следовали торговцы предметами роскоши и суконщики (по 4 человека из 49, или 8,2%, и 31, или 12,9%, соответственно), торговцы солью, ювелиры и меховщики (в общей сложности по 3 олдермена из 14, или 21,4%, 19, или 15,8%, и 15, или 20%), торговцы рыбой и железными изделиями (по 2 человека из 12, или 16,7%, и 14, или 14,3%), торговцы вином (один олдермен из пяти, или 20%).

Как видим, в процентном соотношении компании выстраиваются следующим образом: сукноделы, галантерейщики, бакалейщики, тор-

²⁶⁹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 38; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 81.

²⁷⁰Ibid. P. 30; Ibid. P. 105.

²⁷¹Ibid. P. 32; Ibid. P. 97.

²⁷²Ibid. P. 36; Ibid. P. 102.

²⁷³Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 25—39.

говцы солью, меховщики, торговцы вином, готовым платьем, рыбой, ювелиры, торговцы железными изделиями, суконщики и торговцы предметами роскоши. Какие-либо закономерности здесь установить трудно. Обратим внимание лишь на то, что олдермены из двух самых богатых компаний, имевших наибольшее представительство в муниципалитете (торговцы предметами роскоши и суконщики), по каким-то причинам меньше всего были привлечены к службе по управлению госпиталями и исправительными домами и контролю над их деятельностью, прежде всего, в сфере финансов.

Статистическая обработка материала источников позволила установить, что лондонские олдермены могли занимать от трех до девяти муниципальных должностей последовательно и 3—4 — одновременно. Сочетания должностей были различны. В XIV в. 35 олдерменов (12,8%) были еще и мэрами, и шерифами; в XV в. таковых оказалось 12 человек (6,6%); в XVI в. — 93 человека (33,9%), что, очевидно, свидетельствует о большей степени концентрации этих важнейших должностей в руках олдерменов. В XIV столетии 15 олдерменов (5,5%), 49 олдерменов (27,1%) в XV в. и 35 олдерменов (12,8%) в XVI в. в то же время занимали должности мэра, шерифа и аудитора. Определенное снижение концентрации перечисленных четырех должностей у олдерменов XVI столетия по сравнению с XV в. произошло из-за некоторого падения их интереса к выполнению обязанностей аудитора на фоне явного повышения такового к более важным и престижным должностям мэра и шерифа. В XV в. 29 олдерменов (16%) являлись также шерифами и аудиторами, а 10 (5,5%) — мэрами и аудиторами. Только 24 олдермена, или 8,8% от общего количества, в XIV в., лишь 12, или 6,6%, — в XV в. и 24, или 8,8%, — в XVI в. не избирались больше ни на какую другую должность²⁷⁴. Таким образом, процент олдерменов, проявлявших низкую административную активность, не выходил за рамки 8,8. Отметим также, что наиболее высокая степень концентрации власти олдерменами наблюдается в XV столетии, которое с этой точки зрения можно считать пиком административной активности столичных олдерменов. Можем утверждать, что именно в это время правящая элита Лондона достигла максимальной зрелости, пройдя в предыдущем веке сложный процесс окончательного формирования и конституирования, но, не столкнувшись еще с проблемами грядущего XVI столетия.

Приведенный выше материал подводит нас к выводу о том, что городское управление Лондона XIV—XVI вв. имело явную тенденцию к усилению олигархизации, к ограничению доступа в органы власти, к установлению своеобразных «закрытых корпораций» важнейших официалов.

²⁷⁴Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 202—404; Vol. 2. P. 1—39.

В отдельных случаях можно говорить не только о пожизненном, но и о наследственном пребывании в должности. К. Плат полагает, что в XIV—XV вв. примерно $\frac{2}{3}$ сыновей лондонских олдерменов занимали должности своих отцов²⁷⁵. Так, среди олдерменов конца XIII—конца XIV в. известны три представителя купеческой семьи Сели (отец, сын и правнук), занимавшие эту должность с перерывами в течение 26 лет²⁷⁶. На протяжении 1240—1457 гг. олдерменами (на срок более чем 30 лет) избирались четыре купца из семьи де Фроуик — отец, два сына и правнук²⁷⁷. С 1319 по 1469 гг. в лондонском муниципалитете (в общей сложности 37 лет) были представлены олдермены из семьи Константин — отец, два сына и правнук, причем, в 1336 г. старший сын сменил в этой должности отца, а в 1349 г. олдерменом стал и его младший брат²⁷⁸. С начала 40-х гг. XIV в. и на протяжении всего XV столетия в истории Лондона и его муниципалитета был широко представлен многочисленный и активно действовавший семейный клан Фрэнси, включавший ювелиров, торговцев вином и предметами роскоши (по меньшей мере, 10 человек), трое из которых возглавляли корпорацию Сити в качестве мэров²⁷⁹. В течение 1377—1496 гг. городские документы фиксировали трех олдерменов — выходцев из семьи Хорн (видимо, дед, внук и правнук), которые пребывали в должности 32 года²⁸⁰. Олдерменами были дядя и племянник из семейства ювелиров Шаа (Shaa): Эдмунд — в 1473—1488 гг., Джон — в 1496—1504 гг.²⁸¹ В 1463—1479 гг. должность олдермена занимал торговец предметами роскоши Джон Тэйт-ст.; в 1479—1501 гг. — его брат Роберт Тэйт-ст.; в 1485—1515 гг. — торговец предметами роскоши Джон Тэйт-мл., сын упомянутого выше Джона

²⁷⁵Platt C. The English Medieval Town. P. 121. О существовании своеобразных правящих «династий» в Беверли, Тотнесе, Девоне, Халле, Честере и Йорке в конце XIV—начале XVI вв. упоминает в своем исследовании Дж. Кермод (см: *Kermode J.I. Obvious Observations on the Formation of Oligarchies in Late Medieval English Towns.* P. 96).

²⁷⁶Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 237, 331; *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500).* Appendix. P. 328; *Reel J.V. Index to Biographies of Englishmen.* P. 321.

²⁷⁷Ibid. P. 259; Vol. 2. P. 3; Ibid. P. 342; Ibid. P. 504.

²⁷⁸Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 374, 482—483; Vol. 2. P. 12, 39; *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500).* Appendix. P. 334.

²⁷⁹Ibid. P. 398; Ibid. P. 342; *Reel J.V. Index to Biographies. of Englishmen.* P. 152, 504, 530, 560, 564; *Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys.* P. 3.

²⁸⁰Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 16; *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500).* Appendix. P. 350; *Reel J.V. Index to Biographies of Englishmen.* P. 532.

²⁸¹*Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500).* Appendix. P. 366; *Beaven A.B. Aldermen of the City of London.* Vol. 2. P. 14, 16.

Тэйта-ст.; а в 1497—1500 гг. — Роберт Тэйт-мл., тоже торговец предметами роскоши, сын Роберта Тэйта-ст.²⁸² За период 1460—1567 гг. «Служебные книги» зафиксировали пять олдерменов из семьи Лэмбардов. Это — торговцы предметами роскоши Джон, олдермен 1460—1470 гг., и Уильям, олдермен 1510—1515 гг., бакалейщики Николас, олдермен 1523—1533 гг., и Ричард, олдермен 1564—1567 гг., а также суконщик Джон Лэмбард, олдермен 1547—1554 гг.²⁸³ Олдерменами были отец и два сына семейства торговцев предметами роскоши Браун: Джон Браун — в 1470—1498 гг., Уильям Браун — в 1505—1514 гг. и Джон Браун-мл. — в 1523—1532 гг.²⁸⁴ Пополняли олдерменскую среду лондонского муниципалитета суконщик Уильям Уайт — в 1482—1504 гг. и два его внука — торговец готовым платьем Томас Уайт (в 1544—1567 гг.) и бакалейщик Джон Уайт (в 1554—1572 гг.)²⁸⁵; а также меховщик Уильям Мартин (в 1483—1505 гг.) и его внуки — торговец предметами роскоши Роджер Мартин (в 1556—1574 гг.) и ювелир Ричард Мартин (в 1578—1617 гг.)²⁸⁶.

Кроме того, в XIV—XVI вв. встречаются олдермены одной и той же фамилии, но достоверно выявить и проследить их родственные линии, к сожалению, не представляется возможным. Олдерменом 1481—1483 гг. был торговец предметами роскоши Джон Фишер, а в 1594 г. на эту должность избрали меховщика Эдуарда Фишера; в 1452—1472 гг. источники зафиксировали в качестве олдермена бакалейщика Ричарда Lee, а в 1593—1606 гг. — торговца готовым платьем Роберта Lee; в 1463 г. в должности олдермена находился торговец предметами роскоши Джон Лок, а в 1545—1550 гг. — Уильям Лок, также торговец предметами роскоши; суконщик Стефен Фабиан был олдерменом в 1468—1485 гг., тоже суконщик Роберт Фабиан избран олдерменом 1494—1513 гг.²⁸⁷

В XVI в. в муниципальной элите Лондона отмечается по два представителя следующих купеческих семей: торговцев предметами роскоши де Грешем, торговцев готовым платьем Уилфорд, ювелиров и солеторговцев Рэд, галантерейщиков Вудрофф²⁸⁸.

²⁸²*Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 12, 16, 17; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 369.*

²⁸³*Ibid. P. 12; Ibid. P. 352.*

²⁸⁴*Ibid. P. 14, 21; Ibid. P. 327.*

²⁸⁵*Ibid. P. 17; Ibid. P. 374; Reel J.V. Index to Biographies of Englishmen. P. 507, 527, 534.*

²⁸⁶*Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 35; Willan T.S. The Muscovy Merchants. Appendix. P. 112—113.*

²⁸⁷*Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 12; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 353; Reel J.V. Index to Biographies of Englishmen. P. 604.*

²⁸⁸*Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 32; Willan T.S. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 129—130.*

Очевидные родственные связи, таким образом, просматриваются в кругу олдерменской элиты Лондона на протяжении всего рассматриваемого периода XIV—XVI вв.²⁸⁹

Картина станет более наглядной, если учесть, что муниципальную среду Лондона буквально пронизывали узы родства и свойства. Интересные данные о родственных связях, скрепивших 28 олдерменов из состава 1580 г., приводит в своем исследовании Ф. Фостер²⁹⁰. Оказывается, что четверо из них были свояками (brothers-in-law), трое других — зятьями (sons-in-law). Один из последних, олдермен Дрейпер, в свою очередь, имел двоих sons-in-law среди членов «Совета олдерменов»; другой, олдермен Старки, был женат дважды, и оба его тестя заседали вместе с ним в Совете 1580 г.

Картина тесных семейных отношений между олдерменами 1580 г. может быть дополнена сведениями об их родственных связях с олдерменами прошлых и будущих составов «Совета олдерменов». Известно, что один олдермен 1580 г. был внуком бывшего олдермена; трое — это сыновья олдерменов; двое — братья олдерменов; шестеро — свояки олдерменов; девять — зятья олдерменов; двое — отцы будущих олдерменов; семеро — тести олдерменов; один — дед будущего олдермена; один был женат на внучке олдермена; один женился на вдове олдермена; внучка олдермена из состава 1580 г. вышла замуж за олдермена.

К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет сказать, сколько точно семей олдерменов, сумевших монополизировать городское самоуправление, было в Лондоне в рассматриваемый период²⁹¹. Однако обращает на себя внимание следующее обстоятельство: редко какие имена встречаются здесь дольше, чем на протяжении трех-четырёх поколений. Административная элита Лондона была, по выражению М. Кин, «удивительным образом открытой»²⁹²

²⁸⁹Монополизация отдельными семьями на протяжении поколений почетных и важных должностей и служб в сфере городского управления и суда — явление, прослеживаемое в городской Европе в Средневековье практически повсеместно: оно присуще не только крупным экспортным и торговым центрам, но и относительно небольшим городам. По сведениям А.Л. Ястребицкой, в северонемецком Хёкстере, например, насчитывавшем в 1482—1517 гг. около 2500 жителей, должности бургомистра и ратманов фактически не выходили за пределы трех патрицианско-купеческих фамильных союзов, связанных кровным родством, брачными альянсами и экономически наиболее влиятельных (см.: *Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке*. С. 178).

²⁹⁰*Foster F. The Politics of Stability. A Portrait of the Rulers in Elizabethan London*. P. 99—100.

²⁹¹Например, в Оксфорде между 1226 и 1300 гг. 93% мэров вышли из 12 известных фамилий. Аналогичная картина сложилась и в других городах — Кембридже, Лестере, Линкольне, Саутгемптоне, Йорке и Ньюкасле (см.: *Miller E. English Town Patricians*, с. 1200—1350. P. 217—218).

²⁹²*Keen M. English Society in the Later Middle Ages. 1348—1500*. P. 121.

и, добавим, подвижной. В условиях интенсивных миграционных движений в Лондон и из него семейно-персональный состав городской элиты в XIV—XVI вв. отличался значительной мобильностью²⁹³. Подъем по социальной лестнице, по крайней мере, до конца этого периода, оставался доступной перспективой для предприимчивых и богатых горожан.

Итак, элита деловых людей Лондона XIV—XVI вв. была представлена олдерменами — «достойными людьми», возглавлявшими административные районы города, принадлежавшими к самой богатой части фрименов «Двенадцати Больших ливрейных компаний» и служившими важнейшим социальным и административным источником для комплектования и пополнения учреждений муниципальной власти и должностных лиц, прежде всего, высшего уровня — мэра (избиравшегося только из олдерменов), шерифов, рикордеров, чемберленов и т.д.

Власть, существовавшую в Лондоне рассматриваемого периода и осуществлявшуюся представителями олдерменской среды, можно, на наш взгляд, квалифицировать как олигархическую. Для такой власти было характерно:

1. Формирование городских органов власти и состава высших служащих, как правило, не путем подлинных выборов, а, по сути, путем кооптации в течение всех трех столетий.

2. Сосредоточение в одних руках нескольких важнейших постов (от трех до девяти последовательно, 3—4 одновременно) на протяжении длительного времени при постепенном падении в XV—XVI вв. престижа должностей административно-полицейского характера и, напротив, возрастание интереса, особенно у олдерменов XVI столетия, к финансово-хозяйственным должностям.

3. Пожизненное, как правило, пребывание во власти олдерменов, зачастую перерастающее в пожизненно-наследственное пребывание во властных муниципальных структурах представителей определенных олдерменских семей.

4. Очевидно прорисовывающиеся деловые связи между правящими фамилиями, а также многоплановые и разветвленные узы родства и свойства, пронизывающие олдерменскую среду.

5. Существование довольно тесных взаимоотношений между представителями олдерменской элитой и короной: мэр и шериф, избиравшиеся из числа олдерменов, официально рассматривались не только

²⁹³На это обстоятельство обращают внимание многие исследователи: *Myers A. England in the Late Middle Ages. P. 67, 225; Rappaport S. Worlds Within Worlds: Structures of Life in Sixteenth Century London. P. 285; Miller E. English Town Patricians, c. 1200—1350. P. 236, 240; Coss P.R. Knight in Medieval England 1000—1400. Dover, 1996. P. 125; Fleming P. Family and Household in Medieval England. Basingstoke, 2001. P. 22; Inwood S. A History of London. P. 61—62.*

городскими, но и королевскими чиновниками. Кроме того, отдельные олдермены находились непосредственно на службе у короля.

6. Относительная замкнутость состава, определявшаяся принадлежностью к высшей имущественной и социально-правовой группе (фримены, обладающие, по меньшей мере, 1 тыс. ф. в XIV—XV вв. и 1,5 тыс. ф. в XVI столетии и входящие в состав крупнейших ливрейных компаний) при общей высокой социальной мобильности городского населения и состава самой элиты.

Обращает на себя внимание, с одной стороны, определенное ужесточение в XVI в. критериев для олдерменов, нашедшее отражение в первую очередь в повышении имущественного ценза и имевшее целью, в том числе, затруднить доступ в элитарную среду, сделать ее более закрытой. С другой стороны, именно в XVI столетии наблюдается наивысшая степень мобильности олдерменской группы и обновления ее состава при сохранении основного элитарного «ядра» олдерменов, которое становится более заметным и ярко выраженным на фоне усилившейся социальной подвижности.

Можем предположить, что городская элита Лондона XIV—XVI вв. не была однородной по своему составу. Скорее всего, речь должна идти о существовании так называемой «около олдерменской» группы лондонских фрименов, из которой по административным округам во главе с олдерменами и, видимо, под их контролем выбирались советники, пополнявшие, в свою очередь, сообщество олдерменов, составлявших высшую или собственно городскую элиту. Вероятно, советники были немаловажным резервом для избрания и назначения низших должностных лиц муниципалитета.

Но и подобное деление элитарного слоя Лондона, на наш взгляд, еще не определяет и далеко не исчерпывает всей его структуры. Очевидно, что и сама олдерменская элита не представляется монолитно единой и безусловно сплоченной. Положение тех или иных семей и даже группировок в ее составе было различным как в экономической (хотя бы их принадлежность к разным ливрейным компаниям со всеми вытекающими из этого факта последствиями), так и политической сферах. Можно предположить, что именно противоречия социально-экономического характера, столкновение хозяйственных (торгово-финансовых) интересов во многом обостряли отношения внутри олдерменской среды и даже приводили к конфликтам на почве замещения вакантных должностей и, следовательно, пополнения и неизбежного обновления состава муниципалитета и самой элиты.

Таким образом, структура городской элиты Лондона в рассматриваемый период представляется, по крайней мере, трехступенчатой: низшая группа — советники; элитарный слой — олдермены, внутри ко-

торого необходимо выделить условно «средний» уровень и «высшую» элиту, имея в виду такой общепризнанный критерий как «степень муниципальной активности» или «концентрации должностей». Именно последняя элитарная группа составляла верхушку муниципального аппарата, была носителем муниципальной политики и связующим звеном между всем бюргерством и властью вообще²⁹⁴.

Вхождение в сферу муниципальной власти, осуществление властных полномочий, безусловно, было уделом и привилегией богатейшей части деловых людей Лондона, позволяло вступать в диалог с короной и городской общиной, реализовывать свои политические амбиции и интересы, которые подчас совпадали с интересами большинства фрименов. С другой стороны, обладание властью давало возможность контролировать жизнь в городе, использовать экономические возможности и потенциал Лондона с целью продвижения собственных коммерческих предприятий. И именно коммерция в тех или иных формах — торговля, кредит, правительственные финансы, инвестиции в недвижимость, предпринимательство — составляла «универсальную и эффективную основу»²⁹⁵ деятельности деловых людей, позволяя некоторым из них добраться до вершин власти в городе и быть вовлеченными в водоворот социальных политических событий в королевстве.

²⁹⁴В этой связи заслуживает внимания классификация, предложенная Ф. Фостером. В составе лондонского управления XVI в. он выделяет следующие группы: «элиту» (*élite*), включающую олдерменов, которые были избраны мэрами (по его подсчетам их 64); «нотаблей» (*notables*), состоящих из олдерменов (50 человек) и советников (41 человек), которые занимали не менее 4 должностей и входили в состав не менее 5 комитетов; «лидеров» (*leaders*), занимавших до трех должностей или входивших в 1—4 комитета (118 человек из числа олдерменов и советников); «остальных олдерменов» (*the other aldermen*), которые служили менее года; и «остальных советников» (*the other common councilmen*), отличавшихся крайне низкой политико-административной активностью (см.: *Foster F. The Politics of Stability. A Portrait of the Rulers in Elizabethan London*. P. 14, 164—167). Признавая необходимость структурирования состава муниципального управления Лондона и принимая во внимание приведенную выше классификацию, полагаем важным заметить, что смешивать в одних группах олдерменов и советников не рационально и необоснованно. Это два разных, иерархически соподчиненных уровня городской власти и соответственно — чиновников.

²⁹⁵Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV—XV веков. Ч. 1. С. 27.

Глава III
Занятия
и образ жизни
деловых
людей

§1. Торговля и кредит

Очевидно, что Лондон, являвшийся важнейшим торговым и производственным центром и портом страны, имевший обширное и сложное городское хозяйство (гавани и причалы, набережная с размещенными на ней складами, весовыми, контрольными и таможенными пунктами, мост, городские стены и ворота, корабли, используемые для торговли, транспортных и военных целей, рынки, торговые помещения, мастерские и общественные здания различного назначения), предоставлял все необходимые условия для многоплановой коммерческой деятельности горожан, торговавших и занимавшихся ростовщичеством, арендными операциями с землей и постройками, извлекавших доходы из ремесел и промыслов, нанимавших рабочих и служащих. Наиболее богатыми и влиятельными людьми в городском социуме становились как раз те, кто оказывался широко вовлечен в сферу разнообразной коммерческой деятельности. Чем бы и в каких соотношениях ни занимались лондонские купцы, предприниматели, финансисты, именно коммерция лежала в основе их деловой жизни, их статуса в городской общине, в которой почти невозможно было найти горожанина, так или иначе не втянутого в торговые предпринимательские дела различных уровней и масштабов.

Уже сами по себе названия компаний, в которые входили олдермены, позволяют говорить о том, что их основополагающим занятием была торговля. Убеждает в этом и более близкое знакомство с некоторыми из ливрейных компаний Лондона и их представителями из числа олдерменов. В первую очередь это — торговцы предметами роскоши (мерсеры), суконщики (дрейперы), бакалейщики, а также торговцы рыбой, готовым платьем, железными изделиями, солью, вином, ювелиры, меховщики, галантерейщики, купцы-сукноделы.

Среди торговцев предметами роскоши встречаем имена известнейших лондонских купцов-олдерменов: Саймона и Адама Фрэнси, Ричарда Уайттингтона, Джона Уоллеса, Уильяма Эстфелда, Генри Фроуика, Джеффри Фелдинга, Джеффри Болейна, Джона и Роберта Тэйтов, Генри Колета, Николаса Элвина, Ричарда Хэддона, Ричарда и Джона Грэшемов, Роджера Мартина и многих других. Напомним, что именно к этой компании принадлежало большинство олдерменов XIV—XVI вв. Мерсеры были самой богатой компанией, доказательства чему находим среди относящихся к ее деятельности актов. Из общей суммы в 4017 ф., собранной Городским советом Лондона в 1488 г. по требованию Генриха VII, почти 64% (2 тыс. 562 ф.) предоставили шесть корпораций, список которых открывает компания торговцев предметами роскоши: ее взнос равен 740 ф., в то время как занимающие второе место бакалей-

щики внесли лишь 455 ф., а следующие за ними суконщики — 420 ф.; по 280 ф. внесли торговцы рыбой и ювелиры¹.

Источником накопления богатств купцами этой самой уважаемой и влиятельной лондонской компании служила торговля². Некоторое представление о ней дают имущественные описи последних десятилетий XIV столетия. Одна из них составлена в 1389 г.: на полках в лавке Эдмунда Пэйтона обнаружено 12 кусков тканей различных сортов, как английских, так и импортных, а также постельные принадлежности, 60 страусовых перьев, изюм и значительный запас красного вина стоимостью 13 ф.³ Столь же разнообразные товары оказались в лавке Джона Бэши, умершего в 1394 г. В опись включены наименования 62 видов товаров, большую часть которых (51 наименование) составляют 25 сортов шерстяных, льняных, шелковых и хлопчатобумажных тканей, мотки шелковых и льняных нитей, богатый набор постельного белья, шелковые подвязки, платки различных сортов, т.е. товары текстильного производства, а также рыболовная сеть, гребни из слоновой кости, бисер, медные, латунные и бронзовые кольца⁴.

Хотя в обеих лавках ассортимент товаров весьма разнообразен, главными являлись всевозможные ткани и изделия из них. И по количеству, и по объему стоимости преобладали импортные товары, доставленные из Вестфалии, Кельна, Неаполя, Милана, Парижа, Камбрэ, Куртрэ, Брабанта — таков был размах торговли этих купцов XIV столетия. Описи показывают также, что мерсеры, к числу которых принадлежали Эдмунд Пэйтон и Джон Бэши, торговали и галантереей, а также конкурировали с виноторговцами, импортируя вино.

Большим разнообразием отмечена торговля мерсеров XIV в. Адама Фрэнси и Джона Пайела. Ее основу составлял экспорт шерсти, которую они, по меньшей мере, с 1350 г.⁵ закупали в аббатстве Салби в Нортхемптоншире⁶. Причем делали это при помощи своих агентов-факторов,

¹ The Acts of Court of the Mercer's Company, 1453—1527 / Ed. by L. Lyell and F. D. Watney. Cambridge, 1936. P. 188, 189.

² Подробно об этой компании см.: Sutton A.F. The Mercery of London: Trade, Goods, and People, 1130—1578. Aldershot, 2005.

³ Calendar of the Select Pleas and Memoranda of the City of London, 1381—1412 / Ed. by A.H. Thomas. Cambridge, 1939. P. 167—168.

⁴ Calendar of the Select Pleas and Memoranda of the City of London, 1381—1412. P. 226.

⁵ До этого времени здесь преобладали итальянцы, скупавшие шерсть.

⁶ O'Connor S.J. Biographical Background: Adam Fraunceys. P. 7. Аббатство Салби находилось на западе графства Нортхемптоншир, почти на границе с Лестерширом. Оно было основано в XIII в. и владело более чем 1,500 акров земли. Аббатству принадлежали также некоторые земли и церкви в Итлинборо. В период Реформации и секуляризации церковных и монастырских имуществ владения аббатства Салби были оценены в 305 ф. 8 ш. 5 п.

что свидетельствует не только о масштабности деятельности конкретных лондонцев в графстве, но и об организации самой торговли.

Особо прочные контакты Адам Фрэнси сумел установить с фландрскими городами. Известно, что еще в 1339 г. он отправился в Брюгге, где по торговым делам провел несколько лет. В 1365—1366 гг. он экспортировал туда крупную партию шерсти (524 сэка⁷ и 11½ кловов⁸) общей стоимостью в 1 тыс. 217 ф. 19 ш. 1½ п.⁹ Торговый корабль «Ла Лоуренс», принадлежавший Адаму и Саймону Фрэнси, его кузену, тоже мерсеру, регулярно курсировал между Слейсом и Ньюкаслем, Слейсом и Лондоном, перевозя сельдь, вайду и, возможно, шерсть. Торговал Адам также с Ганзейскими городами и Италией, откуда импортировал самые разнообразные товары¹⁰.

Что касается Джона Пайела, то его торговая деятельность отличалась исключительной широтой и разноплановостью. Являясь владельцем нескольких кораблей, он принимал активное участие в торговле на английских и иноземных рынках. В частности, он экспортировал сукно, одежду и другие товары в Бордо, Лиссабон и Испанию¹¹. Видимо, не последнюю роль в установлении торговых связей Пайела с Испанией сыграло его путешествие в 1363 г. в Сантьяго-де-Компостела¹² — не только один из важнейших центров христианского паломничества, но и экономически развитый город¹³. Известно также, что этот мерсер занимался поставками в Лондон продуктов питания и товаров повседневного спроса, главным образом, из Восточного Мидленда и Сассекса¹⁴. Торговые агенты Джона действовали также в Хантингдоне и Честере¹⁵.

Старейшей лондонской компанией, существовавшей уже в XII в., была компания суконщиков. Главным предметом ее торговли изначально была шерсть, а, примерно, с середины XIV в. к шерсти добавились шерстяные ткани и одежда. Среди наиболее влиятельных лондонских суконщиков XIV—XVI вв. источники называют олдерменов Стефена

⁷ Сэк — мешок, весивший около 364 фунтов.

⁸ Клов — 8 фунтов.

⁹ O'Connor S.J. Biographical Background: Adam Fraunceys. P. 8.

¹⁰ Ibid. P. 6—7.

¹¹ O'Connor S.J. Biographical Background: John Pyel. P. 28—29.

¹² O'Connor S.J. Adam Fraunceys and John Pyel: Perception of Status Among Merchants in Fourteenth-Century London. P. 27—28.

¹³ Сантьяго-де-Компостела был заветной целью бесчисленных набожных паломников, стекавшихся сюда со всей Европы. Здесь находился один из известнейших в Европе монастырей, где в IX в. якобы открылись мощи святого Иакова Старшего. Город считался (и сегодня считается) третьим после Рима и Иерусалима центром христианства. Большую роль в его развитии сыграла дорога, ведущая сюда из Франции, а также близость столиц — Леона, Овьедо, Бургоса, что, безусловно, привлекало сюда и паломников, и деловых людей.

¹⁴ O'Connor S.J. Biographical Background: John Pyel. P. 28—29.

¹⁵ Ibid. P. 28.

Броуна, Джона Нормана, Ральфа Джосселина, Джона и Уильяма Стокеров, Уильяма Уайта, Ричарда Годдарда и многих других. Вероятно, именно в экспорте сукон столичное купечество смогло сконцентрировать значительные капиталы.

Представление о торговле суконщиков дает сохранившаяся от 1414 г. опись товаров, находившихся в лавке Джона Оливера. Там были обнаружены: 110 кусков самой разнообразной шерстяной ткани, 222 шерстяных одеяла, 38 мотков нитей, 108 чулок разных цветов, скатерти, салфетки и прочее столовое, а также постельное белье, одежда из бархата и вельвета, броши, жемчуга, кольца, браслеты и другие драгоценные изделия. Судя по этой описи, шерстяная ткань, оказавшаяся в лавке Джона Оливера, была доставлена из Солсбери¹⁶ и Уинчестера¹⁷, Рэдинга¹⁸ и Лондона; пряжа — из Лондона и городов Франции; салфетки — из Парижа; 12 кроватей — из Винчестера¹⁹. Содержание описи этой лавки позволяет говорить о том, что вплоть до своей кончины Джон Оливер активно торговал и в Лондоне, и далеко за его пределами, прежде всего, в различных городах Англии и во Франции.

Преобладание в компании суконщиков купеческого капитала у исследователей не вызывает сомнений. Еще Э. Пауэр показала, что лондонские купцы составляли одну из групп, напрямую закупавших шерсть в Котсуолде, Чилтерне, Йоркшире, нагорьях Линкольншира²⁰. Известнейшая в Лондоне XV в. семья Сели производила закупки славившейся особенно высоким качеством шерсти в основном в районе Котсуолда²¹.

Обладая весьма внушительными капиталами, суконщики могли закупать шерсть у производителей не только для перепродажи. Возможно, отдельные из них выступали в роли организаторов производства, раздавая шерсть ремесленникам. По сведениям А. Мортон, к концу XIV в. лондонские суконщики диктовали свои условия сукновалам, стригалям, ткачам²². «Отрезав» массу мелких мастеров от рынка сбыта их продук-

¹⁶ Солсбери, насчитывавший более 3200 тыс. жителей, был одним из новых центров производства английского сукна (наряду с Бредфордом и Галифаксом в Йоркшире, Уилтоном, Дивайзесом и Кастелькомбом в Уилтшире), возникшим к концу XIV в. (см.: *Bridbury A.R. Economic Growth of England in the Later Middle Ages. L., 1975. P. 47—49*).

¹⁷ Особенно славились покрывала и одеяла из Уинчестера.

¹⁸ Рэдинг был в этот период одним из богатых и значительных городов Англии, расположенных на пересечении речных и сухопутных дорог, по которым потоком шли экспортируемые и импортируемые товары.

¹⁹ *Calendar of Plea (1413—1437). P. 2—5.*

²⁰ *Power E. The Wool Trade in the Fifteenth Century // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. P. 52.*

²¹ *Яброва М.М. Введение // Купцы — складчики Кале. С. 10.*

²² *Мортон А.Л. История Англии. С. 84.*

ции, оптовый купец постепенно стал независим и от поставщиков сырья, перейдя к прямой закупке шерсти. Таким образом, в руках богатого купца-суконщика могла оказаться вся цепочка — от снабжения сырьем до продажи готовых изделий. В.И. Золотов высказал предположение, что за термином «дрейперы» скрываются если не все, то подавляющее число лиц, так или иначе связанных с производством, обработкой шерсти, сукна, а также с торговлей шерстью и тканями из неё²³.

В контексте сказанного обращает на себя внимание один любопытный факт: суконщик Ричард де Кислингбари оставил по завещанию, составленному 20 июля 1361 г., 19 мешков шерсти, закупленной для него в Беркинге²⁴. Эта партия шерсти могла предназначаться либо для перепродажи, либо для того, чтобы отдать ее в дальнейшую обработку, а, по сути, продать тем же бедным прядильщикам и ткачам. Интересно также отметить, что шерсть для Ричарда кто-то закупал. Возможно, это делал его агент. К сожалению, никакой дополнительной информации на этот счет в наших источниках обнаружить не удалось. Однако хорошо известно, что осуществление торговли через факторов было широко распространенной у английских купцов практикой. Мы видели это на примере торговцев предметами роскоши Адама Фрэнси и Джона Пайела.

Важное место в иерархии лондонских ливрейных компаний занимала компания бакалейщиков, оформившаяся, по сведениям С. Трапп, в 1373 г., амальгамировав торговцев снастями (парусиной), аптекарей, продававших лекарственные снадобья и кондитерские изделия, а также торговцев пряностями. Последние были тесно связаны с итальянскими купцами, видимо, поставлявшими им различные товары (прежде всего перец)²⁵.

Главными предметами торговли бакалейщиков, среди которых значительную часть составляли лондонские олдермены, были продукты питания и вино, а также шерсть, сукно, красители, металлы, лесоматериалы²⁶. Как видим, ассортимент товаров весьма разнообразен и напрямую никак не связан со специализацией бакалейщиков, что явно свидетельствует о преобладании и в этой компании именно купеческой, аккумулирующей капиталы, составляющей.

Одним из наиболее ярких представителей компании бакалейщиков в последней трети XIV в. был Николас Брембр, тесно сотрудничавший с торговцами вином из Гаскони, удачно вкладывавший средства в торговлю шерстью, субсидировавший корону под пошлины на шерсть, овчины и шерстяные ткани в Линне, Халле, Бостоне, Ипсвиче, Ярмуте, Чичесте-

²³ Золотов В.А. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск, 2010. С. 147.

²⁴ Calendar of Wills. Vol. 2. P. 39.

²⁵ Thrupp S. The Grocers of London: a Study of Distributive Trade. P. 250.

²⁶ Ibid.

ре и в Лондонском порту²⁷. Символом могущества Ника Брембра был огромный по тем временам дом на Бред-стрит, где он проживал²⁸.

Существенным влиянием не только в Лондоне, но и повсеместно, пользовались ювелиры — «аристократы ремесла», обладавшие солидными наличными средствами, а наиболее могущественные из них входили в состав органов городского управления. Среди олдерменов встречаются имена известнейших лондонских ювелиров: Джон де Чичестер, Николас Твайфорд, Джон Фрэнси, Бартоломью Рэд, Мэтью Филипп, Адам Бамме, клиентом которого были Джон Гонт и его сторонники при королевском дворе, Эдмунд Шаа, Томас Уод и пр.

Формально исследователи причисляют ювелиров к ремесленникам, поскольку они производили материальные ценности: чаши из дерева с серебряными украшениями, ложки, кубки, серебряные и золотые кольца, броши, пояса и т.д., а также были ответственны за чеканку монеты²⁹. Но далеко не все из так называемых ювелиров были собственно ремесленниками. Специалисты обратили внимание на то, что внутри компании четко выделялись две основные группы: богатые купцы — ведущие члены корпорации, торговавшие ювелирными изделиями и прочей продукцией ювелиров; и нижний слой — непосредственные производители, ремесленники, те, кто очищал золото, толоч его в порошок, полировал, изготавливал пробы, драгоценные вещи, покрывал их глазурью³⁰. Деятельность компании ювелиров находилась под контролем купцов, наиболее значительные и богатые из которых, скорее всего, становились не только мастерами этой компании, но и олдерменами и занимали соответствующее место в лондонском муниципалитете.

Привлекает внимание интересный факт: зачастую олдермены из компании ювелиров фигурируют в источниках как «мастера монетного двора» и «главные инспекторы монетного двора». Среди таких мастеров встречаются: один олдермен XIV в., пять — XV в., два — XVI в.³¹ Главных инспекторов монетного двора из числа олдерменов насчитывалось: три — в XIV в., восемь — в XV в., 11 — в XVI в.³² Олдермен 1476—1496 гг. Хью Брайс в течение последних 14 лет своей жизни совмещал эти две должности. Эдмунд Шаа, олдермен 1473—1488 гг., и его племянник Джон Шаа, олдермен 1496—1504 гг., были главными инспекторами монетного двора и ответственными за гравировку³³.

²⁷ Thrupp S. The Grocers of London: a Study of Distributive Trade. P. 326.

²⁸ Calendar of Letter-Book G. A. D. 1352—1374. P. 293.

²⁹ Calendar of Wills. Vol. 1—2; Campbell M. English Goldsmiths in the Fifteenth Century // England in the Fifteenth Century / Ed. by D. Williams. Suffolk, 1987. P. 43, 45.

³⁰ Campbell M. English Goldsmiths in the Fifteenth Century. P. 49—50.

³¹ Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 388, 390, 396, 398.

³² Ibid. Vol. 2. P. 7, 10, 12, 14, 17, 11, 19.

³³ Ibid. P. 15, 14, 19.

Можно предположить, что все эти олдермены являлись никем иным, как подрядчиками, взявшимися за выпуск определенных серий монет, купцами-предпринимателями, подчинившими себе производство монет, которые являлись предельно стандартизованным товаром: в основе их производства лежало четкое разделение труда. Все операции — от литья до гравировки штемпелей — были частичными, производились отдельными людьми, соединенными в сложную кооперацию. Во главе такой кооперации, возможно, стояли упомянутые выше лондонские олдермены. Вероятно, мастера монетного двора представляли собой подрядчиков, заключивших контракт на выпуск партии монет с королевским правительством. Именно такой вариант описан А.А. Сванидзе для Швеции³⁴.

Важное место в торговой сфере хозяйственной жизни Лондона рассматриваемого периода занимала компания меховщиков, контролирувавшая торговлю мехами, возможно, частично и кожей. В «Завещаниях» удалось обнаружить один примечательный факт, наводящий на определенные размышления. Меховщик Уильям Грегор, олдермен 1435—1461 гг., завещал жене «меховые шкурки, выделанные и невыделанные, и все другие принадлежности скорняжного ремесла»³⁵. Заметим, что завещание было составлено в 1451 г., когда Уильям Грегор уже на протяжении 16 лет занимал должность олдермена и ему предстояло оставаться на ней еще 10 лет, вплоть до своей кончины. Маловероятно, чтобы этот завещатель непосредственно занимался выделкой меха. Скорее, он совмещал торговлю и предпринимательство: закупал партии невыделанных шкурок, «раздавал» их для выделки скорнякам-ремесленникам, работавшим на него в его же мастерской, частично при помощи его же инструментов, а затем продавал обработанный мех. Вполне вероятно, что в рассматриваемый период отдельные олдермены из компании меховщиков подчинили себе скорняков-ремесленников и являлись в своей компании скупщиками выделанных мехов и раздатчиками сырья, по сути, организаторами производства, непосредственно связанными как с внутренней торговлей, так и внешними рынками. Следует, на наш взгляд, учесть мнение М.М. Ябровой относительно меховщиков. Она отмечает, что хотя выделка мехов не была ведущей отраслью производства ни в Англии, ни в какой-либо другой стране Западной Европы, именно в этой профессии сложились условия, сделавшие возможным возникновение зачаточных форм капиталистического производства. Скорняжное ремесло требовало немалых средств, так как меха стоили дорого; здесь рано проявилась имущественная дифференциация; рынок был не очень

³⁴ Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII—XV вв. М., 1980. С. 146—147.

³⁵ Calendar of Wills. Vol. 2. P. 546.

широкий, но достаточно устойчивый, его создавал верхний слой общества; наконец, в выделке мехов рано наметилось разделение труда³⁶.

Анализируя источники XIV—XVI вв., можно заметить, что, несмотря на принадлежность к какой-либо компании, в действительности лондонские купцы не ограничивали себя ни профессией, ни разновидностями товаров, привозимых на рынок. Известно, что еще олдермен XIII в. Генри ле Уоллес, номинально башмачник, будучи доверенным лицом короля, вел обширные операции по торговле вином³⁷. Торговец рыбой Ричард де Чигвелл в начале XIV в. был еще и ведущим экспортером шерсти, собственником корабля³⁸. Экспортом шерсти занимался и виноторговец Генри Пикард, олдермен 1348—1361 гг.³⁹ Из письма мэра Лондона в Бристоль от 1350 г. узнаем, что торговец пряностями Эндрю Обри тоже торговал шерстью⁴⁰.

По размаху и многообразию деятельности не уступали своим «коллегам» и олдермены XV—XVI вв. Уильям Ковентри, торговец предметами роскоши, в первой трети XV в. импортировал шляпы, зеркала, мыло, рыбу, железо; а суконщик Филипп Мэлпес торговал пряностями, вином, оловом⁴¹. Сукнодел Ричард Фолкс, олдермен 1556—1560 гг., экспортировал сукно и воск, импортировал бумазю, шелк из Антверпена, железо и смолу из Байонны⁴². Роджер Мартин, торговец предметами роскоши и олдермен 1556—1573 гг., экспортировал сукно и импортировал шелк из Гамбурга⁴³. Бакалейщик и олдермен 1561—1569 гг. Эдуард Джекмен вывозил сукно в Антверпен и Северную Африку, ввозил хмель и рапсовое масло из Антверпена, смолы из Малаги, сахар из Северной Африки, экспортировал свинец и торговал шафраном⁴⁴.

Немаловажен факт, что все названные выше купцы действовали через своих представителей — факторов, полностью отвечавших за деятельность той или иной торговой конторы, а значит, имели собственные торговые конторы в Гамбурге, Антверпене и Малаге и пр. У Роджера Мартина в Гамбурге действовали даже два его фактора⁴⁵. Своего торгового пред-

³⁶ Яброва М.М. Зачаточные формы капиталистического производства в Лондоне XIV—первой половины XV века // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1983. Вып. 7. С. 41—42.

³⁷ Unwin D. The Guild and Companies of London. P. 57.

³⁸ Ibid. P. 39.

³⁹ Calendar of Letters. P. 1—2.

⁴⁰ Ibid. P. 3.

⁴¹ Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 334.

⁴² Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 96—97.

⁴³ Ibid. P. 112; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 35.

⁴⁴ Ibid. P. 105; Ibid. P. 37.

⁴⁵ Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 35; Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 112.

ставителя в Испании имел также Джордж Барн, галантерейщик, олдермен 1542—1558 г. — это был его сын Филипп⁴⁶. Импорт вина из Испании контролировал фактор — брат жены — еще одного лондонского олдермена 1556—1558 г., бакалейщика Ральфа Грэнзуэя⁴⁷. Заметим, что нередко представителями торговых интересов олдерменов становились их родственники, которым доверяли гораздо больше, чем посторонним лицам.

Семейный принцип организации торговли просматривается и в деятельности других лондонских купцов. На общем фоне выделяется (помимо представленной в литературе семьи Сели) семья Догетов: отец — владелец таверны в первой половине XIV в., сын — торговец вином, внук (Уолтер Догет) — торговец вином и олдермен 1380 г.⁴⁸ Еще одна семейная компания состояла из отца — Роберта ле Кэллера (торговца предметами роскоши и олдермена 1321—1323 гг.), трех его дочерей (двух Маргарет и Джоанны) и их мужей: суконщика Джеффри де Уэстона и торговцев шерстью — Джона де Браие и Роберта Миссока⁴⁹. Возможно, это семейное объединение было создано с целью организации поставок, переработки шерсти и реализации готовой продукции на рынках Лондона, а, может быть, и за его пределами. В этом случае Джон де Браие и Роберт Миссок могли поставлять шерсть, закупая ее где-либо для Джеффри де Уэстона, участвовавшего в организации переработки сырья и производства сукна, торговлю которым вполне могли осуществлять и сам де Уэстон, и его тесть Роберт ле Кэллер.

Известно также, что в 1590 г. олдермен Роберт Ли-старший привлек к своему основному делу — импорту вина — сыновей, Генри и Роберта-младшего. Торговлей вином, шерстяными изделиями и сукном занимались отец и сын Кэмбеллы; оба — олдермены⁵⁰.

Активное участие купцов разных ливрейных компаний в самых выгодных отраслях торговли в значительной степени способствовало их обогащению, ускоряло рост крупных состояний и усиливало концентрацию собственности в руках городских богачей, приводя, в конечном счете, к достаточно четкому выделению узкого круга богатейших представителей купеческого капитала, в который входили и лондонские олдермены. С. Ригби даже называет таких купцов «капиталистами», имея

⁴⁶ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 38; Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 80.*

⁴⁷ *Ibid. P. 35; Ibid. P. 99.*

⁴⁸ *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 375.*

⁴⁹ *Calendar of Wills. Vol. 1. P. 421; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 382.*

⁵⁰ *Foster F. The Politics of Stability. A Portrait of the Rulers in Elizabethan London. P. 100—101.*

в виду, что целью их деятельности было: «купить подешевле, продать дороже», т.е. получение прибыли⁵¹. Безусловно, автор модернизирует действительность XIV—XV вв., о которых идет речь в его исследовании. Однако суть и тенденции определены им верно.

Безусловный приоритет в своей торговой деятельности олдермены отдавали торговле шерстью и сукном — ею, как видно, занимались практически все, независимо от профессиональной принадлежности. Наглядный пример — эпизод из истории торговой деятельности Уильяма Кэнтлоуа, известного лондонского торговца предметами роскоши, олдермена 1446—1464 гг. В 1451 г. во Флоренцию была продана большая партия шерсти — 466 мешков, являвшаяся собственностью Уильяма Кэнтлоуа. Там шерсть была получена неким Джоном Уэлмейном, англичанином, представителем Кэнтлоуа, который и занимался ее реализацией. Шерсть была продана небольшими лотами, от 2 до 39 мешков, частным семейным компаниям, в том числе, Гуидетти, Медичи, Ареццо, Барди. В 1452 г. Уильям Кэнтлоу получил за проданную во Флоренции шерсть 4 тыс. 277 ф. 9 ш. 9 п.⁵²

Продукция английской шерстяного производства в середине XIV в. выходит на широкий внешний рынок. Ее вывозят в Нидерланды, Флоренцию, Венецию, Прибалтийский регион⁵³. До середины XV в., когда появилась компания купцов-авантюристов, почти вся торговля сырой шерстью и овчинами была сосредоточена в руках компании купцов-складчиков (стапельщиков) Кале⁵⁴. Для своего времени эта компания была крупнейшим торговым объединением, сумевшим монополизировать почти весь экспорт шерсти из Англии. По оценке Э. Пауэр, возможно, несколько завышенной, купцы-стапельщики контролировали около 80% экспорта шерсти всей страны⁵⁵. Компания состояла из лондонских купцов, теснейшим образом связанных с купцами Бостона, Сандвича, Ипсвича и ряда других провинциальных, прежде всего портовых городов Англии. Это были очень состоятельные люди, поскольку

⁵¹ *Rigby S.H.* English Society in the Later Middle Ages. Class, Status and Gender. L., 1995. P. 151.

⁵² *Holmes G.* Anglo-Florentine Trade in 1451 // *The English Historical Review.* 1993. Vol. CVIII. №. 427. April. P. 374—375.

⁵³ *Романовская В.Б.* Законодательство английского парламента XIII—XV веков (к вопросу формирования и развития сословно-представительной монархии в Англии): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 95.

⁵⁴ Складочное место в Кале появилось после заключения мира с Францией в 1360 г. М. МакКизак считает датой окончательного утверждения компании в Кале 1392 г. (см.: *McKisack M.* The Fourteenth Century 1307—1399. P. 356). К середине XVI в., когда по Като-Камбрезийскому миру Кале был возвращен Франции, компания купцов-стапельщиков Кале прекратила свое существование. Подробнее о путях формирования Стапля в Кале см.: *Репина Л.П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. С. 115—124.

⁵⁵ *Power E.* The Wool Trade in the Fifteenth Century. P. 41.

ку, как отмечает М.М. Яброва, добиться от короля разрешения на создание такой компании можно было только за очень большие деньги: сумма займов, которые они предоставляли королю, должны были превышать те, которые он получал прежде от фламандцев и итальянцев⁵⁶.

Среди лондонских олдерменов конца XIV—XV вв. мы встречаем немало купцов-стапельщиков Кале. Это — торговцы рыбой Уильям Аскем и Николас Джеймс, суконщики Николас Уотсон и Уильям Нортон, торговцы предметами роскоши Роберт Ларг, Джон Тэйт, Джон Браун, Генри Колет и Николас Элвин⁵⁷. Купцами-стапельщиками были и олдермены XVI в. — суконщик Уильям Честер, торговец предметами роскоши Роджер Мартин, меховщик Эндрю Джадд, галантерейщик Дэвид Вудрофф, бакалейщик Томас Лодж, в 1559 г. получивший лицензию на экспорт 70 сэрплей⁵⁸ шерсти⁵⁹, торговец готовым платьем Томас Оффли. Все они экспортировали шерсть в Кале⁶⁰. Два олдермена XVI в. — Уильям Честер и сэр Эндрю Джадд — были мэрами Стапля⁶¹, координировавшими и контролировавшими деятельность всех складчиков.

Экономические основы английского общества XIV—XVI вв. не были однородными. Феодальные отношения вынуждены были потесниться, постепенно уступая место элементам раннекапиталистического уклада. В сельской местности юго-востока, севера и востока страны основой сукноделия постепенно становится капиталистическая кооперация и производство на дому. А. Грин пишет о том, что купец-скупщик, эксплуатировавший десятки и сотни деревенских кустарей, или владелец сукновальной мельницы, где трудились наемные рабочие, заправлял теперь всем производством⁶². Возникновение новых форм производства, таких как раздача сырья, капиталистическая кооперация и ранняя капиталистическая мануфактура способствовали резкому увеличению производства сукна. К середине XV в. это становится очевидным: вывоз шерстяных тканей в денежном выражении вдвое превысил экспорт шерсти⁶³.

Торговля сукном, отодвинувшая на второй план торговлю сырой шерстью, была сконцентрирована в руках компании купцов-авантюри-

⁵⁶ Яброва М.М. Введение // Купцы-складчики Кале. С. 6.

⁵⁷ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 403; Vol. 2. P. 11, 3, 6, 7, 14, 19, 33, 35, 30, 32, 34; Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 87, 112, 105, 129, 109.*

⁵⁸ Сэрпль — большой тюк шерсти, содержащий 2240 фунтов.

⁵⁹ *Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 109.*

⁶⁰ *Ibid. P. 87, 112, 105, 129, 109, 116; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 33, 35, 30, 32, 34.*

⁶¹ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 33, 30; Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 87, 105.*

⁶² *Green A. The Town Life in the Fifteenth Century: in 2 vols. Vol. 2. P. 878.*

⁶³ Романовская В.Б. Законодательство английского парламента XIII—XV веков. С. 95.

стов или странствующих купцов (The Merchant Adventurers), официально оформившейся, скорее всего, в середине XV в. Порты Нидерландов, особенно Антверпен, были её воротами на континент⁶⁴. Джон Уиллер, секретарь компании купцов-авантюристов, в 1601 г. писал в трактате, посвященном ее деятельности: «В год вышеупомянутая компания вывозит по меньшей мере 60 тыс. кусков белого сукна, помимо цветного всех сортов, коротких и длинных каразей <...> северных дазэнс и некоторых других сортов грубого сукна <...> Они стоят не менее 600 тыс. ф. в английской монете. Количество цветных сукон всех видов <...> достигает 40 тыс. кусков, которые стоят 400 тыс. ф.»⁶⁵. Помимо сукна купцы-авантюристы вывозили также «шерсть, свинец, олово, шафран, кроличьи шкурки, кожу, сало, алебастр, зерно, пиво»⁶⁶.

В компании объединились богатейшие купцы лондонских гильдий торговцев предметами роскоши, бакалейщиков, галантерейщиков, виноторговцев и др., к которым присоединились торговцы некоторых провинциальных городов. Самые предприимчивые купцы переориентировались на торговлю сукном, тем более что компания купцов-стapelщиков Кале в конце XV столетия стала клониться к упадку. Создав в конце XV в. столичную ассоциацию «авантюристов», лондонцы добились абсолютного приоритета в управляющих структурах Компании на континенте. По некоторым данным к 1500 г. купцы-авантюристы Лондона контролировали 3/5 всей заморской торговли Англии⁶⁷. Впоследствии, на фоне резкого ухудшения ситуации на европейских рынках в связи с событиями в Нидерландах, ответственность за организацию торговли, за поиски места расположения рынков взяли на себя лондонцы, и провинциальное купечество вынуждено было с этим мириться⁶⁸.

Среди купцов-авантюристов удалось обнаружить 15 лондонских олдерменов XVI в.: по одному сукношнику и торговцу железными изделиями, по два меховщика, сукнодела и торговца предметами роскоши, три бакалейщика и четыре галантерейщика⁶⁹. При этом все они, наряду с экспортом сукна, занимались и вывозом шерсти, а пятеро одновремен-

⁶⁴ Маркова С.П. Английские купцы-авантюристы. СПб., 2011. С. 38.

⁶⁵ Wheeler J. A Treatise of Commerce // Tudor Economic Documents: in 3 vols. L., 1935. Vol. 1. P. 283.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Britnell R. The Closing of the Middle Ages? England, 1471—1529. P. 218.

⁶⁸ Маркова С.П. Английские купцы-авантюристы. С. 159—160. Революция в Нидерландах заставила купцов-авантюристов несколько раз переносить свои основные базы, главным образом в Германию, где соперничество Ганзы стало весьма серьезной угрозой для английских купцов. Подняться до прежних высот Компания больше уже не смогла.

⁶⁹ Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 86, 75, 96, 119, 81, 80, 105, 111, 97, 102; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 35, 37, 32, 36.

но были и купцами-авантюристами, и купцами Стапля. Это лишний раз свидетельствует о том, что крупнейшие лондонские купцы-олдермены рассматриваемого периода использовали все имевшиеся возможности для расширения торговли, для реализации своего делового потенциала.

Компания купцов-авантюристов относилась к типу регулируемых (regulated), как и многие другие в XVI в. и в более позднее время⁷⁰. В таких компаниях было общее управление, общая хартия, могли быть общие складочные места; в странах, где обосновывались купцы данной компании, они выступали как единая цельная корпорация. Но при этом каждый из членов объединения торговал на основе собственного капитала, лишь подчиняясь общим правилам. Этот принцип требовал, чтобы купец обладал немалым капиталом. Зафрахтовать и нагрузить корабль, иметь агента (чаще всего не одного) — все это требовало денег и весьма значительных. Разумеется, отдельные купцы могли в пределах данной компании объединять свои капиталы и усилия. Это на практике и делалось. Ярким примером тому может служить семейная компания купцов Ишем.

У истоков семейного бизнеса стоял старший из оказавшихся в Лондоне братьев Ишем — Грегори. Его коммерческие интересы распространялись от Девона и Йоркшира до Антверпена: это не только участие в посреднической торговле предметами потребления, но и кредитование, ростовщичество, инвестиции в недвижимость. На момент кончины Грегори в 1558 г. в его описи имущества зафиксировано кредитов на 6 тыс. ф. и товаров на 12 тыс. ф.; это в основном разнообразнейшие ткани — шелк, сатин, дамаст итальянского производства, различные виды уэстедских («новых») тканей. В Антверпене у Грегори имелись склады для хранения английского сукна: не только суффолкского, но также различных сортов западного и северного грубого домотканого сукна общей стоимостью свыше 3 тыс. ф.⁷¹

Специфической чертой компании Ишем являлась торговля дорогим итальянским текстилем. Но одновременно Ишемы были тесно связаны с экспортом двух основных типов сукна из Англии середины XVI в., и важную роль здесь играли все три брата — Грегори, Джон и Генри. Во-первых, речь идет об экспорте традиционного английского широкого сукна, производимого преимущественно в Восточной Англии и в западных графствах — Глостершире, Сомерсетшире, Оксфордшире и Уилтшире — и находившего сбыт в Центральной Европе. Вторым типом было производство так называемых «новых тканей»⁷² в Кеннетской

⁷⁰ Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV—начала XVI вв.). С. 192.

⁷¹ The Inventory of Gregory Isham, 1558 (Appendix I). P. 162—165.

⁷² «Новыми тканями» в XVI в. называли камвольные ткани, или «уэстедские» сукна, байку и саржу. Данные ткани отличались низким качеством по сравнению с

долине в Беркшире и Хэмпшире, в Девоншире и в Западном Ридинге в Йоркшире. Они пользовались спросом не только в Германии и на востоке Европы, но также в Испании, Франции и странах Средиземноморья. Благодаря появлению и развитию производства «новых тканей» английская текстильная промышленность сумела максимально приспособиться к разнообразию потребностей европейского рынка и наладить производство, с одной стороны, дорогих высококачественных сукон, превосходивших французские и голландские, с другой, — простых дешевых сукон, хлопчато-бумажных и льняных тканей, пользовавшихся широким спросом.

В обоих случаях все производители сукна, сбывавшие его в Лондон, должны были осуществлять торговые операции на рынке Блэкуэлл-холл, расположенном буквально в двух шагах от Гилдхолла — здания городского муниципалитета. Лондонская мэрия внимательно следила за тем, чтобы сукном торговали только здесь и нигде больше. Участие в такой торговле с 1552 г. являлось важной привилегией купцов-авантюристов, получивших фактически монопольное право на скупку тканей через Блэкуэлл-холл. По вторникам, пятницам и субботам сукноделы из графств встречались здесь, чтобы заключить сделки. Братья Ишем как купцы-авантюристы имели в Блэкуэлл-холл собственную контору, что создавало благоприятные условия для их коммерческой деятельности.

В 1558 г. умер Грегори. Данное событие стало настоящим ударом для Джона и Генри. Ушел в иной мир не просто брат, но наставник и деловой партнер. С этого времени главная роль в компании купцов Ишем перешла к Джону, который, надо признать, с честью с ней справился, сохранив и упрочив то, что удалось сделать брату.

Важнейшим шагом, во многом определившим судьбу не только Джона Ишема, но и всей семейной компании, стала его женитьбе еще в октябре 1552 г. на Элизабет, дочери мастера-оружейника Николаса Бакера и вдове Леонарда Бакера, торговца предметами роскоши и купца-авантюриста. Согласно брачному соглашению, Джон Ишем получил в управление недвижимость Леонарда Бакера: поместье в Оксфордшире, шесть домов в Лондоне, а также движимое имущество Бакера, которое оценивалось в 1787 ф. 10 ш. 8 п. «в товарах и кредитах» и 235 ф. 3 ш. 9 п. наличными⁷³. В значительной степени именно средства, привнесенные Элизабет, дополненные капиталами Генри Ишема, после смерти Грегори составили финансовую основу семейной компании Ишем.

традиционным английским сукном, но их изготовление было легче и дешевле обходилось производителю. Указанные сорта сукон предназначались для широких слоев покупателей, носились меньше и, следовательно, быстрее оборачивались на рынке; спрос на них был постоянным.

⁷³ The Life of John Isham (Appendix II). P. 170—171.

Необходимо в целом отметить теснейшие связи, установившиеся между семействами Ишем и Бакер в Лондоне. Одна из сестер Джона Ишема, Исабель, вышла замуж за Томаса Бакера, брата его жены Элизабет, оружейника и купца-авантюриста. Приемный сын Джона, Леонард Бакер-младший, позднее женился на Джейн, дочери старшего брата — Джайлза Ишема. Джон Бакер, еще один брат Элизабет, был отдан в обучение к Джону Ишему и на протяжении многих лет помогал ему в торговле в качестве агента⁷⁴.

В сложившемся виде в состав семейной компании Ишем входили братья Грегори (до 1558 г.), Джон и Генри (до 1595 г. он занимал должность сборщика таможенных пошлин в Лондонском порту); мужья сестер — купцы Генри Беллами, Томас Бакер и Уолтер Малле; агенты (факторы) в Антверпене, Эмдене и Бергене-на-Зуме — Хэмфри Рамсден (он обучался у Томаса Джайгеса одновременно с Джоном Ишемом и был примерно на 4 года младше него), упоминавшийся выше Джон Бакер; Эдмунд Балейс, зять Генри Ишема, и некий Дрю Мапессон. Кроме того, в деловых книгах Джона Ишема упомянуты слуги (*servants*) — 4 человека и 4 ученика⁷⁵.

Джон Ишем закупал сукно из Оксфорда, Глостера, Сомерсета, Уилтшира. Девона, Йоркшира, экспортируя его в Антверпен, Гамбург, Дантиг⁷⁶. Деловые книги Джона Ишема убедительно свидетельствуют о том, что он устанавливал контакты с многочисленными поставщиками сукна задолго до того, как они приходили в Лондон, а с некоторыми завязывались длительные деловые связи. И довольно часто Джон готов был авансировать суконщиков, если они в том нуждались⁷⁷.

За первые шесть месяцев 1565 г. сохранились подробные сведения о том, какого типа сукно Джон вывозил в Антверпен: 28 кусков глостерского и столько же уилтширского сукна, 15 кусков грубых уилтширских тканей. В это же время Генри Ишем заплатил пошлины с 8 кусков глостерского сукна, 28 кусков иултширского сукна, 20 кусков грубого сукна из Уилтшира и 16 дюжин кусков сукна из Девона⁷⁸. Приведенные данные весьма красноречивы в сопоставлении с сотнями кусков традиционного английского сукна, отправленными Грегори и Джоном 12-ю годами ранее. Столь серьезное сокращение количества вывозимого широкого сукна можно объяснить возросшим интересом братьев Ишем к экспорту грубых домотканых сукон с середины 1560-х гг. Показательно, что в те же самые месяцы 1565 г. Джон экспортировал 702, а Генри —

⁷⁴ The Life of John Isham (Appendix II). P. 168, 171.

⁷⁵ The First Account Book of John Isham. P. 1—124; The Second Account Book of John Isham. P. 125—153.

⁷⁶ The First Account Book of John Isham. P. 1—124.

⁷⁷ Ibid.; The Second Account Book of John Isham. P. 125—153.

⁷⁸ The Second Account Book of John Isham. P. 117—122.

802 куска грубого северного сукна⁷⁹. Очевидно, что в такой переориентации экспорта братьев Ишем проявилась определенная адаптация их бизнеса к ведущей тенденции рынка: предпочтению, отдававшемуся грубым сукнам. Напомним, что еще Грегори, вплоть до своей кончины в 1558 г., держал несколько сотен кусков грубых тканей на складе в Антверпене, что позволяет, на наш взгляд, считать его проводником новых веяний, в полный голос заявивших о себе с середины 60-х гг. XVI в.

С 1569 г. Антверпен был оттеснен Гамбургом и Данцигом. Весной-летом 1571 г. Джон Ишем заплатил пошлины с 284 кусков широкого сукна, из которых 32 куска — окрашенное сукно, с 279 кусков грубого сукна, 80 дюжин кусков девонширских сукон и 28 кусков тонкого сукна (*ultra-fines*)⁸⁰. В Данциг с этого времени поступала половина широкого сукна, отправленного компанией Ишем, все грубые ткани экспортировались в Гамбург.

Интерес компании Ишем к северным грубым тканям предстает в деловых книгах Джона Ишема в контексте его связей с поставщиками сукна из Галифакса. Некоторые из них были мелкими купцами, другие (например, Эдуард Хилл и Уильям Картер) занимали важные позиции в местном социуме, превратились в весьма зажиточных предпринимателей Йоркшира и торговали непосредственно с Лондоном через порт Халл, попутно приобретая и поставляя красители и материалы для очистки шерсти, галантерею, масло, вино и прочие товары. Возможно, Ишемы помогали им в этом, а купцы из Галифакса поспособствовали тому, чтобы Джон закрепился на местном рынке: далеко не случайно в 1550—1570-е гг. он регулярно посещал этот город.

Таким образом, семейная компания Ишем, являясь органичной частью Компании купцов-авантюристов, была теснейшим образом связана с качественными изменениями, происходившими в структуре производства и торговли Англии второй половины XVI в. Живо откликаясь на тенденции времени, братья Ишем переориентировали свою торговлю с рынка в Антверпене на рынки Гамбурга и Данцига, отдав предпочтение экспорту более востребованных и качественно улучшенных традиционных широких английских тканей и грубых сукон из Йоркшира.

Интересы английского купечества, связанного с вывозом сукна, нашли отражение в законодательстве парламента, ознаменовавшего собой новую тенденцию к полному или почти полному прекращению экспорта из Англии наиболее тонких и дорогих сортов шерсти. Запрещающая вывоз ценных сортов шерсти, закон ставил под удар всю экспортную торговлю шерстью Англии, где был значительный удельный вес

⁷⁹ The Second Account Book of John Isham. P. 117—122.

⁸⁰ Ibid. P. 122—124.

иностранцев — ганзейцев, итальянцев, купцов из Нидерландов. Торгуя высококачественными тканями, скупая в больших количествах шерсть, они были опасными конкурентами для английских купцов-авантюристов и сукноделов, среди которых можно обнаружить немало лондонских олдерменов. Запрет же экспорта шерсти и импорта сукна и, соответственно, отсутствие конкурентов-иностранцев, создавало весьма благоприятные условия для английских сукноделов и купцов, проявлявших активность в палате Общин.

Лондонские документы, как было отмечено выше, свидетельствуют о том, что купцы-олдермены торговали самыми разнообразными товарами. Такая практика открывала возможности для их проникновения в профессионально чуждую корпорацию, а также приводила к членству в нескольких компаниях одновременно. В источниках сведений на этот счет немного, тем большую ценность они представляют. Так, олдермен 1322—1333 гг. Ричард де Бетойн числился ювелиром, но реально принадлежал к компании торговцев пряностями⁸¹. Олдермен 1350—1356 гг. Джон де Глостер значился в источниках как торговец рыбой, но, видимо, не случайно завещал 200 ф. виноторговцам⁸². Судя по завещанию олдермена с 1360 г. Джона де Бернса, он был связан с бакалейщиками, торговцами предметами роскоши и галантерейщиками, хотя в других источниках фигурирует только в качестве торговца предметами роскоши, что, видимо, отражало значимость данной компании⁸³. Об олдермене 1376—1384 гг. Томасе Корнуоллесе сообщается как о ювелире и виноторговце⁸⁴. Олдермен 1411—1426 гг. Уильям Севеноук был учеником торговца железными изделиями, но в 1397 г. получил привилегии бакалейщиков, и источники сообщают о нем как о бакалейщике⁸⁵. Таким образом, профессиональный принцип в компаниях Лондона все больше отодвигался на второй план — значительно важнее было иметь первоначальный капитал⁸⁶.

Об этом свидетельствует и практика переходов из компании в компанию, встречающаяся в олдерменской среде. Джон Ковентр изначально был шляпником, но в 1402 г. перешел в компанию торговцев пред-

⁸¹ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 382; Calendar of Wills. Vol. 1. P. 445.*

⁸² *Ibid. P. 387; Ibid. Vol. 2. P. 64—65.*

⁸³ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 388; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 323.*

⁸⁴ *Ibid. P. 391; Ibid. P. 333.*

⁸⁵ *Ibid. Vol. 2. P. 4; Ibid. P. 366; Calendar of Wills. Vol. 2. P. 462, 466, 467.*

⁸⁶ Совмещение членства в нескольких компаниях в XIV—XV вв. имело место и в других английских городах, в частности, в Бристоле (см.: *Мосолкина Т.В. Город Бристоль в XIV—XV веках: Экономика, общественные отношения, социальная психология. С. 130—131).*

метаами роскоши, уплатив 2 ф. 28 ш.⁸⁷ Аналогичная история произошла с олдерменом 1452—1463 г. Джеффри Болейном, уплатившим 5 ф. 13 ш.⁸⁸ Олдермен 1444—1458 г. Саймон Эйр сначала был драпировщиком, а затем его допустили в компанию суконщиков⁸⁹. Джон Тэйт, мэр Лондона в 1496—1497 г., был пивоваром, но предпочел перевестись в компанию торговцев предметами роскоши⁹⁰. Уильям Аллен, олдермен 1558—1586 г., изначально торговец кожаными изделиями, перешел в компанию торговцев предметами роскоши⁹¹. Томас Куртс, олдермен 1551—1559 г. и торговец оловом, стал торговцем рыбой⁹².

По мнению М.М. Ябровой, переход из одной компании в другую, как и членство в нескольких компаниях, были возможны только при господстве в них торговых элементов, полностью оторванных от непосредственного участия в процессе производства в силу владения значительными денежными средствами⁹³. Сами переходы были вызваны стремлением купцов получить как можно больше возможностей для расширения своей деятельности: ведь оставляли, как правило, профессии малозначительные, «бесперспективные» (шляпников, драпировщиков, пивоваров, торговцев кожаными изделиями) в пользу торговых, приносящих значительные доходы, — «Двенадцати Больших ливрейных компаний» Лондона.

Положение таких компаний не оставалось неизменным: иерархия ливрейных компаний непосредственно связана с их влиянием и значением в хозяйственной жизни города, отражает степень их богатства, экономического и политического могущества. Справедливо предположение М.М. Ябровой о том, что роль той или иной компании на определенном отрезке времени определялась несколькими моментами: ситуацией внутри самой компании, соотношением ее с родственными профессиональными объединениями, а также позицией во внешней торговле⁹⁴. Тем не менее, на первых трех местах на протяжении рассматриваемых столетий неизменно значились торговцы предметами роскоши, суконщики и бакалейщики, за которыми шли торговцы рыбой, ювелиры, меховщики, торговцы готовым платьем, галантерейщики,

⁸⁷ *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 391; *Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 347.

⁸⁸ *Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 323.

⁸⁹ *Ibid.* P. 333, 338.

⁹⁰ *Ibid.* P. 366; *Cronicles of London.* P. 326.

⁹¹ *Willan J.* The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 75; *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 35.

⁹² *Ibid.* P. 89; *Ibid.* P. 33.

⁹³ *Яброва М.М.* Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 113.

⁹⁴ Там же. С. 117—118.

торговцы железными изделиями, солью, вином, купцы-сукноделы. Во всех этих компаниях, по выражению Дж. Анвина, «старый олигархический дух приобрел новую форму, более просторную и более гибкую»⁹⁵. Очевидно, что в данном случае можно говорить об изменении не только формы, но и содержания — это были купеческие организации, в которых доминирующую роль играл крупный торговый капитал; с ними не в последнюю очередь связано формирование английской буржуазии⁹⁶. Особенно отчетливо это проявилось в XVI в.: именно с этого времени, по мнению В.В. Штокмар, большие ливрейные компании все больше превращаются в ассоциации «капиталистических предпринимателей». Когда же началось образование компаний нового, акционерного, типа (Московской, Восточной, Левантийской, Ост-Индской), то все «Двенадцать Больших ливрейных компаний» участвовали в них капиталами, вносимыми как от лица компании, так и отдельными ее членами⁹⁷.

XVI столетие вообще стало временем стремительных перемен в общественном развитии Англии, в том числе — временем перехода к раннекапиталистическому хозяйству. Как повели себя деловые люди Лондона в новых условиях, сумели ли они приспособиться к столь радикальным изменениям, смогли ли себя проявить?

Перед нами списки членов некоторых известных компаний XVI в.: Московской, Ост-Индской, Левантийской. Произведенные нами подсчеты показывают, что в 1555 г. из 198 членов Московской компании 29 — это олдермены; в хартии Ост-Индской компании от 1599 г. из 90 зафиксированных пайщиков 8 — олдермены; первая хартия Левантийской компании от 80-х гг. XVI в. содержит 29 имен, из них — 12 олдерменов⁹⁸. Лондонские олдермены участвовали и в торговле Испанской, Эстляндской (Балтийской), Французской, Марокканской компаний⁹⁹, т.е. практически во всех, возникавших в Англии с середины XVI в.

Интересен имущественный статус олдерменов, вошедших в эти внешнеторговые объединения. Подавляющее большинство их — солидные купцы, обладавшие значительными по тем временам капиталами. Вот характеристика только некоторых из них. Состояние участника Московской компании Хэмфри Баскерфелда, торговца предметами роскоши, занимавшего видное место и в Компании купцов-авантюристов, оценивалось,

⁹⁵ *Unwin D. The Guild and Companies of London. P. 76.*

⁹⁶ *Яброва М.М. Лондонские ливрейные компании и так называемый процесс амальгамации // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 146.*

⁹⁷ *Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. С. 52—53.*

⁹⁸ *Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 84, 100, 116, 127; Epstein M. The English Levant Company. L., 1908. P. 255—256.*

⁹⁹ *Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 78—107.*

примерно, в 7 тыс. ф.¹⁰⁰ Эдуард Джекмен, бакалейщик, тоже участвовал в торговле купцов-авантюристов; размах его торговой деятельности достаточно широк: Нидерланды, Северная Африка, Испания, Московия, где он торговал сукном, свинцом, шафраном, хмелем, растительным маслом, изюмом, сахаром. Еще Джекмен был одним из организаторов Гвинейской экспедиции 1558 г.; его состояние оценивалось, примерно, в 8 тыс. ф.¹⁰¹

В XVI в. лондонские олдермены не ограничивали свои интересы участием только в одной внешнеторговой компании. Известно, что Уильям Бонд, торговец готовым платьем, являлся членом Московской, Испанской, Французской, Левантийской компаний, купцом-авантюристом, участвовавшим в снаряжении экспедиции Фробिशера¹⁰². Торговец предметами роскоши Томас Корделл был участником и одним из первых управляющих Ост-Индской компании, управляющим Левантийской и Испанской, членом Виргинской и Венецианской компаний¹⁰³. Эдуард Холмден, бакалейщик, — одним из основателей Левантийской компании, управляющим Ост-Индской и членом Венецианской компаний, а также активно торговал с Северной Африкой¹⁰⁴.

Очевидно, что капиталы, которыми располагали лондонские олдермены, позволяли им участвовать в торговле 3—4, а то и 5—6 компаний. Дополнительные возможности для такой многоплановой деятельности некоторых олдерменов предоставляли сами внешнеторговые объединения второй половины XVI в., так называемые компании общего капитала (joint-stock), основанные на паевом принципе: он был характерен для Московской, Испанской, Левантийской, частично Ост-Индской компаний. Данный принцип, когда каждый член компании вносил пай, и все деньги вкладывались непосредственно в торговлю, а прибыли делились в соответствии с внесенным паем, гарантировал купцов от крупных потерь в условиях возросших рисков океанических плаваний и позволял им более широко участвовать в торговле. Значительная часть лондонских олдерменов такой возможностью не пренебрегала: они оказывались среди активнейших участников торговли Англии практически во всех частях света. Можно утверждать, что к концу XVI в. столичные купцы-олдермены осуществляли торговлю с Германией и Нидерландами, поставляя туда шерсть, сукно, олово, свинец, пиво и вывозя оттуда шелк; с Францией, где продавали зерно, сукно, олово, свинец и покупали вино, соль, вайду, смолу, де-

¹⁰⁰ Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 79; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 36.

¹⁰¹ Ibid. P. 105; Ibid. P. 37.

¹⁰² Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 81.

¹⁰³ Rabb T.K. Enterprise and Empire: Merchant and Gentry Investment in the Expansion of England, 1575—1630. Cambridge, 1967. P. 271.

¹⁰⁴ Ibid. P. 317.

готь, парусину, брезент; с Испанией, экспортируя сукно, льняные ткани, медь, олово, свинец и импортируя вино, соль, мыло; с Португалией, поставляя туда пшеницу, масло, сыр, сукно, металлы и вывозя оттуда ост-индские пряности, апельсины, лимоны, масло, соль, масло. В страны Средиземноморья поставляли сукно, олово, шкуры, сельдь и вывозили шелк, хлопок, масло, квасцы; в Балтийский регион вывозили грубые сукна, вино, соль, а забирали оттуда большое количество пшеницы, рожь, канаты, лен, пеньку, смолу, деготь, воск, меха. Московия поставляла им воск, шкуры, меха. На Азорские, Канарские острова и на Мадейру продавали пшеницу, сукна, свинец, сахар и закупали там зеленую вайду, вино и сахар. В Северной Африке пользовались спросом высококачественные сукна и оружие в обмен на сахар, селитру, финики, хлопок, черную патоку. В Сирию и Малую Азию вывозили лучшие сукна, свинец, олово, получая взамен хлопок; в испанскую Вест-Индию и в Бразилию шли сукна, льняные ткани, масло, вина, кинжалы и приобретались золото, серебро и драгоценности¹⁰⁵.

Столь внушительный список интересен уже сам по себе, но он важен и по другой причине: определенная часть перечисленных товаров связана с развитием национального производства. Купцы, в том числе олдермены Лондона, не только широко экспортировали изделия английского производства, но и снабжали привозным сырьем целые отрасли, возникавшие на раннекапиталистических принципах.

В этой связи обращают на себя внимание сведения, касающиеся уже упоминавшегося торговца предметами роскоши Хэмфри Баскерфелда, одного из ведущих купцов-авантюристов и участника Московской компании. По завещанию он оставил займов на 100 ф. каждому из двух сукноделов — некоему Томасу Кларку-мл. из Коггшелла и Томасу Додингу из Вустера¹⁰⁶. Немаловажно, что Коггшелл известен как один из основных центров по производству так называемых «новых тканей» в Эссексе (наряду с Колчестером). Вустер (центр Вустершира) в XVI в. славился тем, что здесь (а также в Глостершире) возникли крупные мануфактуры по производству высококачественного широкого сукна, которое поставлялось в Нидерланды, Германию, Францию и другие страны. Известно, что производство здесь находилось главным образом в руках крупных суконщиков-предпринимателей, представителей купечества, джентри, занимавшегося овцеводством¹⁰⁷. Возможно, Хэмфри Баскерфелд и был одним из таких предприимчивых людей, которые участвовали капиталом в производстве сукна и в его поставках на иноземные рынки.

¹⁰⁵Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 78—107; Tudor Economic Documents. Vol. 3. P. 199—210; Ramsey P. Tudor Economic Problems. P. 50—52.

¹⁰⁶Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 36; Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 79.

¹⁰⁷Ramsey P. Tudor Economic Problems. P. 49—50.

В качестве купцов-предпринимателей некоторые олдермены были связаны с развитием таких важных отраслей производства, как горнодобывающая и металлургическая, которые со времен Войн Роз находились в состоянии практически полного застоя. При покровительстве Елизаветы I в 60-х гг. XVI в. возникли первые английские компании по разработке Королевских рудников (Mines Royal) и добыче золота, серебра, ртути, олова, свинца и других металлов (Mineral and Battery Works). Среди пайщиков этих компаний находим и имена отдельных олдерменов: Лайонела Дакета, торговца предметами роскоши, купца-авантюриста, организатора Гвинейской экспедиции и экспедиции Джильберта, участника Московской и Испанской компаний¹⁰⁸; Уильяма Гаррарда, галантерейщика, купца-авантюриста, совладельца двух кораблей, связанных с Гвинейской торговлей, участника торговли с Москвией и Марокко¹⁰⁹; Роланда Хэйвуда, сукнодела, купца-авантюриста, пайщика Московской и Гвинейской компаний¹¹⁰; Энтони Гэмейджа, торговца железными изделиями, организатора Гвинейских экспедиций, активного участника торговли с Францией, пайщика Московской и Испанской компаний, судовладельца¹¹¹. К концу XVI в. английская металлургия выдвинулась на одно из ведущих мест в Европе, поставляя на ее рынки олово, свинец, латунь, изделия из железа. Не последнюю роль в восстановлении и развитии этой отрасли, возможно, сыграли некоторые олдермены, вкладывавшие в это дело капиталы и реализовывавшие продукцию металлургического производства на внешних рынках.

Английское купечество, среди которого и лондонские олдермены, интересовали товары, необходимые в кораблестроении. Известно, что олдермен 1556—1581 гг., торговец изделиями из железа Кристофер Дрейпер, пайщик Московской и Испанской компаний, ввозил канаты, которые затем поставлял в западные графства, снасти, смолу, пеньку и другие материалы¹¹². Ввозом смолы (помимо прочих товаров) занимались сукнодел Ричард Фолкс и знаменитый Эдуард Джекмен¹¹³. Парусину импортировали бакалейщик и олдермен 1553—1584 гг. Томас Лодж, член компании Стапельщиков, купец-авантюрист, участник торговли с Францией, Москвией, Северной Африкой, Гвинеей, и Энтони Гэмейдж¹¹⁴.

¹⁰⁸Willan J. The 'Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 92; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 37.

¹⁰⁹Ibid. P. 97—98; Ibid. P. 32.

¹¹⁰Ibid. P. 102; Ibid. P. 36.

¹¹¹Ibid. P. 97; Ibid. P. 39.

¹¹²Ibid. P. 92; Ibid. P. 35.

¹¹³Ibid. P. 97, 105; Ibid. P. 35, 37.

¹¹⁴Ibid. P. 109—110, 97; Ibid. P. 34, 32.

Таким образом, олдермены, как представители купеческого капитала, были широко втянуты в экспортно-импортную торговлю, связанную с развивающимся английским производством, с его новыми отраслями, с его перестройкой на раннекапиталистических принципах. В основных своих направлениях эта торговля совпадала с потребностями хозяйственной жизни королевства рассматриваемого периода. Пример лондонских олдерменов подтверждает вывод о том, что в относительно короткий срок торговля приняла на себя функции «служанки» промышленности в Англии, это произошло, несмотря на высокую степень развития купеческого капитала¹¹⁵.

Невзирая на значительный риск, отдельные олдермены Лондона не оставались в стороне от колониальных предприятий: уже с середины XVI в. они стали проявлять к ним некоторый интерес. Среди лиц, финансировавших в 1580-х гг. экспедиции Х. Джильберта и У. Рэли¹¹⁶, встречается имя Лайонела Дакета, торговца предметами роскоши, купца-авантюриста, торговавшего сукном, вином, пайщика Московской и Испанской компаний¹¹⁷.

Наши источники содержат ценную информацию, позволяющую говорить о том, что интерес отдельных лондонских олдерменов распространялся и на весьма прибыльную в 50—60-х гг. XVI столетия работорговлю, куда они вкладывали, по-видимому, немалые средства. Из членов лондонских ливрей, создавших ядро Московской компании, многие участвовали в организации Гвинейских экспедиций¹¹⁸. Достоверно известны имена 11 таких олдерменов. Среди них: галантерейщик Джордж Барн, один из главных организаторов экспедиции Ф. Уиллоуби и Р. Ченслера в 1553 г.¹¹⁹, организатор экспедиций 1553 и 1554 гг., торговец ви-

¹¹⁵Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 219.

¹¹⁶С этими именами связаны попытки англичан основать собственные колонии в Северной Америке. Усилиями Х. Джильберта и У. Рэли возникли первые поселения на острове Роанок и в Вирджинии (1585 г.).

¹¹⁷Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 92; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 37

¹¹⁸Все экспедиции в Гвинею были, по сути, пиратскими набегами с целью захвата рабов. Только в 1558 г. вся торговля рабами в Англии была монополизирована возникшей к тому времени Гвинейской компанией.

¹¹⁹Ф. Уиллоуби и Р. Ченслер надеялись добраться по морям и Ледовитому океану в Индию и Китай. Однако, обогнув Скандинавию, английские корабли замерзли во льдах недалеко от устья Северной Двины в районе Холмогор. Оттуда Р. Ченслер добрался до Москвы и был представлен Ивану IV, после чего между Англией и Московией установились дипломатические и торговые отношения. Получив от Ивана Грозного привилегии на русском рынке, Московская компания основала свои фактории в Холмогорах, Ярославле, Вологде, Устюге, Пскове и Новгороде.

ном и сукном, скупщик лондонской недвижимости¹²⁰; Уильям Честер, суконщик, совладелец кораблей, осуществлявший торговлю в Московии и Гвинее, организатор экспедиций 1555, 1556 и 1564 гг., купец Стапля, купец-авантюрист, экспортировавший шерсть и сукно, торговавший с Московией и Персией, Францией и Марокко, богатейший человек своего времени — его состояние в 1559 г. оценивалось в 15 тыс. ф.¹²¹; Уильям Гаррард, галантерейщик, один из известнейших купцов своего времени, купец-авантюрист, торговавший сукном, патокой, шелком, сахаром, участник Марокканской и Московской компаний, совладелец двух кораблей, связанный с Гвинейскими экспедициями¹²². Был среди них и неоднократно упоминавшийся бакалейщик Эдуард Джекмен¹²³.

В 90-х гг. XVI в. некоторые лондонские олдермены принимали участие в снаряжении пиратских экспедиций, успех которых был почти гарантирован. Основной целью таких предприятий было ограбление испанских колоний или кораблей, шедших из американских владений. Известны имена нескольких олдерменов, связанных с пиратскими экспедициями конца XVI в. Сукнодел Джон Уоттс занимался организацией и снаряжением пиратских экспедиций 1591 г., а к концу жизни стал активным членом Виргинской компании: в 1610 г. он послал корабль на Ориноко¹²⁴. Джон Мор, меховщик, был одним из главных вдохновителей и организаторов Вест-Индского пиратства 1590-х гг.¹²⁵, финансировал экспедицию Ланкастера¹²⁶, был одним из организаторов экспедиции Камберленда в 1598 году¹²⁷. Активно участвовал в финансировании пиратских экспедиций торговец предметами роскоши Томас Корделл, владевший несколькими кораблями и игравший заметную роль в Левантийской и Ост-Индской компаниях¹²⁸. В снаряжении пиратских мероприятий участвовал бакалейщик Эдуард Холмден¹²⁹.

¹²⁰Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 78; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 31.

¹²¹Ibid. P. 87; Ibid. P. 33.

¹²²Ibid. P. 97—98; Ibid. P. 32.

¹²³Ibid. P. 105; Ibid. P. 37.

¹²⁴English Privateering Voyages to the West Indies, 1588—1595 / Ed. by K.R. Andrews. Cambridge, 1959. P. 40—41.

¹²⁵Ibid. P. 99.

¹²⁶Джеймс, Ланкастер, меховщик, долгое время был торговым агентом в Севилье. В 1587 г. участвовал в экспедиции Ф. Дрейка в Кадикс. Впоследствии возглавил ряд пиратских экспедиций. В 1592 г. он обогнул мыс Доброй Надежды и достиг Ост-Индии.

¹²⁷Джордж Камберленд (1558—1605), отпрыск знатной фамилии, командовал одним из кораблей в сражении с испанской «Непобедимой Армадой» и с этого времени возглавлял многочисленные пиратские экспедиции.

¹²⁸English Privateering Voyages. P. 338.

¹²⁹Rabb T.K. Enterprise and Empire: Merchant and Gentry Investment in the Expansion of England, 1575—1630. P. 317.

Все отмеченные факты позволяют говорить о том, что многие деловые люди из числа лондонских олдерменов были тесно связаны с важнейшими процессами и явлениями в социально-экономической жизни Англии XVI в.: они играли важную роль во внешней торговле, обслуживавшей интересы подымавшегося раннекапиталистического производства, в различных пиратских и колониальных предприятиях второй половины XVI столетия, имевших большое значение для превращения Англии в мировую державу и колониальную империю. Крупнейшее купечество Лондона своей деятельностью словно выполняло своеобразную программу, предначертанную в словах известного придворного поэта, вдохновителя и организатора колониальных экспедиций конца XVI в. Уолтера Рэли: «Кто господствует на море — господствует в торговле; кто господствует в мировой торговле, тот распоряжается богатствами мира; кто распоряжается богатствами мира — соответственно руководит самим миром»¹³⁰.

Столь многообразные деловые интересы и размах деятельности, свойственные лондонским олдерменам XVI в., приводили к тому, что они фактически отрывались от своей ливрейной компании. В такой ситуации, по-видимому, неизбежны были трения между ливрейными компаниями и внешнеторговыми объединениями. Известно, в частности, что в 1550 г. в Звездной палате¹³¹ рассматривался конфликт между торговцами сукном и Компанией купцов-авантюристов, возникший из-за того, что последние в ущерб ливрейной компании установили цены на сукна¹³².

Однако, несмотря на все противоречия и возможные столкновения интересов, в XVI в., как и прежде, крупные купцы, наживавшие капиталы на участии во внешнеторговых объединениях, не оставляли своих профессиональных компаний. В источниках того времени рядом с именем торговца обязательно значится и его профессиональный статус: торговец предметами роскоши, бакалейщик, суконщик и т.д. Закономерно возникает вопрос — зачем было купцам, давно уже независимым от ливрейных компаний в силу своих разнообразных торговых интересов и деловых связей, занимать там важные должности. Зачем участвовать в церемониях и обременительных займах королю, отдавать немалые деньги на благотворительные цели? Очевидно, был определенный смысл в сохранении принадлежности к ливрейным компаниям. В этой связи заслуживает внимания мнение М.М. Ябровой, которая отмечает, что «для

¹³⁰Цит. по: Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 190.

¹³¹Звездная палата, занимавшая особое место в системе судопроизводства, была учреждена Генрихом VII для борьбы с оппозицией феодальной знати и рассматривала дела о государственной измене.

¹³²Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 212—219.

крупного купечества, причастного к внешней торговле, они (ливрейные компании) являлись своеобразными профессиональными организациями, дававшими своему члену определенную защиту, общественное положение. Вывеска, каковой для многих было членство в ливрейных компаниях, тоже иной раз значила немало, и развивающаяся английская буржуазия не склонна была ею пренебрегать»¹³³.

Действительно, когда в 60-х гг. XVI в. известный лондонский купец и олдермен 1559—1584 гг. Томас Лодж испытывал серьезные финансовые затруднения и даже был отправлен в долговую тюрьму Флит (его долг составлял 2,5 тыс. ф.), компания суконщиков внесла за него 200 ф., чтобы гарантировать освобождение, а компания бакалейщиков, в которую он формально входил, обеспечила ему поручительство двух своих членов¹³⁴. Неизвестны подробности того, как Томас Лодж сумел впоследствии выпутаться из столь затруднительной ситуации, но на момент своей кончины в 1584 г. он был весьма состоятельным человеком, владея разнообразным движимым имуществом, включая уникальную для своего времени коллекцию столового серебра, и недвижимостью в Стаффордшире¹³⁵.

Вхождение в новую общность являлось для деловых людей Лондона средством проникновения в более престижную среду; это была скрытая форма социального возвышения. Но при этом, по замечанию А.А. Сванидзе, лишь одна, более узкая общность служила для них «доминирующей и структурирующей — та, где связи были наиболее интимными, а социально значимые признаки оказывались наиболее сходными или вовсе одинаковыми»¹³⁶.

Важность для олдерменов ливрейных компаний, где они занимали доминирующие позиции, отразилась в завещательных актах некоторых представителей правящей элиты Лондона XIV—XVI вв., по которым они передают «посмертные дары» в пользу своих корпораций. Можем отметить, что забота олдерменов распространялась прежде всего на их учеников и «бедных людей» определенной профессии. В частности, торговец рыбой XIV в. Джон де Мокинг де Сомерсет оставил «посмертные дары своим ученикам»; меховщик того же столетия Генри Бартон завещал «каждому ученику скорняжного ремесла по 12 п., для 24-х бедных людей из числа меховщиков Лондона по 6 ш. 8 п. и по квартеру»¹³⁷

¹³³Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 214.

¹³⁴Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 34; Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 109—110.

¹³⁵Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 110.

¹³⁶Сванидзе А.А. Общество и человек: к проблеме средневекового корпоративизма // Сванидзе А.А. Грани Средневековья: калейдоскоп. М., 2013. С. 76.

¹³⁷Квартер — мера веса, равная 12,7 кг.

угля»; бакалейщик XIV столетия Томас Ноллес передал по завещанию 10 ф. «бедным людям своей профессии»¹³⁸. Кроме того, известно, что неоднократно упоминавшийся торговец предметами роскоши Джон Уодсок оставил 20 ф. «всей общине торговцев предметами роскоши Лондона»¹³⁹. Торговец готовым платьем Джон Персиваль по завещанию от 1502 г. передал своей компании 12 усадеб в районе Корнхилла¹⁴⁰. Ювелир Мартин Боувз в 1562 г. завещал 16 ф. «в пользу бедных людей компании ювелиров», а ее старостам и общине в целом — земли и усадьбы в Лондоне¹⁴¹. Торговец солью Эмброуз Николас в 1578 г. оставил старостам и общине солеторговцев Лондона 12 небольших помещений, «чтобы служили жилищем для 12 бедных мужчин или женщин — фрименов Лондона, преимущественно торговцев солью». Кроме того, каждому из этих 12 бедных фрименов сэр Эмброуз завещал по 7 п. в неделю и 300 марок на Рождество¹⁴².

Пожертвования в пользу компаний, «бедных людей своей профессии» и учеников, по-видимому, отражают немаловажную черту самосознания средневекового купечества: каждый горожанин, даже самый богатый купец, осуществлявший масштабную заморскую торговлю, во многом полагавшийся на свои собственные силы и возможности, все же считал себя тесно связанным со своей компанией, своей «живой общностью», игравшей важную роль в его деловой жизни, многое определяли в сфере его поведения и общения. Купец, даже думая о смерти, не мог отрешиться от мысли об этой тесной связи и не представлял себя вне своей общности. По сути, сама общность была частью менталитета того времени, формой социального поведения, в значительной мере придававшей жизнедеятельности купцов устойчивость. Соблюдение надлежащего образа действий, традиций, верности определенному кругу и групповой солидарности были, по мнению А.А. Сванидзе, «естественной, сущностной чертой самосознания средневековых горожан»¹⁴³. Принадлежность к некоей корпорации повышала чувство собственного достоинства, предоставляла возможность почувствовать свою самоценность, давала ощущение уверенности и защищенности в очень непростой, полной опасностей и риска жизни, создавала обстановку «относительного психологического комфорта», позволявшую «рассчитывать на понимание, материальную, физическую и моральную

¹³⁸Calendar of Wills. Vol. 1. P. 500; Vol. 2. P. 479.

¹³⁹Ibid. Vol. 2. P. 397.

¹⁴⁰Ibid. P. 619—620.

¹⁴¹Ibid. P. 728—729.

¹⁴²Ibid. P. 693—694.

¹⁴³Сванидзе А.А. Живые общности, общество и человек в средневековом мире Европы // Общности и человек в средневековом мире / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.; Саратов, 1992. С. 9.

поддержку...»¹⁴⁴. Разумеется, у любого индивида были свои собственные интересы, только воспринимал он их и себя самого через свое место в иерархии (не будем забывать, что средневековое общество сугубо иерархично), через свою социальную роль. И именно через малую общность тот или иной человек встраивался в общественную систему: она, общность, «давала возможность подключиться к известным социальным ценностям, предохраняла от размывания, сохранялась за узким кругом лиц»¹⁴⁵.

В любом случае, идет ли речь о ливрейных компаниях или прочиз торговых объединений, необходимо подчеркнуть, что все они сыграли огромную роль в аккумуляции капитала, развитии торговли, финансовой и предпринимательской деятельности, а также способствовали повышению общественного престижа деловых людей, выработке у купечества уважения к своему труду и интересам партнерства, инициативе и личным заслугам на основе знаний и навыков в разных областях¹⁴⁶.

Таким образом, старые корпоративные формы еще сохраняли свое значение. Но ведущая роль, несомненно, принадлежала, особенно в XVI в., новым явлениям и структурам: в оптовой торговле — это регулируемые и паевые компании, которые через олдерменов и других купцов, одновременно являвшихся членами ливрейных компаний, взаимодействовали с последними и «разъедали» их изнутри. В эпоху первоначального накопления, эпоху переходную, новые формы внешней торговли и предпринимательства, колониальные предприятия, непосредственными участниками которых стали многие деловые люди Лондона, явились важными каналами накопления капитала.

В XVI столетии наиболее отчетливо проявила себя тенденция, наметившаяся еще в XIV—XV вв., — тенденция к буржуазному перерождению части столичного олдерменства как элитарной группы купечества.

§2. Кредитные операции и субсидирование короны

Известно, что появление различных видов кредита стало одним из следствий развития товарного производства, товаризации личного потребления, увеличения потребности самых разных слоев общества в деньгах как средстве платежа и обмена. Это был товарный кредит, когда товары продавались, а оплата их предполагалась в течение более или

¹⁴⁴Сванидзе А.А. Общество и человек: к проблеме средневекового корпоративизма. С. 83.

¹⁴⁵Там же. С. 88.

¹⁴⁶Сванидзе А.А. Человек торгующий и контуры «общественного обмена вещевь»: Торговые компании // Сванидзе А.А. Грани Средневековья: калейдоскоп. С. 217—271.

менее длительного срока, а также авансирование под товары, или фактически денежный кредит. Оформляется также коммерческий кредит, включавший в себя и денежный, и товарный кредит и позволявший ускорить реализацию товаров и весь процесс оборота капитала¹⁴⁷.

Наши источники позволяют говорить о том, что кредитно-финансовые операции занимали важное место в деятельности лондонских олдерменов — этих деловых людей, осуществлявших разнообразную и широкомасштабную торговлю.

Мэр Лондона 1353—1354 гг. Адам Фрэнси в письме бейлифам Глостера просит оказать содействие лондонскому торговцу пряностями Эндрю Обри¹⁴⁸ в возврате долга в 100 ф. за товары¹⁴⁹. Любопытно, что Адам Фрэнси был хорошо знаком с семейством Обри: сын Эндрю Обри — Джон, бакалейщик и олдермен 1370—1377 гг., был женат на дочери Адама — Мод, что дополнительно скрепляло их деловые интересы¹⁵⁰. С аналогичной просьбой обратился мэр 1355—1356 гг. Саймон Фрэнси в Оксфорд: заставить Уильяма Атте Шата, горожанина Оксфорда, уплатить 40 марок (около 27 ф.) за товары виноторговцу Лондона Джону Стоди¹⁵¹. Обратим внимание на следующие обстоятельства. Олдермены, обладая немалыми денежными средствами и осуществляя торговые мероприятия, снабжали товарами в кредит провинциальных английских купцов, в данном случае — из Глостера и Оксфорда. Важно также, что глава столичного муниципалитета официально отстаивает торгово-финансовые интересы лондонских купцов.

История сохранила интересные данные о кредитной активности упомянутых выше Адама и Саймона Фрэнси. В 1343 г. Адам и его финансовый партнер Томас де Брэндон предоставили кредит в размере 240 ф. Джону Петиту, рыцарю из Корнуолла, и двум его «коллегам», за возвращение которого должники несли как коллективную, так и личную ответственность¹⁵². Когда подошел срок погашения кредита, лондонцы, учитывая неплатежеспособность должников, предъявили иск о возмещении ущерба за счет корнуоллских земель сэра Джона Петита.

¹⁴⁷Яброва М.М. Развитие коммерческого кредита в Англии XIV—XV вв. // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1978. Вып. 5. С. 39—50.

¹⁴⁸Эндрю Обри был олдерменом Лондона в 1333—1355 гг., т. е., в 1352—1355 гг. он и Адам Фрэнси вместе заседали в муниципалитете (см.: *Beaven A.B. Aldermen of the City of London*. Vol. 1. P. 384).

¹⁴⁹*Calendar of Letters*. P. 57.

¹⁵⁰*Beaven A.B. Aldermen of the City of London*. Vol. 1. P. 387, 389; Vol. 2. P. 5; *Calendar of Wills*. Vol. 1. P. 171—172; *O'Connor S.J. Biographical Background: John Pyel*. P. 31.

¹⁵¹*Calendar of Letters*. P. 76. Джон Стоди был олдерменом в 1352—1376 гг. (см.: *Beaven A.B. Aldermen of the City of London*. Vol. 1. P. 387).

¹⁵²*Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys*. P. 97.

В ответ на такое требование шериф Корнуолла «надлежащим образом официально передал им права на владение недвижимостью без каких-либо ограничений»¹⁵³. Однако реализовать данное решение оказалось невозможным по очень веской причине. Выяснилось, что сэр Джон Петит, на протяжении нескольких лет испытывавший серьезные материальные затруднения, ранее уже получил заем в 1600 ф. от Уильяма Монтегю, первого герцога Солсберийского, после кончины которого, в 1344 г., его душеприказчики отстояли переход корнуоллских владений рыцаря в собственность семейства Монтегю. Неудивительно, что могущественный аристократический род оказался влиятельнее и предпочтительнее лондонцев, даже из числа олдерменов. И все же эта история имела продолжение, детали которого, к сожалению, нам не известны, но, что важно, известен результат. Адам Фрэнси в первой половине 40-х гг. XIV в. все же сумел приобрести земли неподалеку от Корнуолла, а его дочь — Мод — после 1381 г. вышла замуж за Джона Монтегю, третьего герцога Солсберийского (это был ее третий брак)¹⁵⁴.

Приведенные факты, кроме всего прочего, позволяют говорить об устойчивом интересе одной из фамилий лондонских олдерменов XIV в. к земельной собственности, о стремлении получить ее доступными способами, о чем мы подробно скажем далее.

Оба Фрэнси — Адам и Саймон — в качестве кредиторов проявляли невиданную активность в Корнуолле в 1340—1350-х гг., субсидируя, в том числе самого Черного Принца¹⁵⁵ и его наследников¹⁵⁶. Дж. Хэтчер объясняет причину столь повышенного интереса лондонцев к графству тем, что в XIV столетии здесь весьма динамично формировался земельный рынок, а залежи оловянной руды создавали хорошие стимулы для торговли оловом, что не могло остаться без внимания предприимчивых купцов¹⁵⁷.

Любопытно, что и семья Петитов сохранила и продолжила деловые контакты с лондонскими купцами-олдерменами. В частности, 17 июня 1345 г. Мичел Петит, сын незадачливого сэра Джона, совместно с неким Уильямом Уорином из Корнуолла признали долг Саймону Фрэнси в размере 45 ф.¹⁵⁸

Деловые отношения Адама Фрэнси и Томаса де Брэндона прослеживаются до конца 1345 года. В сферу их финансовых интересов входили, прежде всего, представители рыцарства. Известно, что 13 мая 1345 г. они

¹⁵³Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 97.

¹⁵⁴Ibid. P. 95.

¹⁵⁵Эдуард, принц Уэльский (1330—1376), старший сын Эдуарда III (1312—1377, король с 1327 г.).

¹⁵⁶O'Connor S.J. Biographical Background: Adam Fraunceys. P. 9.

¹⁵⁷Hatcher J. A Diversified Economy: Later Medieval Cornwall // Economic History Review. 2nd Ser. 1969. № XXII. P. 208—227.

¹⁵⁸O'Connor S.J. Biographical Background: Adam Fraunceys. P. 9.

совместно предоставили 300 ф. рыцарю Джону Энгейну и некоему Александру из Гонадестона¹⁵⁹. А 26 ноября того же года сумму в 40 ф. от них получили три рыцаря — Джон ле Бил, Джон де Эвшем и Томас де Баа¹⁶⁰.

Среди финансовых партнеров Адама Фрэнси встречаются и другие имена. Так, 21 февраля 1345 г. кредит на сумму в 40 ф. опять-таки трем рыцарям он предоставил уже совместно с другим «коллегой» — олдерменом Николасом Коустоном¹⁶¹. Ссуду в 400 ф. от Адама Фрэнси и олдермена Джона Мэлвейна получил Джон де Лисл из Ругемонта. Сделка состоялась 5 сентября 1352 г.¹⁶²

Несколько финансовых операций осуществили совместно Адам Фрэнси и Джон Пайел. В частности, 20 октября 1352 г. они выступили кредиторами Уильяма, сына рыцаря Джона де Ностофта, предоставив ему 40 ф.¹⁶³

22 февраля 1369 г. Адам Фрэнси и еще три лондонских купца (олдермен Уильям Хэлден, Джон Оскин и олдермен Джон Асше) кредитовали 800 марок (более 533 ф.) некоего Ламбета де Уэстона¹⁶⁴.

Адам Фрэнси неоднократно предоставлял займы рыцарям лично, без участия деловых партнеров. Сумма в 32 марки (немногим более 21 ф.) 13 апреля 1353 г. была передана им некоему рыцарю из Хэрни¹⁶⁵. 11 мая 1367 г. Адам кредитовал на 200 ф. рыцаря Уильяма де Моле; а 1 мая 1373 г. рыцарь Уильям де Скипвит получил от него 100 ф.¹⁶⁶ Кроме того, крупным должником Адама Фрэнси числился Джон IV, герцог Бретонский, получивший в 1366 г. два займа — на 500 и 1500 (более 333 ф. и 1000 ф.) марок¹⁶⁷.

Среди тех, кто одалживал деньги у Фрэнси, упомянут и лондонский олдермен Ричард Лакер с сыном Джоном: 18 июня 1353 г. они получили кредит в 100 ф.¹⁶⁸

Таким образом, после 1343 г. долги Адаму Фрэнси, совместно с другими купцами и без них, признавали представители аристократии и рыцарства из Корнуолла, Бретани и Восточного Мидленда, а также горожане Лондона, в том числе входившие в состав его правящей элиты. По приблизительным подсчетам, опирающимся только на те данные, которыми мы располагаем, за период 1343—1373 гг. Адам Фрэнси использовал на предоставление кредитов более 3 тыс. ф.

¹⁵⁹Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 97.

¹⁶⁰Ibid.

¹⁶¹Ibid.

¹⁶²Ibid.

¹⁶³Ibid.

¹⁶⁴Ibid.

¹⁶⁵Ibid.

¹⁶⁶Ibid.

¹⁶⁷Ibid.

¹⁶⁸Ibid.

Кроме того, по свидетельству источника, этот лондонский купец-олдермен (наряду с другими) в качестве кредитора проявлял немалый интерес к церковным учреждениям, отдельным церковнослужителям и монахам. В частности, 12 февраля 1348 г. Адам Фрэнси и Саймон Симеон кредитовали на 100 ф. Филипа де Сэйма, приора госпиталя св. Иоанна¹⁶⁹. Известно, что 21 сентября 1350 г. сумму в 100 ф. от олдермена получил брат Николас, настоятель церкви св. Троицы в Лондоне¹⁷⁰. Приор церкви св. Марии на Бишопстейт 26 декабря 1350 г. получил такую же сумму от Адама Фрэнси и олдермена Томаса де Лэнгтона¹⁷¹. Они же предоставили 100 ф. Ричарду, аббату монастыря Леснес в Кенте¹⁷². Джон, аббат монастыря Стрэтфорд Атте Боу, по обязательству от 17 декабря 1351 г. одолжил у Адама Фрэнси 200 ф.¹⁷³

Необходимо отметить, что обращение церквей и монастырей за финансовой помощью к купцам имело под собой серьезные основания. Важно, что речь идет о 1348—1351 гг., когда Англия в полной мере ощутила последствия Черной смерти, нанесшей тяжелейший урон обществу и экономике¹⁷⁴. Церковь и монастыри тоже переживали трудные времена: погибла значительная часть церковнослужителей, монашеской братии и прихожан, не хватало рабочих рук и средств для поддержания должного уровня жизни. Убеждают в этом и сохранившиеся сведения о довольно тесных финансово-торговых отношениях, существовавших между аббатством Салби, с одной стороны, и Адамом Фрэнси и Джоном Пайелом — с другой. Картулярий Джона Пайела содержит свидетельства того, что 23 ноября 1353 г. аббатство, исходя из сложившейся ситуации, испытывая острую потребность в денежных

¹⁶⁹Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 97.

¹⁷⁰Ibid.

¹⁷¹Ibid. P. 112.

¹⁷²Ibid.

¹⁷³Ibid.

¹⁷⁴Напомним, что «Черная смерть» пришла в Лондон в сентябре 1348 г. сразу с трех сторон: с запада из Бристолья (где чума особенно свирепствовала весной 1349 г., смертность составила 35—40%), с юга из Саутгемптона и с кораблей по Темзе. Разгар эпидемии наступил летом 1349 г.: ежедневные потери составляли, в среднем, 290 человек. Смерть продолжала косить людей до поздней весны 1350 г. Результаты эпидемии историки оценивают по-разному — от 35 до 50%. Смертность в городах Англии в период эпидемий 1438—1439 гг. подошла вплотную к 30% (см.: *Репина Л.П.* Демографические характеристики средневекового города // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 1. С. 196—197). В целом, по разным подсчетам, чума унесла от трети до половины европейского населения, что привело регион в состояние демографической катастрофы. За несколько лет пандемии в Европе существенно сменился состав населения: вымирали семьями, родами, городами и селениями (см.: *Бергер Е.Е.* Черная смерть // *Всемирная история*: в 6 т. Т. 2: *Средневековые цивилизации Запада и Востока*. С. 639).

средствах, вынуждено было назначить трех своих представителей для переговоров с упомянутыми купцами по поводу продажи принадлежащей ему шерсти, рент и других товаров и предметов церковного обихода. Немаловажно, что копия записи достигнутых договоренностей была передана Адаму Фрэнси и Джону Пайелу¹⁷⁵. Но и этого оказалось недостаточно. 28 ноября 1353 г. олдермены предоставили приору и конвенту этого аббатства 200 ф. на условии пожизненной ежегодной выплаты 40 ф. Однако через два дня, исходя из реальной оценки состояния дел в аббатстве, сумма выплат по взаимному соглашению была сокращена вдвое¹⁷⁶.

Все приведенные выше факты отражает не только социальные процессы, происходившие в английском обществе в середине и второй половине XIV в., и порождаемые ими проблемы, с которыми сталкивалось население, но и уровень развития внутриэкономических связей, и степень вовлеченности конкретного лондонского купца Адама Фрэнси в диалог с людьми разных сословных и внутрисословных общностей. Это, несомненно, укрепляло его финансовое и, что немаловажно, социополитическое положение и влияние.

Картину финансово-кредитной сферы деятельности лондонских олдерменов помогают реконструировать свидетельства других источников. В «Памятные книги» Лондона помещены два документа, касающиеся торговца рыбой и олдермена 1350—1366 гг. Джона де Глостера. В первом, от 24 июня 1360 г., сообщается об уплате аббатом и конвентом св. Петра в Вестминстере этому купцу долга в 200 марок (около 134 ф.) за товары¹⁷⁷. Заметим, что Джон де Глостер поставлял товары монастырю, возможно, снабжая его необходимыми продуктами и предметами повседневного спроса. Но, возможно, аббат приобретал у известного лондонского купца некие товары для их последующей перепродажи. В любом случае речь идет о взаимодействии в условиях города представителей двух весьма разных социальных групп, о проникновении в городское хозяйство монастырей. В другом документе, от 2 февраля 1361 г., содержится долговое обязательство неких Марджери и ее супруга Джона Мичелла, торговца рыбой, на сумму в 400 ф. за товары, полученные от Джона де Глостера¹⁷⁸. Довольно внушительная сумма долга торговца рыбой и его жены позволяет предположить, что олдермен осуществлял оптовые поставки, что товар приобретался Джоном Мичеллом и его супругой для последующей реализации, скорее всего, на рынках Лондона.

¹⁷⁵Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 112.

¹⁷⁶Ibid. P. 112—113.

¹⁷⁷Letter-Book G (1352—1374). P. 120.

¹⁷⁸Ibid. P. 124.

И Томас Кук, суконщик, представил в мэрию подлинное долговое обязательство на сумму в 114 ф. 5 ш. 4 п., выданное ему 12 сентября 1459 г. купцом Ричардом Хэроном за различные товары¹⁷⁹.

Как видим, в приведенном выше материале речь идет, прежде всего, о товарном кредите. Имело место и авансирование под товары. Так, 12 марта 1315 г. душеприказчица сэра Джеймса, сына шерифа Фулька де Сент-Эдмунда, признала такого рода долг в 16 ф., причитающийся Роджеру де Палмеру, лондонскому меховщику и олдермену¹⁸⁰. В своем завещании торговец предметами роскоши и олдермен 1338—1343 гг. Роджер де Фошем не забыл упомянуть, что ему задолжали деньги некие купцы¹⁸¹.

Авансирование под товары осуществляли и купцы из семьи Фрэнси. Известно, в частности, что Саймон Фрэнси в апреле 1343 г. кредитовал на 100 ф. с этой целью аббата монастыря Клив в Сомерсете¹⁸². Аббат монастыря Бьюли в Хантингдоншире в период между июнем 1344 г. и октябрём 1346 г. сделал несколько займов у данного олдермена на общую сумму 513 ф. 6 ш. 8 п.¹⁸³ Адам Фрэнси совместно с Саймоном Симеоном в 1348 г. предоставили, по-видимому, довольно крупную сумму приору и братству госпитальеров, поскольку последние в возмещение кредита обязались выплачивать пожизненную ежегодную ренту в 100 ф. — огромную по тем временам¹⁸⁴.

Следующие данные источников интересны по составу контрагентов долговых сделок. Торговец предметами роскоши Томас Чиппенхэм и его жена вернули 26 февраля 1417 г. долг в 30 ф. бакалейщику Джону Уоллесу, купцу Ричарду Осборну и торговцу предметами роскоши Роберту Ларгу¹⁸⁵. Первого июля 1437 г. торговец рыбой Томас Бэдби и бакалейщик Уильям Уэтенхолл признали долг в 250 марок (около 167 ф.) торговцам предметами роскоши Уильяму Эстфелду, упомянутому выше Роберту Ларгу, а также бакалейщику Джону Бэкону и торговцу рыбой Джону Лэвину¹⁸⁶. Любопытен совместный долг купца и его жены и двух торговцев, а также то, что деньги им предоставили, объединившись, в одном случае — три, в другом — четыре лица: олдермены и купцы из ливрейных компаний. Очевидно, что с ростом товарно-денежных отношений явно начинала ощущаться необходимость в объединении денег и усилий, что приводило к появлению в Лондоне XIV—

¹⁷⁹Calendar of Plea (1458—1482). P. 22.

¹⁸⁰Letter-Book E (1312—1336). P. 61.

¹⁸¹Calendar of wills. Vol. 1. P. 506.

¹⁸²O'Connor S.J. Biographical Background: Adam Fraunceys. P. 11.

¹⁸³Ibid.

¹⁸⁴Ibid.

¹⁸⁵Calendar of Plea (1413—1437). P. 66.

¹⁸⁶Ibid. P. 298.

XV вв. мелких компаний, торговых объединений, включавших в свой состав лиц разнообразных профессий¹⁸⁷.

Нередко олдерменам приходилось в судебном порядке принуждать к возвращению долгов. Суконщик Джон Нортхемптон 11 февраля 1367 г. добился возбуждения дела против некоего Уитлси по поводу неуплаты долга в 32 ф.¹⁸⁸ А меховщик Джон Сели 22 января 1367 г. подал иск против паяльщика Роберта Бьючемпа из-за невыплаты им 100 ф.¹⁸⁹ Надо полагать, что эти долги будут возвращены олдерменам. В противном случае должников ожидала участь бакалейщика Ричарда Клерка, задержанного 29 июня 1418 г. из-за неуплаты долга в 200 ф. суконщику Джону Ботлеру, олдермену Лондона¹⁹⁰.

Таким образом, лондонские олдермены ссужали деньгами столичных купцов, принадлежавших к ливрейным компаниям (торговцев предметами роскоши, бакалейщиков, торговцев рыбой); ремесленных мастеров (паяльщик); провинциальных купцов — из Глостера, Оксфорда, Бристоля; служителей церкви. Это отражает не только степень могущества и значение олдерменов Лондона, но и уровень развития внутриэкономических связей между различными городами Англии и степень социального взаимодействия.

Финансовые операции связывали олдерменов с представителями английской титулованной знати, хотя скудость источниковой базы не позволяет составить полное представление об этой стороне деятельности деловых людей Лондона, имеются отдельные, но весьма красноречивые факты. Вспомним, что Адам и Саймон Фрэнси в 1340—1350-х гг. XIV в. кредитовали Черного Принца и его наследников¹⁹¹. В числе должников Адама Фрэнси в 1366 г. был Джон IV, герцог Бретонский¹⁹². Известно также, что один из ведущих лондонских купцов конца XIV в., богатейший человек своего времени, олдермен Джон Филпот после 1371 г. стал поверенным в делах сэра Ричарда, герцога Арендела, и действовал в качестве его основного агента в Лондоне. Займы, предоставлявшиеся герцогом королю, Джону Гонту, Томасу Грэндисону и многим другим знатным персонам, выплачивались из денег, хранившихся в лондонском доме Филпота. Здесь же находились долговые обязательства должников сэра Ричарда,

¹⁸⁷Этой проблеме посвятила специальные исследования М.М. Яброва (см.: *Яброва М.М. Из истории семейных торговых компаний в Англии XV века. Семья Сели.* С. 105—116; *Она же. Некоторые особенности структуры английских семейных компаний конца XV века.* С. 129—137).

¹⁸⁸Calendar of Plea (1364—1381). P. 70—71.

¹⁸⁹Ibid. P. 72.

¹⁹⁰Ibid. P. 67.

¹⁹¹O'Connor S.J. Biographical Background: Adam Fraunceys. P. 9.

¹⁹²Ibid. P. 97.

большинство из которых были оформлены именно этим купцом. Не случайно герцог Арденел назначил Джона Филпота одним из своих душеприказчиков; после смерти сэра Ричарда в 1376 г. Филпот продолжал консультировать по финансовым вопросам его наследников¹⁹³.

Весьма любопытным представляется обязательство, данное в суде мэра столицы Эдмундом Стаффордом, епископом Эксетера, Генри Боуэтом, епископом Бата, Генри Перси, герцогом Нортумберлендским, и Томасом Лэнгли, лондонским клерком, и занесенное в судебный протокол 13 апреля 1402 г. Его содержание свидетельствует о том, что все эти люди соглашались вернуть «мэру и общине» 4 тыс. марок к Рождеству следующего года¹⁹⁴. Показателен уже сам состав участников данного соглашения. С одной стороны, крупные церковные иерархи, представитель титулованной знати и далеко не последний в чиновничьей иерархии Лондона городской служащий (именно он мог служить своеобразным гарантом получения кредита Сити), совместно участвующие в этой сделке по причине нехватки наличных средств и, видимо, предполагающие осуществлять совместные деловые предприятия. С другой, — лондонская корпорация во главе с мэром, несомненно, располагающая немалыми денежными ресурсами и, скорее всего, стремившаяся приобрести дополнительные доходы. Иначе, зачем предоставлять ссуду на столь крупную сумму? И неудивительно, что предусмотрена возможность аннулирования данного соглашения в том случае, «если мэру и общине будет позволено покрыть сей долг в 4 тыс. марок за счет пошлин, собираемых в порту Лондона»¹⁹⁵. Стоит ли особо говорить о материальной выгоде, о возможности дополнительного обогащения в связи со сбором портовых пошлин, тем более — в Лондоне.

Кредитно-финансовая деятельность лондонских олдерменов распространялась и на иноземных купцов. Из переписки мэров узнаем, что в 1356 г. мэр Лондона потребовал от бургомистров Брюгге, чтобы те заставили горожанина Гилеса атте Гардина вернуть торговцу рыбой и олдермену Адаму Брабазону 400 ф. за товары¹⁹⁶. Суконщик и олдермен Генри Уэйвер 17 мая 1466 г. подал в мэрию Лондона иск против купца из Венеции Марио Дандоло о возвращении долга в 42 ф. за шерстяную ткань. Суконщик и олдермен Ральф Джосселин 14 июня 1471 г. подтвердил в столичной мэрии получение денег от Джона Сэболла, купца из Испании, и Филиппа Ломлина, купца из Генуи, за различные товары¹⁹⁷.

¹⁹³Given-Wilson C. Wealth and Credit, Public and Private: The Earls of Arundel 1306—1397 // English Historical Review. 1991. № CCCCXVIII. Jan. P. 8—9.

¹⁹⁴Letter-Book I (1400—1422). P. 18.

¹⁹⁵Ibid.

¹⁹⁶Calendar of Letters. P. 83—84.

¹⁹⁷Calendar of Plea (1458—1482). P. 40, 69.

Появление коммерческого кредита, который включал в себя и денежный, и товарный кредит, связано с возникновением раннекапиталистических отношений. Необходимость его в условиях расширяющегося товарооборота, по мнению М.М. Ябровой, была обусловлена целым рядом обстоятельств, в первую очередь несовпадением времени производства товаров и возможности их реализации: у одного купца может накопиться значительное количество товаров для продажи, у другого как раз в это время нет денег, нет необходимых наличных средств, а вместе с тем, он заинтересован в приобретении данного товара¹⁹⁸. Основной чертой коммерческого кредита, независимо от того, было ли это денежное или товарное кредитование, являлось то, что он никогда не использовался для личного потребления, всегда шел в производство, в расширение торговли. Роль коммерческого кредита состоит в том, что он позволял ускорить реализацию товаров и весь процесс оборота капитала.

В редких случаях источники позволяют выявить условия кредитования. В документах удалось обнаружить два любопытных факта, относящихся ко второй половине XIV в. и связанных с ростовщическими сделками среди купцов. В 1364 г. один из них предоставил другому ссуду в 14 ф., а вернуть надлежало 20 ф.¹⁹⁹ В другом случае, датированном 1376 г., за предоставленные 10 ф. возвращалось 24 ф.²⁰⁰ Таким образом, процент по ссудам составлял, по нашим подсчетам, около 43% и 140%²⁰¹.

Интересна также жалоба торговца предметами роскоши и олддермена Джона Миддлтона, которую он подал в лондонскую мэрию в апреле 1421 г. на суконщика и олддермена Филиппа Мэлпеса. Суть жалобы заключается в следующем: 11 октября 1418 г. Джон Миддлтон, испытывая острую потребность в деньгах, договорился через иноземного посредника Николаса Мартина из Лукки с Филиппом Мэлпесом о займе на 80 ф. на 6 месяцев. В это время и истец, и ответчик находились в Кале. Однако Филипп отказался ссужать деньги до тех пор, пока Джон не предоставит достаточный залог. Не видя иного выхода, находясь «в нужде и тревоге», Миддлтон решил выбрать, как он сам пола-

¹⁹⁸ Яброва М.М. Развитие коммерческого кредита в Англии XIV—XV вв. // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1978. Вып. 5. С. 39—50.

¹⁹⁹ Calendar of Plea (1364—1381). P. 279—280.

²⁰⁰ Letter-Book H (1374—1399). P. 23, 24.

²⁰¹ Для сравнения: в середине XIV в. в Венеции коммерческий кредит находился на уровне 8%, а ростовщический — 24%. (см.: Карпов С.П. Кредит в системе итальянской торговли в Южном Причерноморье XIII—XV вв. // Византийский временник. М., 1988. Т. 49. С. 40—49). В.И. Рутенбург показал, что в среднем уровень процентов по ссудам и прибылям флорентийских компаний в XIV в. составлял 15%. (см.: Рутенбург В.И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. С. 69).

гал, «меньшее из зол» и передал обвиняемому 140 кусков шерстяной и 113 кусков прочей ткани в качестве залога уплаты 115 ф. по истечении 6 месяцев. Выяснилось, что по прошествии этого срока Филипп Мэлпес продал ткань, оставленную под залог, на сумму 115 ф. и «обратил деньги в свою пользу». Джон Миддлтон, со своей стороны, просит признать условия сделки, а следовательно, и саму сделку несправедливыми²⁰².

Содержание данного документа позволяет отметить, что перед нами так называемая залоговая форма кредита на довольно короткий срок и под весьма высокий процент: за полгода он составлял 43,75%, т. е. за год — 87,5%. Стоимость залога превышает величину долга — явление, свойственное ростовщичеству, хотя перед нами, несомненно, коммерческий кредит. Видимо, такие условия сделок не были общепринятыми и распространенными в рассматриваемый период — в противном случае, вряд ли появилась бы подобная жалоба. К тому же в коммерческом кредите залог, превышающий или даже равный сумме кредита, был просто бессмысленным: консервировать в виде залога товары не имело смысла. М.М. Яброва считает, что только на ранних этапах развития коммерческого кредита возможна была такая практика: коммерческий кредит несет в себе заряд нового, и это является основной его характеристикой, но на ранних стадиях ему свойственны черты, заимствованные у более примитивных форм кредитования²⁰³.

Во многих письмах Сели от XV в. содержатся жалобы на недостаток наличных денег, на отказ продавать товары без немедленной уплаты наличными²⁰⁴. В таких условиях и сами купцы-олдермены зачастую вынуждены были прибегать к услугам кредиторов. Торговец предметами роскоши и олдермен Хэмо де Годчеп 23 ноября 1340 г. признал долг в 13 ф. 8 ш. 9 п. оружейному мастеру Николасу Клерку. Возможно, Хэмо де Годчеп не оплатил какое-либо оружие, сделанное для него Николасом Клерком. Любопытно, что этот долг был покрыт за счет ежегодной ренты в 6 ф. 6 ш. 8 п. от неких помещений²⁰⁵. И это не единственный факт, когда олдермены расплачивались по долгам рентами и недвижимостью. В частности, ювелир и олдермен первой трети XIV в. Роберт ле Брэт на погашение долга оставил сдаваемое в аренду помещение²⁰⁶. А торговец рыбой Роберт де Эли, олдермен того же периода, вынужден был завещать всю лондонскую собственность, включая сдаваемые в аренду помещения и ренты в Сити, на уплату долгов²⁰⁷. Видимо, дела у этого олдермена шли не совсем успеш-

²⁰²Calendar of Plea (1413—1437). P. 103—104.

²⁰³Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 162.

²⁰⁴The Cely Letters. P. 3—249; Купцы-складчики Кале. С. 21—153.

²⁰⁵Letter-Book F (1337—1352). P. 56, 57.

²⁰⁶Calendar of Wills. Vol. 1. P. 410.

²⁰⁷Ibid. P. 390.

но. Олдермен 1435—1461 гг., меховщик Уильям Грегор передал по завещанию земли и помещения, сдаваемые в аренду, а также ренты в одном из приходов Лондона для оплаты долгов²⁰⁸. А целая группа олдерменов XV в. — бакалейщиков, среди которых: Джон ле Уоллес, Томас Ноллес, Роберт Чайсел, Уильям Севенок, Уильям Бартон и Уильям Оливер, и виноторговец Джон Шейв, 14 февраля 1416 г. подтвердили в мэрии долг в 764 ф. 10½ п. чемберлену Лондона Джону Хиллу²⁰⁹. Очевидно, столь крупная сумма была необходима олдерменам для какого-то совместного предприятия, скорее всего, связанного с закупкой партии товара. Важно, что и городской чиновник напрямую был связан с хозяйственной жизнью Лондона, с крупнейшими купцами — тоже высшими должностными лицами муниципалитета. Это яркое свидетельство сращивания материальных возможностей и властных полномочий в Лондоне XIV—XV вв.

Приведенный выше материал источников позволяет отметить, что для оплаты долга олдермены передавали заимодавцу ренты с недвижимости или саму недвижимость. Возможно, представители крупного купеческого капитала Лондона предпочитали оставлять денежные средства для расширения торгово-предпринимательской сферы деятельности и скорее расставались с недвижимой собственностью. Не исключено также, что между олдерменами и заимодавцами могли быть заключены какие-либо сделки, а ренты и объекты недвижимости стали своеобразной формой их оплаты. Не будем забывать о том, что в тот период именно недвижимость в городе служила гарантом платежеспособности, к которому довольно часто обращались.

Нередко мы сталкиваемся с практикой так называемых «дарений», а фактически покрытия долгов за счет продажи недвижимости или уплаты ренты с нее. Например, в ноябре 1371 г. Ричард Тарк, торговец рыбой, «подарил» Адаму Фрэнси на 10 лет ежегодную ренту в 40 ш. с собственности, находящейся на пристане, в счет погашения задолженности в 25 ф.²¹⁰ В июне 1368 г. Фрэнси «подарили» на два года ежегодную ренту в 10 ф. с помещений в районах Корнхилл и Брод-стрит в счет выплаты долга в 40 фунтов. Дарителем стал свечной мастер Джефффри де Уэствик²¹¹. В ноябре 1368 г. плотник Джон Бергхолт передал Адаму ренту в 5 ф. с домов на Корнхилл в счет долга в 20 ф., который должен быть выплачен на Рождество 1369 г.²¹²

Особое значение с XIV в. приобретает деятельность лондонских олдерменов по удовлетворению финансовых потребностей королев-

²⁰⁸Calendar of Wills. Vol. 2. P. 546.

²⁰⁹Calendar of Plea (1413—1437). P. 47.

²¹⁰Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 66.

²¹¹Ibid. P. 67.

²¹²Ibid. P. 66.

ской власти в Англии. Уже Эдуард I (1272—1307) поставил в центр своей внутренней политики взаимоотношения с собственным крупным купечеством, связанным с торговлей шерстью. К этому короля вынуждала потребность в деньгах, которую на тот момент уже могли удовлетворить английские финансисты: примерно до середины XIV в. субсидирование короны осуществляли в основном иностранные купцы и банкиры, прежде всего итальянцы. К указанному времени некоторые английские купцы нажили крупные состояния, а, участвуя в финансировании правительства короля, приобретали еще более широкие возможности для обогащения, получая значительные привилегии. В 1309 г. суконщик и олдермен Джон де Линкольн и некоторые другие лица получили 152 ф. 19 ш. таможенных пошлин на шерсть, шкуры и прочие товары за займ, предоставленный Эдуарду I²¹³. Размер займа, к сожалению, не известен. Вероятно, он был несколько меньше названной суммы, ибо она включала и процент.

Коренным образом положение изменилось при Эдуарде III (1327—1377): к концу его правления английские экспортные торговцы были уже почти так же богаты, как иностранные, чем постарался воспользоваться король²¹⁴. В 1332 г. Джону де Палтни, олдермену и суконщику, и некоему Джеффри ле Ботлеру было разрешено получить из таможенных пошлин Лондона и Саутгемптона 1 тыс. 528 ф. 9 ш. 2 п. в возмещение денег, предоставленным купцам из Аквитании — кредиторам английского короля²¹⁵.

«Памятные книги Лондона» упоминают о том, что в марте 1340 г. король запросил у мэра, олдерменов и «наиболее благоразумных и богатейших людей Сити» 20 тыс. ф.²¹⁶ 16 июня 1370 г. Эдуард III предоставил мэру и олдерменам столицы, среди которых — Джон Пайел, право на взимание пошлин с шерсти, шерстяных изделий и кожи в порту Лондона в счет покрытия 5 тыс. ф., ранее предоставленных королю²¹⁷. А в апреле 1402 г. «мэру и общине Лондона» было предоставлено право сбора таможенных пошлин с шерсти, шерстяных изделий и кожи, экспортируемых через Лондонский порт, в возмещение двух займов королю на сумму в 2 тыс. марок²¹⁸.

²¹³Johnson A.H. The History of the Worshipful Company of Drapers. Oxford, 1914. Vol. 1. Appendix. P. 193.

²¹⁴Репина Л.П. Лондон — столица и мегаполис. С. 342.

²¹⁵Johnson A.H. The History of the Worshipful Company of Drapers. Vol. 1. Appendix. P. 193.

²¹⁶Letter-Book F (1337—1352). P. 45—46.

²¹⁷Folios cclii—cclx: Jun 1370—... // Calendar of Letter-Books of the City of London: G. 1352—1374 / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1905. P. 263—272. URL: <http://www.british-history.ac.uk/london-letter-books/volg/pp263—272> (дата обращения: 23.03.2015).

²¹⁸Letter-Book I (1400—1422). P. 18.

Особую активность в субсидировании короны проявляли сыновья купца из Халла Уильяма де ля Поля: Ричард, лондонский олдермен первой половины XIV в., и Уильям. Известно, что в июле 1327 г. Уильям де ля Поль-мл. ссудил королю 4 тыс. ф. на экспедицию в Шотландию, а в августе и декабре того же года Эдуард III получил от обоих братьев соответственно 2 тыс. и 1200 фунтов. Эти займы были погашены за счет пошлин на овчины, кожи и шерсть, собираемых в порту Халла²¹⁹. Уже к январю 1339 г. Уильям де ля Поль стал главным финансистом короны, предоставив ей займов на сумму 14 тыс. 333 ф. 6 ш. 8 п.²²⁰ В 1343 г. Уильям де ля Поль-мл. организовал компанию из 34 крупнейших английских купцов, обязавшихся выплатить королю 10 тыс. марок за год, получив за это монополию на экспорт шерсти, все таможенные пошлины и субсидии за три месяца в порту Халла²²¹.

Крупные суммы ссужал короне уже упоминавшийся суконщик Джон де Палтни: в 1338 г. он предоставил около 3 тыс. ф.²²² Можно упомянуть также, что Адам Фрэнси за период 1339—1371 гг. 34 раза предоставлял займы короне, и во многих случаях — совместно с Джоном Пайелом²²³. Пайел за время своей деловой карьеры (примерно 1345—1382 гг.) привлек на эти цели 22 тыс. ф.²²⁴

Известно, что в 1351 г. лондонские купцы обладали долговыми расписками короля на сумму свыше 60 тыс. фунтов. Отдельные лондонцы и городская корпорация предоставили короне от 30 до 40% всей суммы займов, зарегистрированных в свитках казначейства при Ричарде II (1377—1399)²²⁵.

Финансировал корону уже упоминавшийся Джон Филпот: за период 1371—1380 гг. он предоставил ей займов на 40 тыс. марок, в том числе, займ на 10 тыс. ф. в октябре 1373 г.²²⁶

Крупнейшим кредитором короны был виноторговец Ричард Лайенс, олдермен 70-х гг. XIV века. В 1373 г. долг Эдуарда III этому купцу и финансисту составлял 9 тыс. ф., и, чтобы погасить его, король отдал на откуп Лайенсу все пошлины и субсидии на шерсть, взимавшиеся в порту Лондона. В 1374 г. Эдуард III выплатил этому олдермену более 10 тыс. ф. из пошлин Халла, Сент-Ботольфа, Ярмута и Ипсвича²²⁷.

²¹⁹Fryde E.B. William de la Pole. Merchant and King's Banker. P. 2—3.

²²⁰Ibid. P. 124.

²²¹McKisack M. The Fourteenth Century. P. 224.

²²²Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 255, 383.

²²³Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. P. 100.

²²⁴O'Connor S. J. Adam Fraunceys and John Pyel: Perception of Status Among Merchants in Fourteenth-Century London. P. 21.

²²⁵Репина Л.П. Лондон — столица и мегаполис. С. 342.

²²⁶Given-Wilson C. Wealth and Credit, Public and Private: The Earls of Arundel 1306—1397. P. 20.

²²⁷Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 390; Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство. С. 175.

В сентябре 1377 г. лондонские олдермены: бакалейщик Николас Брембр, торговец рыбой Уильям Уолворт, бакалейщики Джон Филпот и Джон Хэддл предоставили короне ссуду в 10 тыс. ф., за что получили все пошлины на шерсть, овчины и шерстяные ткани в Линне, Халле, Бостоне, Ипсвиче, Ярмуте, Чичестере. Кроме того, Николас Брембр и Джон Филпот ссудили королю в октябре того же года еще 5 тыс. ф. под пошлины от Лондонского порта и некоторые драгоценности короны. В конце 1383 г. Николас Брембр предоставил ссуду в размере 1333 ф., а в 1385 г. — 1 тыс. марок (около 667 ф.)²²⁸.

В 1409 г., когда мэром Лондона был небезызвестный Ричард Мэрлоу, город предоставил Эдуарду IV 7 тыс., а спустя 3 года, при мэре Роберте Чайчеле, — 10 тыс. марок²²⁹. В 1416 г. займ в 10 тыс. марок предоставили королю лондонский мэр Николас Уоттон и шесть олдерменов (Джон и Уильям Мичеллы, Джон Рэйнуэлл, Джон Пэрнейз, Джон Ковентри и Николас Джеймс), за что получили право на взимание таможенных пошлин в порту Лондона²³⁰. В 1418 г. соглашение о предоставлении займа в 2 тыс. ф. было заключено между королем и 43 лондонцами, среди которых встречаем и имена олдерменов. Генри Бартон и Ричард Мэрлоу — по 100 марок, Томас Ноллес и Николас Уоттон — по 200 ф., Роберт Чайчел, Уильям Севеноук, Уильям Каутбридж и Уильям Кроумер — по 100 ф. В качестве залога король предложил некий испанский меч стоимостью в 2 тыс. ф.²³¹

Крупнейшим финансистом королей — Генриха IV и Генриха V — был лондонский олдермен Ричард Уайттингтон, ссужавший им суммы от 700 до 6400 ф.²³² Кроме того, в начале XV в. именно этот купец поставлял дорогую ткань на подвенечные платья для принцесс, что рассматривалось как безусловное оказание чести богатому горожанину и, думается, приносило немалые доходы. Видимо так следует оценивать и предоставление Генрихом V Ричарду Уайттингтону контроля над расходованием средств, предназначавшихся для завершения строительства комплекса Вестминстерского аббатства²³³.

Отметим также, что субсидировали корону и олдермены XVI в. Неоднократно прибегал к финансовым услугам влиятельных представителей городской общины Лондона Генрих VII (1485—1509): ему ссужали 2 тыс., 4 тыс. и 6 тыс. марок²³⁴. Торговец предметами роскоши Роджер Мартин в

²²⁸Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 326; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 389, 390.

²²⁹Home G. Medieval London. N.Y., 1927. P. 165.

²³⁰Letter-Book I (1400—1422). P. 158.

²³¹Ibid. P. 202—203.

²³²Home G. Medieval London. P. 168.

²³³Ibid.

²³⁴Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. С. 14, 52.

1558 г. совместно с тремя купцами предоставил короне займ в 18 тыс. ф., а в 1569 г. он лично ссудил 1500 ф.²³⁵ В 1569 г. займы королеве предоставили: Лайонел Дакет, торговец предметами роскоши, — 2 тыс. ф., Джон Риверс, бакалейщик, Уильям Бонд, галантерейщик, — по 1500 ф.²³⁶

Как видим, кредиторами короны становились и отдельные купцы различных лондонских ливрейных компаний, и целые их группы, объединившись. Конечно, ссужать деньгами короля было небезопасно: короли иногда не возвращали ссуду. Но выгоды были очевидны и, в первую очередь, — это право беспошлинной торговли, откупная система и спекуляции на шерсти, чем активно пользовались лондонские олдермены. Красноречивое свидетельство тому — история соглашения 1337 г., которое было заключено между королем и компанией из 105 английских купцов во главе все с тем же Уильямом де ля Полем и вино-торговцем и олдерменом Реджинальдом Кондюи. Согласно условиям этого соглашения, купцы должны были закупить в Англии 30 тыс. мешков шерсти и выплатить королю из денег, полученных от монопольной продажи ее за границей, 200 тыс. ф. При этом, закупая шерсть по цене, примерно, 5 ф. за мешок, предполагалось реализовать ее по 8—9 ф. Однако к осени 1337 г. удалось собрать в Дордрехте только часть шерсти — 11 тыс. 500 мешков: производители шерсти не желали продавать ее по столь грабительским ценам. Остро нуждаясь в деньгах, Эдуард III конфисковал собранную шерсть в казну. Эта акция, имевшая весьма печальные для большинства купцов последствия, получила название «Дордрехтский захват». Купцы получили по 2 ф. за мешок, это притом, что в среднем он стоил 5 ф., да еще необходимо учитывать расходы на сбор и перевозку — примерно один ф. На сумму 65 тыс. ф. король выдал купцам долговые обязательства: они должны были покрываться за счет освобождения от части вывозных пошлин, если купцы будут и впредь экспортировать шерсть²³⁷. Естественно, что большая часть купцов была разорена, но наиболее крупные, среди которых — Уильям де ля Поль и Реджинальд Кондюи, смогли извлечь немалую выгоду из создавшегося положения: они скупали долговые обязательства и благодаря этому монополизировали торговлю шерстью²³⁸. Показательно, что в том же 1337 г. Уильям де ля Поль закупил 205 мешков шерсти в Линдсее, графство Линкольншир, для экспорта через Халл²³⁹.

В любом случае возрастание финансовых возможностей столичного купечества и его тесные финансовые связи с королевской властью не

²³⁵Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 112—113.

²³⁶Ibid. P. 92, 119, 81.

²³⁷Fryde E.B. William de la Pole. Merchant and King's banker. P. 57, 91—93.

²³⁸Calendar of Close Rolls. 1337—1339. P. 148—150.

²³⁹English Historical Documents. 1327—1485. Vol. 4. P. 1017.

могли не сказаться на роли Лондона и его купеческо-административной элиты в политических катаклизмах XIV и последующих столетий. Королевская власть оказалась в определенной зависимости от денежной поддержки со стороны крупнейших финансистов из олдерменской среды Лондона и вынуждена была считаться с их деловыми и политическими интересами. Это создавало хорошую основу для отстаивания олдерменами собственной линии поведения, для осуществления ими более или менее самостоятельной и независимой от монарха политики в Лондоне. Хотя, приходится признать, что корона зачастую злоупотребляла своей властью, нарушая уже достигнутые договоренности и отказываясь возвращать кредиты, порождая, таким образом, серьезные противоречия в отношениях с представителями богатейшей столичной элиты.

§3. Торговля и богатство в восприятии деловых людей

Для более полной реконструкции коммерческой деятельности деловых людей Лондона немаловажно обратиться к выяснению того, как они сами относились к своим профессиональным занятиям, как воспринимали и оценивали свой труд и его результаты. Несмотря на все своеобразие источников, которыми мы располагаем (практически полное отсутствие материалов личного происхождения), отдельные штрихи наметить можно.

Очевидно, что именно торговля занимала важную часть жизни и сознания купеческой элиты Лондона. Именно ради удобства торговли, учтя деловые (личные и общественные) интересы влиятельных лондонцев, Томас Грэшем, этот, по словам современников «король купцов», к мнению которого в Сити относились как, к своего рода, купеческому оракулу, в 1560—1565 гг. выстроил в Лондоне знаменитую Королевскую биржу (The Royal Exchange) — большое кирпичное здание с прямоугольным внутренним двором, вокруг которого по нижнему этажу шла галерея с арками, поддерживаемыми мраморными столбами, где прогуливались купцы, обсуждая торговые сделки. В сводчатых подвалах находились склады для хранения товаров, а на втором этаже были лавки, приносившие Грэшему значительную ренту²⁴⁰. Таким образом, этот олдермен довольно удачно совместил интересы общественные, корпоративные и личные.

²⁴⁰Штокмар В.В. Очерки истории Англии XVI в. С. 67—68. Здание Королевской биржи было разрушено Великим пожаром 1666 г. В дальнейшем его вторично постигла та же участь в 1844 г. А вот улица, названная именем Томаса Грэшема, существует в Лондоне до сих пор, располагаясь в самом центре Сити, недалеко от Гилдхолла.

Торговля воспринималась купечеством как особый, очень рискованный и трудоемкий вид занятий, доступный далеко не каждому. Дж. Чосер, создавший в «Кентерберийских рассказах» обобщенный образ купца XIV в., вложил в его уста следующие, весьма примечательные слова, которые, на наш взгляд, могут быть соотнесены и с олдерменами: «Жена, — сказал купец, — тебе ль понять / Наш трудный промысел? Ведь торговать / Из десяти едва один сумеет...»²⁴¹. Данная цитата, а также отдельные пассажи из деловой переписки Сели, при всей своей очевидной клишированности, все же дают основания предполагать, что торговля в представлении купцов — это тяжкий труд, осуществление которого невозможно без надежды на Божью помощь. Так, Ричард Сели-ст. в письме своему сыну Джорджу, отправленном из Лондона в Кале 26 июня 1477 г., пишет: «...Да пошлет тебе Бог хорошую торговлю, и мне тоже...»²⁴². Надо думать, что «хорошая» торговля — это торговля прибыльная. «Пусть Иисус заботится о Вас и дальше...», — желает Т. Праут Ричарду Сели-ст. в письме от 28 февраля 1478 г.²⁴³ А Ричард Сели-мл. с удовлетворением и нескрываемой надеждой на удачу сообщает брату Джорджу из Лондона в Кале 29 марта 1482 г.: «...Я узнал из письма, что вся твоя котсуолдская шерсть продана в Кале; это хорошее дело; я прошу Бога послать нам такую же продажу овчин...»²⁴⁴.

Такое восприятие торговли в купеческой олдерменской среде определенно противоречило стереотипу представлений о ней в средневековом сознании, где торговля объявлялась порочной, мало соответствующей нормам христианской этики и морали. Хотя Фома Аквинский и его последователи в XIII—XIV вв. пытались реабилитировать профессию купца, но в этом оправдании содержалось много условностей и оговорок: коммерция правомерна и полезна только в том случае, если она имеет целью общественное благо и милосердие, если торговец довольствуется «справедливым вознаграждением», если он не взимает проценты, стремится облагодетельствовать клиента²⁴⁵. Купечество же в силу своей профессиональной деятельности должно было иначе относиться к торговле, принимая ее и надеясь на «Божий промысел».

Успехи коммерческих предприятий лондонских купцов не были постоянными, им сопутствовали и неудачи, что зависело от многих факторов и стечения обстоятельств. Сэр Джордж Барн, бакалейщик и олдермен Лондона 1542—1558 гг., участник Московской компании, потерял все свои

²⁴¹ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 1980. С. 196.

²⁴² Letter № 13 // The Cely Letters. P. 12.

²⁴³ Letter № 16 // Ibid. P. 14—15.

²⁴⁴ Letter № 147 // Ibid. P. 133—134.

²⁴⁵ Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV—XV вв. Ч. 1. С. 82.

товары во время крушения судна у берегов Шотландии в 1556 г.²⁴⁶ Томас Лодж, тоже бакалейщик и олдермен, в 60-х гг. XVI в. испытывал значительные финансовые затруднения из-за неудач в торговле: его долг составлял 2,5 тыс. ф. Каким образом Лодж сумел выпутаться из этих трудностей, в деталях не известно, но на момент своей кончины в 1584 г. он вновь входил в богатейшую элиту Лондона, владея и движимым имуществом, и недвижимой собственностью в столице и графствах Англии²⁴⁷.

В реальной жизни оказывалось, что установить планомерность, какую бы то ни было упорядоченность в сфере коммерции почти невозможно. Однако противостоять неблагоприятному ходу событий, слепому стечению обстоятельств можно и должно. Купцам необходимы такие качества как осмотрительность и осторожность в делах. Не случайно Ричард Сели-ст. советует своему сыну Джорджу в письме от 26 января 1477 г.: «будь осторожным и не действуй опрометчиво в торговле и в доставке товаров...»²⁴⁸. В другом письме, от 1 мая 1478 г., тот же адресат вновь обращается к Джорджу со словами: «Я прошу тебя быть осторожнее при приеме денег в Кале...»²⁴⁹. И Ричард Сели-мл. в письме брату Джорджу в Кале от 14 ноября 1481 г. пишет: «Я советую тебе быть осмотрительным...»²⁵⁰.

Важное значение купцы Сели придают тщательному анализу всего, что касается деловой сферы. Одно из писем того же Ричарда Сели-ст. начинается словами: «Я долго обдумывал дела...»²⁵¹. А Ричард-мл. в письме Джорджу, отправленном в Кале от 14 ноября 1481 г., наставляет: «Я советую тебе <...> хорошо разобраться во всем...»²⁵². Даже эти фразы из семейной переписки Сели убеждают в том, что купцы должны были в первую очередь и прежде всего полагаться на собственные силы, скрупулезно, в деталях, оценивать конкретную ситуацию на рынке и предпринимать все необходимое для обеспечения безопасности и успеха торговли.

Важнейшим условием такого ведения дел было своевременное получение нужной информации. Не случайно, что Сели-ст. очень беспокоит отсутствие сведений по интересующим его вопросам, и в письме от 5 июля 1474 г. он вынужден упрекнуть старшего сына Роберта, находившегося в Кале: «Я ничего не знаю о получении шерсти, и нет никаких указаний в отношении торговли <...> ты ленишься написать обо всем этом...»²⁵³. А 17 июня 1478 г. Ричард Сели-ст. высказывается довольно

²⁴⁶Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 78.

²⁴⁷Ibid. P. 109—110.

²⁴⁸Letter № 11 // The Cely Letters. P. 10—11.

²⁴⁹Letter № 20 // Ibid. P. 19.

²⁵⁰Letter № 134 // Ibid. P. 122—123.

²⁵¹Letter № 13 // Ibid. P. 12.

²⁵²Letter № 134 // Ibid. P. 122—123.

²⁵³Letter № 2 // Ibid. P. 3.

резко: «Я не стану переправлять ни того, ни другого (имеются в виду шерсть и овчины), пока не получу соответствующего известия»²⁵⁴. Буквально через месяц, в письме от 20 июля 1478 г., он обращается к другому сыну — Джорджу, тоже находившемуся в Кале: «Прошу тебя незамедлительно известить меня о том, какой наличностью я располагаю в Брюгге. Тогда я смог бы быстро сориентироваться»²⁵⁵. По каким-то причинам братья не сумели вовремя ответить отцу, и тот в письме от 17 августа 1478 г. с плохо скрываемым из-за отсутствия необходимых сведений раздражением замечает: «Меня удивляет, почему не пишете ни ты, ни твой брат. Это очень странно, ведь мне важно знать, в порядке ли товар, отправленный мною недавно <...> Не нахожу никаких оправданий вашему молчанию»²⁵⁶. И в письме Джорджу Сели в Кале от 25 сентября 1480 г. Ричард Сели-ст. сетует на то, что «...нет писем, из которых я все знал бы точно. Это создает большие трудности, поэтому я прошу писать мне и отправлять письма <...> Без них я не смогу разобраться в делах»²⁵⁷.

Безусловно, без оценки реальной ситуации с наличностью, с движением товаров, с возникающими сложностями успешное ведение торговли было невозможным. И это, судя по переписке, в полной мере осознает Ричард Сели-ст. Во всем необходимы разум, расчет, напряжение воли. Никто и ничто не защитит товаровладельца, если он не позаботится о себе сам. Предусмотрительность, осторожность, способность к анализу, профессионализм, деловая активность и энергия, умение концентрировать волю и знания, ориентироваться в сложной ситуации и находить правильное решение — вот те качества, которые помогли купцу преодолевать совокупность неблагоприятных явлений, случайностей, не всегда поддающихся рациональному объяснению, т.е. противостоять судьбе.

Торговля и финансовые операции, осуществлявшиеся купцами-олдерменами, в силу объективных обстоятельств вынуждают их по особому относиться ко времени. Здесь уместно привести слова А.Я. Гуревича, писавшего, что в XIV—XV вв. «на смену неточному, приблизительному времени средневековья, сакральному, связанному с литургией, приходит время секуляризованное и измеримое, делимое на равновеликие отрезки. «Теологическое» время оттесняется временем «технологическим». Обостряется ощущение хода времени <...> Оценка времени повышается <...> теперь оно осознается как достояние человеческой личности»²⁵⁸. Содержание самого времени становится иным:

²⁵⁴Letter № 24 // The Cely Letters. P. 23.

²⁵⁵Letter № 27 // Ibid. P. 25—26.

²⁵⁶Letter № 30 // Ibid. P. 27.

²⁵⁷Letter № 104 // Ibid. P. 90—92.

²⁵⁸Гуревич А.Я. Средневековый купец // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. 2. С. 76.

это уже время не столько общения с Богом, сколько торговли, производства, общественных и прочих городских дел. Время осмысливается хозяйственно активной частью городского населения как особая ценность. Многие моменты деловой переписки семейной компании Сели позволяют говорить о том, что купцы сталкиваются с реальной проблемой нехватки времени и в полной мере осознают его значимость: упустить время — упустить деньги, возможность разбогатеть, а то и понести ущерб в результате упущенного случая. Очевидно, именно этим объясняются многочисленные призывы купцов Сели «действовать без промедления, скорее»²⁵⁹. Ричард Сели-ст. в письме сыну Джорджу в Кале от 25 сентября 1480 г. сетует на то, что «...нам с Ричардом Сели и Уильямом Сели совершенно не хватает времени...»²⁶⁰. А в письме от 13 октября 1480 г., отправленном тому же адресату, он с благодарностью отзывается о слуге Роберте Гуде и об Уильяме Сели, чья «помощь высвобождает много времени...»²⁶¹, столь необходимого для главного занятия — торговли.

Таким образом, если рассматривать семейную переписку Сели как своеобразное отражение «автопортрета» купеческого сообщества XV в, то в таком случае лондонский купец-олдермен предстает перед нами как активно действующая личность, способная бороться и отстаивать свои интересы, ценящая время, полагающаяся на собственные силы и возможности.

Обращает на себя внимание то, что вся переписка семьи Сели буквально пронизана заботами о том, как выгоднее продать товар, чтобы получить больше денег. Джордж Сели в записке от 2 июня 1480 г. убедительно просит Томаса Грэнджеря «продавать их (овчины) как можно дороже, насколько это Вам удастся...»²⁶². Ричард Сели-мл. в письме брату Джорджу в Кале от 29 марта 1482 г. полагает, что «...их (овчин) продажа должна принести тебе большую прибыль»²⁶³. Понятно и возмущение Уильяма Мариона, содержащееся в его письме Джорджу Сели от 5 ноября 1476 г.: «Я внимательно прочел оба письма и понял, что не получу никакой прибыли от денег, переданных мною в их распоряжение»²⁶⁴. Получилось, что Уильям Марион кредитовал Томаса Кестена и ничего за это не получил. Такое положение явно противоречило основным принципам торговли: ссужаемые деньги должны были приносить определенный доход.

²⁵⁹Letters № № 12, 20 // The Cely Letters. P. 11, 19.

²⁶⁰Letter № 105 // Ibid. P. 93.

²⁶¹Letter № 106 // Ibid. P. 94.

²⁶²Letter № 90 // Ibid. P. 79—80.

²⁶³Letter № 147 // Ibid. P. 133—134.

²⁶⁴Letter № 9 // Ibid. P. 8—9.

Не устраивал купцов Сели и обменный курс: «Деньги в Кале все еще на 2 ш. 6 п. ниже, чем во Фландрии, это приносит потери...»²⁶⁵. Оценивая ситуацию, Джордж Сели приходит к выводу, о котором сообщает в письме отцу в Лондон от 8 мая 1478 г.: «Мне кажется, если бы мы имели монетный двор в Кале, то получали бы большие суммы по сравнению с сегодняшними <...> Тогда бы дела у нас шли лучше, и торговля не оборачивалась такими потерями. Пока же всякий купец теряет с грота²⁶⁶ не меньше полупенни...»²⁶⁷.

В своем стремлении к прибыли, богатейшие купцы зачастую забывали об ограничениях и условностях, свойственных средневековому сознанию. Подчас не стеснялись и в выборе средств обогащения. В ходу были и обман, и подкуп, и попытки опередить конкурентов. Ричард Сели-ст. в письме Джорджу в Кале от 1 мая 1478 г. пишет: «Я хочу, чтобы ты часть ее (котсволдской шерсти) продал, ты это сможешь сделать хорошо и без риска. Прошу тебя сделать это скорее, так как опасаясь, что люди начнут торговать сразу после прибытия флота в Кале...»²⁶⁸.

Некоторые известные и влиятельные лондонские купцы пользовались репутацией «темных дельцов» и даже мошенников. Среди них — бакалейщики Николас Брембр и Джон Филпот, торговец вином Ричард Лайенс, суконщик Джон Нортхемптон, торговец рыбой Уильям Уолворт: все — олдермены и мэры Лондона XIV в.²⁶⁹ Особенно прославился последний. Уолворт не только ссужал деньгами казну под высокие проценты, возглавлял группу спекулянтов-хлеботорговцев, находил время быть сборщиком пошлин в Лондонском порту, где одна только торговля шерстью приносила всякого рода таможенных сборов на немалую сумму, но и содержал несколько публичных домов.

Товарные отношения, естественно, включали в себя обман и мошенничество, но они не исчерпывались этим и непременно должны были содержать элементы честности, без которой регулярные торговые сделки невозможны. Иными словами, стремление истолковать средневековых, в том числе английских, купцов исключительно как обманщиков, а торговлю этого периода как безудержный обман, как желание вопреки любым моральным принципам приумножить капиталы, обедняет исторические реалии. Видимо, в действительности дело обстояло гораздо сложнее. Это убедительно показала М.М. Яброва, обратившая внимание на характерное обстоятельство: в деловой переписке Сели

²⁶⁵Letter № 22, 8 May 1478 // The Cely Letters. P. 20—22.

²⁶⁶По всей видимости, имеется в виду бургундский грот — бургундская серебряная монета, равная 4 пенсам.

²⁶⁷Letter № 22 // The Cely Letters. P. 20—22.

²⁶⁸Letter № 20 // Ibid. P. 19.

²⁶⁹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 390, 391, 389.

больше всего поражает стремление купцов сохранить свое доброе имя, репутацию, выглядеть в глазах партнеров и общества не только процветающими, но и порядочными деловыми людьми, на которых можно положиться²⁷⁰. И не случайно, Ричард Мэллори — торговец предметами роскоши и лондонский олдермен XVI в. — отдал своего старшего сына «в обучение к настоящему и честному купцу»²⁷¹.

Именно ради прибыли, ради дополнительных доходов, позволявших расширить масштабы торговли, обеспечить достойный уровень и образ жизни, олдермены, как представители крупного лондонского купечества, шли подчас на риск, преодолевали выпадавшие на их долю трудности. Богатство же воспринимается купцами как законная награда, вознаграждение за тяжелый и опасный труд. Важно, что накопление богатств, достигнутое благосостояние расценивалось купцами как признак благосклонности свыше, обогащение санкционировалось именем Бога. Письмо Ричарда Сели-ст. сыну Джорджу от 17 июня 1478 г. содержит любопытную фразу о деньгах, «с Божьей помощью вырученных <...> на ярмарке в Брюгге»²⁷². Тот же автор в письме Джорджу в Кале от 8 мая 1478 г. желает: «Пусть Бог пошлет успех на ярмарке тебе, прибыльные дела и доходы всем нам...»²⁷³. А в письме от 6 ноября того же года он с радостью сообщает: «Наступили дни, которыми я очень доволен, поскольку торговля успешна...»²⁷⁴. Слишком много усилий, затрат, материальных и эмоциональных, требовала торговля. И естественно, что ее успешный ход приносил купцам искреннюю радость и удовлетворение.

Богатство становилось не только обязательным атрибутом образа жизни олдермена, не только признаком его респектабельности, но и первоосновой административной карьеры. Доказательство тому — упоминавшийся нами высокий имущественный ценз олдерменов. Однако в связи с этим возникали известные сложности не коммерческого характера. Жизненная практика купцов вступала в противоречие с идеологией аскетизма, со средневековой оценкой торговли и концепцией богатства, исходившей из представления о том, что накопление средств и торговая деятельность, приносящая прибыль, являются занятиями, недостойными доброго христианина. Купцы были расчетливы, в обыденном понимании — «жадные». Жадность в проповедях особенно первой половины XIV в. единодушно оценивалась как смертный грех. Причем порок жадности у проповедников традицион-

²⁷⁰ Яброва М.М. Торговля и этика. На материалах Англии XV века // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1997. Вып. 11. С. 78.

²⁷¹ Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 111.

²⁷² Letter № 24 // The Cely Letters. P. 23.

²⁷³ Letter № 22 // Ibid. P. 20—22.

²⁷⁴ Letter № 38 // Ibid. P. 34—35.

но соединялся, в частности, и с профессией торговцев, хотя в принципе жадным, в представлении этих проповедников, являлся всякий богатый человек, не стремящийся по доброй воле и с радостью раздать свои богатства на благотворительные нужды и пожертвования в пользу церкви. Одновременно олдерменам были присущи и осознавались ими чувства «опасности», «неустойчивости», «риска», «страха», прочно удерживавшие их в русле христианской веры. Подобно тому, как «все счастье от Бога», так и коммерческий успех, в конечном счете, зависит от высших сил: купцу должно «повезти», он должен иметь «счастье» — predetermined Богом удачный результат личных усилий. Сознание риска и желание безопасности, видимо, толкали олдерменов к поискам заступничества у Бога и святых, выражением чего в немалой степени служит практика пожертвований на нужды церкви. В этом же контексте возникала и еще одна наиважнейшая для средневекового человека проблема — спасение души, что также постоянно учитывалось при распоряжении имуществом, поддержании репутации и т.д.

Иными словами, вырисовывались известные противоречия между деловыми интересами олдерменов, их стремлением к получению прибыли, к экономической расчетливости, рационализму, практичности, к оценке нажитого богатства как следствия реализации этого стремления и мерила их социальной значимости, с одной стороны, и заботой о судьбе души и имидже, — с другой. Одним из способов их разрешения, видимо, была широко распространенная в олдерменской среде Лондона практика «посмертных дарений» в виде денежных средств, рент и даже объектов городской недвижимости в пользу церковных и монашеских учреждений, отдельных священнослужителей, «бедных людей» и т.д. Взносы на дела благочестия и благотворительности, несомненно, существовавшие и прежде, представляются вполне сложившимся явлением в XIV—первой трети XVI в. и встречаются в подавляющем большинстве дошедших до нас купеческих завещательных актов. Оставляя дарения, олдермены, очевидно, старались не только застраховать свои души от посмертных мучений, но и, возможно, исходили из того, что богоугодные дела, милосердие и благотворительность были средством, способствовавшим коммерческому успеху и завоеванию авторитета и уважения в обществе. Не следует упускать из вида и стремление обеспечить социальный порядок и спокойствие, без чего нормальная торговля невозможна.

Итак, деловым людям Лондона, в том числе олдерменам, было свойственно многообразие видов коммерческой деятельности. Эта черта отличала всех, кто втягивался, так или иначе, в процессы накопления капитала на ранних этапах, будь то купцы Бристоля, других английских городов или деловые люди Флоренции и Стокгольма. Очевидно, что разнообразие и многоплановость функций, которые при-

ходилось выполнять представителям элитарного купечества, было необходимым условием успеха их профессиональной карьеры. А связь значительного числа лондонских олдерменов с развитием раннего капитализма можно рассматривать как специфическую черту и важную характеристику купечества и правящей элиты Лондона XIV—XVI вв.

Основопологающим занятием в этом разнообразном комплексе, безусловно, являлась торговля, прежде всего внешняя, оптовая, поскольку именно она могла принести и приносила, невзирая на колоссальный риск, наиболее высокие прибыли. Представители деловой среды, как следует из переписки Сели, именно торговлю воспринимали как достойное, благородное и богоугодное дело, требующее неимоверного напряжения воли, практичности, расчетливости, осмотрительности, деловой активности, умения ориентироваться в сложных ситуациях и принимать быстрые решения, полагаясь в основном на собственные силы. Купцы ясно представляли, что целью их деятельности является получение дополнительных материальных средств — именно к этому они сознательно стремились, несмотря на то, что, с точки зрения церковных идеалов, это считалось греховным. Поскольку стремление к прибыли было важнейшим, если не определяющим, мотивом купеческой деятельности олдерменов, то нажитое богатство стало показателем их социальной ценности.

Однако здесь мы сталкиваемся со сложнейшей для купечества областью т.н. «конфликта сознания», которая создавалась предписаниями канонического права и схоластической литературы относительно взимания процента и «справедливой» цены. Отсюда и специфический для профессиональной психологии лондонских купцов-олдерменов «конфликт сознания»: материальная прибыль — собственно профессиональная цель, нажитое имущество — свидетельство успеха и достигнутого социального положения, но именно это приводит представителей олдерменской элиты к конфликту с церковным законом и его христианским сознанием. Этот конфликт и общепринятые способы его разрешения через широко распространенную практику «посмертных дарений» красноречиво отражают многие завещательные акты олдерменов.

Входя в состав крупнейших ливрейных компаний, купеческих по своему характеру, олдермены осуществляли крупномасштабную торговлю самыми разными товарами (в том числе шерстью в XIV в., шерстяными тканями и различным сукном, особенно в XV—XVI вв.) как в Лондоне и Англии вообще (районы Котсуолда, Чилтерна, Йоркшира, нагорья Линкольншира, где закупали главным образом шерсть; города Беркинг, Бристоль, Глостер, Ковентри, Ипсвич, Оксфорд, Ярмут и пр.), так и за ее пределами (Брюгге, Венеция, Флоренция, Генуя, города Испании, Франции и пр.).

Торговля разнообразными товарами открывала возможности для проникновения олдерменов в профессионально чуждую корпорацию, а также приводила к членству в нескольких компаниях одновременно.

Кроме ливрейных компаний олдермены создавали и другие формы для организации и осуществления торговли. Это — семейные объединения, компании купцов-авантюристов, купцов-стапельщиков Кале, а также целый ряд новых компаний, созданных на паевых принципах в XVI—начале XVII в.: Московская, Левантийская, Ост-Индская и пр. Важно подчеркнуть, что торговые компании объединяли (либо привлекали к сотрудничеству) не только олдерменов, но и других наиболее известных лондонских купцов и купцов из провинциальных английских городов, и даже представителей дворянства и церкви.

Важно отметить ярко проявившееся расширение масштабов и сферы торговли олдерменов в XVI в., что является отражением общей тенденции в хозяйственном развитии раннекапиталистической Англии. Вероятно, можно говорить и о связи отдельных представителей правящей элиты Лондона этого столетия с процессом становления нового, организованного на раннебуржуазных принципах, производства. Английские купцы, в том числе олдермены Лондона, не только широко экспортировали изделия национальной промышленности, но и снабжали привозным сырьем целые отрасли, возникавшие на капиталистических принципах (сукноделие, хлопчатобумажное производство, кораблестроение, горнодобывающая промышленность и металлургия), а также участвовали капиталами в различных пиратских и колониальных предприятиях второй половины XVI в., имевших большое значение для будущего превращения Англии в мировую державу и империю.

Не только на торговой и, видимо, предпринимательской деятельности основывалось могущество и влияние лондонских купцов XIV—XVI вв.: важное место принадлежит финансово-кредитной сфере. Социальное поле для взаимодействия в этой области было весьма широким: кредитные операции (как и торговля) связывали столичное купечество с представителями самых разных социальных групп. Они ссужали деньгами столичных купцов, принадлежавших к ливрейным компаниям, в том числе торговцев предметами роскоши, бакалейщиков, торговцев рыбой; мастеров, провинциальных купцов (из Глостера, Оксфорда, Бристоля), церковников, а также английское дворянство и королевскую власть. Это отражает не только уровень благосостояния и экономического могущества олдерменов Лондона, но и степень развития хозяйственных связей между различными городами Англии, а также характер социального взаимодействия. По роду своей профессиональной деятельности купцы-олдермены имели тенденцию к вступлению в диалог с окружающим миром и людьми разных сословных и

внутрисословных общностей. Выгоды и богатства, проистекавшие от внешнеторговых операций и внутренней торговли, от кредитования представителей самых разных общественных сил и субсидирования короны, несомненно, становились основой экономического могущества лондонских купцов и их политического влияния.

§4. ИНВЕСТИЦИИ В НЕДВИЖИМОСТЬ

Преимущественный интерес к «собственно городским занятиям» обычно отодвигает в тень проблему землевладения горожан. Между тем, это — в той или иной степени характерная черта средневекового города на всех этапах его развития. Кроме активных форм деятельности в сфере рыночных отношений важное место в структуре занятий жителей городов занимало все, что было связано с инвестициями в земельную собственность, в городскую и внегородскую недвижимость. По справедливому замечанию В.И. Золотова, относящемуся к английской действительности XV в., «эволюция средневекового бюргерства связана не только с торговым капиталом, ремесленным производством, но и с земельными приобретениями. Игнорирование факта обладания земельными держаниями в городе или сельской округе не позволяет дать адекватную картину социального облика общества...»²⁷⁵. Безусловно, основой экономического благополучия горожан является движимое имущество — сырье, инструменты, готовая продукция, запасы товаров и пр. Однако наличие земельных держаний, будь то в городе или в сельской местности, не могло не отразиться на имущественном положении и социальном статусе их владельца. Это наглядно показала Л.П. Репина в статье, посвященной анализу налоговых списков 1412 г. в Лондоне²⁷⁶.

Следует учитывать, что землевладельцы различного рода занимали значительное место в городской среде. Это не только владевшие землей в городе и округе горожане — члены городской общины, а также проживавшие в пределах городской территории светские и церковные феодалы.

Степень распространения городского землевладения зависела от конкретно-исторических условий, тем не менее, сам факт землевладения горожан и прочих жителей города — явление, присущее всем регионам средневековой Западной Европы, в том числе — Южной Франции (Тулузе, Марселе, Монпелье и пр.), Германии, Фландрии, Англии

²⁷⁵Золотов В.И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. С. 132.

²⁷⁶Репина Л.П. Лондонские землевладельцы в начале XV в. (по данным налоговых списков 1412 г.). С. 199—219.

и т.д.²⁷⁷ Характер бюргерского землевладения, его эволюция были связаны с процессами, происходившими в средневековом обществе и в самом городе. По выражению Т.М. Негуляевой, «поземельные отношения в средневековом городе — показатель и своеобразное мерило глубины социально-экономических процессов, вызванных развитием городского товарного производства...»²⁷⁸.

Таким образом, научная актуальность проблемы «землевладение и землевладельцы в городе» очевидна. Ее постановка тесно связана с вопросом о социальной природе средневекового города, который до недавнего времени оставался одним из наиболее дискуссионных.

На английском материале изучение данной проблемы (как и вообще проблемы города в средневековой Англии) ведется с середины прошлого века. Наиболее изученными в хронологическом отношении являются X—XII вв. и в определенной мере XV столетие (главным объектом изучения стал Лондон этого времени). Несколько «не повезло» периоду XIII—XIV вв., который лишь в незначительной степени исследован в отечественной урбанистике²⁷⁹. Наименее исследованным остается землевладение собственно английских горожан — фрименов. В этом направлении сделаны лишь первые, хотя и очень важные шаги, направленные на получение не фрагментарных и хронологически разбросанных сведений, а воссоздание более или менее цельной картины, охватывающей структуру и масштабы городской и внегородской недвижимости бюргерства, характер ее использования, способы приобретения и условия владения на всем временном промежутке Средневековья и раннего Нового времени. Немаловажным представляется также выявление специфики земельных владений у разных имущественных и социальных групп горожан. Все это позволило бы точнее определить хозяйственные интересы, характер и цели деловой активности, более объективно оценить менталитет средневекового бюргерства, в том числе так называемых деловых людей.

Заметим также, что если тематика городского землевладения в той или иной мере привлекла внимание исследователей, то вопрос об ин-

²⁷⁷Тушина Е.В. Городское землевладение // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. С. 279—289.

²⁷⁸Негуляева Т.М. Эволюция поземельных отношений в средневековом городе (на материалах Страсбурга XI—начала XIV в.): дисс. ...канд. ист. наук. Саратов, 1969. С. 1.

²⁷⁹Подробнее об отечественной историографии по проблеме землевладения в английском средневековом городе см.: Чернова Л.Н. Структура и пути формирования городской недвижимости лондонских олдерменов XIV в. (на материале картуляриев Адама Фрэнсиса и Джона Пайела) // Средние века. 2008. Вып. 69 (2). С. 31—35.

вестировании средств во внегородскую недвижимость английскими горожанами никак нельзя отнести к числу изученных²⁸⁰.

Научная актуальность проблемы землевладения горожан в Англии связана также с постановкой и рассмотрением еще одной важной проблемы — проблемы «городского джентри»²⁸¹, социальные параметры которого Р. Хорокс определяет следующим образом. Во-первых, это те, кто, проживая в городе, были вплетены в самую его ткань своими хозяйственно-экономическими интересами, административной службой, которая нередко дополнялась службой королю. Во-вторых, те, кто вкладывали инвестиции в приобретение земли и другой недвижимости, как в пределах города, так и за его чертой, что, и это — в-третьих, обеспечивало им возможность для социального подъема, позволяло обрести определенный вес и играть заметную роль в локальных сообществах различных графств. Такие люди, как правило, называли себя «джентльменами» или «эсквайрами». И, отмечает Р. Хорокс, «современники соглашались с ними»²⁸², т.е. эти «городские джентри» получали общественное признание. Легко заметить, что деловые люди Лондона XIV—XVI вв., представленные олдерменами, как нельзя лучше подходят под данную характеристику.

4.1. Недвижимость в пределах городской черты

Первое, что бросается в глаза, когда мы пытаемся определить важнейшие источники существования деловых людей — олдерменов Лондона в рассматриваемый период, — это их недвижимость в городе. Еще с XII в. сохранились сведения о городской недвижимости и ее структуре: по наблюдению С. Трапп, в Лондоне были семьи горожан, сосредоточившие в своих руках дома, лавки, участки набережной и прочую собственность²⁸³. А Т. Бэйкер заметил, что уже в это время доминирующей группой лондонских горожан были олдермены, возвысившиеся благодаря своему богатству, в том числе, недвижимости²⁸⁴. Процесс концентрации недвижимой собственности у этой части бюргеров про-

²⁸⁰Отдельные наблюдения по данному вопросу содержит известное исследование С. Трапп о лондонском купечестве: *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500)*.

²⁸¹Подробнее см.: *Horrox R.E. The Urban Gentry in the Fifteenth Century // Towns and Townspeople in the Fifteenth Century // Towns and Townspeople in the Fifteenth Century / Ed. by J.A. Thomson. Gloucester, 1988. P. 22—44.*

²⁸²*Ibid.* P. 22.

²⁸³*Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). P. 118.*

²⁸⁴*Baker T. Medieval London. P. 164.*

должался и в XIII в.: олдермен рубежа XIII—XIV вв. Генри ле Уоллес фигурирует в городских документах как владелец участка набережной с домами²⁸⁵.

К XIV в. купцы-олдермены имели в Лондоне самую разнообразную недвижимость, структура которой в XIV—XVI вв. представлена в таблице 5²⁸⁶.

Таблица 5

Структура недвижимости олдерменов Лондона в XIV—XVI вв.

Вид недвижимости	Количество олдерменов — владельцев недвижимости в Лондоне		
	XIV в.	XV в.	XVI в.
жилые дома	55	45	34
особняки	2	1	10
усадебьы	4	2	13
участки земли	13	14	13
сады	2	1	4
сдаваемые в аренду помещения	55	45	34
лавки	55	45	34
верфи	3	7	—
таверны	3	1	—
погребя	1	1	3
пивоварни	3	2	—
гостиницы	1	3	—

Как видим, олдермены, о которых имеются сведения в источниках, владели собственно земельными участками и разнообразной недвижимостью в Лондоне. Обращает на себя внимание уменьшение количества объектов торгово-производственного назначения на протяжении рассматриваемых столетий. Однако напрашивающийся в этой связи вывод о снижении интереса купцов-олдерменов к такого рода недвижимости представляется преждевременным. Необходимо учитывать специфику источников, содержащих сведения о землевладении интересующей нас категории горожан, а именно их отрывочность, а зачастую фрагментарность. Возможно, что доходы от эксплуатации таверн, гостиниц и пивоварен были ниже доходов, получаемых купцами в сфере крупномасштабной внешней торговли (и, возможно, в отдельных случаях в предпринимательской деятельности по разработке рудников, снаряжению экспедиций, организации суконных мануфактур). Однако трудно представить, что с расширением масштабов торговли богатей-

²⁸⁵ *Unwin D. The Guild and Companies of London. P. 56.*

²⁸⁶ Таблица составлена по: *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 202—404; Vol. 2. P. 2—39; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 321—369; Calendar of Wills. Vols. 1—2.*

ших лондонских купцов-олдерменов к XVI в. снизилась их потребность в торговых лавках, верфях, погребях, в получении дополнительных источников доходов от сдаваемых в аренду разнообразных помещений. Тем более что в это время в связи с ростом населения резко обострилась борьба за подымающуюся в цене городскую территорию, за возможность использовать ее с максимальной выгодой. Да и не земля в чистом виде определяла общественное лицо деловых людей из числа лондонских олдерменов — крупнейших и богатейших купцов. Справедливым представляется утверждение В.И. Золотова о том, что городские земельные держания и ренты занимали, как правило, второстепенное место в структуре собственности и доходах представителей господствующего слоя горожан и не определяли их статус²⁸⁷.

Хотя, судя по нашим данным, удельный вес олдерменов — владельцев участков земли оставался, примерно, на одном уровне в течение трех столетий. Возможно, зафиксированные в источниках земельные участки в пределах Лондона олдермены просто еще не успели застроить.

Одновременно отмечается тенденция к возрастанию интереса олдерменов к особнякам и усадьбам. Именно в них, а не в обычных домах, они предпочитали жить. Данное обстоятельство может свидетельствовать о возросшем благосостоянии деловых людей Лондона, об увеличении их богатства, о стремлении к более комфортным и престижным условиям жизни. Значение недвижимой собственности — земли и усадеб — как критерия политического веса горожан повышается на протяжении XIV—XVI вв. Свидетельство тому — изменения в имущественном цензе олдерменов в начале XVI в. Вспомним, произошло не только увеличение его размера до 1,5 тыс. ф., но и самих источников получения этой суммы — не просто «деньги и товары», но и «земли и усадьбы»²⁸⁸.

Из таблицы видно также, что представленные в документах олдермены имели жилые дома, особняки и усадьбы, причем, как удалось установить, находились они в наиболее богатых, торговых, районах, которые располагались вдоль берега Темзы, на востоке Лондона и в его западной части. Особенно это характерно для XVI столетия. В частности, торговцу предметами роскоши Николасу Элвину принадлежал великолепный новый дворец на Милк-стрит²⁸⁹. Большой особняк на Ламбет-стрит и весьма внушительный дом в Паултри оставил по завещанию

²⁸⁷Золотов В.И. Операции с недвижимостью и социальные ориентиры английского бюргерства и купцов в первой половине XV века // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. С. 289.

²⁸⁸Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. XXXIX.

²⁸⁹Calendar of Wills. Vol. 2. P. 611; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 105—106.

бакалейщик сэр Томас Рэмси²⁹⁰. В особняках жили сукнодел Ричард Фолкс и виноторговец Гутберт Бакл²⁹¹. Торговец железными изделиями Ричард Чемберлен, по оценке современников, «очень богатый человек», имел «огромный особняк» в Старом Еврейском квартале²⁹².

Олдермены XVI в. не только жили в роскошных домах и особняках, они буквально «обрастали» усадьбами в Лондоне. По приблизительным подсчетам, в XIV столетии 7,3% олдерменов, о которых имеются сведения в связи с владением недвижимостью, были собственниками усадеб, в XV в. — только 4,4%, в XVI в. эта цифра возросла до 38,2%. Материалы завещаний и архивные сведения, собранные и опубликованные Т. Уилланом, позволяют дополнить картину. Так, упоминавшийся ранее торговец предметами роскоши Николас Элвин завещал усадьбы в Лондоне²⁹³. Аналогичным образом поступил и Ричард Хэддон, тоже торговец предметами роскоши²⁹⁴. Торговец готовым платьем Джон Персиваль оставил по завещанию 12 усадеб на Корнхилл²⁹⁵. Сэр Эндрю Джадд, меховщик, — усадьбы на Темз-стрит, Грейсез-стрит и на Корнхилл²⁹⁶. Ювелир сэр Мартин Боувз — усадьбу на Ламбет-стрит²⁹⁷. Торговец железными изделиями Кристофер Дрейпер завещал 2 усадьбы²⁹⁸, а галантерейщик Уильям Бонд — 6 усадеб в Лондоне²⁹⁹. Такое количество усадеб в руках одних и тех же горожан позволяет предположить, что часть их олдермены могли сдавать в аренду и получать немалые доходы.

Нет необходимости дальше перечислять аналогичные факты. Зададимся вопросом, почему лондонские олдермены, эти богатейшие купцы, стали проявлять столь очевидный интерес к особнякам и усадьбам? Вероятно, на образе жизни представителей столичного купечества отразился рост его доходов. То, что купцы стали обладателями весьма солидных капиталов, было очевидно уже их современникам. Т. Вильсон в сочинении «Государство Англия в 1600 г.» отмечал: «...хорошо известно, что сейчас в Лондоне есть купцы с состоянием в 100 тыс. ф., и не считается богатым тот, у кого нет 50 тыс. или около того...»³⁰⁰. Богатство и вес в экономической жизни, по-видимому, привели к скла-

²⁹⁰Calendar of Wills. Vol. 2. P. 630; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 96.

²⁹¹Ibid. P. 605, 728—729; Ibid. P. 96—97.

²⁹²Ibid. P. 715; Ibid. P. 86—87.

²⁹³Ibid. P. 611; Ibid. P. 105.

²⁹⁴Ibid. P. 630; Ibid. P. 106.

²⁹⁵Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 92.

²⁹⁶Calendar of Wills. Vol. 2. P. 729; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 92.

²⁹⁷Ibid. P. 605; Ibid. P. 81.

²⁹⁸Ibid. P. 715; Ibid. P. 90.

²⁹⁹Ibid. P. 719; Ibid. P. 101.

³⁰⁰Вильсон Т. Государство Англия в 1600 г. // Дмитриева О.В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI веке. М., 1990. С. 80.

дыванию у купечества новых представлений о его роли и месте в обществе, в системе сословий и государства в целом, что проявлялось, в том числе, в размахе строительства усадеб и особняков. Не случайно, характеризуя имущественное положение торговца железными изделиями Ричарда Чемберлена, источник сообщает, что лондонский особняк, в котором жил этот олдермен XVI в., он «построил на свои средства»³⁰¹.

Из таблицы следует, что все олдермены, о недвижимости которых есть данные в источниках, были владельцами сдаваемых в аренду помещений. Интересный результат дает попытка выяснить, что включали в себя такие помещения. Из завещаний олдерменов, относящихся к началу XV—XVI вв., узнаем, что бакалейщик Томас Ноллес оставил «сдаваемые в аренду помещения, состоящие из лавок в приходе св. Марии и гостиницы в Сити Лондона»³⁰². Бакалейщик сэр Уильям Батлер завещал «сдаваемые в аренду помещения, состоящие из трех усадеб, трех лавок на Исте, пяти небольших домиков, сада и хозяйственной постройки»³⁰³.

Как правило, сдаваемые в аренду помещения находились в районе Сити, заполненном скоплением домов, улиц и площадей; в районе Старого Рыбного рынка; в районе Иста, где в основном жили ремесленники и моряки; в районах Крипплгейт и Кэндлевик, населенных также ремесленниками. Привлекал олдерменов знаменитый Лондонский мост, обрамленный лавками и являвшийся своего рода торговой улицей, а также лондонские окраины в районах Бишопсгейт на севере столицы, Ньюгейт на западе и Олдгейт на востоке.

Размах деятельности лондонских олдерменов был таковым, что они проникали далеко за пределы столицы: не только в Саутуорк, Рочестер, Кентербери и Оксфорд, но и в Ипсвич, Норич, Нортхэмптон, Ярмут, Бостон и даже Берик-на-Твиде и Йорк, где имели дома, лавки и другие помещения. А торговец пряностями Джон де Грэнтхем, олдермен 1323—1344 гг., владел помещениями в Сент-Омере во Франции³⁰⁴.

Нет сомнений, что богатейшие лондонские купцы охотно вкладывали свободные средства в приобретение городской недвижимости, но это мало походило на стремление инвестировать капитал в более престижную сферу. Важно, что им принадлежали участки городской земли, застраиваемые лавками, гостиницами дворами, мастерскими, пивоварнями, красильнями, жилыми домами и другими помещениями для ремесленников и торговцев, т.е. объекты городской недвижимости интересовали купцов, прежде всего, как производственные помещения и товарные склады. Известно, например, что строительством в Лондоне

³⁰¹ Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 86—87.

³⁰² Calendar of Wills. Vol. 2. P. 377—378.

³⁰³ Ibid. P. 641.

³⁰⁴ Ibid. Vol. 1. P. 475—476.

занимались олдермены второй половины XIV столетия Адам Фрэнси и Джон Пайел. В конце 50-х гг. они построили дома и торговые лавки на Бишопсгейт³⁰⁵. Еще одно строительство Адам Фрэнси предпринял на севере Брод-стрит. До 1373 г. здесь появились его торговые лавки, отделенные от соседних владений братства Austin Friars каменной стеной³⁰⁶.

В Лондоне олдермены не просто жили — это был центр их хозяйственной, торговой и отчасти предпринимательской деятельности. Неспоримое тому доказательство — лондонская собственность сэра Николаса Брембра, бакалейщика последней трети XIV в., состоявшая из двух жилых домов, нескольких лавок, четырех винных погребов, верфи и подъемного крана³⁰⁷; и его «коллеги» — суконщика Джона де Нортхемптона, который имел товарный склад, большую лавку и жилой дом на южной стороне Темз-стрит, лавки в других районах Лондона, пивоварню, красильню и много прочей подобной собственности³⁰⁸.

Яркий материал, позволяющий реально представить территориальную локализацию и масштабы проникновения отдельных лондонских олдерменов второй половины XIV в. в сферу городского землевладения, содержат картулярии Адама Фрэнси и Джона Пайела. Оба олдермена располагали значительными комплексами недвижимости в столице. При этом владения Адама концентрировались в основном в районах Чип, Брод-стрит, Корнхилл и Бишопсгейт. Джона привлекали преимущественно Коулмен-стрит и Брод-стрит.

Наиболее крупная недвижимость Адама Фрэнси находилась в ареале Чипсайда и Паултри, особенно в приходах св. Милдред и св. Лоренса. В Паултри Адам владел рядом помещений, включавших дома, лавки (не менее семи), каменный дом и пивоварню³⁰⁹. К югу от этой собственности, на Пэнкрас Лэйн, находилась узкая полоса помещений, протянувшихся от Сайс Лэйн на востоке к Баклсбари на западе. Баклсбари представляла несомненный интерес для богатых лондонцев. В западной ее оконечности располагалось большое строение, с начала XIV в. известное как *Servat's Tower*, первоначально занятое купцами Риккарди из Лукки, а позднее использовавшееся в качестве гардеробной королевы Изабеллы, матери Эдуарда III³¹⁰. В 1355 г. король, взявший под свой контроль *Servat's Tower*, передал его в аренду двум купцам из Лукки, и с это-

³⁰⁵The Cartulary of John Pyel. P. 101—102.

³⁰⁶O'Connor S.J. Biographical Background: John Pyel. P. 63.

³⁰⁷Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). P. 120.

³⁰⁸Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 391; Unwin D. The Guild and Companies of London. P. 132.

³⁰⁹Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 106, 116.

³¹⁰O'Connor S.J. Landed Estates // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 58.

го времени это здание, как и вся улица Баклсбари, оказались тесно связанными с финансовыми операциями, осуществлявшимися в Лондоне. Еще в 1347 г. на Баклсбари была установлена общедоступная контора по обмену денег, а с 1367 г. здесь располагались все биржи по обмену золота и серебра³¹¹. Любопытно, что у Адама Фрэнси была собственность на Пэнкрас Лэйн, прилегающей к Баклсбари³¹², что создало очевидные преимущества для его стремительно растущих финансовых предприятий.

В крайней западной части Чипсайда находилась еще одна «коллекция» помещений (торговых лавок и домов), которые Адаму Фрэнси в течение 1349—1373 гг. удалось собрать в приходах св. Лоренса и Всех Святых, на Хони Лэйн³¹³.

Кроме этой недвижимости в районе Чипсайда Адаму принадлежали дома и отдельные комнаты, торговые лавки и склады на св. Лоренс Лэйн, помещения в приходе св. Марии Магдалины на Милк-стрит и лавки на Сопер Лэйн³¹⁴. И неудивительно, что Фрэнси предпочитал концентрировать свою собственность в Чипсайде. Именно здесь билось «коммерческое сердце» города, вокруг него вращалась вся деловая жизнь. В частности, хорошо известны объединения торговцев предметами роскоши, суконщиков и торговцев шелковыми тканями, располагавшиеся в восточной части Чипсайда, известной как Мерсерз Роу. Не будем забывать, что и Адам Фрэнси был влиятельным членом сообщества торговцев предметами роскоши.

К востоку от Паултри, на юге и востоке рынка Стокс, располагался другой комплекс владений Фрэнси. Это были дома, лавки и сады на Ломбард-стрит, Беабиндер Лэйн и на Бишопсгейт, а также прочая недвижимость³¹⁵. Еще одно компактное владение Адама Фрэнси, состоявшее из земель, домов и торговых лавок, располагалось в районах Корнхилл, Брод-стрит и Бишопсгейт³¹⁶.

Остальная лондонская собственность Адама была отделена от перенаселенных анклавов. Среди отдельных объектов — дома, торговые лавки и комнаты на Крокед Лэйн в районе Кэндлевик-стрит³¹⁷, лавки и дома на пересечении Минчин Лэйн и Фенчерч-стрит. Ему также принадлежали помещения в приходе св. Мартина на Лудгейт, дома на Темз-

³¹¹O'Connor S.J. Landed Estates. P. 58—59.

³¹²Ibid. P. 59.

³¹³Ibid; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 353.

³¹⁴Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 116.

³¹⁵O'Connor S.J. Landed Estates. P. 61.

³¹⁶Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 101—102; 245.

³¹⁷Эту улицу населяли в основном ремесленники, производившие грубую шерстяную пряжу.

стрит, некоторые строения на берегу, включая дома с прилегающими к ним участками набережной на улице св. Данстана, а также некое помещение и прилегающий к нему причал, известные как Fresh Wharf³¹⁸.

Лондонская собственность Джона Пайела была менее обширна, по сравнению с владениями Адама Фрэнси, и располагалась преимущественно на севере и востоке города. В северной части Джон проявлял интерес, по меньшей мере, к семи помещениям: четырем — на Коулмен-стрит, двум — вдоль Лосбери и одному — в Old Jewry. К югу от данного комплекса собственность Пайела находилась в Паултри, где он владел ею на паях с Фрэнси, а к западу — она примыкала к Сопер Лэйн. Это была небольшая торговая лавка с комнатой (или комнатами) в верхних этажах, затерявшаяся среди дюжины или более того лавок в северной оконечности Сопер Лэйн, около Чипсайда. Возможно, что, используя востребованность этой территории у торговцев предметами роскоши, Пайел, подобно Фрэнси, мог иметь и более значительную собственность в данном районе.

К востоку от Коулмен-стрит Пайелу принадлежала целая группа строений, главным образом на Брод-стрит, и на Бишопсгейт. Именно на Брод-стрит, примыкающей также и к Лосбери, у Джона Пайела был собственный жилой дом, где он провел значительную часть своей жизни. Это немного удивительно, поскольку окрестности Лосбери, к северу от Брод-стрит, представляли собой «промышленный» район, где ремесленники выделывали кожи, осуществляли работы по металлу, где имелись текстильные мануфактуры. Пивовары и плотники тоже были широко представлены на обеих этих улицах. И резиденция Пайела непосредственно примыкала к пивоварне. Однако Джон Пайел не был исключением. Здесь же находились внушительных размеров жилые дома других богатейших купцов, наподобие Томаса Легги, меховщика и мэра, и Бартоломью Босано, купца из Лукки, тесно связанного с работниками по металлу³¹⁹.

У Джона Пайела имелись еще помещения на Ломбард-стрит, земли и некие строения на Грэйсчерч-стрит³²⁰.

Таким образом, Адам Фрэнси и Джон Пайел предстают перед нами как владельцы большого числа разнообразных объектов городской недвижимости: домов, комнат, торговых лавок, складов, пивоварен, участков набережной, причалов, садов и земли.

И еще одна примечательная деталь, обнаруженная в завещании солеторговца, олдермена 1566—1578 гг., сэра Эмброуза Николаса: он сдавал 12 небольших помещений беднякам Лондона³²¹. Можем пред-

³¹⁸O'Connor S.J. Landed Estates. P. 63—64.

³¹⁹Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 111.

³²⁰O'Connor S.J. Landed Estates. P. 66.

³²¹Calendar of Wills. Vol. 2. P. 693.

положить, что отдельные олдермены, среди которых и сэр Эмброуз Николас, стремясь извлечь дополнительные доходы, использовали в собственных интересах острейшую проблему бедности, буквально захлестнувшую Лондон в XVI столетии.

Экономический рост Лондона в рассматриваемый период, превративший его в крупнейший торгово-ремесленный центр, и связанный с этим широкий приток населения неизбежно должны были вести к застройке земельных участков лавками, мастерскими, домами и хижинами для ремесленников. Владение землей в городе фактически превращалось во владение домами. Гораздо выгоднее было использовать земли под застройку, и извлекать доходы от арендной эксплуатации жилых домов и производственных помещений. В этом нас убеждают многочисленные факты, почерпнутые из источников. Вот только некоторые из них, позволяющие детально представить и структуру недвижимости, сдаваемой ими в аренду, и величину получаемых доходов. В частности, из завещания торговца рыбой Ричарда де Чигвелла, составленного в начале XIV столетия, узнаем, что он получал ренту в 20 ш. от сданного в районе Старого Рыбного рынка дома³²². Ювелиру Роджеру Фроуику сданные в аренду помещения приносили высокую ренту в 10 марок (около 6,6 ф.)³²³. Торговец пряностями Джон де Грэнтем получал ренту в 6 ш. 8 п. от сданной в аренду торговой лавки³²⁴, а меховщик Уильям Грегор — ренты в 13 ш. 4 п. и в 7 ф. 3 ш. 4 п. с неких помещений на Уинтри³²⁵. Поскольку в этом районе постоянно сгружали привезенный товар виноторговцы, можем предположить, что олдермен Уильям Грегор (хотя и был меховщиком!) предоставлял им за немалое вознаграждение необходимые складские помещения и винные погреба. Известно также, что с 1371 г. аренда только части помещений на Коулмен-стрит приносила олдермену Джону Пайелу немалую сумму в 5 ф. ежегодно³²⁶.

Показательно, что арендаторами недвижимости олдерменов во всех перечисленных случаях выступали лондонские торговцы и ремесленные мастера. К сожалению, мы не можем дать им обстоятельной характеристики, поскольку источники не называют даже их имен, ограничиваясь лишь фиксацией профессиональной принадлежности. Но факт тесного хозяйственного взаимодействия в сфере арендных отношений между олдерменами и представителями торгово-ремесленного сообщества Лондона очевиден.

³²²Calendar of Wills. Vol. 1. P. 183.

³²³Ibid. P. 475—476.

³²⁴Ibid. P. 499—500.

³²⁵Ibid. Vol. 2. P. 377—378.

³²⁶O'Connor S.J. Biographical Background: John Pyel. P. 64.

Преуспевали на данном поприще и олдермены XVI в. Так, торговец предметами роскоши Уильям Браун сдавал в аренду помещения на Милк-стрит и Уод-стрит, что ежегодно приносило ему солидную сумму в 40 ф.³²⁷ Торговец железными изделиями Энтони Гэмейдж ежегодно получал 15 ф. 6 ш. 8 п. от трех сдаваемых в аренду домов³²⁸. А годовой доход от разнообразной лондонской собственности торговца рыбой Томаса Куртса составлял внушительную сумму — 155 ф. 13 ш. 4 п.³²⁹

Крайне сложно говорить о сроках аренды — источники содержат лишь два факта. По договору от 16 марта 1326 г. торговец рыбой и олдермен Джон Лэмби сдал в аренду некоему купцу помещение и верфь на Бридж-стрит за ежегодную плату в 7 марок (около 4,6 ф.) сроком на 8 лет³³⁰. Данная сделка не вызывает дополнительных вопросов. Совсем иначе обстоит дело с передачей в пожизненную аренду некоему торговцу большого особняка и лавки около Уэстчипа, принадлежащих олдермену, на условии ежегодной выплаты 5 ф. 13 ш. 4 п., юридически оформленной 1 ноября 1346 г.³³¹ Представляется, что за этой сделкой скрывается нечто иное. Можно допустить, что упомянутый торговец, по всей видимости, довольно солидный, столкнулся с серьезными финансовыми проблемами, по каким-то причинам задолжал олдермену крупную денежную сумму и, не имея другой возможности, вынужден возмещать долг за счет своей недвижимости, расположенной в очень выгодном месте — в районе рынка. Речь, скорее всего, идет о том, что в течение всей оставшейся жизни этот торговец будет выплачивать по 5 ф. 13 ш. 4 п. ежегодно в счет погашения означенного долга, а после его кончины особняк и лавка окончательно перейдут к олдермену. Фактически мы сталкиваемся со своеобразным перераспределением собственности в пользу более состоятельного и влиятельного представителя правящей элиты Лондона середины XIV столетия.

Поражает размах и разнообразие деятельности олдерменов. Бакалейщики сдавали в аренду верфи, суконщики — таверны и пивоварни, торговцы железными изделиями — винные погреба и т.д. Многообразие видов деятельности являлось чертой, свойственной не только лондонским олдерменам, но и всем, кто втягивался в процессы накопления капитала на первоначальном этапе. Разнообразие функций, которые им приходилось выполнять, служило своеобразным залогом успеха деловой карьеры.

Таким образом, можно утверждать, что одним из источников доходов олдерменов XIV—XVI вв. являлась сдача в аренду жилых домов и торгово-производственных помещений, получение рент с горожан.

³²⁷Calendar of Wills. Vol. 1. P. 499—500.

³²⁸Ibid. Vol. 2. P. 640.

³²⁹Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 97.

³³⁰Letter-Book E (1312—1336). P. 224.

³³¹Letter-Book F (1337—1352). P. 155.

В условиях мелкого производства, узости рынка, необеспеченности торгово-кредитных операций рента представляла собой надежный и регулярный источник дохода. Однако в действительности имело место не только вложение купеческого капитала в недвижимость, но и инвестирование в торговлю доходов от рент. Еще М. Постан пришел к выводу, что часто инвестиции в земельную собственность являлись лишь временным помещением свободного капитала, который, в случае необходимости, мог быть вновь мобилизован в сферу торговли и предпринимательства. Таким способом осуществлялось финансирование торговых предприятий купца из его собственных материальных ресурсов³³². Земельная собственность олдерменов в значительной степени преследовала чисто экономические цели: доход от земельной ренты мог использоваться для расширения торгово-финансовых операций.

Структура городской недвижимости лондонских олдерменов XIV—XVI столетий и характер ее использования, когда, по сути, преобладает коммерческое домовладение, свидетельствуют о том, что они были неразрывно связаны с городским хозяйством, с товарной экономикой, бурное развитие которой выдвинуло на первый план значение денег. И немалая часть деловых людей из числа лондонских олдерменов сумела распознать новые тенденции и использовать их в целях приумножения денежных средств.

Однако олдермены не были единственными владельцами недвижимости в городе. Крупнейший торгово-ремесленный центр, порт и столица королевства Лондон, как и большинство английских городов, располагался в королевском домене, король считался его верховным собственником. Это обстоятельство не препятствовало тому, что структура земельной собственности здесь отличалась сложностью и запутанностью. Лондон в силу своего значения притягивал к себе представителей практически всех слоев английского общества. Сюда стремились попасть и обосноваться и светские, и духовные феодалы, стекавшиеся из графств и основывавшие здесь свои резиденции.

В редких случаях наши источники позволяют извлечь информацию о составе городской недвижимости дворян. В первой половине XIV в. рыцарям — сэру Джону Сталси де Дромингви и сэру Роберту де Хэгнему — принадлежали в Лондоне участки земли³³³. Владельцем усадьбы в столице в середине XIV в. был рыцарь сэра Роберт де Хэрл³³⁴. В это же время графиня Пемброк владела гостиницей³³⁵. Земли, помещения и

³³²Postan M.M. *Medieval Trade and Finance*. Cambridge, 1973. P. 14.

³³³Letter-Book E (1312—1336). P. 178.

³³⁴Letter-Book F (1337—1352). P. 17.

³³⁵Letter-Book G (1352—1374). P. 132—133.

ренты в районах Корнхилл, Брод-стрит и Бишопсгейт принадлежали до 1358 г. Джону де Вэру, графу Оксфорду³³⁶.

Весьма внушительную по численности группу населения средневекового Лондона составляли церковники и монахи³³⁷. Здесь насчитывалось несколько монашеских учреждений, которые занимали четвертую часть города, кафедральный собор св. Павла, свыше 120 приходских церквей (в том числе 97 в пределах городских стен Лондонского Сити³³⁸), которые часто перестраивались и расширялись по мере роста населения города. Вот почему пояс религиозных сооружений протянулся от св. Кэтрин на востоке до Темпла и Блэкфрайарз на западе. Многие из этих комплексов сочетали несколько функций — церковь, школа, больница и дом призрения. К большинству из них примыкали ухоженные сады и огороды. В качестве самых известных примеров можно привести основанные в 1123 г. церковь и больницу св. Варфоломея на Смитфилде, монастырь Чартерхауз (1371 г.), монастырь и больницу св. Иоанна Иерусалимского, церковь Тамплиеров и дом монашеского братства Блэкфрайарз («Черные братья»), построенный доминиканцами еще в XII в. Религиозные сооружения появились и на южном берегу Темзы — в частности, монастыри Бермондси и св. Марии-Оувери (ныне Саутуоркский собор). Эти религиозные анклавы, являвшие собой своеобразные «государства в государстве» с собственным хозяйством и юрисдикцией, в определенной степени тормозили развитие города, но они же дали мощный импульс урбанизации после того, как Генрих VIII упразднил монашеские ордены в 1530-х гг.

Несмотря на свое довольно внушительное присутствие, церковь в английском городе никогда не достигала столь очевидного могущества и влияния, как, например, в городах Германии, где ее позиции были достаточно прочными, и горожане, шаг за шагом, вынуждены были отвоёвывать у церковников земли, строения и прочие имущества³³⁹. В городах Англии, как нам представляется, данный процесс тоже имел место,

³³⁶O'Connor S.J. Biographical Background: John Pyel. P. 62.

³³⁷Анализ налоговых списков 1319 и 1412 гг. показывает, что в начале XIV в. в столице проживало не менее 36 аббатов, а в начале XV столетия — архиепископ Йоркский, 27 аббатов и приоров, викарий, два ректора и насчитывалось 28 церковных учреждений (см.: *Home G. Medieval London*. P. 274). Реальное число духовных лиц было большим, так как в налогоплательщики попадали далеко не все клирики, см.: *Репина Л.П.* Лондонские землевладельцы в начале XV века (по данным налогового списка 1412 г.). С. 201, 221.

³³⁸До настоящего времени сохранились 39 церквей. Еще о 9 церквях напоминают сохранившиеся башни, см.: *Betjeman J. City of London. Churches*. Andover, 2004. P. 14.

³³⁹См. исследования В.А. Ермолаева, Т.М. Негуляевой, Л.И. Солодковой, Т.С. Никулиной, посвященные различным аспектам городской истории средневековой Германии.

но шел менее прямолинейно и однозначно, отличался большей противоречивостью и многосторонностью. Церковные и светские владения здесь сосуществовали, теснейшим образом переплетаясь и, при малейшей возможности нарушая границы друг друга, вторгаясь в сферу взаимных интересов. Горожанам, в первую очередь — богатейшей их части, по-видимому, стоило больших усилий сохранять и преумножать свои городские владения перед лицом весьма агрессивных устремлений церкви³⁴⁰.

Таким образом, и представители светских феодалов, и церковнослужители не упускали возможности получения дополнительных доходов в городе, не гнушались доходной недвижимостью, составляя определенную конкуренцию бюргерам, в том числе олдерменам, стремившимся расширить масштабы городской недвижимости для собственных торговых и производственных нужд. Каким образом на почве городской недвижимости складывались взаимоотношения столь разных по своим ментальным установкам социальных сил — богатейших горожан-олдерменов, — с одной стороны, дворян и церковников, — с другой? Как осуществлялось проникновение светских феодалов и священнослужителей в хозяйственную жизнь Лондона, какими методами, в каких формах? Как реагировали олдермены на происходящее? Попытаемся, насколько позволяют наши источники, ответить на поставленные вопросы. Тем более что изучение проблемы отношений купеческой олигархии, дворянства и церкви в сфере городской экономики предоставляет возможность выявить не только особенности социального облика деловых людей Лондона, представленных олдерменами, но и характер противоречий, сопровождавших развитие города в XIV—XVI вв.

В литературе данный аспект социального взаимодействия еще далеко не изучен. Вопрос о взаимоотношениях олдерменов с представителями дворянства в экономическом пространстве города до настоящего времени практически не затрагивался, а контакты с духовными феодалами и учреждениями не получили специального освещения. Целый ряд англо-американских исследований касается другого — отношений государства и церкви: процедуры выборов или назначения епископов, аббатов и приоров, специфики церковной юрисдикции и соотношения светского и церковного законодательства, налогообложения, отношений между папами и королями, борьбы в парламенте по церковным вопросам, истории церковного и монастырского строительства, деятель-

³⁴⁰Известно, например, что еще с XIII в. лондонская церковь владела более чем половиной мукомольных мельниц в городе и округе. Причем из 26 собственников мельниц, перечисленных в городских отчетах того времени, 16 были духовными лицами, 2 — из числа рыцарей, король и 7 горожан. Получается, что горожане составляли лишь 25% собственников мельниц, см.: *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500)*. P. 119.

ности монашеских орденов и пр.³⁴¹. В отечественной историографии А.А. Кириллова писала о благотворительности, Т.А. Леонова — о церковной собственности в Англии второй половины XIV в., отдельные аспекты этих проблем затронула Т.В. Мосолкина³⁴².

Лондонские документы XIV—XVI вв. (завещания олдерменов, описи их имущества и договоры, фиксирующие различные сделки с недвижимостью) в определенной мере позволяют охарактеризовать характер поземельных отношений в городе, в которые были втянуты олдермены, и спектр социальных сил, с которыми последним неизбежно приходилось иметь дело.

Обобщенные результаты исследования источников представлены в таблице 6³⁴³.

Таблица 6

Условия владения городской недвижимостью

Условия владения	Количество олдерменов по столетиям		
	XIV в. (из 46 чел.)	XV в. (из 36 чел.)	XVI в. (из 34 чел.)
феод	4	1	—
аренда	2	3	4
собственность	46	36	34

Как видно из таблицы, некоторые олдермены XIV—XV вв. владели недвижимостью в Лондоне на правах феода (feud). Источники, в частности, упоминают о том, что олдермен Николас де Фарндон в начале XIV в. имел феоды в столице³⁴⁴. Судя по завещанию Роберта ле Брэта,

³⁴¹См., напр.: *Home G. Medieval London. Ch. XII; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London. Ch. IV; Platt C. The English Medieval Town. Ch. VI; The Church, Politics and Patronage in the Fifteenth Century / Ed. by B. Dobson. Glous.; N.Y., 1986; Jenkins D.E. God, Miracle and the Church of England. L., 1987.*

³⁴²См.: *Кириллова А.А. Завещание как источник по истории средневекового города XIV—XV вв. С. 21—43; Она же. Социально-психологическая характеристика английского купечества в XV—XVI вв. // Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М., 1979. С. 3—31; Леонова Т.А. Рост церковного землевладения в Англии с 1350 по 1377 гг. // Проблемы истории Античности и Средних веков. М., 1978. С. 48—65; Она же. Собственность и доходы английской церкви во второй половине XIV века // Средние века. 1985. Вып. 48. С. 214—232; Мосолкина Т.В. Английские горожане и церковь в XIV—XV веках // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. С. 130—136.*

³⁴³Таблица составлена по: *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 202—404; Vol. 2. P. 2—39; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 321—369; Calendar of Wills. Vols. 1—2.*

³⁴⁴Calendar of Wills. Vol. 1. P. 397—398.

он держал феоды в Старом Еврейском квартале³⁴⁵, а Томас Уэлфорд — в Сити и в Саутуорке³⁴⁶. Феоды в Лондоне XV в. принадлежали Уильяму Аскэму и Джону Уэллесу³⁴⁷. В состав таких владений входили не только земли, усадьбы и сады, но и различные строения.

Завещания Роберта ле Брэта, Уильяма Аскэма и Джона Уэллеса содержат информацию о том, что эти олдермены сдавали в аренду феоды: землю и строения. При этом верховный собственник — будь то король, светский феодал, либо церковь или монастырь — не упоминается. Видимо, уже в конце XIV в. права распоряжения феодалом со стороны держателя были весьма широкими.

Очевидно, и сам феодал к этому времени претерпел существенную эволюцию: из «благородного» держания, обусловленного службой, превратился в собственность безусловную, свободную от каких-либо повинностей по отношению к феодальному сеньору либо обязанную чисто символической «рентой признания»³⁴⁸. Вероятно, в Лондоне XIV—начала XV в. феодал в определенном отношении может быть приравнен к городскому держанию, право на которое лондонцы получили от короля еще в XII столетии.

В «Памятных книгах Лондона» XIV в. удалось обнаружить единственный факт, проливающий некоторый свет на вопрос о том, от кого олдермены держали феоды. Уильям де Уэльд владел в качестве феодала усадьбой в столице, которую он держал от рыцаря — сэра Роберта де Хэрла, вассала короля³⁴⁹. Это наглядный пример того, как в реальной лондонской жизни строились взаимоотношения между купцами и феодалами в сфере поземельных отношений.

Свободное городское держание, несмотря на все его привилегии, по сравнению с поместным, не могло полностью отвечать интересам и потребностям бюргерства. По мнению Т.М. Негуляевой, в условиях феодализма поземельная зависимость, в какой бы то ни было форме и степени, делала неустойчивой, негарантированной и личную свободу, и свободу в распоряжении имуществом, то и дело создавая почву для рецидивов феодального произвола³⁵⁰. Естественно, что по мере торгово-ремесленного развития города, усиливалось стремление горожан к полному объединению в руках держателей права распоряжения и поль-

³⁴⁵Calendar of Wills. Vol. 1. P. 50.

³⁴⁶Ibid. P. 410.

³⁴⁷Ibid. Vol. 2. P. 437—438, 465—466, 384.

³⁴⁸Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. С. 322.

³⁴⁹Letter-Book F (1337—1352). P. 17.

³⁵⁰Негуляева Т.М. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьбы в XIII—начале XIV века // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1968. Вып. 1. С. 61.

зования, к установлению полной частной собственности на землю, не обремененной никакими чиншами и обязанностями.

Из таблицы видно, что все олдермены, о которых имеются сведения в источниках, являлись собственниками городской недвижимости. Видимо, именно с этой точки зрения следует рассматривать и постоянно встречающиеся в документах формулировки, содержащие сведения о том, что тот или иной олдермен XIV—XVI вв. «завещал все свои земли и строения». Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют говорить о том, что на протяжении всего рассматриваемого периода лондонские олдермены завещали, закладывали городскую недвижимость, отдавали за долги, сдавали в аренду, а в XVI в. широко покупали и продавали. При этом никаких оговорок и ограничений по поводу такого рода сделок документы не содержат.

Уже знакомый нам Николас де Фарндон, кроме феодалов на Уод-стрит, Годронлэйн и Темз-стрит, имел собственный жилой дом на Темз-стрит и сдаваемые в аренду помещения на Уод-стрит и Темз-стрит³⁵¹. Роберт ле Брэт держал на правах феодала земли и сдаваемые в аренду помещения в Старом Еврейском квартале, и здесь же у него были собственный дом, лавка, пивоварня и прочие строения, сдаваемые в аренду³⁵². Уильям Аскэм имел на Темз-стрит не только земельные феодалы и феодалы в виде сдаваемых в аренду помещений, но и свой собственный жилой дом³⁵³. Очевидно стремление всех этих олдерменов сконцентрировать владения в определенном месте, постепенно превращая их в собственность по городскому праву. Объясним и их интерес к Темз-стрит: ведь именно на этой улице обосновались и влиятельные гасконские купцы-винооторговцы, и кельнские купцы, и собственно лондонцы, отличавшиеся особой респектабельностью. Вдоль Темз-стрит шел знаменитый «Рыбный ряд», а Томас Уэлфорд и Уильям Аскэм принадлежали к компании торговцев рыбой. К тому же эта улица была занята лавками, в которых можно было найти «вина, мед, смолу, лен, веревки, нитки, зерно и другие <...> товары»³⁵⁴.

Джон Уэллес, галантерейщик, в первой половине XV в. держал на правах феодала земли и сдаваемые в аренду помещения, скорее всего лавки, на Тауэр-стрит, где велась торговля тканями. И в это же время он имел в собственности земли и разнообразные строения на Старом Рыбном рынке, на Кэндлевик-стрит, где ремесленники вырабатывали в основном грубую шерстяную пряжу, и на Паултри, где продавались

³⁵¹Calendar of Wills. Vol. 1. P. 397—398.

³⁵²Ibid. P. 50.

³⁵³Ibid. Vol. 2. P. 437—438.

³⁵⁴Mancini D. From the Usurpation of Richard the Third: Concerning the Situation of the Town of London. P. 78.

«золотые и серебряные кубки, красители, шелка, гобелены и многие экзотические товары»³⁵⁵.

Деловые люди Лондона, эти купцы-олдермены, в силу своей профессиональной деятельности, торгово-производственных интересов не могли обойтись без земельных участков с домами, лавками, складами и использовали, очевидно, все случаи, чтобы приобрести, на тех или иных условиях, недвижимость в городе.

Определенные возможности в этом отношении представляла аренда (lease). Как показывают «Книги записей» Лондона и завещания, олдермены арендовали дома, усадьбы, гостиницы, лавки, винные погреба и таверны, верфи и участки земли, скорее всего, под застройку на рынках и в ремесленных районах города. Некоторые свидетельства источников представляют особый интерес. Джон де Оксенфорд, виноторговец, в первой половине XIV в. арендовал некие помещения в районе Олдгейт, которые, в свою очередь, сдавал в аренду. Причем у него уже были в собственности строения в этом же районе, населенном в основном кожевниками, портными, пивоварами, плотниками³⁵⁶. Очевидно стремление Джона де Оксенфорда расширить владения и сферу своего влияния в этом ремесленном районе Лондона. Возможно, через некоторое время ему удастся превратить аренду в собственность. Такое предположение позволяют высказать весьма показательные действия, предпринятые в отношении монастырской недвижимости неизвестными Адамом Фрэнси и Джоном Пайелом. Еще в конце 40-х гг. XIV в. они арендовали у лондонского монастыря св. Елены недвижимость на Бишопсгейт на условии выплаты ренты в 10 ф. ежегодно на протяжении жизни каждого из арендаторов³⁵⁷. Столь высокая рента объясняется структурой арендованной недвижимости: дома с прилегающими садами и свободными участками земли в одном из престижных районов Лондона ценились очень дорого. Как выясняется, арендованные дома были очень ветхими, и купцы предпочли снести их и выстроить на их месте торговые помещения. Что касается свободных участков земли, то они были застроены домами и лавками. А спустя полтора десятилетия Джону и Адаму удалось выкупить у монахинь всю эту собственность и, соответственно, ренту³⁵⁸.

В ряде случаев источники дают возможность выяснить, у кого и на каких условиях олдермены арендовали городскую недвижимость.

Прежде всего, необходимо отметить, что договоры об аренде связывали олдерменов с другими горожанами. В частности, в сентябре 1319 г. в ма-

³⁵⁵ Mancini D. From the Usurpation of Richard the Third: Concerning the Situation of the Town of London. P. 78.

³⁵⁶ Calendar of Wills. Vol. 1. P. 460—461; Vol. 2. P. 53, 374.

³⁵⁷ Calendar of the Cartularies of John Pyel. P. 101—102.

³⁵⁸ Ibid.

гистрате Лондона был зарегистрирован акт передачи в аренду Оливером, сыном некоего горожанина Джона де Кента, жилого дома олдермену де ля Чомбру на 10 лет³⁵⁹. В 1320 г. через лондонский муниципалитет проходил еще один документ, связанный с именем этого олдермена: Джон де ля Чомбр арендовал на 10 лет с ежегодной выплатой 5,5 марок (около 4,7 ф.) участок земли у жестянщика Адама Силвиса и его жены Эгнис³⁶⁰. По договору об аренде от 20 августа 1419 г. торговец солью Генри Паунтфрейт и бакалейщик Уильям Миддлтон сдали бакалейщику и олдермену Джону Олшему участок с верфью на 16 лет с условием ежегодной выплаты 17 фунтов³⁶¹. В «Свитках» содержится информация о том, что 23 февраля 1431 г. Саймон Сели и его мать сдали в аренду на 20 лет таверну с двумя небольшими комнатами в верхнем этаже и участок вокруг дома, а также еще два дома. Арендатором выступает суконщик Джон Норман, лондонский олдермен³⁶².

Арендными партнерами лондонских олдерменов становились и представители дворянства. В мае 1318 г. в лондонском муниципалитете была оформлена передача в аренду сэром Джоном Сталси де Дромингви, рыцарем, участка земли на Истчипе на 8 лет с ежегодной выплатой 20 ш. олдермену, торговцу предметами роскоши Хэмо де Годчепу. В марте 1322 г. торговец пряностями и олдермен Джон де Грэнтхем арендовал у рыцаря Роберта де Хэгнема и его жены Айдоии участок земли на 7 лет на условии выплаты 8 марок (около 5,4 ф.) ежегодно³⁶³. Из договора от 25 марта 1333 г. следует, что олдермен Джон де Прэстон и некие Джон де Нэсинг, Николас Пик и Джон Хэзбонд арендовали у Теофании, вдовы рыцаря, помещение на условии выплаты ежегодно 10 ф.³⁶⁴

Таким образом, деловыми партнерами олдерменов по арендным сделкам выступают рыцари, имеющие в Лондоне земли и строения. К сожалению, источник не содержит информации о величине земельных участков и о характере помещений. Но обращает на себя внимание, что арендная плата за постройки почти вдвое выше аналогичной платы за землю. Это позволяет предположить, что арендованные у рыцарей участки земли вскоре будут застроены олдерменами и принесут доход, значительно превышающий величину арендной платы.

И еще одна любопытная деталь: суконщик, один из богатейших лондонских купцов XV в. Ральф Холланд сдавал в аренду гостиницу, которая прежде принадлежала сэру Ральфу де Бассету, лорду Драйтон³⁶⁵.

³⁵⁹Letter-Book E (1312—1336). P. 107.

³⁶⁰Ibid. P. 151.

³⁶¹Calendar of Plea (1413—1437). P. 70.

³⁶²Ibid. P. 251.

³⁶³Letter-Book E (1312—1336). P. 178.

³⁶⁴Letter-Book F (1337—1352). P. 18.

³⁶⁵Calendar of Wills. Vol. 2. P. 525—526.

К сожалению, источник не позволяет определить, на каких условиях эта гостиница принадлежала сэру Ральфу: была ли это его собственность либо аренда. В любом случае подобные материалы дают возможность наметить некоторые тенденции в развитии экономики и социальной жизни Лондона. Товарные отношения, чем дальше, тем больше, обостряли потребность дворянства в деньгах, заставляя его представителей поступаться в пользу горожан самым ценным — земельной собственностью и другой недвижимостью в городе. Возможно, лорд Драйтон по каким-то причинам оказался в весьма затруднительном положении и вынужден был продать гостиницу купцу или передать в субаренду. Либо этот сеньор задолжал Ральфу Холланду некоторую сумму, для покрытия которой передал гостиницу; может быть, лорд таким способом оплатил услугу, оказанную ему богатым и влиятельным бюргером. К сожалению, мы располагаем очень небольшим количеством фактов, свидетельствующих о том, что же происходило в реальной действительности. Но любопытно другое: титулованный дворянин имел в Лондоне гостиницу, т.е. стремился укрепиться в городской экономике, учитывая сложившуюся ситуацию и приспособиваясь к развитию товарно-денежных отношений. Очевидно, такая практика оказалась не слишком удачной для лорда: его гостиница перешла к одному из крупнейших представителей купеческого капитала Лондона XV в., видимо, достаточно активно действовавшего в направлении скупки или приобретения на определенных условиях городской недвижимости, в том числе у дворян.

Многочисленные данные свидетельствуют о сделках с недвижимостью между олдерменами и лондонскими монастырями. Из завещания торговца пряностями Ричарда де Бетойна выясняется, что он арендовал дом у настоятельницы монастыря³⁶⁶. Весьма любопытна и грамота от 20 августа 1419 г.: олдермен Джон Олшем арендовал участок с верфью у настоятеля монастыря, священника, ювелира и торговца рыбой³⁶⁷. К сожалению, нам не удалось выяснить, каким образом участок с верфью оказался в руках перечисленных владельцев, включая и духовных лиц. Можем лишь предположить, что эта недвижимость могла быть арендована или куплена у кого-то из городских собственников. Показательно и объединение сил церковников и горожан — ювелира и торговца рыбой. Это очевидное проявление переплетения интересов и взаимодействия в городе различных социальных групп, показатель многоплановости их деятельности и стремления к активному включению в городскую хозяйственную жизнь, независимо от социального статуса и профессии. Не менее важен и другой аспект этой проблемы.

³⁶⁶Calendar of Wills. Vol. 1. P. 445.

³⁶⁷Calendar of Plea (1413—1437). P. 70.

И горожане, и церковники нередко одинаково использовали лондонскую недвижимость, сдавая ее в аренду.

Интересный материал проходил через мэрию Лондона 15 июля 1462 г.: это договор об аренде сроком на 99 лет гостиницы и лавки в столице. Арендаторами выступают торговцы железными изделиями Ричард Флэминг и Николас Маршалл, оба — олдермены, и некий Томас Фэрмори. Арендодатель — настоятель монастыря³⁶⁸. Важную информацию содержит и документ от 5 марта 1467 г.: настоятель монастыря св. Троицы сдал в аренду на 80 лет с выплатой ежегодно 12 ф. помещения, состоящие из домов, лавок, комнат в верхних этажах, винных погребов и верфи. Арендовал все это бакалейщик и олдермен Стефен Браун³⁶⁹. Внимание олдерменов к монастырской собственности вполне объяснимо: монахи и церковники прочно закрепились в городском хозяйстве. Естественно желание богатейших горожан потеснить монашескую братию, ослабить материальные позиции церкви в городе. Важно, что договоры об аренде заключались на длительные сроки: 80 и 90 лет, в течение которых горожане, очевидно, могли распоряжаться монастырской собственностью и использовать ее в своих интересах. Фактически это означало переход приносящих доходы разнообразных городских строений в полное распоряжение самих горожан, представленных в данном случае олдерменами.

Таким образом, владения церкви, в первую очередь монастырей, в Лондоне были весьма разнообразны: жилые дома, гостиницы, лавки, винные погреба и даже участки набережной Темзы с верфями. Для полноты картины приведем еще несколько фактов. Например, по описи поместий епископа Илийского, составленной в 1356—1358 гг., было установлено, что в Лондоне ему принадлежали различные держания и лавки в двух наиболее доходных районах города³⁷⁰. Лондонский монастырь св. Марии имел: два дома, два земельных участка, ренты на сумму в 3 ф. 6 ш. 8 п. в городе³⁷¹. А некоему монастырю в 1462 г. принадлежали гостиницы и лавки в одном из приходов столицы³⁷². Настоятель монастыря св. Троицы в 1467 г. распоряжался домами, лавками, винными погребами и верфями³⁷³. Таким образом, очевидно, что церковники не упускали возможности получения доходов и от городской собствен-

³⁶⁸Calendar of Plea (1458—1482). P. 21—22.

³⁶⁹Ibid. P. 45.

³⁷⁰Леонова Т.А. Собственность и доходы английской церкви во второй половине XIV века. С. 229.

³⁷¹А также 190 акров пашни, 33 акра лугов, 8 домов, ренты на сумму в 43 ф. 8 ш. в сельской местности (см.: Леонова Т.А. Рост церковного землевладения в Англии с 1350 по 1377 гг. С. 61).

³⁷²Calendar of Plea (1458—1482). P. 21—22.

³⁷³Ibid. P. 45.

ности. «Городской» характер интересов церкви виден из самих объектов недвижимости.

Представляется немаловажным проследить, из каких источников настоятели монастырей и другие церковники получали столь разнообразные и прибыльные объекты недвижимости в Лондоне? Строили их сами, арендовали, получали в дар или покупали? Попытаемся обозначить некоторые возможные пути приобретения церковной недвижимости в Лондоне.

От XIV—первой трети XVI в. до нас дошли интересные свидетельства на этот счет³⁷⁴. Вот дарственный акт «мэра, олдерменов и всей общины Лондона Майклу де Нотбуру, епископу Лондона» от 30 ноября 1358 г., передающий ему, «его наследникам и преемникам участок земли, находящийся около каменной стены дворца епископа <...> напротив главных ворот гостиницы <...> на 80 лет на условии выплаты ежегодной ренты 40 ш. смотрителям Лондонского моста»³⁷⁵. Ясно, что епископ, по сути дела, бессрочно арендовал у городской общины земельный участок, расположенный в очень выгодном месте — напротив гостиницы. Можно предположить, что земля эта вскоре будет застроена, и, используя постоянный приток населения в Лондон, Майкл де Нотбур сможет сдавать строения в аренду и получать немалый доход в виде рент. Конечно, рентная плата в 40 ш.³⁷⁶ ежегодно должна была выплачиваться епископом городу, но думается, что получаемый им доход с лихвой восполнит эти расходы.

Не менее показательна дарственная, выданная 28 сентября 1430 г. «Уильямом Эстфелдом, мэром Лондона и Общиной» настоятелю и капитулу собора св. Павла: в дополнение к верфи, известной как Paul's Wharf, горожане передают служителям собора еще одну, расположенную рядом, на 99 лет с условием выплаты ежегодной ренты в 10 ш. и осуществлением необходимых восстановительных работ на обеих верфях, постоянно терпящих ущерб из-за повышения уровня воды в Темзе³⁷⁷. Понятно, что, как и в предыдущем случае, речь идет о фактически бессрочной аренде очень важного в условиях Лондона объекта недвижимости — верфи, причем за не слишком высокую, хотя и нема-

³⁷⁴Примерно с середины 30-х гг. XVI в. сведения такого характера практически исчезают из источников — и из муниципальной документации, и из завещаний олдерменов. С этого времени церкви и монастыри в них, как правило, не упоминаются в качестве получателей городских имуществ или имущества отдельных олдерменов, что, безусловно, связано с Реформацией и процессом секуляризации церковно-монастырских земель и прочих владений.

³⁷⁵Calendar of Letter-Book G (1352—1374). P. 132—133.

³⁷⁶О том, что это была очень значительная сумма, можно судить хотя бы по следующему факту: жалование лондонских штукатуров, стекольщиков, кровельщиков составляло в тот период 5—6 пенсов.

³⁷⁷Letter-Book K (1422—1461). P. 120.

люю, ренту. Очевидно также, что ранее настоятель и капитул главного лондонского собора уже получили от Сити верфь, скорее всего, тоже в долгосрочную аренду. Таким образом, есть основания говорить о расширении и укреплении позиций церкви в первой трети XV в. в лондонском порту, в силу своей товаропропускной способности приносившем солидные доходы. Обратим внимание и на то, что на церковников, согласно условиям дарственного акта, переходит часть муниципальных обязанностей по содержанию и текущему ремонту или восстановлению жизненно важных объектов хозяйственной деятельности города, к каковым, безусловно, относились верфи. Церковь, в данном случае представленная собором св. Павла, как неотъемлемая часть Сити еще теснее входила в экономическую сферу жизни города, в определенной мере обеспечивая необходимые для ее нормального функционирования условия. И этому, видимо, в немалой степени, способствовала политика столичного муниципалитета во главе с мэром и олддерменами.

Дарения в пользу церкви делала не только «вся община», но и отдельные горожане. Если обратиться к завещаниям олддерменов, мы увидим, что экономически они немало поддерживали церковь. Это наглядно проявилось в практике «посмертных дарений», распространявшейся на приходские церкви (св. Марии де Уолнод³⁷⁸, св. Томаса³⁷⁹, св. Олбана, св. Марии Магдалины, св. Стефана, св. Михаила³⁸⁰, св. Магнуса, св. Маргарет, св. Леонарда и св. Павла³⁸¹, св. Данстана³⁸² и пр.); на монастыри (св. Елены³⁸³, св. Варфоломея, св. Марии, св. Иоанны, св. Екатерины³⁸⁴), разного рода монашеские институты (госпитали, ордены³⁸⁵), отдельные священнослужители и монахи (старосты ордена нищенствующих монахов-миноритов Лондона и Кентерберри³⁸⁶, настоятели различных церквей Лондона, приходские священники и церковные старосты³⁸⁷).

Большое число духовных лиц, церковных и монастырских учреждений, перечисляемых почти в каждом из завещаний олддерменов, вводит в некоторое смущение. Почему олддермены, излагая свою последнюю волю, так «разбрасывались»? Казалось бы, логичнее завещать в более концентрированном виде имущество какой-либо определенной церкви, например, той, где похоронены предки и где будет захоронен сам

³⁷⁸Calendar of Wills. Vol. 1. P. 98.

³⁷⁹Ibid. P. 421.

³⁸⁰Ibid. Vol. 2. P. 397—398.

³⁸¹Ibid. P. 499; 397—398.

³⁸²Ibid. P. 553—554.

³⁸³Ibid. Vol. 1. P. 381.

³⁸⁴Ibid. Vol. 2. P. 397—398.

³⁸⁵Ibid. P. 3; 397—398.

³⁸⁶Ibid. P. 99, 414, 374.

³⁸⁷Ibid. P. 477, 491—492, 546, 557.

составитель завещания. Можем предположить, что при составлении завещания немалую активность и находчивость проявляли сами церковники, «рекомендуя» богатым купцам оставить часть имущества именно им и их учреждению, обещая отпущение грехов и благополучие после смерти. Но если бы все ограничивалось только желанием церковников и монахов, картина оказалась бы слишком упрощенной. И олдермены, люди, отличавшиеся деловыми качествами, сумевшие многого достигнуть в своей жизни, по определенным причинам шли навстречу пожеланиям церковно-монашеской братии. Представляется, что одним из вариантов объяснения такого поведения олдерменов может служить необходимость разрешения непростых проблем, порождаемых богатством, к которому они стремились и которого достигали.

Иногда завещания предоставляют редкую возможность выяснить, что именно жертвовали купцы в пользу церкви и монастырей. В том числе есть и прямые свидетельства передачи церквям городской недвижимости. Если суконщик Стефен де Абиндон и торговец предметами роскоши Роберт ле Кэллер, оба — олдермены XIV в., оставили церкви ренты от сданных в аренду помещений, а торговец предметами роскоши и олдермен XIV в. Роджер де Фошем пожертвовал денежные суммы, как и бакалейщик рубежа XIV—XV вв. Уильям Стаундон, то Джон Уодсок отписал земли и сдаваемые в аренду помещения³⁸⁸. Бакалейщик Роберт Чайчел, олдермен 1402—1426 гг., оставил «ректору, церковным старостам и прихожанам церкви св. Иакова сдаваемое в аренду помещение на верфи»³⁸⁹. Меховщик Уильям Грегор, олдермен 1435—1461 гг., завещал «Уильяму Сэй, настоятелю собора св. Павла, доктору богословия, а также клерку и канонику этой церкви земли и сдаваемые в аренду помещения в приходе св. Михаила на Крокедлэйн...»³⁹⁰. Перечень дарений можно дополнить таверной, завещанной в XV в. суконщиком Ричардом Константином «сэру Джону де Пайерну, настоятелю церкви св. Варфоломея»; помещениями на Уотлинг-стрит и на Уэстчипе и усадьбами на Уод-стрит, которые оставил «приходскому священнику церкви св. Иоанна на Уолбруке» известный меховщик и олдермен первой половины XV в. Генри Бартон³⁹¹. Дарение торговца предметами роскоши и олдермена XVI в. Николаса Элвина госпиталю св. Томаса Мученика включало усадьбы и небольшой домик³⁹².

Перед нами — своеобразное перераспределение городских имуществ и доходных источников (жилых зданий или их частей, земельных участков,

³⁸⁸Calendar of Wills. Vol. 1. P. 414, 421; Vol. 2. P. 397—398, 393, 631—632.

³⁸⁹Ibid. Vol. 2. P. 491—492.

³⁹⁰Ibid. Vol. 1. P. 546, 557.

³⁹¹Ibid. P. 374; Vol. 2. P. 477.

³⁹²Ibid. Vol. 2. P. 611.

всевозможных построек и рент) в пользу церкви. При этом преобладали, и это следует особо подчеркнуть, ренты, что характеризует церковь, прежде всего, как рентополучателя в городе, хотя она никоим образом не отказывалась и от денег, и от реальных объектов недвижимости.

Таким образом, зачастую арендные сделки и акты дарений заключались между олдерменами, — с одной стороны, и представителями церкви и монастырей, — с другой. Безусловно, в силу своей хозяйственной деятельности олдермены были крайне заинтересованы как в получении дополнительных денежных средств, хотя бы и от церкви, так и в приобретении объектов недвижимости, арендованных пусть и у монастырей. Удивительны сроки аренды — 80 и 99 лет! Фактически это означало переход приносящих доходы разнообразных городских строений в полное распоряжение самих горожан, представленных в данном случае олдерменами. Наблюдался и своеобразный процесс перехода тех или иных видов лондонской недвижимости из рук в руки: от города к церкви и обратно практически на одни и те же сроки и почти на аналогичных условиях. Ясно одно — церковь, владевшая в Лондоне многочисленными и разнообразными имуществами, непосредственно связанными с городским хозяйством, и стремившаяся эти имущества преумножить, составляла прямую конкуренцию олдерменам, которые брали в аренду участки земли (скорее всего под застройку) на рынках и в ремесленных районах, а также жилые дома, гостиницы, комнаты, лавки, винные погреба, таверны, верфи — в любом случае предпочитали арендовать недвижимость, приносившую значительный доход. И далеко не случайно именно столичные олдермены в XVI в., в ходе Реформации, сопровождавшейся обширной секуляризацией церковных и монастырских земель и имуществ, стали активными участниками сначала процесса распродажи и приобретения таких владений, а затем и спекулятивных операций с секуляризованными объектами недвижимости.

Сохранились также материалы, содержащие весьма любопытную информацию о покупке олдерменами городской недвижимости. Обратимся, прежде всего, к картуляриям Адама Фрэнси и Джона Пайела. Судя по материалам источника, покупка и продажа земли и разного рода строений составляла важную часть «бизнеса» этих олдерменов, особенно Фрэнси.

Обращение к материалу картулярия показывает, что чаще всего Адам покупал дома, комнаты, торговые лавки, пивоварни. При этом он мог действовать и в одиночку, но чаще совместно с другими купцами. Невозможно установить долю и условия участия в сделках каждого из них, но важно отметить сам факт подобного инкорпорирования. Видимо, с ростом товарно-денежных отношений, их проникновением в сферу недвижимости начинала остро ощущаться необходимость в объ-

единении денег и усилий, что приводило к появлению в Лондоне XIV в. мелких компаний³⁹³.

Остановимся подробнее лишь на некоторых фактах. В 1348 г. Адам купил у торговца предметами роскоши и своего делового партнера Томаса де Брэндона дома, торговые лавки и комнаты на Крокед-лэйн в районе Кэндлевик-стрит³⁹⁴. Невозможно однозначно сказать, что заставило де Брэндона продать собственность. Может, в конце 1340-х гг. он столкнулся с некоторыми финансовыми затруднениями или необходимостью срочного вложения средств в выгодное торговое предприятие. Или же он попал в финансовую зависимость от Адама Фрэнси и таким образом покрыл свой долг. Так или иначе, но Томас де Брэндон лишился весьма прибыльного имущества в пользу Адама.

В августе 1349 г. Адам Фрэнси, Джон Пайел и олдермен Томас де Лэнгтон, еще один партнер Адама по кредитным сделкам, совместно приобрели лавки и дома на пересечении Минчин Лэйн и Фенчерч-стрит у торговца Уильяма Срэдила³⁹⁵. Любопытно, но в октябре 1371 г. Фрэнси продал свою долю. Почему? Скорее всего, ему понадобились средства для осуществления какой-то важной сделки. Кроме того, он мог «сыграть» на разнице цен — за 22 года после «Черной смерти» недвижимость неизбежно должна была вырасти в цене.

Ряд помещений, включавших дома и лавки Адам Фрэнси приобрел в районе Паултри. Две лавки были куплены им совместно с Джоном Пайелом в ноябре 1349 г. у торговца птицей³⁹⁶. Еще два помещения Адам купил у душеприказчиков сукнодела Джона Анкетина: одно — в 1350 г., другое — в 1363 г.³⁹⁷ В дальнейшем расширение его владений в значительной степени шло за счет имущества этого почившего сукнодела, хотя точную локализацию лондонской собственности Джона Анкетина и ее полный состав восстановить пока не удастся. Тем не менее, достоверно известно, что в 1370 г. Адам Фрэнси приобрел некогда принадлежавшие умершему сукноделу каменный дом, пивоварню и лавки³⁹⁸.

Обратим внимание на то, что в описанных выше случаях речь идет о 1348—начале 1350-х гг., когда Англия переживала последствия «Черной смерти». Возможно, что семьи Томаса де Брэндона, Уильяма Срэди-

³⁹³Этой проблеме посвятила специальные исследования М.М. Яброва (см.: *Яброва М.М.* Из истории семейных торговых компаний в Англии XV века. Семья Сели. С. 105—116; *Она же.* Некоторые особенности структуры английских семейных компаний конца XV века. С. 129—137).

³⁹⁴Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 108—109.

³⁹⁵Ibid. P. 108.

³⁹⁶Ibid. P. 106, 116.

³⁹⁷Ibid. P. 108—109, 114—115.

³⁹⁸Ibid. P. 116—118.

ла и Джона Анкетина оказались в числе тех, кто пострадал от эпидемии. Последний, судя по всему, скончался именно в это время. Что касается Адама Фрэнси и Джона Пайела, то они благополучно пережили бедствие и, видимо, смогли воспользоваться сложившейся ситуацией.

Ценные объекты недвижимости были куплены Фрэнси на берегу Темзы. В 1353 г. он приобрел помещения в приходе св. Мартина на Лудгейт, дома на Темз-стрит, еще некоторые строения на берегу, включая дома с прилегающими к ним участками набережной на улице св. Данстана, у купца Джона де Бовиндона³⁹⁹. В 1360 г. Адам купил также Fresh Wharf — некое помещение и прилегающий к нему причал⁴⁰⁰.

В декабре 1355 г. Адам Фрэнси вместе с одним из своих деловых партнеров — купцом Хью де Уичинхэмом — совершили важную покупку, приобретя у некоего Джона Уильяма собственность на Пэнкрас Лэйн, прилегающей к Баклсбари — улице банковских контор в Лондоне⁴⁰¹. Примерно в июне 1358 г. Адам Фрэнси и Томас де Лэнгтон купили у Джона де Вэра, графа Оксфорда, земли и помещения в приходах св. Мартина, св. Елены и св. Этельбурги на Бишопсгейт и в приходе св. Петра на Брод-стрит⁴⁰².

Кроме того, Адам совершал индивидуальные покупки домов, торговых лавок, складов и комнат на св. Лоренс Лэйн в 1361 и 1367 гг., помещения в приходе св. Марии Магдалины на Милк-стрит и лавки на Сопер Лэйн после 1366 г.⁴⁰³

Формирование еще одного комплекса владений Фрэнси — на юге и востоке рынка Стокс — началось в августе 1368 г., когда он приобрел у вино-торговца Джона Оскина и его жены дома, лавки и сады на Ломбард-стрит, Беабиндер Лэйн и на Бишопсгейт. Прочую недвижимость в этом районе Адам покупал вплоть до 1372 г.⁴⁰⁴ Думается, что должны были существовать веские основания, позволявшие Фрэнси скупать недвижимость Джона Оскина. Тем более, что Джон входил в круг деловых партнеров Адама. Известно, например, что в мае 1368 г. вдова Уильяма Лейра передала им помещения (и ренты) на св. Лоренс Лэйн, Милк-стрит и Иронмангер-стрит в районе Чип, а также на Темз-стрит в приходе Всех Святых⁴⁰⁵. А 22 февраля 1369 г. Адам Фрэнси, Джон Пайел и еще три лондонских купца, в числе которых и Джон Оскин, совместно предоставили кредит на крупную сумму более 533 ф. некоему рыцарю⁴⁰⁶. Скорее всего, Джону

³⁹⁹O'Connor S.J. Landed Estates. P. 54, 64.

⁴⁰⁰Ibid. P. 63—64.

⁴⁰¹Ibid. P. 59.

⁴⁰²Ibid. P. 62, 69, 70.

⁴⁰³Ibid. P. 60.

⁴⁰⁴Ibid. P. 61.

⁴⁰⁵Ibid. P. 59.

⁴⁰⁶O'Connor S.J. Biographical Background: Adam Fraunceys. P. 97.

Оскину требовались «живые» деньги, видимо, для вложения в торговлю, и он предпочитал получать их от продажи своей недвижимости.

Сложно говорить о реальных суммах, уплаченных Адамом Фрэнси при покупке того или иного объекта недвижимости. Как правило, источники об этом умалчивают. Лишь раз удалось отыскать столь важную информацию. В 1368 г. Фрэнси вместе с Джоном Асше и Томасом де Пэйтшеллом купили несколько помещений на Грэйсчерч-стрит за очень солидную сумму в 200 ф.⁴⁰⁷

Обратим внимание на факты объединения средств нескольких покупателей лондонской недвижимости. Среди финансовых партнеров Адама Фрэнси не только Джон Пайел, но и другие столичные купцы — Томас де Лэнгтон, Хью де Уичинхэм, Джоном Асше и Томас де Пэйтшелл, которые совместно покупали ту или иную собственность.

Первые приобретения недвижимости в Лондоне Джоном Пайелом относятся к марту 1371 г. Это были покупки неких помещений на Коулмен-стрит, Лосбери и Old Jewry⁴⁰⁸. Известно также, что он покупал объекты недвижимости, в том числе жилой дом, на Брод-стрит и Бишопсгейт⁴⁰⁹. В сентябре 1375 г. Джон Пайел и олдермен Николас Брембр, его друг и деловой партнер, купили помещения на Ломбард-стрит. В феврале 1376 г. Джон совместно с Адамом Фрэнси и Джоном Асше приобрели земли и строения на Грэйсчерч-стрит, а в ноябре 1377 г. — аналогичную собственность еще в трех приходах Лондона⁴¹⁰.

Иногда для приобретения городской недвижимости приходилось использовать другие пути, например, аренду. И здесь стоит напомнить историю взаимоотношений Адама Фрэнси и Джона Пайела с лондонским монастырем св. Елены.

Во второй половине XIV в. городскую недвижимость приобретали и иными путями. В частности, собственность (торговые лавки, дома и пр.), которую Адам Фрэнси в течение 1349—1373 гг. сумел собрать в приходах св. Лоренса и Всех Святых, на Хони Лэйн в крайней западной части Чипсайда⁴¹¹, он получил через завещательные распоряжения состоятельных лондонцев (в данном случае уже упоминавшегося купца Джона де Бовиндона) и опеку над их несовершеннолетними детьми и наследством. Нередко наследники умирали, так и не достигнув возраста вступления в права наследования, а вдовы, как правило, предпочитали избавляться от этой весьма обременительной для содержания собственности. Именно так произошло с тремя детьми упомянутого Джона де

⁴⁰⁷ O'Connor S.J. *Biographical Background: Adam Fraunceys*. P. 97.

⁴⁰⁸ O'Connor S.J. *Landed Estates*. P. 64.

⁴⁰⁹ *Calendar of the Cartulary of John Pyel*. P. 101, 111.

⁴¹⁰ O'Connor S.J. *Landed Estates*. P. 66.

⁴¹¹ *Calendar of the Cartulary of John Pyel*. P. 116.

Бовиндона, опекуном которых, по завещанию купца, был назначен Адам Фрэнси. Все они, тяжело заболев, умерли к сентябрю 1368 г., а Катерина, вдова Джона де Бовиндона, продала имущество, в том числе несколько домов, Адаму⁴¹². К сожалению, сумма сделки не указана.

Аналогичным способом у Адама Фрэнси оказалась и другая собственность на Чипсайде. В мае 1368 г. Анна, вдова Уильяма Лейра, возможно, сына лондонского олдермена и торговца пряностями⁴¹³, передала ему и Джону Оскину помещения на св. Лоренс Лэйн, Милк-стрит и Иронмангер-стрит в районе Чип, а также на Темз-стрит в приходе Всех Святых. Получатели столь щедрого «подарка» обязались выплачивать вдове ежегодную ренту в 18 ф. 13 ш. 4 п. пожизненно⁴¹⁴. Фактически речь идет о выплате ежегодного фиксированного содержания Анне Лейр.

Обращает на себя внимание тот факт, что наши персонажи являлись владельцами не только разного рода объектов городской недвижимости, но и рент. Прежде всего, это касается Адама Фрэнси. Ему принадлежали ренты в Паултри⁴¹⁵, в Чипсайде, в приходах св. Лоренса и Всех Святых, на Хони Лэйн⁴¹⁶, на Ломбард-стрит, Беабиндер Лэйн и Бишопсгейт⁴¹⁷, в районах Корнхилл и Брод-стрит⁴¹⁸, а также некая квит-рента на Темз-стрит⁴¹⁹. К сожалению, размер данной квит-ренты не указан. Однако известно, что она была куплена у купца Джона де Бовиндона в 1353 г. вместе с внушительным комплексом строений на берегу Темзы.

Сохранилось более раннее свидетельство, фиксирующее величину квит-ренты: в ноябре 1349 г. Адам Фрэнси совместно с Джоном Пайелом купили квит-ренту в 12 ш. с торговой лавки в Паултри у некоего торговца птицей⁴²⁰. Сведений об условиях сделок и величине рент картулярии не содержат ни в этих, ни в последующих случаях. Очевидно, что покупатель ренты не получал никаких прав на сам объект рентной сделки, а только купленный доход, т.е. деньги, столь необходимые в условиях городской рыночной экономики⁴²¹. Следует согласиться с мнением Т.М. Негуляевой,

⁴¹²*O'Connor S.J. Landed Estates. P. 59, 64.*

⁴¹³*Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 353.*

⁴¹⁴*O'Connor S.J. Landed Estates. P. 69—71.*

⁴¹⁵*Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 106, 116.*

⁴¹⁶*Ibid. P. 116; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 353.*

⁴¹⁷*Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 245.*

⁴¹⁸*Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 101—102, 116—118.*

⁴¹⁹*O'Connor S.J. Landed Estates. P. 63—64.*

⁴²⁰*Ibid. P. 58.*

⁴²¹Специально данному сюжету посвящена статья Т.М. Негуляевой. См.: *Негуляева Т.М. Учреждение и продажа ренты с недвижимости в Страсбурге XIII — начала XIV века // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2004. Вып. 16. С. 27—34.*

полагающей, что рента помогала удовлетворить потребности горожан в кредите, хотя способ удовлетворения оставался полуфеодалным по форме и ростовщическим по сути⁴²². Но не скрывается ли за такого рода сделками неспособность должников (торговца птицей и купца) расплатиться с кредиторами (Адамом Фрэнси и пр.), что и вынуждало их расставаться с весьма доходной недвижимостью и рентами? Ни это ли обстоятельство заставило графа Оксфорда в июне 1358 г. продать Адаму Фрэнси и Томасу де Лэнгтону не только земли и помещения, но и ренты в трех приходах на Бишопсгейт и в приходе св. Петра на Брод-стрит⁴²³?

Отдельные случаи покупок лондонской недвижимости зафиксированы нами для XVI века. Торговец предметами роскоши и купец-авантюрист Томас Джайгес, в течение 21 года, вплоть до своей смерти в 1551 г., проводил большую часть времени в Антверпене, где не только выступал агентом других купцов-авантюристов и участвовал в посреднической торговле предметами потребления, в частности, дорогим итальянским текстилем, и обучал молодого Джона Ишема искусству торговли и секретам бухгалтерии, но и успешно покупал и продавал жилую недвижимость⁴²⁴. Известно также, что один из крупных торговцев сукном Роланд Хэйвуд купил в 1563 г. большой особняк в Лондоне; а галантерейщик Уильям Бонд совершил аналогичную покупку в 1567 г.⁴²⁵

Несомненный интерес представляют сведения об участии отдельных олдерменов XVI столетия в покупке секуляризованных монастырских земель и имуществ.

Известно, что секуляризованные земли, а это четверть всей обрабатываемой территории страны, довольно быстро «ушли» от короны: разошлись по частным рукам, поступили на рынок⁴²⁶. Причем, по наблюдению А.Н. Савина, правительство предпочитало иметь дело с небольшим кругом лиц, «способных за короткое время заполнить пустующие коронные сундуки»⁴²⁷. И это не случайно: ведь при покупке монастырской недвижимости нужно было располагать значительными средствами — в среднем в 563 ф.⁴²⁸ На месте бывших монастырских хозяйств появлялись

⁴²²Негуляева Т.М. Учреждение и продажа ренты с недвижимости в Страсбурге XIII — начала XIV века. С. 33.

⁴²³O'Connor S.J. Landed Estates. P. 62.

⁴²⁴The Life of John Isham (Appendix II). P. 169, 170.

⁴²⁵Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 102, 81.

⁴²⁶Винокурова М.В. Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI—начала XVII в. С. 68—69. Елизавета I только в последние годы своего правления получила от распродажи земель 817359 ф. (см.: Митрофанов В.П. Крестьяне и государство в Англии второй половины XVI—первой трети XVII в. Н. Новгород, 2000. С. 21).

⁴²⁷Савин А.Н. Английская секуляризация. М., 1906. С. 440.

⁴²⁸Там же. С. 551.

не только новые хозяйства, но и новые собственники, среди которых и отдельные олдермены. Среди них — торговец железными изделиями сэр Джеймс Харви, в 1544 г. купивший бывшие церковные земли и помещения в Лондоне⁴²⁹. Торговец предметами роскоши Ричард Мэллори в 1549 г. купил бывшую церковную собственность, состоявшую из дома, двора, меблированных комнат, лавок, винных погребов, конюшен и садов, в районе Уэстчипа в Лондоне⁴³⁰. Ювелир сэр Мартин Боувз осуществил покупку бывшей церковной недвижимости на 3300 ф.; олдермен Китсон — на 3700 ф.; торговец предметами роскоши Роланд Хилл — на 4900 ф.⁴³¹ В общей сложности Генрих VIII сделал 19 пожалований (за которые, разумеется, получил деньги) лондонским олдерменам, среди которых особо выделяются, кроме перечисленных выше, Бэрон, Дормер, сэр Эндрю Джадд. В частности, 13 января 1547 г. «Мэр и горожане Лондона» получили владения августинского монастыря св. Варфоломея, на доходы с которых, а они, составляли свыше 773 ф. в год, должны были содержать тамошний госпиталь⁴³².

Любопытно, что с 1547 г. в лондонском муниципалитете появилась должность казначея госпиталей, которую исправно занимали олдермены, а в 1551 г. — должность президента госпиталей: ее поочередно занимают все те же олдермены. И, наконец, с 1557 г. вводятся должности главного контролера и главного инспектора госпиталей Лондона, на которых мы встречаем уже хорошо нам знакомых сэра Эндрю Джадда, Томаса Уайта, Уильяма Гаррарда и других олдерменов⁴³³. По-видимому, к 1560 г. столичные олдермены получили владения лондонского монастыря св. Томаса: именно с этого времени среди олдерменов появляются президенты, казначеи, контролеры и инспекторы госпиталя св. Томаса⁴³⁴.

Таким образом, в целом вырисовывается картина довольно активного участия лондонских купцов-олдерменов в покупке бывших церковных и монастырских владений. По мнению А.Н. Савина, если принять во внимание покупки олдерменов, то представители торгового и промышленного капитала купили монастырской недвижимости на 98 тыс. ф.⁴³⁵ В целом же продажа секуляризованных земель и рент с монастырских держаний дала Генриху VIII около 1,5 млн. ф.⁴³⁶ Данное обстоя-

⁴²⁹Calendar of Wills. Vol. 2. P. 706.

⁴³⁰Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 111.

⁴³¹Савин А.Н. Английская секуляризация. С. 343.

⁴³²Там же. С. 510.

⁴³³Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 2—19.

⁴³⁴Ibid.

⁴³⁵Савин А.Н. Английская секуляризация. С. 545.

⁴³⁶Очерки истории Англии в Средние века и Новое время / Под ред. Г.Р. Левина. М., 1959. С. 90.

тельство вносит дополнительные штрихи в обрисовку имущественного и социального облика купеческой элиты Лондона XVI в.

Итак, на протяжении XIV—XVI вв. лондонские олдермены владели городской недвижимостью на правах феода, фактически приравненного к свободному городскому держанию, аренды и собственности. Городское держание на правах феода — достаточно редкое явление даже для XIV в., в XVI столетии о нем вообще не упоминается. Обращает на себя внимание некоторое увеличение случаев аренды олдерменами городской недвижимости. Очевидно, что эволюция поземельных отношений в Лондоне представляет собой движение от феодального землевладения через свободное городское держание и аренду к полной частной собственности, которая утверждается в Лондоне, видимо, к XIV в. и развивается на протяжении XV—XVI столетий. Частнособственнические отношения, давно сложившиеся в торгово-ремесленной сфере деятельности горожан, пробились и в поземельную сферу, что отражает общую тенденцию трансформации феодальных отношений в раннекапиталистические.

4.2. Внегородское землевладение

Землевладение деловых людей Лондона вышло далеко за пределы столицы, широко охватив ее окрестности и различные графства Англии. Анализ содержащейся в источниках информации позволил обрисовать общие контуры распространения землевладения лондонских олдерменов XIV—XVI вв., которые представлены в таблице 7⁴³⁷. При этом необходимо иметь в виду, что из 274 олдерменов XIV в. лишь у 65 удалось обнаружить сведения о землевладении; из 181 олдерменов XV — у 77; из 274 олдерменов XVI вв. — только у 17 человек. В силу этого мы не можем полно представить тенденции в развитии олдерменского землевладения в графствах.

Думается, что говорить об уменьшении интереса олдерменов к земле и недвижимости в английских графствах на протяжении XIV—XVI вв., что на первый взгляд следует из данных таблицы, преждевременно. Для серьезного и обоснованного вывода необходимы дополнительные источники, содержащие более полную информацию по этому вопросу. Специфика документального материала, находящегося в нашем распоряжении, позволяет сконцентрировать внимание на других, не менее

⁴³⁷Таблица составлена по: *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 321—369; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 75—130.*

Внегородское землевладение олдерменов

Название графств	Количество олдерменов, имевших земли в графствах		
	XIV в. (из 65 чел.)	XV в. (из 77 чел.)	XVI в. (из 17 чел.)
Бакингемшир	3	10	1
Бэдфордшир	—	3	—
Беркшир	1	6	1
Глостершир	—	2	1
Дербишир	—	1	1
Йоркшир	1	1	1
Кембриджшир	9	1	—
Кент	20	22	7
Ланкашир	—	1	—
Лестершир	2	1	1
Линкольншир	3	1	—
Миддлсекс	19	19	1
Нортхемптон	4	4	2
Норфолкшир	1	4	1
Ноттингемшир	—	1	1
Оксфордшир	—	4	—
Стаффордшир	—	1	1
Суррей	10	15	4
Сассекс	1	3	1
Суффолк	4	5	—
Уилтшир	3	1	—
Уорикшир	2	2	—
Хантингдоншир	3	4	—
Хартфордшир	6	12	3
Эссекс	16	27	4

важных аспектах этой проблемы: территориальная локализация, структура и размеры внегородского землевладения, условия владения и характер использования объектов недвижимости в графствах.

Как видно из таблицы, олдермены Лондона проникали практически повсюду, даже в самые отдаленные графства. Наибольший интерес для них на протяжении трех столетий представляли графства Кент, Миддлсекс, Эссекс, Суррей, Хартфордшир, Кембриджшир, Нортхемптон, Норфолк и Бакингемшир, которые традиционно «кормили» Лондон. Именно в этих графствах предпочитали иметь земли многие олдермены. В частности, Ричард де Хэрни, олдермен 1322—1343 гг., оставил по завещанию четверть поместья Рэдменгор в графстве Кент⁴³⁸, а его коллега

⁴³⁸Calendar of Wills. Vol. 2. P. 467—468; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 255.

по компании суконщиков сэр Джон де Палтни, олдермен 1328—1338 гг., был собственником 23 маноров в 5-ти графствах: Кембриджшире, Лестершире, Миддлсексе, Суффолке и Уорикшире⁴³⁹. Бакалейщику Николасу Брембру принадлежали два манора в Кенте и Миддлсексе⁴⁴⁰, а Томасу Ноллесу, олдермену 1393—1415 гг. и бакалейщику, — земельные владения в графствах Хэмпшир, Суррей, Хартфордшир и Эссекс⁴⁴¹. Меховщик и олдермен 1406—1435 гг. Генри Бартон владел двумя манорами, прочими землями, лугами и усадьбами в графстве Хардфордшир⁴⁴².

Три графства — Кент, Суррей, Эссекс и Норфолк — всегда были житницей Англии и основными поставщиками зерна. Видимо, не случайно два манора в графстве Нортхемптон, оставленные по завещанию олдерменом 1304—1318 гг. Уильямом де Комбмартинном, были засеяны хлебами⁴⁴³. Запасы зерна в манорах сэра Джона де Палтни на момент его смерти в 1338 г. оценивались в 258 ф.⁴⁴⁴

Графства Дерби и Уилтшир особенно славились разведением мясомолочного скота. В восточных и северных графствах — Херефорд, Чешир, Ланкашир, Йоркшир, Линкольншир — наибольшее распространение получило овцеводство⁴⁴⁵. И на этих графствах сосредоточивалось внимание столичных олдерменов. Особенно яркие сведения относятся к XVI в. Так, в 1542 г., когда было вскрыто завещание Уильяма Хоулса, торговца предметами роскоши, оказалось, что помимо земельных участков в Лондоне и Кале он оставил 22 манора на плодородных землях в графствах Центра и Востока страны — Дерби, Ноттингеме, Линкольне, Стаффорде, Йорке, Эссексе, Норфолке, Миддлсексе, а также 20 земельных участков в других манорах в этих же графствах⁴⁴⁶. Суконщик Роланд Хэйвуд на момент составления завещания имел собственность в 12 манорах, расположенных в 6-ти графствах Англии, в том числе в Херефорде, Йоркшире и Линкольншире⁴⁴⁷. А земельные владения галантерейщика Генри Бэчера находились в девяти графствах, включая Дерби, Херефорд, Ланкашир и Уилтшир⁴⁴⁸.

⁴³⁹Calendar of Wills. Vol. 2. P. 482—483; *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 383.

⁴⁴⁰*Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). P. 121; Calendar of Wills. Vol. 2. P. 476.

⁴⁴¹Ibid. P. 361; Ibid. P. 357—358.

⁴⁴²Calendar of Wills. Vol. 2. P. 477—479.

⁴⁴³Ibid. Vol. 1. P. 276.

⁴⁴⁴Ibid. P. 276; *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 383; *Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). P. 127.

⁴⁴⁵*Дмитриева О.В.* Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. С. 29.

⁴⁴⁶*Memorials of the Holles Family.* 1493—1656 / Ed. by G. Holles. L., 1936. P. 22.

⁴⁴⁷*Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 36; *Willan T.* The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 102.

⁴⁴⁸Ibid. P. 38; Ibid. P. 80.

В ряде случаев наши источники предоставляют возможность выявить структуру земельных владений и прочей недвижимости олдерменов в графствах. Чаще всего представителям правящей элиты Лондона принадлежали целые маноры (от одного до двух с лишним десятков)⁴⁴⁹, участки пахотных земель⁴⁵⁰, луга⁴⁵¹, леса⁴⁵², пустоши, сады⁴⁵³, а также усадьбы⁴⁵⁴, жилые дома⁴⁵⁵, постройки хозяйственного назначения⁴⁵⁶ и некие сдаваемые в аренду строения⁴⁵⁷.

Таким образом, на протяжении XIV—XVI вв. средства, полученные от торговли и финансовых операций, богатейшее лондонское купечество активно вкладывало в приобретение земли и недвижимости за пределами Лондона.

Однако в XVI в. появляются качественно новые явления, на которых необходимо остановиться подробнее, тем более что они нашли отражение в источниках. Так, галантерейщик и олдермен Дэвид Вудрофф оставил по завещанию пастбище в Энфилде, графство Миддлсекс; торговец предметами роскоши Ричард Мэллори, олдермен, был собственником ферм в Нортхемптоне и Лестершире; меховщик и олдермен сэр Эндрю Джадд завещал огороженное пастбище «Сэндхилл» в Миддлсексе; а ювелир сэр Мартин Боувз — две фермы в Суффолке⁴⁵⁸. Лондонский мэр Уолтер Кэбилл по описи 1517 г. числился огородившим и конвертировавшим в пастбище 200 акров (80 га) пахотной земли, разрушившим 7 усадеб-ферм в графстве Уорикшир⁴⁵⁹. Очевидно, что представители крупного купечества стремились выгодно использовать зем-

⁴⁴⁹Calendar of Wills. Vol. 2. P. 611, 625, 630, 630—631, 665, 728—729; *Willan T.* The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 79, 92, 97—98, 102.

⁴⁵⁰Ibid. P. 476, 477—479, 611, 625, 630, 630—631, 651—652, 668—669, 728—729; Ibid. P. 92, 97—98, 102, 119; *Reel J.V.* Index to Biographies of Englishmen, 1000—1485. P. 264; *Memorials of the Holles Family.* P. 23; *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 19; *Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 321.

⁴⁵¹Calendar of Wills. Vol. 2. P. 477—479, 625; *Memorials of the Holles Family.* P. 23.

⁴⁵²*Willan T.* The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 102.

⁴⁵³*Memorials of the Holles Family.* P. 23.

⁴⁵⁴Calendar of Wills. Vol. 2. P. 477—479, 665; *Willan T.* The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 79.

⁴⁵⁵Ibid. P. 625; Ibid. P. 92, 102, 119; *Reel J.V.* Index to Biographies of Englishmen, 1000—1485. P. 264.

⁴⁵⁶*Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 19; *Calendar of Wills.* Vol. 2. P. 476; *Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 321.

⁴⁵⁷Calendar of Wills. Vol. 2. P. 611, 625, 630, 630—631; *Willan T.* The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 97—98.

⁴⁵⁸Ibid. P. 668—669, 728—729; Ibid. P. 129—130, 111.

⁴⁵⁹*Семенов В.Ф.* Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М.; Л., 1949. С. 183.

ли для получения прибыли от передового в техническом отношении земледелия, организованного на фермерских началах. Фермерское хозяйство было тесно связано с рынком и специализировалось либо на поставках шерсти для суконной промышленности, либо на товарном производстве зерна, мяса, сыра, молока и других продуктов. Стремясь к получению новых прибылей, которые в то время давало, прежде всего, овцеводство, фермеры-купцы включались в огораживания, которые определяли аграрное развитие Англии изучаемого периода⁴⁶⁰, наряду с новым дворянством.

Исследуя социальный состав огораживателей XVI в., В.Ф. Семенов отмечает, что это была очень пестрая группа: богатые крестьяне, выходцы из низшего дворянства, духовные лица и лондонские купцы⁴⁶¹. Для таких предпринимателей вложение капиталов в земли не было непроизводительными расходами: они стремились контролировать все этапы производства и сбыта своего товара — от выращивания новых пород овец до вывоза готового сукна за море. Как пишет М.В. Винокурова, деловые люди, активно приобретавшие земли в XVI столетии, использовали их «с толком, сдавая в аренду, либо ведя собственное, коммерчески поставленное хозяйство»⁴⁶². В этой связи привлекают внимание некоторые эпизоды деятельности упомянутых выше лондонских купцов-олдерменов. Эти собственники ферм и пастбищ активно торговали шерстью и сукном. Сэр Эндрю Джадд был судовладельцем и экспортировал сукно и шерсть; Дэвид Вудрофф также вывозил за пределы Англии шерсть и сукна; Ричард Мэллори известен как купец-авантюрист и экспортер сукна⁴⁶³.

Трудно определить масштабы, сферу распространения новых форм производства, их место в деятельности олдерменов, но сам факт их существования не вызывает сомнений. К сожалению, мы располагаем очень небольшим количеством данных, свидетельствующих о том, что же происходило в действительности. Но очевидно, что олдермены Лондона как богатейшие купцы принимали непосредственное участие в проникновении зажиточных горожан в деревню. О масштабах этого процесса говорит хотя бы следующий факт: с начала XVI в. королевская власть предпринимала настойчивые попытки законодательным путем ограничить проникновение в деревню городских «денежных мешков»,

⁴⁶⁰ Митрофанов В.П. Крестьяне и государство в Англии второй половины XVI—первой трети XVII в. С. 11.

⁴⁶¹ Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. С. 162.

⁴⁶² Винокурова М.В. Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI—начала XVII в. С. 69.

⁴⁶³ Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 106, 129—130, 111.

запретить «купцам-авантюристам, сукноделам, ювелирам, мясникам, кожевенникам и другим ремесленникам», которые имели по 10—16 ферм и по 10 тыс. овец, скупать фермы и заводить огромные стада⁴⁶⁴. Но, несмотря на эти запреты, купеческий капитал прокладывал себе дорогу, стремясь извлечь дополнительные доходы.

Каким образом лондонские олдермены использовали приобретенные фермы? Сведений на этот счет в источниках крайне мало, но известно, например, что олдермен Роджер Мартин, высокопоставленный придворный, один из основателей Левантийской и участник Московской компаний, арендовал ферму в графстве Глостер у некоего К. Блоунта, полуразорившегося дворянина, и, в свою очередь, сдал ее в аренду фермерам помельче⁴⁶⁵. В этой связи представляется уместным привести слова памфлетиста Р. Кроули, еще в 50-х гг. XVI в. с негодованием подчеркивавшего, что «купцы берут фермы, чтобы снова сдать их в наем тем людям, которые должны владеть ими, и получать высокие фэйны, и вздувать ренту»⁴⁶⁶.

Весьма показательна деятельность еще одного лондонского олдермена, торговца сукном Джона Кварелси. В 1591 г. он приобрел за крупную сумму в 750 ф. манор Коутсбич, расположенный в южной части Лестершира на границе с Нортхемптонширом и Уорикширом, принадлежавший некогда графу Эссексу. И, как полагают исследователи, какую-то часть этих земель он сразу же огородил под пастбища для овец и получил хорошую прибыль, а вскоре вообще превратил свои владения в огромный, более тысячи акров, (свыше 400 га) пастбищный массив⁴⁶⁷. Причем, что немаловажно, это произошло в обстановке острейшего противоборства с крестьянами, многие из которых (практически половина) вынуждены были покинуть свои держания в маноре Коутсбич из-за грабительских условий аренды (5 ф. за 12 акров, или 4,8 га), предложенных Джоном Кварелси⁴⁶⁸. Для предприимчивого лондонского олдермена значительно важнее были пастбища, по-видимому, приносявшие немалый доход, чем судьбы простых крестьян, столетиями обрабатывавших эти земли.

Проповедник Т. Левер в 1550 г. следующим образом охарактеризовал столичных купцов: «...посмотрите <...> и вы увидите, что, несмотря на то, что Господь наделил их огромными и обильными богатствами от их честного ремесла и торговли, они не могут удовлетвориться

⁴⁶⁴Statutes of the Realm. Vol. 4. P. 13.

⁴⁶⁵Exchequer Papers to 1603. L., 1967. P. 194.

⁴⁶⁶Crowly R. Select Works. L., 1872. P. 67.

⁴⁶⁷Митрофанов В.П. Крестьяне и государство в Англии второй половины XVI—первой трети XVII в. С. 21—22.

⁴⁶⁸Там же.

процветанием в этом занятии... но используют свои богатства в сельской округе, чтобы скупать фермы из рук почтенных джентльменов и честных йоменов, и бедных трудолюбивых земледельцев»⁴⁶⁹. Думается, что данная характеристика в полной мере может быть отнесена и к Джону Кварелси.

Материалы наших источников позволяют коснуться вопроса о размерах земельных владений олдерменов в графствах, хотя данных на этот счет крайне мало. Из завещания торговца рыбой Джона де Мокинга де Сомерсета известно, что к 1341 г. он имел девятую часть манора в Кенте⁴⁷⁰. К сожалению, размер манора не указывается.

В архивном материале, отобранном и опубликованном С. Трапп, удалось обнаружить редкое свидетельство: бакалейщик сэра Джон Пич, лондонский мэр в 1361 г., имел манор в предместье столицы, состоящий из 250 акров (100 га) земли с лугами и лесом⁴⁷¹. По классификации Е.А. Косминского: крупные маноры — свыше одной тыс. акров, средние — от 500 до одной тысячи акров, мелкие — менее 500 акров⁴⁷². Следовательно, владение сэра Джона Пича относится к числу мелких владений. Между тем, его следует причислить к вотчине, поскольку еще в XIII в. площадь в 120 акров служила своеобразным водоразделом между свободным держанием крестьянского типа и феодальной вотчиной⁴⁷³.

Интересный документ, датированный 3 июля 1414 г., содержится в «Свитках»: в нем содержится информация о том, что олдермен Джон Оливер, суконщик, совместно с сыном и еще тремя горожанами арендовали две усадьбы и 190 акров (76 га) земли в Фалборне, графство Кембридж. Достоверно известно, что эти земли использовались как сельскохозяйственная единица, поскольку там имелись овцы, крупный рогатый скот, лошади, телеги, сено, а также пшеница, ячмень и другие зерновые культуры — всего на сумму 103 ф. 6 ш. 8 п.⁴⁷⁴

По описи 1518 г. за лондонским мэром Уолтером Кэбиллом было записано 350 акров (140 га) в графстве Уорикшир⁴⁷⁵. О размерах маноров Уильяма Хоулса, олдермена XVI в., свидетельствует хотя бы опись земельных угодий одного из них — Пингестон в Дербишире. Он вклю-

⁴⁶⁹Проповедник Т. Левер о горожанах-фермерах // Дмитриева О.В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI веке. С. 86.

⁴⁷⁰Calendar of Wills. Vol. 1. P. 499—500.

⁴⁷¹Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). P. 233—234.

⁴⁷²Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. С. 152.

⁴⁷³Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962. С. 45.

⁴⁷⁴Calendar of Plea (1413—1437). P. 6—7.

⁴⁷⁵Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. С. 183.

чал 300 акров (120 га) пахотной земли, 100 акров (40 га) лугов, 40 акров (16 га) леса, 160 акров (64 га) пустоши, 28 участков сада, 40 полных крестьянских наделов⁴⁷⁶. Владельцем крупных земельных владений (свыше 400 га) в Лестершире был упоминавшийся нами олдермен второй половины XVI в. Джон Кварелси⁴⁷⁷. В то же время сэр Томас Уайт, олдермен 40—60-х гг. XVI в., завещал всего 6,5 акров (2,6 га) земли в Эссексе⁴⁷⁸.

Как видим, размеры олдерменского землевладения в графствах сильно различались: заинтересованность представителей столичной купеческой элиты в земле за пределами города не была одинаковой. Очевидно, необходимо принимать во внимание масштабы и успешность коммерческой деятельности того или иного олдермена, величину его богатства, шкалу социальных амбиций, а также характер источников, которыми мы располагаем: отсутствие в них полных данных о землевладении.

Доступные нам источники содержат ценную, хотя и не слишком обширную, информацию об условиях владения землей в графствах и позволяют частично проследить эволюцию поземельных отношений вне города в XIV—XVI веках. Результаты исследования материалов источников представлены в таблице 8⁴⁷⁹.

Таблица 8

Внегородское землевладение олдерменов: условия владения

Условия владения недвижимостью	Количество олдерменов		
	XIV в. (из 65 чел.)	XV в. (из 77 чел.)	XVI в. (из 17 чел.)
феод	5	4	—
аренда	5	1	1
собственность	60	72	17

Понятно, что отдельные олдермены Лондона в XIV—XVI вв. владели недвижимостью в графствах на правах феода (о его особенностях в этот период речь уже шла). Вот только несколько примеров. В начале XIV в. ювелир Роджер де Фроуик держал четверть рыцарского феода в Эссексе⁴⁸⁰. Маноры на условиях феода в графствах Кент и Суррей

⁴⁷⁶Memorials of the Holles Family. P. 23.

⁴⁷⁷Митрофанов В.П. Крестьяне и государство в Англии второй половины XVI—первой трети XVII в. С. 21.

⁴⁷⁸Calendar of Wills. Vol. 2. P. 677.

⁴⁷⁹Таблица составлена по: Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 321—369; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 75—130.

⁴⁸⁰Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 403; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 322.

имели: торговец пряностями второй половины XIV столетия Саймон Долсли и его брат Томас; бакалейщик этого же периода Бартоломью де Фрэстлинг, торговец рыбой конца XIV в. Томас Уэлфорд; торговец рыбой рубежа XIV—XV столетий Уильям Аскэм⁴⁸¹. В XV в. держали феоды в графствах Йоркшир, Эссекс и Кент торговцы предметами роскоши Уильям Эстфелд и Уильям Кентлоу, бакалейщики Томас Кэтуорс и Уильям Уэтенхолл⁴⁸². К сожалению, не представляется возможным выяснить, от кого и на каких условиях лондонские олдермены держали феоды.

Как и в городе, в графствах олдермены тоже стремились к тому, чтобы получить права собственности на недвижимость. Яркое тому свидетельство — деятельность Уильяма Эстфелда. В 1428 г. этот олдермен получил права держателя на часть рыцарского феода в Йоркшире. В 1435 г. весь этот феод был им выкуплен, стал собственностью этого купца⁴⁸³.

Отдельные олдермены владели землей на разных условиях одновременно. Уильям Уэтенхолл в 1431 г. стал держателем феода в Эссексе и купил земли в Суррее. Уильям Кэнтлоув имел феод в Кенте и земли в собственности в Бедфордшире⁴⁸⁴. Возможно, что через некоторое время земли на правах феода станут собственностью этих олдерменов.

Из таблицы видно, что большинство олдерменов, о внегородском землевладении которых имеются сведения в наших источниках, в XIV—XVI вв. являлись собственниками земель и прочей недвижимости в графствах. Как правило, эта собственность приходила к олдерменам тремя путями: либо по наследству, либо благодаря женитьбе на наследницах земельных владений, либо через покупку. Известно, в частности, что торговец пряностями первой четверти XIV в. Джон де Бафор унаследовал от отца земли в Лестершире и купил земли в Миддлсексе, Кембриджшире, Уилтшире и Суффолке. Наследником земель в Суффолке и Кенте был бакалейщик Роберт Оттли, олдермен 1426—1436 гг. Суконщик конца XV в. Роберт Фабиан заключил брак с дочерью тоже суконщика, которая унаследовала от деда земли в Эссексе⁴⁸⁵. Лондонский галантерейщик XVI в. Генри Бэчер также унаследовал земли в Кенте от отца⁴⁸⁶.

⁴⁸¹ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 395—396, 379.*

⁴⁸² *Ibid. Vol. 2. P. 6, 9, 8; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 338, 328, 329, 373.*

⁴⁸³ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 6.*

⁴⁸⁴ *Ibid. P. 9.*

⁴⁸⁵ *Ibid. Vol. 1. P. 387; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 337.*

⁴⁸⁶ *Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 80.*

Большинство олдерменов XIV—XV вв. и особенно XVI в. земли покупали. В.В. Штокмар отмечает, что в это время скупка земель происходила по все Англии, а наибольшее распространение купля и продажа земель получила на юге и востоке страны, что показывает, насколько эти области уже были втянуты в процесс развития товарных отношений⁴⁸⁷. Обратимся к источникам. Торговец пряностями и олдермен 1342—1349 г. Уильям Тоуни купил небольшой участок земли в 4 акра (1,6 га) в Кембридже. Торговец рыбой Джон Пэч, олдермен 1349—1376 гг., в 1360 г. купил манор Луллингстоун у внука олдермена Грегори де Роксли⁴⁸⁸. Сохранились сведения о покупках недвижимости в английских графствах некоторыми олдерменами XV—XVI столетий. Так, меховщик Генри Бартон, олдермен 1406—1435 гг., купил маноры в Хартфордшире, а суконщик Джон Гедни, олдермен 1425—1449 гг., — несколько маноров в Миддлсексе, в местечке Тоттенхэм⁴⁸⁹. Бакалейщик Джон Риверс, олдермен 1565—1584 гг., торговцы предметами роскоши и олдермены XVI в. Лайонел Дакет и Роджер Мартин, галантерейщик Уильям Гаррард, сукнодел Роланд Хэйвуд и торговец готовым платьем сэра Томас Уайт купили земли в различных графствах Англии: Бакин-гемшире, Глостершире, Девоне, Дерби, Кенте, Ноттингеме, Сомерсетшире, Стаффорде, Суррее, Эссексе⁴⁹⁰.

В отдельных случаях можно говорить о стоимости таких покупок. Торговец сукном Уильям Кэпел заплатил в 1486 г. 400 ф. за манор Саут Уоттон в Норфолке⁴⁹¹. Бакалейщик Джон Риверс купил в 1548 г. недвижимость в Кенте за 263 ф. 7 ш.⁴⁹²

Любопытен тот факт, что во всех перечисленных выше случаях покупки земли в XVI в. речь идет о бывших монастырских и церковных владениях, включавших в себя «маноры, леса и прочие земли»⁴⁹³. Напомним, что к 1547 г. было продано уже $\frac{2}{3}$ секуляризованных церковных владений⁴⁹⁴. Активными покупателями обширного фонда бывших монастырских владений были и деловые лондонцы. Особенно преуспели на этом поприще Грэшемы, которые были самыми крупными покупате-

⁴⁸⁷Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. С. 28—29.

⁴⁸⁸Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 385, 387; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 341.

⁴⁸⁹Calendar of Wills. Vol. 2. P. 477—479.

⁴⁹⁰Ibid. P. 677; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. P. 119, 92, 112—113, 97—98, 102

⁴⁹¹Calendar of the Close Rolls. Henry VII. 1485—1500. L., 1955. P. 20, 21.

⁴⁹²Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 119.

⁴⁹³Ibidem.

⁴⁹⁴Винокурова М.В., Дмитриева О.В., Федосов Д.Г. Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV—XVI веке // Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время / Отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. М., 2013. С. 195.

лями из купцов (и вообще самыми крупными покупателями) и занимали видное место в лондонском купеческом кругу, стояли в первых рядах тогдашней торгово-финансовой аристократии. Ричард Грэшем был олдерменом и лондонским мэром в 1538 г., Джон — в 1547 г. и занимал значительные должности при дворе. Грэшемы заплатили казне свыше 20 тыс. ф. по 13-ти патентам⁴⁹⁵. Самая крупная купля-продажа секуляризованного имущества времени Генриха III была осуществлена 1 октября 1540 г.: сэр Ричард Грэшем получил патент на некоторые владения трех йоркширских монастырей. Продажная цена составляла 11137 ф. 11 ш. 8 п. Из условленной суммы Грэшем сразу уплатил 6870 ф. 18 ш. 4 п. Кроме того, Грэшемы приобрели 2 десятинные ренты за 928 ф. и 13 монастырей, лежащих в 6-ти графствах, особенно в Суррее⁴⁹⁶.

Активно включился в приобретение секуляризованных церковных и монастырских имуществ суконщик и олдермен Джон Лэмбард. В июле 1544 г. ему удалось купить более чем за 400 ф. манор Хэддингтон, бывшее владение аббатства Лэкон, в Уилтшире. В дальнейшем, в период 1544—1546 гг., он затратил еще свыше 600 ф. на покупку церковной собственности, в частности, в графстве Херефорд. По подсчетам Р. Уорник, с сентября 1540 по июль 1548 г. этот олдермен вложил в приобретение недвижимости, по меньшей мере, 1900 ф.⁴⁹⁷

Таким образом, отдельные лондонские олдермены покупали бывшие монастырские владения не только в Лондоне, но и по всей стране, покупали не только держания, но и целые маноры и значительные комплексы недвижимости.

Для некоторых олдерменов XVI в. особым занятием стали земельные спекуляции. Так, меховщик Генри Хэдсон, участник Московской компании, в 40—50-е гг. активно торговал секуляризованными землями; бакалейщик Эдуард Джекмен, купец-авантюрист и член Московской компании, в 50—60-е гг. покупал и продавал аналогичную собственность в Норфолке, Нортхемптоне, Сассексе и Йоркшире⁴⁹⁸.

Некоторые лондонские олдермены арендовали земельные участки и недвижимость в графствах. Саймон Долсли во второй половине XIV в., кроме держания на правах феода $\frac{2}{3}$ манора, арендовал манор в Кенте. Торговец пряностями XIV в. Эндрю Обри арендовал часть манора в Кенте у рыцаря сэра Джона Коубхэма. Суконщик и олдермен 1346—1352 гг. Ричард де Кислингбари завещал жене тоже арендованный участок в манорах Берик и Карденс в графстве Эссекс. Торговец рыбой и олдермен 1395—1410 гг. Уильям Аскэм арендовал манор Уолворс в Сур-

⁴⁹⁵ Савин А.Н. Английская секуляризация. С. 544.

⁴⁹⁶ Там же. С. 455—456, 552.

⁴⁹⁷ Warnicke R.M. William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536—1601. P. 3.

⁴⁹⁸ Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 102, 105.

рее⁴⁹⁹. К сожалению, остаются без ответа вопросы, связанные с условиями аренды.

Какова доходность земельных владений лондонских купцов в графствах? В какой мере они сопоставимы с доходами от торговой деятельности? Годовой доход от земли в Кенте торговца предметами роскоши Роберта Ларга, олдермена XV в., составлял 15 ф.⁵⁰⁰ По подсчетам Х. Грэя, в 1436 г. 42 лондонских купца владели землей с годовой рентой свыше 40 ф.⁵⁰¹ Годовой доход с земель одного из богатейших купцов Джеффри Болейна в 60-х гг. XV в. равнялся 45 ф.⁵⁰² Могущественный Ричард Грешем в XVI в. ежегодно получал с земель 800 ф.⁵⁰³ Доход от земель в Кенте, Суррее и Хартфорде меховщика XVI в. сэра Эндрю Джадда составлял 141 ф. в год. Торговцу рыбой и олдермену 1551—1559 гг. Томасу Куртсу земельная собственность в Эссексе приносила ежегодно 12 фунтов. Любопытно, что доход от его лондонской собственности оценивался в 1555 ф. 13 ш. 4 п.⁵⁰⁴. Это в данном случае доказывает экономические преимущества и выгоды от использования городской недвижимости.

С. Трапп подсчитала деньги, вложенные в земельную собственность некоторыми лондонскими купцами, не разграничивая владений в городе и в графствах, из расчета в среднем 6—8% годовых на вложенный капитал в XIV в. и 5% в XV в.⁵⁰⁵ Следовательно, приблизительные оценки размеров инвестиций в недвижимость упомянутых выше олдерменов составили: у Роберта Ларга 300 ф., у других 42 купцов — по 800 ф., у Джеффри Болейна — 900 фунтов. При этом ко времени своей кончины Джеффри Болейн имел более 2 тыс. ф. наличными⁵⁰⁶.

Для XVI в. доходность недвижимости оценивается исследователями в среднем в 10% на вложенный капитал⁵⁰⁷. Тогда инвестиции в земельные владения Ричарда Грешема составляли приблизительно 8 тыс. ф., Эндрю Джадда — свыше 1540 ф., Томаса Куртса — около 120 ф. При этом движимость сэра Эндрю Джадда, по самым скромным подсчетам, оценивалась более чем в 6 тыс. ф.⁵⁰⁸ К сожалению, наши источ-

⁴⁹⁹Calendar of Wills. Vol. 1. P. 1—2; Vol. 2. P. 39, 437—438.

⁵⁰⁰Thrupp S. The Merchants Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 352.

⁵⁰¹Gray H.L. Incomes from Land in England in 1436 // Economic History Review. 1934. Vol. XLIX. 1996. P. 635.

⁵⁰²Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). P. 128.

⁵⁰³Ramsey P. Tudor Economic Problems. P. 130.

⁵⁰⁴Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 89—90.

⁵⁰⁵Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). P. 123.

⁵⁰⁶Ibid. P. 126.

⁵⁰⁷Ramsey P. Tudor Economic Problems. P. 130.

⁵⁰⁸Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 30; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 106.

ники не содержат сведений о размерах капиталовложений в торговлю Ричарда Грэшема и Томаса Куртса. Однако картину могут дополнить данные о других олдерменах XVI столетия. Известно, что стоимость движимого имущества бакалейщика Эдуарда Джекмена составляла на момент его смерти в сентябре 1569 г., по меньшей мере, 8 тыс. ф.; богатство суконщика Уильяма Честера в 1559 г. оценивалось суммами от 7 до 15 тыс. ф.⁵⁰⁹ А самый богатый елизаветинский купец Джон Спенсер имел 300 тыс. ф.⁵¹⁰

В то же время сохранившиеся данные о доходности земель торговца предметами роскоши и купца-авантюриста Грегори Ишема заставляют скорректировать оценки П. Рэмси. На момент кончины в 1558 г. доход от земель этого купца составлял 400 ф. ежегодно при вложенном капитале в 8 тыс. ф.⁵¹¹. Следовательно, в этом случае можем говорить о доходности земель в 5%. При этом, что важно, в той же описи зафиксировано кредитов на 6 тыс. ф. и товаров на 15 тыс. ф.⁵¹². Очевидно, что инвестиции в торговлю и доходы, получаемые в этой сфере, значительно превосходили по объему инвестиции и доходы с недвижимости⁵¹³. Надежда на удачное стечение обстоятельств в опасной стихии рынка заставляла купцов пускаться в рискованные торговые предприятия. Выгода была очевидной: успех сулил приумножение богатств, приравтавших в торговых оборотах. Яркий тому пример — суконщик Фрэнси Банэм, олдермен 1568—1576 гг.: своему младшему сыну Бенедикту он оставил по завещанию 2 тыс. 200 ф.; Бенедикт же, продолжая дело отца, столь активно и удачно торговал, что сумел увеличить наследство до 14614 ф., т.е. почти в 7 раз⁵¹⁴.

Л.П. Репина, изучая лондонских землевладельцев начала XV в., обратила внимание на то, что, по крайней мере, половина членов ливрейных компаний, верхушку которых составляли олдермены, вообще не

⁵⁰⁹Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 87.

⁵¹⁰Дмитриева О.В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. С. 66.

⁵¹¹The Inventory of Gregory Isham, 1558 (Appendix I). P. 160.

⁵¹²Ibid. P. 162—165.

⁵¹³По оценке В.И. Рутенбурга, общая для Европы того времени среднегодовая прибыль от торговой деятельности составляла 17,4%, тогда как прибыль от эксплуатации земель — от 8 до 15% в год (см.: Рутенбург В.И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. С. 71—72). Но инвестиции в рискованную сферу внешней торговли и финансов, с чем, прежде всего, и были связаны лондонские олдермены, позволяли при благоприятно сложившейся конъюнктуре получить до 65—69% годовых, а в отдельных случаях даже гораздо больше — 200—300% (см.: Краснова И.А. Деловые люди Флоренции. Ч. 1. С. 49). Пайщики предприятия Ф. Дрейка в 1577—1580 гг. получили 4700% (!) на вложенный капитал (см.: Малаховский К.В. Кругосветный бег «Золотой лани». М., 1980. С. 105).

⁵¹⁴Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 79.

имела никаких земельных владений⁵¹⁵. С. Трапп такое явление казалось парадоксальным. Но, может быть, в условиях лондонской действительности XIV—XVI вв. с бурным развитием товарных отношений, особенно в XVI столетии, вложение денежных средств в земельную собственность не было насущной необходимостью и потребностью для значительной части богатейших горожан? С другой стороны, чем руководствовались те олдермены, которые приобретали земли?

Чтобы ответить на поставленный вопрос и ярче высветить интересы в сфере землевладения и способы их реализации деловыми людьми Лондона, обратимся к деятельности в данной сфере торговцев предметами роскоши и олдерменов второй половины XIV в. Адама Фрэнси и Джона Пайела.

Первые внегородские приобретения Фрэнси относятся ко времени «Черной смерти», что объясняется и колоссальными людскими потерями, приведшими к падению цены на землю, и желанием покинуть пределы тесного города. При этом, в отличие от большинства «коллег», Адам не вернулся в свое родное, но весьма отдаленное от Лондона графство, чтобы купить земли. Земельные приобретения Фрэнси концентрируются в основном в северном Миддлсексе и на юго-западе Эссекса, т.е. в графствах, которые традиционно «кормили» Лондон, а Эссекс (наряду с Кентом, Сурреем, Эссексом и Норфолком) всегда был житницей Англии и основным поставщиком зерна. Не случайно, что среди причин, побуждавших влиятельных и богатых горожан вкладывать деньги в земельную собственность, Е.В. Тушина называет стремление обеспечить себя продуктами питания. Особое значение данный фактор приобрел в результате «аграрного кризиса» середины XIV в., неурожаев, эпидемий, военных столкновений этого столетия⁵¹⁶. Необходимо принять во внимание и еще один фактор, облегчавший проникновение богатых горожан в аграрную сферу: с XIV в. скупка земель происходила по всей Англии, но наибольшее распространение получила на юге и востоке страны, что показывает, насколько эти области уже были втянуты в товарные отношения⁵¹⁷.

Первого февраля 1349 г. Фрэнси приобрел, совместно с Томасом Лэнгтоном, манор Уайк у Джона Костона, лондонского торговца предметами роскоши, олдермена, шерифа 1324—1325 гг.⁵¹⁸, и его жены Евы. Манор состоял из двух усадеб, 149 акров земли, водяной мельницы и рент на сумму 11 ф. 15 ш. 20 п.⁵¹⁹ В последующие 10 лет Фрэнси уве-

⁵¹⁵Репина Л.П. Лондонские землевладельцы начала XV века (по данным налогового списка 1412 года). С. 112.

⁵¹⁶Тушина Е.В. Городское землевладение. С. 284.

⁵¹⁷Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. С. 28—29.

⁵¹⁸Veaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 328.

⁵¹⁹Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 204—208.

личил приобретенные владения за счет участков земли и прочей недвижимости, действуя самостоятельно или через агентов — Николаса атте Уайка и Саймона де Хемптона. В Олд Форде Адам купил усадьбу с садом и огородом, 8 акров земли, 3 акра и 6 рудов (1,5 акра) лугов с прудами, еще один небольшой сад и 3 торговые лавки с комнатами в верхних этажах, располагавшиеся напротив усадьбы⁵²⁰. Владения в Хекни состояли из усадьбы, 82,5 акров и одного руда (0,25 акра) пахотных земель, сада, 63 акров лугов и водяной мельницы⁵²¹; в Степни — из усадьбы, 53,5 акров и 8 рудов (2 акра) пахотной земли, 3 акров лугов и арендуемых хозяйственных и торговых помещений⁵²²; в Тоттенхэме — из 12 акров земли⁵²³. Большую часть земель в Хекни, Степни и Тоттенхэме, как и в случае с манором Уайк, Адам приобрел у богатого и влиятельного лондонца — Уолтера Тарка, торговца рыбой, мэра и шерифа Лондона⁵²⁴.

Затем Фрэнси переключился на восток, за реку Ли до Уэст Хэма и Литона. Уместно отметить, что все основные владения Фрэнси, включая маноры в Эдмонтоне и Энфилде, находились на плодородных лугах долины реки Ли. Эти земли были исключительно привлекательны для Фрэнси в силу того, что служили важнейшими поставщиками продовольствия. В 1357 г. он приобрел манор Хобхэмс у его последнего владельца — сэра Томаса де Хобхэма. Манор состоял из земель в Ист Хэме, Уэст Хэме и Баркине (2 усадьбы, 89,5 акров и один руд пахотной земли, 29 акров и один руд лугов, 40 акров пастбищ, половина акра земли с ветряной мельницей, 7 акров земель с ивняком и болотами, 12 ш. 6 п. ренты, арендованные помещения⁵²⁵) и небольшого участка земли (половина гайды) с постройками и пастбищами в Стрэтфорде⁵²⁶. Как и Уайк, манор Хобхэмс был сформирован в начале века лондонцем Джоном Престоном, богатым канатчиком, олдерменом, мэром Лондона в 1332—1333 гг.⁵²⁷

Упомянутые сделки представляют для нас интерес по нескольким причинам. Во-первых, из-за использования клириков в качестве поверенных (доверителей), во-вторых, благодаря совместным приобретениям и через агентов. Самым востребованным из них был Томас де

⁵²⁰Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 209.

⁵²¹Ibid. P. 210.

⁵²²Ibid. P. 210—212.

⁵²³Ibid. P. 216.

⁵²⁴Barron C. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. P. 329.

⁵²⁵Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 198—202.

⁵²⁶Ibid. P. 198.

⁵²⁷Barron C. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. P. 326.

Лэнгтон, деловой партнер и друг Адама Фрэнси, а также привлекались священнослужители Николас атте Уайк, Томас Пейтшалл и Джон Пити. Именно клирики благодаря своему статусу и репутации часто использовались для сопровождения сделок по передаче собственности и выполнения обязанностей доверителей. Они к тому же, как правило, не имели собственных прямых наследников, что лишь усиливало доверие к ним.

Приобретения Фрэнси также показывают преобладание лондонцев среди людей, скупавших земли в предместьях Лондона. Адам покупал землю там, где до него это делали многие бюргеры. За исключением Ракхолт, эти маноры основывались горожанами задолго до того, как они оказывались у Фрэнси, и передавались они уже как компактные наделы, которые он расширял впоследствии. Графства в целом, и Миддлсекс в особенности, были любимыми местами, где лондонцы предпочитали селиться, а купцы при этом имели возможность вести дела в столице. И поскольку земля в Миддлсексе покупалась и продавалась лондонцами продолжительное время, земельный рынок рос по всему графству, а земельный фонд постепенно распределялся среди богатых купцов, становясь все более их «вотчиной».

Земли в Миддлсексе Адам Фрэнси начинает приобретать с 1351 г. Сначала он совместно с Питером Фэйвлором купил 18,5 акров лугов и 13 акров леса в Эдмонтоне и 4 акра лугов Энфилде⁵²⁸. С этих пор все земли в Эдмонтоне, Тоттенхэме и Энфилде покупались в партнерстве с Фэйвлором, вплоть до его смерти в 1360 г. В марте 1355 г. при участии Фэйвлора было куплено значительное владение в Эдмонтоне, состоявшее из 236 акров пахотной земли, 63 акров лугов, 21 акра пастбищ, трех усадеб и 50 ш. рент⁵²⁹. В июле 1360 г. к этим землям добавились пастбище и ферма⁵³⁰.

Все эти приобретения ранее принадлежали торговцу предметами роскоши Уильяму де Костону, шерифу Лондона и графства Миддлсекс в 1316—1317 гг., одному из самых известных скупщиков земли в данном регионе. Костон покупал землю, часто очень мелкие участки, у разных людей, но чаще у представителей старых местных фамилий, таких как Энсти, Марши и Форды, которые с большим трудом и серьезными издержками приспособлялись к новым условиям.

Еще одним крупным землевладельцем, у которого Фрэнси покупал земли в Эдмонтоне, был Роджер де Дефам, лондонский купец, олдермен 1338—1359 гг.⁵³¹ В декабре 1358 г. Роджер, как и Уильям Ко-

⁵²⁸Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 428.

⁵²⁹Ibid. P. 428—429.

⁵³⁰Ibid. P. 429.

⁵³¹Barron C. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. P. 326.

стон не имевший прямого наследника, продал все земли в Эдмонтоне Томасу де Лэнгтону и Джону Пити, которые в мае-июне 1359 г. передали их Фрэнси и Фэйвлору в пожизненное пользование⁵³². 31 мая 1359 г. у Адама Фрэнси оказалась также часть манора Эдмонтон, в которую входили 2 усадьбы и 320 акров земли с рентами. Эта часть манора была передана в управление Томасу де Лэнгтону и Джону Пити, доверителям Адама, в июне 1359 г., незадолго до смерти его хозяина, Джефффри де Сей. 31 мая 1359 г. доверители «подарили» означенные земли Адаму Фрэнси в пожизненное пользование с последующей их передачей его сыновьям: сначала Адаму-мл., затем Роберту. Дарение было подтверждено наследником Джефффри, Уильямом де Сей, достигшим совершеннолетия в 1361 г. Второго октября 1361 г. Уильям выдал Адаму закладную на манор на 22 года взамен на получение суммы в 1000 фунтов. В период между 1362 и 1369 гг. манор и титул лорда были навсегда переданы Адаму Фрэнси⁵³³.

Приобретение манора Эдмонтон явилось своеобразным механизмом, при помощи которого Адам Фрэнси, этот богатый и влиятельный горожанин, заявил о своих социальных устремлениях.

По самым приблизительным подсчетам, в 1349—1371 гг. Адам Фрэнси приобрел 12 усадеб, 1056 акров пахотной земли, 189 акров лугов, 61 акр пастбищ, 13 акров леса, 4 сада и огород, пруды, две водяные и одну ветряную мельницы, ренты на сумму 11 ф. 77 ш. 26 п., лавки, а также ферму, земли с ивняком, болотами и пастбищами, арендованные хозяйственные и торговые помещения. Сама структура владений Фрэнси позволяет причислить его к ранним джентри XIV в. — «новому дворянству», которое умело приспособлялось к менявшимся условиям, стремилось всячески повысить доходность своих владений.

Обратимся к Джону Пайелу. В 1348 г. умер Джон Пайел-ст., оставивший своему сыну участок земли в Итлинборо⁵³⁴. Это было первое земельное владение Джона Пайела-мл. К сожалению, какие-либо подробности относительно получения данной земли, как, впрочем, и других сделок, картулярий не содержит. Можно лишь констатировать, что в том же году Пайел-мл. совершил ряд незначительных покупок недвижимости в соседних селениях. Он купил 9 акров пахоты, луг, голубятню и пахотную землю в Малом Аддингтоне⁵³⁵, расположенном всего лишь в двух милях к северо-востоку от Итлинборо. Довольно бессистемные приобретения отмечены в последующие годы. Прежде всего,

⁵³²Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 427, 428—429.

⁵³³Ibid. P. 429.

⁵³⁴Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 141.

⁵³⁵Ibid. P. 133.

это покупка 2,5 виргат земли в 1351 г.⁵³⁶, 7,5 акров в 1352 г.⁵³⁷ и усадьбы с еще одной дополнительной виргатой земли в 1354 г.⁵³⁸ Джон также купил совсем небольшие земельные участки в Великом Аддингтоне и деревушках Слиптон и Твайвелл⁵³⁹. Все эти разрозненные покупки, однако, резко контрастируют с его главным приобретением 1348 г. — покупкой манора Крэнсли.

Крэнсли находился на некотором удалении от основного ядра земель Пайела, которые, словно гроздь, были рассыпаны вокруг Итлинборо. Владельцем этого манора, благодаря женитьбе на Элизабет, дочери Хью Крэнсли, был сэр Томас Уэйк, сокольничий короля, участвовавший во Французской кампании (в Креси), во время которой (между 15 марта и 23 октября 1346 г.) он, возможно, скончался. Спустя 2 года, согласно картулярию, эпидемия чумы сразила четырех прямых наследников манориальных владений Крэнсли, и манор вернулся к Элизабет Уэйк. Именно она передала его Джону Пайелу, что подтверждено двумя грамотами, датированными 26 июня и 1 июля 1348 г. соответственно⁵⁴⁰.

Истинные мотивы продажи манора Крэнсли выявить очень сложно. Можно довериться источнику и признать, что наследники действительно скончались в 1348 г., т.е. фактически до пика Черной смерти, которая всей своей мощью обрушилась на Восточный Мидленд ранней весной 1349 года. Но что заставило Элизабет столь стремительно расстаться с наследством своих сыновей? Очевидно, что продажа манора связана с участием сэра Томаса Уэйка-ст. в военной кампании во Франции, подготовка к которой была чрезвычайно дорогостоящей. К сожалению, нет никаких документальных свидетельств, позволяющих оценить состояние экономики манора Крэнсли в интересующий нас период. Однако хорошо известно, что десятилетие перед Черной смертью стало периодом дефляции, падения цен и, соответственно, доходов⁵⁴¹. Нет оснований сомневаться, что в таких условиях необходимость экипироваться для участия в военной кампании за собственный счет становилась крайне обременительной обязанностью для столь мелкого землевладельца, каковым был сэр Томас, и имела губительные последствия из-за изъятия значительной части средств из манориального хозяйства. Совершенно очевидно, что Уэйк-ст. вынужден был искать деньги, чтобы

⁵³⁶Calendar of the Cartulary of John Pyel.

⁵³⁷Ibid. P. 141.

⁵³⁸Ibid.

⁵³⁹Ibid.

⁵⁴⁰Ibid. P. 133—134.

⁵⁴¹Postan M.M. The Costs of the Hundred Years // Past and Present. 1964. № 27. P. 42—44.

сохранить земли в Крэнсли. Одним из его кредиторов стал Джон Пайел: в частности, в июле 1345 г. он предоставил сэру Томасу 40 ф.⁵⁴² Можем предположить, что приобретение манора Крэнсли отчасти связано с необходимостью покрытия долговых обязательств Уэйка-ст. перед Джоном Пайелом.

Помимо Крэнсли Пайел продолжал скупать земли вокруг своего родного селения. В августе 1350 г. он приобрел для себя и своего друга и компаньона Адама Фрэнси земли и строения, включая водяную мельницу, принадлежавшие сэру Роберту Моли, маршалу Ирландии. Вся эта недвижимость находилась в Уэллинборо, расположенном всего в 4 милях к юго-западу от Итлинборо⁵⁴³. В сентябре того же года Пайел вместе с местным францисканцем Джоном де Кетерингом купили крупную собственность в Итлинборо и соседнем с ним приходе Файндон. Эта собственность состояла из 16 жилых домов с хозяйственными постройками и земельными участками, 2 усадеб, 224 акров пахотной земли, луга и пастбища, а также рент на сумму 30 ш.⁵⁴⁴

В том же 1350 г. Джон Пайел и некий Уильям Фримен купили 80 акров земли в Эствике, на самом юго-востоке Нортхемптоншира⁵⁴⁵. Данный земельный участок был полностью изолирован от других земель Пайела, и, скорее всего, его приобретение можно рассматривать как спекулятивное вложение средств с целью последующей перепродажи.

В 1353 г. Джон Пайел приобрел свой второй манор Итлинборо. Аббатство Питерборо держало этот манор от сэра Саймона де Драйтона, представителя старинной рыцарской фамилии Нортхемптоншира. Драйтоны владели здесь одним из трех фьефов манора — фьефом Бэтейл, история которого началась в середине XII в. Тогда он насчитывал 3,5 гайды земли, что в XIII в. соответствовало 1,5 рыцарского фьефа⁵⁴⁶. Сэр Саймон приобрел этот фьеф в 1317 г. за 100 ф. и 10 февраля 1353 г. продал его Джону Пайелу, Адаму Фрэнси и брату Джона, Генри Пайелу. Хотя любопытно, что 24 февраля он предоставил расписку в передаче имущества только Джону Пайелу, который заплатил 200 ф. и дополнительно отдал большую бочку (252 галлона) вина стоимостью 5 ф.⁵⁴⁷

Второй фьеф, оформившийся в XII в., в XIV в. являлся держанием фамилии Сеймур. В 1359 г. Николас Сеймур, лорд замка Кэри в Сомерсете, передал Джону Пайелу в пожизненное владение земли, $\frac{2}{3}$ большо-

⁵⁴²Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 135—136.

⁵⁴³Ibid. P. 137—139.

⁵⁴⁴Ibid. P. 180—181. Сын Кетеринга 17 февраля 1367 г. передал Пайелу свои права на эту собственность в обмен на некие строения в Нортхемптоне.

⁵⁴⁵Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 137.

⁵⁴⁶Ibid. P. 147.

⁵⁴⁷Ibid. P. 142—143.

го, но пришедшего в запустение, с обветшалой крышей, старого жилого дома с хозяйственными постройками и земельным участком и три участка, которые прежде были застроены, а к моменту заключения сделки оказались свободными. Очевидно, что значительная часть фьефа была заброшенной вследствие серьезных трудностей, переживаемых домениальным хозяйством, и нехватки рабочих рук в связи с последствиями Черной смерти. Сеймур, очевидно не располагая необходимыми для восстановления построек средствами, благоразумно предпочел передать эти земли Пайелу.

В 1354 г. Джон Пайел получил права на значительную часть манора Уодфорд. 22 апреля 1354 г. Джон де Бойз, один из владельцев манора, передал его Пайелу в пожизненное владение. Исключение составили земли бенефиция Уодфордской церкви. Спустя 10 дней, 1 мая, де Бойз передал Джону Пайелу и Адаму Фрэнси ежегодную ренту в 20 ф. от земель в Линкольншире в счет покрытия своего долга в 200 ф. Пайелу⁵⁴⁸. В ноябре 1363 г. Пайел получил от де Бойза часть бенефиция Уодфордской церкви и дополнительно половину акра земли⁵⁴⁹. И вновь перед нами знакомая ситуация: долги представителя дворянства, за которые он вынужден отдавать землю предприимчивому купцу.

Кроме того, в ноябре 1359 г. сэръ Томас Босаун, второй владелец манора Уодфорд, передал Адаму Фрэнси и Джону Пайелу ежегодную ренту в 20 ф., которая позже была заменена на ежегодные платежи в 5 ф. или одновременно выплачиваемую сумму в 50 марок, а также право опеки над его сыном и наследником Генри Босауном. Все эти платежи и право опеки были ничем иным как компенсацией сэром Томасом долга в 100 ф. Адаму Фрэнси. Необходимо также учесть, что сэръ Томас Босаун готовился отправиться в паломничество в Иерусалим. По этой причине ему, безусловно, нужны были денежные средства, которые он получил от лондонского купца. Но не менее важно было оставить имущество и сына на попечение надежным людям. 4 декабря 1359 г. Пайел получил права на все товары Босауна в графстве и доверенность на его часть бенефиция Уодфордской церкви⁵⁵⁰.

Затем, в 1365 г. Джон Пайел купил у королевского доверенного право опеки над малолетним Джоном де ла Хэй, которому принадлежала еще четверть манора Уодфорд⁵⁵¹. Джон получил это манориальное владение, состоявшее из двух запашек земли и того, что описано как «четверть доли Уодфордской церкви», в крайне разоренном состоянии. Даже центральный жилой дом и голубятня нуждались в капитальном

⁵⁴⁸Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 146—147.

⁵⁴⁹Ibid. P. 147—148.

⁵⁵⁰Ibid. P. 165.

⁵⁵¹Джону де ла Хэй исполнился всего месяц, когда в 1361 г. умер его отец.

ремонте⁵⁵². Очевидно, что собственность де ла Хэя, как и владение Сеймура в Итлинборо, тоже находилась в запустении.

Возможно, Джон Пайел со свойственной ему предприимчивостью использовал продуманную политику — покупать земли, которые мало или совсем не использовались собственниками, обветшали и соответственно могли быть приобретены по относительно низкой цене. Еще одной его уловкой Пайела, о которой упоминалось выше, было использование долговых обязательств землевладельцев.

20 октября 1357 г. Джон, сын Джона Дандлина, передал Джону Пайелу и его жене Джоан в пожизненное пользование ренту в 10 ф. от земель в Крэнфорде и Ливдене в Нортхемптоншире. На следующий день он и его отец предъявили обязательство в Стаплъ в Вестминстере, согласно которому они задолжали Джону Пайелу 100 марок. В ноябре 1357 г. Джон Дандлин-ст. передал Адаму Фрэнси и Генри Пайелу различные ренты от земель и небольших домов в Крэнфорде и Малом Аддингтоне вместе с 10 акрами луга и пастбища. В июле 1360 г., после длительной и сложной процедуры многократных трансферов, Джон Пайел получил в полное владение манор Крэнфорд⁵⁵³. Спустя несколько дней, 25 июля 1360 г., Ричард Брайан и Уильям Фримен, держатели Джона Дандлина, передали остальные земли в Крэнфорде и Ринстедде Джону Пайелу. В сентябре 1360 г. Пайел сдал этот манор в аренду все тому же Джону Дандлину и его супруге на условии выплаты ренты в 18 ф. в первый год и 5 ф. ежегодно в последующее время⁵⁵⁴.

Как следует из картулярия, Джон Дандлин был оштрафован на 100 ф. в 1352 г. за некое преступление, был вынужден выплачивать по 10 марок в год и к 1358 г. еще имел задолженность. Также он был вынужден выплатить в полном объеме свой взнос в трехгодовой субсидии, предоставленной в 1352 г. Кроме того, Дандлин задолжал 20 ф. аббату Питерборо, который выплатил в течение трех лет 10 марок штрафа от его имени. Второго декабря 1359 г. Пайел предоставил в суд по делам казначейства две расписки о погашении долга на 20 ф. каждая, чем сократил оставшуюся часть штрафа Дандлина за преступление с 73 ф. 6 ш. 8 п. до 33 ф. 6 ш. 8 п. Аббат Питерборо переслал Пайелу на Рождество 1359 г. долговой счет Дандлина, и на Пасху 1360 г. Пайел выплатил 10 ф. аббату от имени Дандлина⁵⁵⁵. К июлю Пайел получил манор в полную собственность.

Вскоре, в 1361 г., Пайел приобрел свой последний манор — Садборо. В отличие от других маноров, являвшихся, за исключением Крэнсли, вла-

⁵⁵²Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 127.

⁵⁵³Ibid. P. 155—156, 157—158.

⁵⁵⁴Ibid. P. 173.

⁵⁵⁵Ibid. P. 172—173.

дением Питерборо, Садборо принадлежал Вестминстерскому аббатству, которое получило его еще от Эдуарда Исповедника. Как и большинство других маноров, о которых уже шла речь, Садборо состоял из нескольких владений. В конце XIII в. этот манор был держанием сэра Реджинальда Уотермила, который разделил его среди трех своих дочерей. Но две части манора были воссоединены в середине XIV в. Саймоном де Драйтеном, который в 1350 г. стал доверительным собственником⁵⁵⁶.

В январе 1358 г. манор Садборо, а точнее его $\frac{2}{3}$, которые держал Драйтон, перешли к Уильяму Мэлори⁵⁵⁷, представителю одной из знатнейших фамилий Нортхемптоншира. Очевидно, что Мэлори испытывали серьезные финансовые затруднения. В июне 1358 г. Уильям и Анкетин Мэлори признали долг Пайелу в 200 ф., в погашение которого Уильям был вынужден выплачивать ежегодно по 20 ф. из доходов с земель в Садборо и с других владений в Нортхемптоншире⁵⁵⁸. Кроме того, $\frac{1}{3}$ манора, которая не принадлежала Саймону де Драйтону, была унаследована Уильямом ле Zouche, архиепископом Йоркским, и от него перешла к Анкетину Мэлори, который в картулярии назван «братом архиепископа»⁵⁵⁹. Казалось, что Пайел не проявляет никакого активного интереса к этой части манора. Так или иначе, Уильям Мэлори, который был в состоянии осуществлять платежи, передал Садборо Джону Пайелу в апреле 1361 г., а в 1362 г. Пайел приобрел остальные земли и ренты этого манора⁵⁶⁰.

За исключением небольших покупок земли, главным образом в Итлинборо, последняя из которых была совершена в 1374 г., приобретение манора Садборо завершило формирование всей конструкции недвижимости Пайела. Можем отметить, что он приобрел помещения в Хайем Феррерс, земли в Ринстеде и Раундсе⁵⁶¹. Все эти три прихода непосредственно примыкали к Итлинборо, при этом Раундс и Хайем составляли часть родовых владений герцога Ланкастерского.

Таким образом, очевиден интерес богатого лондонского купца Джона Пайела к земельной собственности в его родном графстве Нортхемптоншир. Отчасти это можно объяснить особой привязанностью к своей малой родине: даже добившись общественного признания, высокого социально статуса в столичном сообществе, Пайел сохранял теснейшую связь с местом, где родился, где жили его предки. Но не менее важное значение имели соображения престижа: скупка земельных

⁵⁵⁶Calendar of the Cartulary of John Pyel. P. 118—119.

⁵⁵⁷Ibid. P. 49—50.

⁵⁵⁸Ibid. P. 121.

⁵⁵⁹Ibid. P. 121.

⁵⁶⁰Ibid. P. 121—122.

⁵⁶¹O'Connor S.J. Biographical Background: John Pyel. P. 53, 74—76.

участков являлась одним из способов приобрести влияние и власть, произвести впечатление на общество, в котором традиционно высоко ценились знатность происхождения и обладание землями⁵⁶².

Необходимо учитывать также, что развитие города происходило в условиях общества, где возможности вложения значительных средств в ремесло, торговлю и кредит были ограничены рамками мелкого производства, узостью рынка. Земля оставалась главной формой общественного богатства. В таких условиях избыточные средства вынуждены были постоянно перетекать в сферу землевладения, которое в городе превращалось во владение домами. Земля в XIV—XVI столетиях оставалась наиболее устойчивым видом собственности, объектом наиболее надежного помещения капитала, позволявшим получать регулярный доход. Как отмечает И.А. Краснова применительно к реалиям Флоренции XIV—XV вв., земельные фонды в большинстве случаев играли роль не столько источника наживы, сколько гарантии капитала, вложенного в торговлю и производство: на земельном имуществе основывался принцип ответственности в компаниях, оно выступало в качестве залога, под который брали кредит, и средства возмещения долгов, создавало материальную базу репутации, необходимой для получения кредита⁵⁶³. Можно утверждать, что все это применимо и к реалиям Лондона XIV—XVI столетий. Экономический и социальный риск профессии заставлял даже самых богатых купцов помещать деньги в более обеспеченную и стабильную сферу землевладения.

В XVI в. действовал еще один фактор, стимулировавший приобретение земли купечеством, — увеличение ценности земельной собственности, вызванное несколькими причинами. Во-первых, следует учитывать устойчивый рост численности населения Англии на протяжении всего столетия: если в начале века она составляла приблизительно 2,5—3 млн. человек, то в конце — 4,1 млн., причем пятая часть проживала в городах⁵⁶⁴. Во-вторых, сказывалось влияние роста цен в течение всего XVI столетия: в начале века он был следствием финансовой политики государства и порчи монеты, а с середины века в Англии, как и всюду в Европе, стало ощущаться влияние «революции цен», которая вызвала подорожание продуктов питания и сельскохозяйственного сырья. В-третьих, напомнили о себе многолетние неурожаи, породившие нехватку продовольствия в стране: голод и дороговизна охватили почти все графства Англии, что устраивало предпринимателей, поставлявших на рынок зерно, мясо, молоко и другие продукты. Во многих случа-

⁵⁶²Horrox R.E. The Urban Gentry in the Fifteenth Century. P. 22; Hunt E.S., Murray J.M. A History of Business in Medieval Europe, 1200—1550. P. 53.

⁵⁶³Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV—XV вв. Ч. 1. С. 45.

⁵⁶⁴Clarkson L.P. The Pre-Industrial Economy of England, 1500—1750. P. 26.

ях земля являлась гарантией выживания в условиях часто случавшихся неурожаев. В совокупности перечисленных факторов заключается причина интереса богатых лондонцев к земельной собственности.

Таким образом, признавая первостепенную роль торгово-финансовой деятельности в структуре хозяйственных занятий деловых людей Лондона, необходимо отметить, что многие из них были также земельными собственниками и владельцами разнообразной недвижимости в городе и различных графствах Англии. Есть все основания говорить о том, что применительно к городу речь должна идти, скорее, о домовладении, преимущественно коммерческом по своему характеру.

Можно выделить три категории владельческих прав купцов на недвижимость: феодал (об особенностях которого говорилось выше), аренда и частная собственность (при безусловном укреплении двух последних на протяжении XIV—XVI вв.). Основными путями приобретения недвижимости лондонскими деловыми людьми и в городе, и за его пределами в течение всего рассматриваемого периода были покупка, наследование и женитьба на богатых наследниках.

Социальное поле для взаимодействия столичных купцов-олдерменов в сфере землевладения было достаточно широким, включая представителей различных категорий горожан (купцы, мелкие торговцы, ремесленные мастера), дворянства, церкви и монастырей. При этом хотелось бы отметить, что олдермены отчасти сами создавали для себя довольно опасных конкурентов, особенно в лице церкви и монастырей. Ведь они сами, осуществляя многопрофильную и масштабную торговлю в городе и далеко за его пределами, выступая в роли кредиторов, остро нуждались в денежных средствах, им самим были крайне необходимы верфи, товарные склады, многочисленные лавки, винные погреба, жилые помещения и прочие имущества. Отсюда, на наш взгляд, проистекают причины неизбежного конфликта между церковниками, монахами и столичными олдерменами. И конфликт этот в значительной мере проявил себя уже со второй трети XVI в., когда богатейшие купцы, кредиторы и собственники Лондона активно включились в широкомасштабные мероприятия королевской власти по распродаже секуляризованных церковных и монастырских владений. Для олдерменов важнее было получить дополнительные ресурсы и возможности для увеличения богатств, для расширения торговли. В любом случае на первый план вышли именно профессиональные интересы богатейшего столичного купечества.

Важное значение при определении социального облика деловых людей, в том числе лондонских олдерменов как представителей городской правящей элиты, имеет вопрос о соотношении активных форм коммерции и владения землей, о преобладании той или иной деятельности.

В конечном счете, именно «городские» занятия, связанные с торговлей, кредитованием, коммерческим использованием недвижимости, в первую очередь определяют социальный портрет деловых людей Лондона и основу их экономического могущества, а лишь затем — связь с землей (тем более что многие из олдерменов, по крайней мере, в XV в., вообще ее не имели).

Безусловно, полностью игнорировать значение земельной собственности и определенные тенденции к аноблированию при характеристике лондонской деловой среды невозможно. Купцы-олдермены были склонны подчеркнуть свое богатство и возросшую социальную значимость, встать на один уровень с дворянством, что является предметом специального исследования.

Глава IV
Социальные устремления,
ценностные ориентиры
и частная жизнь
деловых
людей

§1. Купцы-джентльмены Лондона

По наблюдению С. О'Коннора, «одним из общепризнанных фактов английской социальной истории является традиционно претенциозное желание успешных купцов стать джентльменами»¹, повысив, таким образом, свой социальный статус, определявшийся в XIV в. и в последующие столетия совокупностью факторов. К их числу относятся: уровень годового дохода и владение землей; непосредственное участие в местном самоуправлении (в том числе в качестве шерифа), что обеспечивало человеку достойную репутацию в определенном локальном сообществе; происхождение из соответствующей фамилии (дворянство «по рождению», «по крови»)². Отметим, что последний критерий не был определяющим даже в условиях английских реалий XIV в., не говоря уже о XV—XVI вв., когда на первый план вышли, во-первых, обладание земельной собственностью (значение этого фактора резко повышается, особенно в XVI столетии) и высокий уровень годовых доходов (получаемых не только и не столько от эксплуатации земли, сколько от торгово-предпринимательской деятельности); во-вторых, гражданская и судебно-юридическая служба³.

Как следует из ранее рассмотренного материала, все перечисленные критерии в полной мере применимы к столичным деловым людям. Соприкасаясь с феодальными кругами, включая королей, церковных иерархов и дворян разных титулов и званий, богатейшие купцы-олдермены, осознававшие свою финансово-экономическую и общественно-политическую значимость, стремились стать на один уровень с дворянством. Ярчайшие примеры — Адам Фрэнси, торговец предметами роскоши XIV в., олдермен 1352—1375 гг., дважды избиравшийся мэром Лондона, представлявший интересы столицы на шести парламентских сессиях⁴, и олдермен 1547—1554 гг., преуспевающий суконщик и купец-авантюрист Джон Лэмбард.

Адам потратил около 12 лет (1358—1369 гг.) на приобретение манора Эдмонтон в Миддлсексе у лорда Джеффри де Сей и его наследников. В 1369 г. этот манор и, что крайне важно, титул лорда были переданы Адаму Фрэнси⁵. Получение титула лорда стало для Фрэнси общественно значимым событием и реализацией социальных амбиций лондонского купца и олдермена в обществе, в котором традиционно высоко

¹ O'Connor S. Adam Fraunceys and John Pyel: Perceptions of Status Among Merchants in Fourteenth-Century London. P. 17.

² Ibid. P. 18—19.

³ Warnicke R.M. William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536—1601. P. 4, 12.

⁴ Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 387.

⁵ Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys. P. 429.

ценились знатность происхождения и обладание землями⁶. Показательно, что его сын и наследник, которого звали тоже Адам, торговец предметами роскоши, большую часть времени проводил во владениях в Эдмонтоне, предпочитая вести образ жизни сельского джентльмена⁷.

Джон Лэмбард за несколько лет (1540—1548 гг.) истратил 1900 ф. на приобретение земли и недвижимости в Лондоне и в графствах Англии, «продемонстрировав окружающим свою материальную состоятельность и социальные амбиции»⁸. Последняя покупка (это был манор Уэсткомб в Восточном Гринвиче, графство Кент) дала ему право подать на Высочайшее имя прошение о получении дворянского титула. И, заметим, он сделал это, заплатив совсем немалые деньги: по разным оценкам, 300 или 500 ф.⁹

Фактически приведенные выше примеры подтверждают тот факт, что в Англии XIV—XVI вв. наблюдалось пополнение локальных сообществ джентри выходцами из богатого купечества, и позволяет отметить четко обозначившуюся тенденцию к аноблированию в среде лондонских купцов.

Богатые и влиятельные лондонски купцы и в повседневной жизни стремились подражать дворянству. Прежде всего, это проявляется в одежде, которой, так же как еде и жилищу, придавалось социальное значение¹⁰, и в некоторых развлечениях. Вопрос о том, как и во что одеваться, был непосредственно связан с проблемами социального статуса и морали: каждый человек должен был носить одежду, соответствующую его положению и не оскорбляющую общественную нравственность. Вид и объем ткани, расцветка, разнообразие узоров и аксессуаров, количество деталей костюма — все свидетельствовало о положении личности внутри определенной группы и о месте этой группы в обществе. Таким образом, платье не только согревало и украшало человека, но и показывало положение человека на социальной лестнице, а также степень его достатка. Отсюда стремление средневекового человека, и горожанина в том числе, «выразить себя» через костюм, не считаясь с затратами. Костюм, кроме того, многое мог поведать о своем хозяине — о его склонности производить впечатление или о его гордыне и спеси. Будучи неотъемлемым компонентом повседневной жизни

⁶ Horrox R.E. *The Urban Gentry in the Fifteenth Century // Towns and Townspeople in the Fifteenth Century / Ed. by J.A. Thomson. Gloucester, 1988. P. 22; Hunt E.S., Murray J.M. A History of Business in Medieval Europe, 1200—1550. P. 53.*

⁷ O'Connor S.J. *Genealogies: The Fraunceys Family // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 95.*

⁸ Warnicke R.M. *William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536—1601. P. 3.*

⁹ Прощение олдермена было удовлетворено в 1553 г., за год до его кончины (Ibid. P. 4—5).

¹⁰ Подробно об одежде средневековых горожан см.: Kenyon Sh. *Everyday Life in the Middle Ages. Cincinnati, Ohio, 2000. P. 19—20.*

ни человека — его быта, окружающего его мира вещей, — одежда вместе с тем запечатлевает в себе явления более высокого уровня, принадлежащие сфере сознания и поведенческих форм¹¹.

Из завещаний купцов можно составить примерное представление о том, какую одежду носили богатые горожане Лондона. Генри Бартон оставил «роскошное одеяние из черного бархата с золотой вышивкой и украшенное перьями и жакет из красного бархата»¹². Уильям Грегори носил одежды, «отделанные мехом и на подкладочном материале»¹³. В описи имущества Джона Оливера упоминаются чулки, чепцы, камзол из черного вельвета, меховые шкурки¹⁴.

И купцы Сели в своей переписке немало внимания уделяют вопросам пополнения и обновления гардероба. Роберт Рэдклиф в письме Джорджу Сели в Кале от 11 декабря 1478 г. высказывает просьбу: «... если Вы сможете найти меховую подкладку с остриженными хвостами для длинной одежды, я прошу Вас купить ее для меня...»¹⁵. Р. Колдуэйл в письме к Джорджу Сели, написанном 21 сентября 1479 г., просит: «Милостивый кузен, я обращаюсь к Вам с просьбой послать мне <...> каракулевый мех для моей жены, а белчий — для меня...»¹⁶ А далее — любопытное уточнение, явно свидетельствующее об интересе к женской моде: «прошу Вас купить цветной каракуль <...> для моей жены»¹⁷. И Томас Грейнджер в письме к Джорджу Сели, отправленном из Кале в Брюгге 20 октября 1479 г., просит: «...сэр, Вы должны получить <...> Вашу одежду, отделанную лисьим мехом...»¹⁸.

Одежда, видимо, была очень ярких цветов. Не случайно ведь купец настоятельно просит приобрести именно цветной каракуль для супруги. Об этом можно судить также по цвету и отделке плащей, которые украшали по-разному: вышивали, подбивали мехом или другим цветным сукном. Горожане стремились не отстать от феодалов в роскоши своей одежды, и украшали ее дорогими мехами, драгоценными камнями, золотом и серебром. Страсть к роскоши дошла до того, что во времена Эдуарда IV, в 1463 г., был принят закон, регулировавший расходы на одежду. По этому закону мэрам, шерифам и олддерменам разрешалось носить только мех куницы и белки, а их слугам — ливреи, подби-

¹¹ Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. С. 347.

¹² Calendar of Wills. Vol. 2. P. 477—479.

¹³ Ibid. P. 546.

¹⁴ Calendar of Plea (1413—1437). P. 2—5.

¹⁵ Letter № 42 // The Cely Letters. P. 39—40.

¹⁶ Letter № 60 // Ibid. P. 56.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Letter № 64 // Ibid. P. 58—59.

тые недорогоим мехом. При этом мэр должен был тратить в год не более 6 ф. 13 ш. 4 п., шериф — 5 ф., рикордер и городской клерк — не более 6 ш. 8 п., оруженосец мэра — 4 ш.¹⁹

Популярностью в богатой купеческой среде, судя по переписке Сели, пользовалась охота — традиционно дворянское занятие. Видимо, членам этого семейства не чуждо было стремление уподобить свой образ жизни дворянскому. Благо, что возможности для этого имелись. Особенно большими любителями и ценителями охоты были братья Джордж и Ричард Сели. Именно им предназначены письма, в которых речь идет об этом пристрастии: о конях, гончих собаках, оленях, фазанах и соколах. Так, Ричард Сели-мл. сообщает Джорджу в Кале 26 марта 1478 г.: «...Сэр, твоя лошадь в хорошей форме <...> 22 марта я видел в нашей пшенице трех больших оленей, каких никогда в жизни не встречал, и вечером этого же дня я слышал фазаний крик. Наши щенки хорошо растут, и Экстер догоняет гончую. У него хороший нюх...»²⁰. И Уильям Марион 8 ноября 1478 г. известил именно Джорджа и Ричарда Сели-мл., находившихся в то время в Кале, о том, что «...сокол Ричарда Сели <...> погиб из-за плохой кормежки <...> Поэтому, мой господин, Ваш отец хотел бы, чтобы Ричард Сели привез другого сокола, если Вы можете купить в Кале за 8 или 9 шиллингов...»²¹. Письма Ричарда Сели-мл. Джорджу Сели в Кале, отправленные из Лондона 9 апреля 1479 г. и 5 ноября 1481 г., напротив, исполнены радости и надежд на успешную охоту: «...Твоя лошадь в хорошей форме, до твоего отъезда она прихрамывала, но мы ее полечили, и она здорова и игрива...»; «...Я узнал, что у тебя хороший сокол. Я рад этому, поскольку надеюсь, что Бог даст нам с тобой хорошую охоту...»²².

Попытаемся, насколько это позволяют наши источники, выяснить, в каких формах и масштабах происходило аноблирование богатейшего купечества Лондона.

Знакомство с опубликованными архивными материалами дает возможность отметить любопытное явление, отражающее процесс проникновения купечества в дворянское сословие, — посвящение в рыцари. Уже в ноябре 1282 г. уровень годового рентного дохода, в том числе для представителей купечества, наличие которого обязывало принять звание рыцаря, составлял 20 ф.; при Эдуарде II он вырос до 50 ф., а затем, при Генрихе IV, был установлен в 40 ф.²³ Каждый собственник

¹⁹ Statutes of the Realm of England. Vol. 2. P. 40.

²⁰ Letter № 19 // The Cely Letters. P. 18.

²¹ Letter № 39 // Ibid. P. 35—36.

²² Letters №№ 47, 133 // Ibid. P. 43—44, 119—120.

²³ Letter-Book I (1400—1422). P. 90; Letter-Book K. (1422—1461). P. 113; *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500)*. P. 275—276. Уже в 1295 г. размер дохода, получаемого с земель и в виде рент, был повышен до 40 ф., в 1297 г.

земли и рент, каково бы ни было его социальное происхождение, при наличии такого годового дохода был обязан получить, а точнее — приобрести за деньги, звание рыцаря и войти в состав дворянства²⁴.

В реальной жизни это предписание не всегда воспринималось как высокая честь, но зачастую — как весьма обременительная обязанность. Ведь за получение рыцарского звания нужно было платить (и немалые деньги!), а это дополнительные расходы, на которые шли далеко не все, кому это было положено, и далеко не всегда. Королевская же власть была заинтересована в привлечении в ряды рыцарства как можно большего числа зажиточных людей, поскольку это способствовало увеличению денежных поступлений в казну за счет продажи дворянского звания. Необходимо учитывать и то, что особенно во второй половине XV в. и в XVI в. постоянно возникала потребность в восполнении дворянства, в том числе высшего, за счет «денежных мешков» города вследствие частичного истребления рыцарства и аристократии в ходе Войн Роз²⁵, Реформации и попыток реставрации католицизма.

королевская власть вновь вернулась к прежним 20 ф., видимо, столкнувшись с острой нехваткой желающих и имевших соответствующую материальную возможность вступить в ряды рыцарства. В 1300 г. размер земельного дохода был увеличен до 40 ф., а в 1316 г. — до 50 ф. (см.: *Coss P. Knight in Medieval England 1000—1400*. P. 103).

²⁴ Писарев Ю.И. Место служилого рыцарства в социально-политической жизни Англии XIV века // Средние века. 1973. Вып. 37. С. 85; *Denholm-Young N. The Country Gentry in the Fourteenth Century*. Oxford, 1969. P. 15—17.

²⁵ В связи с этим представляется небезынтересным вывод, к которому пришел А.Г. Румянцев, исследовавший английскую титулованную знать XV в. в контексте темпов и характера перемен в ее персональном составе. Можно уверенно утверждать, пишет автор, — что в целом «тезис о вымирании старой знати, так прочно вошедший в историографию и используемый чуть ли не как главное доказательство радикальности перемен в верхах английского позднесредневекового общества, на деле порожден мифом» (*Румянцев А.Г. Английская социальная элита в XV веке. Демографические проблемы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук*. СПб., 2003. С. 16). В подтверждение данного вывода исследователь приводит следующие данные, которые, как нам кажется, лишь подтверждают устоявшийся в историографии тезис. С 1399 по 1485 гг. вследствие гибели в войнах и смутах XV в. число семей старой знати сократилось с 87 до 40 (на 53%). Из 335 вовлеченных им в подсчеты титулоносителей погибли 88 человек (из них 50 — в период Войн Роз). Однако обрыв по мужской линии или полное вымирание рода по причине насильственной смерти аристократа произошли в 23 семьях, т.е. в каждой четвертой из всех 88 вымерших семей. Убыль в среде высшей знати составила 50% (с 18 до 9 семей). Что касается старых баронских семей, то в течение 1399—1485 гг. их число сократилось с 71 до 29, т.е. на 59%. Из 33 новых баронских фамилий до 1486 г. дожили 16, а из 21 новой семьи грандов (герцогов, маркизов, графов, виконтов) уцелело 13 (Там же. С. 12—15). Все эти цифры являются ярким подтверждением острой необходимости в восполнении английского дворянства на протяжении драматического XV в.

В этой связи О.В. Дмитриева отмечает, что если в прежние времена молодого человека благородного происхождения по достижении зрелости мог посвятить в рыцари отец или непосредственный командир на поле битвы, то к XVI в. — это прерогатива короны, которая жестко контролировала общее количество рыцарей. пожалование звания удостоверялось королевской грамотой с государственной печатью, а новый герб утверждался и регистрировался в герольдии²⁶.

О постоянном внимании короны к данному вопросу свидетельствуют многочисленные королевские указы и прокламации, появлявшиеся на протяжении XIV—XVI вв. В наших источниках удалось обнаружить 10 таких документов: четыре относятся ко времени правления Эдуарда III Плантагенета (1327—1377), один — Генриха IV Ланкастера (1399—1413), один — Генриха VI Ланкастера (1422—1461) и четыре — Генриха VII Тюдора (1485—1509)²⁷. Согласно королевским предписаниям, все, кто располагал годовым доходом в 40 ф., обязаны были явиться в суд лорда-канцлера Англии и получить титул рыцаря. Однако сам факт неоднократного появления практически одинаковых по содержанию указов говорит о том, что они оставались без должного внимания, королевские требования зачастую не выполнялись. Видимо, поэтому королевская власть вынуждена была специально предписывать шерифам «сообщать имена людей», доходы которых позволяют им стать рыцарями. Причем, от указа к указу меняется сама тональность обращения короля: если Эдуард III «уговаривал», то Генрих VII уже открыто угрожал, предписывая всем, кому надлежит это сделать, стать рыцарями «под угрозой риска для жизни» и уплаты весьма внушительного штрафа в 200 ф.²⁸

И все же купцы, по всей видимости, не спешили вступать в ряды рыцарства. Материальные затраты на приобретение рыцарского звания, очевидно, не были популярны среди богатейших представителей лондонского общества. Как не получили распространения в олдерменской среде, по крайней мере в XIV в., рыцарские турниры и рыцарственная культура²⁹. В этой связи небезынтересен отчет шерифов Лондона, представленный Эдуарду III в июле 1344 г.: «В результате расследования, проведенного под присягой среди добрых людей, как будто бы обязанных принять рыцарское достоинство, установлено, что все строения и

²⁶ Дмитриева О.В. Английское дворянство в XVI—начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство XVI—XVII вв.: Границы сословия / Отв. ред. В.А. Ведюшкин. М., 1997. С. 20—21.

²⁷ Letter-Book F (1337—1352). P. 105; Letter-Book G (1352—1374). P. 64, 68; Letter-Book I (1400—1422). P. 90; Letter-Book K (1422—1461). P. 113; Tudor Royal Proclamations. P. 10—11, 54—55, 59.

²⁸ Tudor Royal Proclamations. P. 11, 54, 59.

²⁹ Coss P. Knight in Medieval England 1000—1400. P. 125.

ренды в Сити, находящиеся в собственности короля, являются свободным городским держанием; но нет здесь никого, кто имел бы постоянный доход в 40 ф. от земли и рент. Причиной тому являются следующие обстоятельства: строения в Сити иногда сдаются в наем, иногда стоят неиспользуемые, а зачастую нуждаются в ремонте. В силу этого, а также вследствие пожаров и прочих бедствий невозможно установить их реальную стоимость и доходность. Что касается земель, которыми горожане владеют за пределами нашей юрисдикции, то присяжные не могут получить информацию об их ежегодной доходности»³⁰. Выискивались любые причины для того, чтобы не нанести урона материальному благополучию «добрых людей» Лондона. Да и трудно представить, чтобы не использовались помещения в самом центре столицы, которые должны были приносить солидные доходы своим владельцам.

С другой стороны, звание рыцаря обеспечивало высокую степень почета и уважения в обществе. Этого не могли не осознавать богатейшие купцы. Ведь благодаря институту рыцарства многие купеческие фамилии продвигались в верхние ряды джентри, занимали более высокое место в социальной иерархии. Это обстоятельство представляется необычайно важным в силу иерархичности средневекового общества. Иерархизм наряду с символизмом составляют своеобразную формулу средневекового мировоззрения и всей средневековой культуры. По выражению П.М. Бицилли, «...Средневековье создало иерархическое общество, иерархию чинов духовных и светских, иерархию общественных союзов, корпораций, “университетов”, образующих вместе общую *universitas*, христианско-феодальный мир. Иерархизмом проникнут весь социальный уклад средневековья...»³¹. Иерархичность общественного устройства в Средние века проявлялась многопланово и многогранно. Во-первых, эта иерархия была всеобщей, включала каждого человека; во-вторых, выражалась в виде системы сословно-правовых структур и страт; в-третьих, она была политико-юридически оформлена, закреплена в виде комплекса этико-правовых норм и привилегий; в-четвертых, меж- и внутрисословные отношения выступали в персонифицированной форме³².

Становясь рыцарями, наиболее богатые и влиятельные горожане пополняли ряды «нового дворянства», что отчасти способствовало количественному росту и качественному изменению данной общественной группы, а также повышению социального статуса представителей купечества. Безусловно, это обстоятельство должно было привлекать

³⁰ Letter-Book F (1337—1352). P. 105.

³¹ Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 14—15.

³² Сванидзе А.А. Живые общности, общество и человек в средневековом мире Европы // Социальная идентичность средневекового человека / Отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М., 2007. С. 295.

деловых людей, которые стремились смягчить сословные перегородки, отделявшие их от знати. Не случайно и показательно, что представители городской элиты всячески подчеркивали благородство своего рода, обзаводились фамильными гербами: почти каждое завещание лондонских олддерменов XIV—XVI вв. содержит подробное описание семейного герба, изображение которого помещали на щитах, одежде, особо ценных кубках, блюдах и чашах.

Интересные сведения, характеризующие английское рыцарство, позволяющие проследить тенденции развития этой социальной группы и возможности для взаимодействия с недворянскими сообществами, можно почерпнуть из исследований британских авторов. По данным П. Косса, в списках, составленных в 1324 г. шерифами графств и предназначенных для короны, значилось 1150 рыцарей и 950 оруженосцев³³. Н. Денхольм-Юнг полагает, что в конце XIII в. в Англии насчитывалось 1,5 тыс. рыцарей и 3 тыс. лиц, равных им по доходам, но не имевших этого звания; в 1570—1580-е гг. таких людей насчитывалось уже 5 тыс., но главное — ниже них находился многочисленный слой нетитулованных сельских джентльменов³⁴.

Таким образом, социальная иерархия внутри дворянства заметно усложнилась к XVI в. Вместо двух основных ступеней — баронов и рыцарей — теперь насчитывалось, по меньшей мере пять: ниже крупной знати стояли высшие рыцари, затем — просто рыцари, эсквайры и джентльмены³⁵. На протяжении XIV—XV вв. происходило все более интенсивное «облагораживание» двух низших ступеней иерархии, что постепенно закреплялось в юридическом и сословном плане: строго определялось место каждого из ее рангов в обществе в зависимости от размеров земли и получаемых доходов. Количественный рост дворянства в рассматриваемый период сопровождался увеличением богатства и социального престижа рыцарей, эсквайров и джентльменов, ряды которых в основном и дополняли деловые люди Лондона, включая олддерменов. Отсутствие резкой оппозиции и неприятия между мелким и средним дворянством — джентри и неблагородными сословиями, общность экономических, а зачастую и политических интересов создавали благоприятные условия для

³³ Coss P. Knight, in *Medieval England 1000—1400*. P. 84.

³⁴ Denholm-Young N. *The Country Gentry in the Fourteenth Century*. P. 16. В течение XIV в. происходила дальнейшая иерархизация структуры земельных собственников, стоявших ниже магнатов. Именно в это время профессионально-военное определение «оруженосец» превратилось в почетный титул «эсквайр», свидетельствовавший о благородном происхождении и богатстве его обладателя и дававший ему право на свой герб. А в XV в. в Коллегии герольдов и джентльмены получили право на титул и герб (см.: Mingay G.E. *The Gentry: The Rise and Fall of Ruling Class*. P. 4—5).

³⁵ Гутнова Е.В. Влияние экономической эволюции на изменения в социальной иерархии в Англии XIV—XV вв. // *Средние века*. 1983. Вып. 46. С. 45—46.

развития предприимчивости самого дворянства и пополнения его наиболее жизнеспособными, городскими, элементами. Постоянно обновляясь благодаря притоку сильных и честолюбивых представителей других социальных групп, прежде всего, верхушки горожан и фригольдеров, английское дворянство отличалось особой мощью, гибкостью и способностью приспосабливаться к меняющимся условиям. По мнению Е.А. Косминского, и горожане, и рыцари представляли в феодальном обществе «элементы буржуазного брожения, зародыши капиталистического развития»³⁶. Союз этих двух социальных сил во многом определил последующее интенсивное развитие раннего капитализма в Англии.

Существовал еще один способ получения рыцарского звания, не связанный с его покупкой. Это посвящения в рыцари, осуществлявшиеся короной. Именно так становились рыцарями известные нам лондонские олдермены. В XIV в. рыцарское звание получили 10, в XV в. — 30, а в XVI в. — 98 олдерменов³⁷. Распределение их по ливрейным компаниям представлено в таблице⁹³⁸.

Таблица 9

Лондонские олдермены — рыцари

Профессиональная принадлежность	Количество олдерменов		
	XIV в.	XV в.	XVI в.
бакалейщики	2	5	11
галантерейщики	—	1	15
купцы-сукноделы	—	—	6
меховщики	—	1	6
суконщики	2	7	15
торговцы вином	—	—	2
торговцы готовым платьем	—	2	9
торговцы железными изделиями	—	—	5
торговцы предметами роскоши	2	8	19
торговцы рыбой	1	1	2
торговцы солью	—	—	3
ювелиры	2	3	5
прочие	1	2	—
Всего:	10	30	98

Как видно из таблицы, число олдерменов, ставших рыцарями, возрастало из века в век. Во многом это связано с ростом их богатства и вли-

³⁶ Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. С. 455.

³⁷ Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 171—404; Vol. 2. P. 1—39; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 321—369.

³⁸ Составлена по: Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 171—404; Vol. 2. P. 1—39.

яния, с соображениями престижа, со стремлением королевской власти пополнить казну и увеличить социальную опору своей власти. Немаловажно, что в рыцарскую среду в наибольшем количестве входили олдермены из самых могущественных и влиятельных ливрейных компаний: торговцев предметами роскоши, суконщиков, бакалейщиков, галантерейщиков, торговцев готовым платьем. Именно эти наиболее богатые компании были полнее всего представлены в лондонском муниципалитете.

Важно выяснить, за какие заслуги некоторые олдермены получали рыцарское звание. Сведений на этот счет чрезвычайно мало, тем большую ценность они представляют. Известно, что бакалейщики Джон Филпот, с 1371 г. поверенный в делах сэра Ричарда, герцога Арундела, его коммерческий агент в Лондоне и финансовый советник³⁹, и олдермен 1372—1388 гг. Николас Брембр, один из крупнейших кредиторов короля, активный участник политических событий в столице 70-х—первой половины 80-х гг. XIV в.⁴⁰, были посвящены в рыцари в 1381 г. за участие в подавлении восстания Уота Тайлера. В том же году рыцарского звания удостоились: бакалейщик Уильям Уолворт, ювелиры Николас Твайфорд и Роберт де ля Лаунд. Суконщики сэр Томас Кук, олдермен 1456—1471 гг., лидер йоркистов в Сити, и Ральф Джосселин, олдермен 1456—1478 гг., также сторонник Йорка, получили звание рыцарей от Эдуарда IV на коронации в 1465 г.⁴¹

Аналогичные посвящения в рыцари происходили в 1306, 1340, 1439, 1461, 1471, 1473, 1482, 1483, 1485, 1487, 1489, 1494, 1497, 1503 гг. и, очевидно, были связаны с важными событиями в социально-политической жизни страны, в том числе со сменой династий и королей. Новый монарх был заинтересован в поддержке со стороны могущественной лондонской элиты в лице олдерменов.

Среди олдерменов, посвященных в рыцари, встречаются хорошо известные имена — торговец предметами роскоши Джон ле Бланд, полу-

³⁹ Rawcliffe C. Margaret Stodeye, Lady Philipot (d. 1431) // *Medieval London Widows, 1300—1500* / Ed. by C.M. Barron and A.F. Sutton. L., 1994. P. 89.

⁴⁰ Подробно об этом см: Яблонская О.В. Лондонские grosеры Н. Брэмбр и Дж. Филпот в общественно-политической жизни Лондона последней трети XIV века // *Вестник Тверского государственного университета. Серия. История.* 2010. Вып. 1. С. 15—31; Она же. Борьба «старого» и «нового» патрициата в Лондоне в последней четверти XIV века // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения.* 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 50—57; Чернова Л.Н. Ник Брембр: штрихи к портрету лондонского олигарха XIV века // *Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: в 2 ч.* / Отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартовск, 2015. Ч. 1. С. 197—200.

⁴¹ Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 11; Vol. 1. P. 389, 370, 391; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 333, 351; *Chronicles of London.* P. 314; *Reel J. Index to Biographies of Englishmen, 1000—1485.* P. 236.

чивший рыцарское звание в 1306 г., суконщик Джон Палтни, торговцы рыбой Роберт Элейн и Джон Уот, торговец пряностями Джон Джизорс, знаменитый финансист Ричард де ля Поль, ставшие рыцарями по воле Эдуарда III, и многие другие. Познакомимся поближе с некоторыми олдерменами, возведенными в рыцарское достоинство. В марте 1337 г. Эдуард III посвятил в рыцари двух суконщиков: Джона де Палтни и Саймона де Своллэнда. Джон де Палтни имел собственность в графствах Лестершир, Уорикшир, Миддлсекс, Кент, Суффолк, Кембриджшир; трижды избирался мэром Лондона. Саймонд Своллэнд владел собственностью в Хартфордшире и тоже был мэром столицы⁴². Как справедливо отмечает П. Косс, возведением в рыцарское звание крупнейших лондонских купцов, от финансовой помощи которых он реально зависел, Эдуард III подчеркивал особую их значимость для него лично и для всего королевства⁴³.

Рыцарем стал и торговец предметами роскоши, мэр 1352—1354 гг. Адам Фрэнси, имевший несколько маноров в Миддлсексе и Эссексе и обладавший «огромной денежной рентой» в Лондоне. Лондонская собственность уже упоминавшегося Николаса Брембра, посвященного в рыцари в ибне 1381 г., приносила 60 ф. годового дохода, кроме того, он владел манорами в Кенте и Миддлсексе. В мае 1471 г. был возведен в рыцарское достоинство бакалейщик Ричард Ли, дважды избиравшийся лондонским мэром, собственность которого находилась в Кенте, Эссексе, Суррее, Сассексе. Торговец предметами роскоши Генри Колет, посвященный в рыцари в январе 1487 г., дважды избирался мэром Лондона, имел собственность в Норфолке, Хантингдоншире и Бакингемшире. В том же году стал рыцарем и суконщик Уильям Кэпел, породнившийся с первым маркизом Уинчестерским и владевший собственностью в Эссексе, Суффолке, Хартфордшире, дважды исполнявший обязанности мэра Лондона. Удостоился рыцарского титула и ювелир Бартоломью Рэд — мэр с собственностью в Миддлсексе, Суррее, Хартфордшире, Уилтшире, Беркшире. Галантерейщик и лондонский олдермен сэр Джордж Барн был посвящен в рыцари 11 апреля 1553 г. Это был активный участник Московской компании, импортировавший вина из Испании, экспортировавший сукно, готовивший экспедиции в Гвинею в 1553 и 1554 гг., покупавший недвижимость в Лондоне и Хартфордшире. Сэр Уильям Честер, суконщик и олдермен, стал рыцарем 7 февраля 1557 г. Известно, что он торговал с Московией, Персией, Францией и Северной Африкой, был купцом Стапля и купцом-авантюристом, экспортировал шерсть и сукно. Его богатство в 1559 г. оценивалось сум-

⁴² *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 326, 328.*

⁴³ *Coss P. Knight in Medieval England 1000—1400. P. 125.*

мами от 7 тыс. до 15 тыс. ф. Посвященный в рыцари 14 марта 1568 г. торговец предметами роскоши Роджер Мартин, купец Стапля и купец-авантюрист, экспортировавший сукно и ввозивший шелк из Гамбурга, покупал недвижимость и предоставлял займы короне. Его движимое имущество оценивалось в 8340 ф. Сэр Джон Риверс, бакалейщик, купец-авантюрист, участник Московской и Испанской компаний, экспортировавший сукно, покупавший бывшие церковные земли в Кенте, предоставлявший займы короне, стал рыцарем 2 мая 1574 г.⁴⁴

Помимо посвящения в рыцари, наши источники сообщают об олдерменах XIV—XVI вв., ставших кавалерами рыцарских орденов: Подвязки и Бани⁴⁵. Кавалерами первого были два олдермена — это бакалейщик Джон Уэллес, олдермен 1420—1436 гг., шериф, мэр Лондона, и ювелир Джон Саттон, олдермен 1436—1450 г., шериф и родственник олдермена Ричарда де ля Поля (брата Уильяма де ля Поля, могущественного кредитора короля). На коронации Эдуарда IV и королевы в 1465 и 1485 гг. шесть лондонских олдерменов стали кавалерами ордена Бани: ювелир Хью Брайс, суконщики Томас Кук, Ральф Джосселин, Джон Пломер и Генри Уэйвер⁴⁶. Именно эти олдермены оказались «самыми почтенными» во всей столице.

По мнению А.А. Кирилловой, если учесть количество олдерменов, непосредственно посвященных в рыцари, к ним присоединить их детей, ставших дворянами, можно прийти к выводу, что проникновение в дворянское сословие захватило в XIV—XVI вв. значительное число горожан, принадлежавших к социально-политической элите⁴⁷. Представляется, однако, что абсолютизировать степень аноблирования столичного купечества не следует. Далеко не все олдермены и их потомки, получая дворянские титулы и основывая дворянские фамилии, полностью порывая с городскими занятиями. Думается, что реальность была значительно сложнее и многообразнее. Не следует забывать также, какие процессы происходили в английской деревне, переживавшей

⁴⁴ *Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 328, 326, 332, 362, 366, 368, 376; *Willan J.* The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 31, 78, 87, 112—113, 119; *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 31, 33, 35, 37.

⁴⁵ Подробнее об Орденах см.: *Dod.* Peerage, baronetage and knightage of Great Britain and Ireland for 1882 including all the titled classes. L., 1882. P. 10, 58; Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза и А. Ефрона. СПб., 1898. Т. XXIV. С. 69; *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. М., 1988. Гл. VI; *Collins H.E.* The Order of the Garter 1348—1461. Chivalry and Politics in Late Medieval England. Oxford, 2000. P. 6—155.

⁴⁶ *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 6, 8, 11, 13, 15; *Reel J.* Index to Biographies of Englishmen, 1000—1485. P. 552.

⁴⁷ *Кириллова А.А.* К вопросу об образовании городского патрициата в английских городах XIV—XV вв. С. 39.

интенсивное влияние товарной экономики. Очевидно, в таком динамичном обществе, как лондонское, границы между различными сословиями становились наиболее подвижными и неопределенными, а одни и те же фамилии неоднократно имели возможности переходить из одного сословия в другое⁴⁸. Купеческая среда Лондона отличалась значительной мобильностью, при которой имел место разрыв традиционных связей. И тогда образ жизни сыновей мог существенно отличаться от поприща их отцов. Возвысившийся в городе в течение нескольких столетий (или даже десятилетий) вчерашний мелкий землевладелец или его потомки могли покинуть город и вновь появиться на сельской сцене, но уже в качестве представителей титулованного дворянства.

В реализации социальных устремлений деловых людей Лондона важную роль играла матримониальная политика. Многие семьи купеческой элиты Лондона были связаны брачными узами с представителями английского дворянства. К. Платт в своем исследовании пришел к выводу, что уже в первой половине XIII в. из 95 олдерменов не менее 64 принадлежали к так называемым «смешанным» фамилиям — купеческо-дворянским⁴⁹. Богатый материал по этому вопросу, относящийся к периоду XIV—XVI вв., содержится в доступных нам источниках.

Часть лондонских олдерменов вступала в брак с представительницами семей нетитулованного английского дворянства, составившего основу джентри. При этом можно заметить, что в сферу матримониальных интересов немалого числа олдерменов попадали дочери и вдовы эсквайров. В частности, суконщик и олдермен 1403—1434 гг. Уильям Кроумер сочетался браком с дочерью эсквайра сэра Уэствика из графства Кембриджшир⁵⁰. Правда, стоит отметить, что это был второй брак лондонского олдермена, первый раз он женился на дочери столичного английского купца. То же можно сказать и в отношении суконщика и олдермена XV в. Ральфа Джосселина, который вторым браком был связан с дочерью эсквайра⁵¹. Видимо, для олдерменов Лондона изначально важно было найти подходящую брачную партию в купеческой среде города, что позволило бы укорениться в городском социуме, занять более прочные позиции в деловом мире Лондона. Обретя же богатство и влияние в купеческой среде, обзаведясь необходимыми связями, можно было думать о реализации социальных амбиций за счет брака с наследницами дворянских фамилий, пусть и не слишком знатных. Но так

⁴⁸ Аналогичную картину можно было наблюдать и во Флоренции XIV—XV вв. (см.: *Краснова И.А. Деловые люди Флоренции. Ч. 2. Гл. III. § 1*).

⁴⁹ *Platt C. The English Medieval Town. P. 127.*

⁵⁰ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 403; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 332.*

⁵¹ *Ibid. Vol. 2. P. 14; Ibid. P. 350.*

было не всегда. Например, торговец предметами роскоши и олдермен 1426—1446 гг. Томас Уэндесфорд первым браком сочетался с дочерью эсквайра⁵². А дочь норфолкского эсквайра сэра Джона Кнайвета была выдана за торговца предметами роскоши и лондонского олдермена 1476—1505 гг. Генри Колета⁵³ (кстати, отца известного английского гуманиста Джона Колета). И сэр Джордж Барн, бакалейщик и олдермен 1542—1558 гг., женился на Элис Брук, дочери эсквайра из Шропшира⁵⁴.

Отдельные олдермены брали себе в жены вдов эсквайров. Так, меховщик и олдермен второй половины XIV в. Джон Роут был женат на вдове эсквайра, о чем свидетельствует завещание этого купца⁵⁵. Суконщик и олдермен первой половины XV в. Уильям Мэлрес сочетался браком с вдовой эсквайра сэра Реджинальда Кокэйна⁵⁶.

Стремление некоторых олдерменов к установлению брачно-семейных отношений с семьями эсквайров из графств Англии весьма показательно. На наш взгляд, оно свидетельствует о значительном интересе этих олдерменов к социально иному сообществу — джентри, о желании проникнуть в него посредством заключения брачных союзов. Через такого рода браки происходило частичное пополнение состава джентри. И не только за счет богатых лондонцев, но и представителей делового мира других английских городов — Йорка, Кембриджа, Лестера, Линкольна, Ньюкасла, Оксфорда, Саутгемптона и др.⁵⁷. Необходимо принять во внимание и встречный интерес, безусловно присутствовавший у эсквайров, что может служить еще одним доказательством близости хозяйственных и социально-политических позиций купечества и «нового дворянства» в рассматриваемый период.

Источники позволяют выявить и ряд случаев заключения брачных союзов между лондонскими купцами-олдерменами и представительницами семей английских рыцарей. Известно, в частности, что торговец пряностями и олдермен 1327—1338 гг. Бенедикт де Фолшем был женат на вдове рыцаря сэра Бернарда де Брайе⁵⁸. Торговец рыбой и олдермен 1346—1358 гг. Адам Брабазон состоял в браке с сестрой и наследницей сэра Роберта де Доддингтона, рыцаря, находившегося на королевской службе и имевшего земельное держание на острове Уайт⁵⁹. Суконщик и олдермен

⁵² *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 10; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 345.*

⁵³ *Ibid. P. 18; Ibid. P. 374.*

⁵⁴ *Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 78.*

⁵⁵ *Calendar of Wills. Vol. 2. P. 45.*

⁵⁶ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 14; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 345.*

⁵⁷ *Miller E. English Town Patricians, c. 1200—1350. P. 217—218.*

⁵⁸ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 234; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 324.*

⁵⁹ *Ibid. P. 386; Ibid. P. 328.*

второй половины XIV в. Джон Хинд женился дважды: первый раз — на Екатерине, вдове рыцаря из числа суффолкских землевладельцев; второй — на Елизавете, дочери сэра Джона Норбари, рыцаря⁶⁰ (впоследствии, в результате повторного брака она стала женой барона Садлея).

Некоторые олдермены Лондона заключали браки с наследницами титулованного дворянства. Самый известный среди таковых — Джеффри Болейн, торговец предметами роскоши и олдермен XV в., который состоял в браке с дочерью и наследницей лорда Гастингса⁶¹. Именно его правнучка Анна (по линии внука Томаса Болейна, графа Уилтширского) стала супругой короля Генриха VIII и матерью королевы Елизаветы I.

Браки с представительницами дворянства заключали не только сами лондонские купцы-олдермены. Их сыновья и внуки тоже женились на дворянках, а дочери и внучки выходили замуж за дворян. Торговец рыбой и олдермен 1420—1433 гг. Николас Джеймс выдал свою дочь за эсквайра из Суррея⁶². И две дочери упоминавшегося выше Джеффри Болейна вышли замуж за эсквайров⁶³. Сын олдермена и меховщика XV в. Джона Кроука женился на дочери эсквайра из Уорикшира⁶⁴. Сын бакалейщика и олдермена второй половины XV в. Томаса Блэдлоу женился на дочери эсквайра сэра Хэмфри Старки⁶⁵. Таким образом, сыновья лондонских олдерменов находили себе брачные партии среди дочерей эсквайров, а олдерменские дочери — среди их сыновей.

В наших источниках отмечены и случаи браков между детьми и другими потомками олдерменов и представителями английской аристократии. Мод, дочь олдермена второй половины XIV в. Адама Фрэнси была замужем за Джоном Монтегю, третьим герцогом Солсберийским⁶⁶. Сын Уильяма Кроумера, суконщика и лондонского олдермена 1403—1434 гг., женился на дочери сэра Джеймса Финнеса, лорда Сэй и Сил⁶⁷. Дочь бакалейщика и олдермена второй половины XV в. Томаса Блэдлоу сочеталась браком с младшим сыном барона Бэрнса⁶⁸. Старшая дочь суконщика

⁶⁰ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 395; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 331.*

⁶¹ *Ibid. Vol. 2. P. 12; Ibid. P. 337.*

⁶² *Ibid. P. 4; Ibid. P. 332.*

⁶³ *Ibid. P. 12; Ibid. P. 337.*

⁶⁴ *Ibid. P. 4; Ibid. P. 326.*

⁶⁵ *Ibid. P. 16; Ibid. P. 339.* Возможно, именно из какого-то ответвления этой незначительной дворянской семьи Хэмфри Старки произошел Томас Старки (1499—1538) — один из наиболее известных английских гуманистов.

⁶⁶ *O'Connor S.J. Genealogies: The Fraunceys Family. P. 95.*

⁶⁷ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 7; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 337.*

⁶⁸ *Ibid. P. 16; Ibid. P. 339.*

Уильяма Кэпелла, олдермена 1485—1515 гг., была замужем за первым маркизом Уинчестерским, государственным казначеем в правительствах Эдуарда, Марии и Елизаветы⁶⁹. Дочь олдермена 1542—1558 гг., бакалейщика сэра Джорджа Барна — Анна — за сэром Фрэнсисом Уолсингемом⁷⁰. Две правнучки олдермена XV в. Томаса Кука были выданы соответственно за лорда Уильяма Сесила, главного советника королевы Елизаветы, и за лорда Кипера, сэра Николаса Бэкона⁷¹. Именно его сын — Фрэнсис Бэкон — стал лорд-канцлером Англии и знаменитым философом.

Говоря о купеческо-дворянских матримониальных союзах, надо иметь в виду, что важную роль при их заключении, безусловно, играло приданое — земля. Женщины, как правило, «уносили» родовые владения за пределы своей семьи. В свое время М.А. Барг и К.Д. Авдеева установили весьма многозначительный факт возрастания удельного веса женщин — наследниц бароний: начиная с 40-х и заканчивая 80-ми гг. XIV в. их доля среди единонаследников колебалась в пределах 10%. Это означало, что примерно такой же процент бароний оказывался за пределами данных фамилий. То же самое происходило при наследовании по боковой линии. А треть бароний подвергалась разделу между сонаследницами⁷². Обладание же землей на протяжении рассматриваемых столетий высоко ценилось не только в среде высшей знати, но и среди состоятельных горожан, небогатых рыцарей, эсквайров и прочих мелких вотчинников, для которых характерны: стремление получить земельные пожалования от короля и магнатов, поспешность вложения денег, награбленных в военных походах Столетней войны и полученных на гражданской службе у короля и аристократии, в покупку земель. Не следует забывать, что уже во второй половине XIV в. верным способом обрести вес в обществе стала скупка земли в графствах: эпидемия чумы, обрушившаяся на Англию несколькими повторными волнами, нанесла значительный урон семьям землевладельцев, освободив место для новых лендлордов, а опустошения, произведенные чумой в перенаселенных городских кварталах, и наплыв в город голодных и нищих бывших крестьян сделали жизнь даже в столице значительно менее привлекательной, чем прежде.

Но не только олдермены стремились проникнуть в дворянские фамилии. Наблюдалось «встречное движение», когда представители, в

⁶⁹ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 11; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 333, 336, 339, 351, 354, 367; Calendar of Wills. Vol. 2. P. 442.*

⁷⁰ *Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 78.*

⁷¹ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 2; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 325.*

⁷² *Барг М.А., Авдеева К.Д. Дворянское землевладение в Англии XIV в. // Средние века. 1981. Вып. 44. С. 169.*

том числе, титулованной знати считали немаловажным породниться с богатейшим купечеством. По оценке П. Джонсона, в XIV в. треть дочерей лондонских олдерменов выходила замуж за дворян, представителей знати, в XV в. — уже 50%⁷³. Причем П. Флеминг считает, что в XV столетии треть жен лондонских олдерменов происходила из фамилий высшего джентри и землевладельческой знати Англии⁷⁴.

По данным О.В. Дмитриевой, если в 1485—1569 гг. половина браков пэров и их наследников мужского пола заключалась в своем кругу, то во второй половине XVI в. это относилось лишь к 1/3 аристократов; остальные искали партию в среде юристов, государственных чиновников и в купеческих семьях⁷⁵. Особенно ярко это проявилось в браках дворян с купеческими вдовами. Можно привести несколько весьма показательных фактов. Известно, что вдова виноторговца и олдермена первой трети XIV в. Генри де Джизорса сочеталась браком с кентским дворянином⁷⁶. Вдова олдермена 1397—1408 гг., торговца предметами роскоши Джона Уодсока была замужем за сэром Уильямом Ломели, представителем баронской фамилии из графства Йоркшир⁷⁷. Вдова бакалейщика и олдермена XV в. Николаса Уайфолда вышла за сэра Джона Говарда, первого маркиза Норфолкского, а дочь этого олдермена — за лорда Марни, одного из придворных Генриха VIII⁷⁸. Вдова олдермена XV в. Роберта Дроупа состояла в браке с сэром Эндрю Грэм, виконтом Лайл, братом сэра Джона Грэя, первого супруга Елизаветы Вудвилль, впоследствии ставшей женой Эдуарда VI⁷⁹. Вдова торговца предметами роскоши и олдермена XV в. Томаса Айлэма сочеталась браком с лордом Фэррерсом⁸⁰, а вдова суконщика и олдермена того же столетия Джона Стоккера — с сэром Джорджем Невиллем, лордом Абергавенни⁸¹.

О.В. Дмитриева обратила внимание на то, что часто мезальянсы с богатыми купеческими наследницами и вдовами имели место при повторных браках, когда тот или иной представитель аристократии уже имел от жены-дворянки наследника, и чистота рода была обеспечена⁸². Либо, добавим, на богатых горожанках женились младшие отпрыски

⁷³ Johnson P. A History of the English People. P. 137.

⁷⁴ Fleming P. Family and Household in Medieval England. P. 37.

⁷⁵ Дмитриева О.В. Английское дворянство в XVI—начале XVII в.: границы сословия. С. 18.

⁷⁶ Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 284; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 326.

⁷⁷ Ibid. Vol. 2. P. 15; Ibid. P. 328.

⁷⁸ Ibid. P. 18; Ibid. P. 336.

⁷⁹ Ibid. P. 13; Ibid. P. 351.

⁸⁰ Ibid. P. 17; Ibid. P. 354.

⁸¹ Ibid. P. 15; Ibid. P. 367.

⁸² Дмитриева О.В. Английское дворянство в XVI—начале XVII в.: границы сословия. С. 18.

дворянских фамилий, как было, например, с дочерью Томаса Блэдлоу, бакалейщика и олдермена второй половины XV в., сочетавшейся браком с младшим сыном барона Бэрнса⁸³. В любом случае интерес к купеческим дочерям и вдовам со стороны титулованного английского дворянства не был случайным явлением. Желание поправить финансовое положение при этом проступало весьма отчетливо. Удивительно яркое свидетельство тому — история графа Стаффорда, который безуспешно уговаривал богатого лондонца отдать дочь за его сына и даже прибегал для этого к посредничеству олдермена и самого лорда Берли! Горожанин же отказывался и заявлял, что выдаст дочь за человека одного с ним рода занятий⁸⁴. Показательно, что этого лондонца отнюдь не прельщал знатный титул графа, и он не стремился расстаться с частью своего имущества ради призрачных амбиций и соображений престижа.

Столь непочтительное по отношению к графу поведение горожанина легко объяснимо. Рассматриваемый период был непростым временем для большинства представителей английской аристократии, владения которой являлись внушительными по размерам, но не были прибыльными. Томас Вильсон в конце XVI в. следующим образом оценил совокупный доход знати — двух герцогов (Бакингам и Солсбери), 18-ти графов (среди них — графы Оксфорд, Нортумберленд, Кент, Вустер, Эссекс, Линкольн, Ноттингем, Пемброк, Саутгемптон и др.), двух виконтов (Монтегю и Биндон) и 39-ти баронов (Берли, Дадли, Стаффорд, Огл, Дарси, Во, Виндзор, Берг, Кромвель, Комптон, Норрис и др.) — в 220 тыс. ф., что не превышало 2,5% дохода всего английского дворянства того времени и составляло в среднем чуть больше 3,5 тыс. ф. на каждого представителя титулованной знати⁸⁵. М.В. Винокурова справедливо замечает, что этот доход поступал с земель, в процентном отношении неизмеримо уступавшим тем обширным поместьям, которые находились в руках коммерчески настроенной части дворянства — джентри. Так, к концу XVI в. во владениях пэров Англии осталось менее 3% земли, которой они или их предки владели ранее⁸⁶. Преуспевали лишь единицы, большинство же сталкивалось с весьма серьезными проблемами⁸⁷. В поисках дополнительных до-

⁸³ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 16; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 339.*

⁸⁴ *Дмитриева О.В. Английское дворянство в XVI—начале XVII в.: границы сословия. С. 18.*

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ *Винокурова М.В. Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI—начала XVII в. С. 71—72.*

⁸⁷ По наблюдениям Л. Стоуна, убедительно показавшем темпы «падения жизненного уровня» английской аристократии, финансовые дела 12-ти английских графов из 18-ти к концу XVI в. находились в крайне расстроеном состоянии. Например, если граф Оксфорд, любимец королевы, в 1575 г. имел в качестве годового дохода

ходов аристократы пускались на различные, порой весьма рискованные и сомнительные, предприятия: одалживали деньги у кого только могли, не зная при этом, когда и как будут расплачиваться, под огромные проценты брали тысячные суммы у ростовщиков и банкиров Сити, не платили по долгам булочникам, сапожникам, портным и т.д. В такой ситуации важным способом продержаться на прежнем уровне было обращение к поддержке короны, а также вовлечение в предпринимательскую сферу деятельности. По наблюдениям О.В. Дмитриевой, во второй половине XVI—начале XVII в. 78% аристократических семейств в той или иной степени были заняты в коммерции: участвовали в паевых товариществах и торговых компаниях, вкладывали средства в кораблестроение, горнорудное производство и пиратство⁸⁸. Однако коммерция была для аристократических фамилий, скорее, уступкой требованиям времени, нежели потребностью. В целом же их стиль жизни определялся традицией, которая практически для всех была связана с двором, что требовало соблюдения ряда условий: наличие многочисленных слуг, дорогого гардероба, а, в конечном счете, — немалых денег. Некоторые аристократы пытались использовать один из испытанных методов, а именно — браки с богатыми купеческими наследницами и вдовами. Это позволяло поправить материальное положение, вернуть прежнее благополучие.

Говоря о стремлении «родовой аристократии» породниться с «аристократией купеческой», Дж. Хоум обратил внимание на то, что по интенсивности этого процесса, степени общественного признания и значения взаимопроникновения купечества и дворянства Англия не знала себе равных, хотя аналогичные явления наблюдались во многих странах: Италии, Германии, Франции⁸⁹. В Англии вторжение дворян в сферу бюргерской экономики было открытым и массовым, прежде всего, со стороны мелких вотчинников, пополнявших разряд джентри, с которыми горожане были связаны общими или сходными хозяйственными,

12 тыс. ф., то через два года он обеднел настолько, что был вынужден продавать бревна, камень и свинец с крыш своих замков и домов. Другой английский лорд, барон Во, в 1592 г. был вынужден обратиться к лорду Берли, казначею королевы, с письмом, свидетельствующим о его крайне бедственном положении. Вот только некоторые выдержки из этого письма, переведенного О.В. Дмитриевой. «...Я прибыл (в Парламент) в отрепьях, не годящихся, чтобы почтительно находиться в присутствии Ее Величества. Да, я заявляю Вам по правде и по чести, что у меня нет ни денег, ни кредита, чтобы снарядиться получше или оплачивать мои ежедневные расходы <...> Более того, мои парламентские одежды заложены одному горожанину <...> на несколько дней <...> вчера я писал лорду-мэру Лондона, чтобы он помог мне в этом деле...» // *Дмитриева О.В. Английское дворянство в XVI—начале XVII в.: границы сословия*. С. 86—87.

⁸⁸ Там же. С. 19. Граф Камберленд торговал шерстью, красителями, пряностями; графы Эссекс и Лестер сосредоточили в своих руках торговлю иностранными винами.

⁸⁹ *Home G. Medieval London*. P. 274.

а зачастую и социально-политическими интересами. А относительно легкое проникновение богатых и влиятельных горожан в дворянство обеспечивалось тем, что последнее не составляло в Англии замкнутого наследственного сословия с юридически закрепленными правами и привилегиями, резко отграниченного от других социальных групп. Доступ в него был не только открыт, но и обязателен для свободных людей, обладавших определенным доходом. Факт происхождения из «благородного» сословия играл в Англии гораздо меньшую роль, чем на континенте⁹⁰. По замечанию О.В. Дмитриевой, прагматичным англичанам был чужд идеал «благородной бедности», они предпочитали, чтобы благородство выступало в обрамлении соответствующего состояния, а доспехи, увенчанные славой, дополнялись тугим кошельком⁹¹. Деловые качества и материальное благополучие зачастую ценились выше претензий на превосходство «по праву крови».

В контексте сказанного особый смысл приобретают данные наших источников о некоторых купеческих фамилиях, имевших родственные связи одновременно и в городской, и в дворянской среде. Так, одна дочь торговца предметами роскоши и олдермена XIV в. Адама Фрэнси была замужем за бакалейщиком Джоном Обри, тоже олдерменом; вторая — за сэром Джоном Монтегю, третьим герцогом Солсберийским, кавалером ордена Подвязки; третья — за землевладельцем сэром Томасом Карлетоном; четвертая — за эсквайром сэром Уильямом Портером⁹². Одна из дочерей меховщика и олдермена XV в. Уильяма Грегори была выдана также за лондонского меховщика, другая — за рыцаря⁹³. Дочь олдермена XV в. Томаса Олгрейва вышла за рыцаря, а вдова — за сэра Бартоломью Джеймса, суконщика и лондонского олдермена⁹⁴.

⁹⁰ Подробнее об этом см.: Писарев Ю.И. Место служилого рыцарства в социально-политической жизни Англии XIV в. С. 82.

⁹¹ Дмитриева О.В. Английское дворянство XVI—начала XVII в.: границы сословия. С. 24. Любопытно, что еще в 1363 г. парламент постановил: высшая английская аристократия должна иметь ежегодный доход от земель и рент не менее 400 ф., рыцари — 200 ф., эсквайры и джентльмены — не менее 100 ф. (см.: *Coss P. Knight in Medieval England 1000—1400*. P. 127—128).

⁹² *Beaven A.B. Aldermen of the City of London*. Vol. 1. P. 387, 389; *Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500)*. Appendix. P. 341, 347.

⁹³ *Ibid.* Vol. 2. P. 8, 11; *Ibid.* P. 350.

⁹⁴ *Ibid.* P. 13; *Ibid.* P. 359.

§2. Ценностные установки в «Жизнеописании Джона Ишема»

Социальные устремления и ценностные ориентиры деловых людей Лондона лучше всего отражают нарративные источники, созданные ими самими. С этой точки зрения большой интерес представляет «Жизнеописание Джона Ишема»⁹⁵, лондонского торговца предметами роскоши, купца-авантюриста, составленное в первые десятилетия XVII в. Прежде чем переходить непосредственно к его анализу, заметим, что жизнеописания, составленные современниками главных героев таких сочинений, наряду с автобиографиями, являются самым важным для исследования индивидуальной памяти типом персональных текстов⁹⁶. Подобно «автобиографической памяти», память, зафиксированная жизнеописаниями, отображает (устанавливает, фиксирует, переживает) наиболее важные и яркие события индивидуальной биографии (биографий), представления об интересующем персонаже (персонажах) и таким образом «собирает» уникальную человеческую личность (личности), со всеми ее устремлениями и вариантами поведения⁹⁷.

Данный текст, по сути, представляет собой семейную хронику, написанную в своеобразной форме жизнеописания. Неизбежно встает вопрос об авторстве произведения и аудитории, которой оно было адресовано. Публикатор данного источника Дж. Рэмси полагает, что «Жизнеописание Джона Ишема» было составлено либо непосредственно его старшим сыном Томасом, либо по распоряжению последнего⁹⁸. Но в любом случае именно Томас стал инициатором создания семейной хроники, что можно расценить как проявление особой сыновней привязанности и благодарности с его стороны. С рождения Томас был слепым, и Джон Ишем «... оставил много наставлений как устных, так и письменных, чтобы быть ему вместо глаз, чтобы провести его через все будущие опасности и обеспечить всем необходимым...»⁹⁹. Предназначалось «Жизнеописание» в первую очередь младшим членам семьи, потомкам, о чем сообщает сам автор: «...наши [Ишемов — Л.Ч.] потомки должны знать свои истоки...»¹⁰⁰.

Необходимость появления такого сочинения, и это очень интересно в контексте того, о чем говорилось выше, обусловлена тем, что 30 мая 1627 г. внук Джона Ишема, тоже Джон (1582—1651 гг.), был возведен в

⁹⁵ The Life of John Isham (Appendix II). P. 167—174.

⁹⁶ Репина Л.П. Память и историописание // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 29.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ The Life of John Isham (Appendix II). P. 167.

⁹⁹ Ibid. P. 172.

¹⁰⁰ Ibid. P. 169.

баронеты, получив титул первого баронета Лэмпота¹⁰¹. В сложившейся ситуации важно было показать историю семьи, сосредоточив внимание на предке баронета, воздав ему должное как родоначальнику теперь уже титулованной фамилии из Лэмпота.

Фактически мы имеем дело с т.н. «воспоминаниями», игравшими важную роль в социальной ориентации, самоидентификации и поведении индивида, в формировании и поддержании коллективной (в данном случае — семейной) идентичности и трансляции этических, социокультурных ценностей¹⁰². Для семейных общностей прошлое выступало едва ли не ключевым элементом групповой идентификации. Семейная история выполняла функцию накопления и передачи информации, знаний и опыта от поколения к поколению¹⁰³. Особое значение семейное прошлое приобрело в Европе периода позднего Средневековья и раннего Нового времени, когда сословность превратилась в доминирующую характеристику социального устройства. При этом внутрисословная семейная стратификация была характерна не только для дворянства, но и для всех слоев средневекового общества. Семейное прошлое каждого человека едва ли не полностью определяло всю его жизнь уже при рождении — род занятий, достаток, брачный круг и т.д.¹⁰⁴

Задача, которую ставит автор «Жизнеописания», двуединая: «моей основной задачей является рассказ о Джоне Ишеме, родоначальнике нашего рода в Лэмпоте»¹⁰⁵; «...моя задача рассказать историю [семьи — Л.Ч.] как можно полнее»¹⁰⁶. С какой целью? Автор определяет ее следующим образом: «...не потому, что ищущу славы (Господь свидетель), а потому, что наши потомки должны знать свои истоки. Должны знать, как, с Божьего благословения <...> они достигли всего...»¹⁰⁷. Таким образом, автор «Жизнеописания», как и в случае автобиографии¹⁰⁸, пишет семейную и индивидуальную историю ретроспективно, из настоящего времени, мысленно отвечая на вопрос «как он, Джон Ишем-старший, стал таким, каким он был», поскольку его лучшие качества и достижения наследует сын-баронет.

Автор счел необходимым в начале своего повествования сразу же сообщить о месте и времени рождения Джона Ишема: Рингстед в графстве

¹⁰¹ Последний известный на сегодняшний день 14-й баронет Лэмпота, сэр Норман Ишем, родился в 1930 г.

¹⁰² Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 10.

¹⁰³ Савельева И.М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: теоретические подходы // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. С. 72.

¹⁰⁴ Там же. С. 72—73.

¹⁰⁵ The Life of John Isham (Appendix II). P. 169.

¹⁰⁶ Ibid. P. 167.

¹⁰⁷ Ibid. P. 169.

¹⁰⁸ Репина Л.П. Память и историописание. С. 30.

Нортхемптон, август 1525 г.¹⁰⁹ А далее, прежде чем рассказывать о Джоне и давать его жизнеописание, автор приводит сведения о семье, из которой тот происходил. Начинается повествование с родителей Джона: «его родителями были Осби Ишем (эсквайр), сын и наследник Томаса Ишема из семьи в Питчли, и Энн, дочь Джайлза Паултона, эсквайра, из семьи из Десборо»¹¹⁰. Автор «Жизнеописания» отмечает, что это была «благословенная пара», вскоре после женитьбы «вышедшая в люди» и основавшая «благополучную семью, которая была обязательна для людей их уровня»¹¹¹.

Почему же эта пара «благословенная», и в чем благополучие этой семьи? Во-первых, сообщается, что они «были женаты 21 год, и произвели на свет 20 детей, большая часть которых выжили и проживали с ними»¹¹². Во-вторых, не имея поддержки извне, Осби и Энн «рачительно распорядились теми благами, которые у них были»¹¹³. Автор даже приводит слова соответствовавшей случаю старинной поговорки: «Они кроили свою одежду, исходя из того материала, который у них был»¹¹⁴. А на момент заключения брака у Осби была ферма в Рингстеде, сданная в аренду лордом Джоном Мордаунтом, и 10 ф. годового дохода от имения в Натсоне, который ему выдавал отец — Томас Ишем. Далее автор продолжает: «...с Божьего благословения они работали с таким удивительным усердием, что смогли передать своим наследникам средства, которые их весьма порадовали, следовательно, они смогли существенно увеличить свое благосостояние, которое, как я надеюсь, благословил Господь»¹¹⁵. Осби и Энн сумели так обеспечить своих многочисленных детей, «что даже самый слабый из них не знал никакой нужды до своей смерти...»¹¹⁶. Конечно, это явное преувеличение, но общий тон задан: родители усердно трудились, чтобы увеличить доставшиеся им средства, чтобы их дети жили достойно, ни в чем не нуждаясь. И, наконец, немаловажно, что Осби Ишем воспитывал детей, «обучая их наукам и другим ремеслам и искусствам»¹¹⁷. Заметим, что заинтересованность в образовании, стремление к получению знаний проступает важнейшей линией в «Жизнеописании». Важно, что речь в этом повествовании идет не только о необходимости быть осведомленным в практических делах, но и о систематическом и достаточно широком образовании, выходящем за рамки чисто профессиональных потребностей.

¹⁰⁹The Life of John Isham (Appendix II). P. 167.

¹¹⁰Ibid.

¹¹¹Ibid.

¹¹²Ibid.

¹¹³Ibid.

¹¹⁴Ibid.

¹¹⁵Ibid.

¹¹⁶Ibid.

¹¹⁷Ibid.

В целом же, со слов повествователя, родители Джона Ишема отличались удивительным трудолюбием, разумным подходом к ведению хозяйства, а также воспитанию и обучению детей, что позволило им заложить прочный фундамент семейного благополучия; это были люди, «сами сделавшие себя». В этом просматривается новый, не свойственный Средневековью, но характерный для Нового времени, мотив — ярко выраженное личностное, индивидуалистическое начало.

Далее автор «Жизнеописания» переходит к рассказу о пятерых сестрах Джона Ишема, которые «прожили достаточно долго, чтобы вступить в брак»¹¹⁸. Именно с точки зрения матримониальных отношений они и интересуют повествователя. Сообщив сведения о том, кто из дочерей Осби и Энн за кого вышел замуж — за джентльмена и юриста, эсквайра, йомена или купца, он завершает свой краткий рассказ о них весьма примечательной фразой, в принципе характеризующей отношение тогдашнего социума к женщинам: «И хватит про них»¹¹⁹. В аналогичной манере приводятся сведения и о дочерях сыновей Осби и Энн Ишем: «Вот и все, что о них известно»¹²⁰.

Значительно больший интерес автор проявляет к мужским наследникам Осби и Энн Ишем: Джайлзу, Роберту, Грегори, Генри и, конечно, Джону. На их примерах, по сути, выстраиваются семейные традиции, достойным наследником и продолжателем которых, в конечном счете, выступает Джон Ишем. Каждый из братьев пошел собственным путем, избрав для себя соответствующую сферу деятельности. Но при этом, что характерно, автор повествования не делает различий между их ценностными установками и устремлениями их родителей как представителей разных социо-профессиональных групп. Это может служить показателем присущей Англии общности интересов, взглядов и устремлений мелкого нетитулованного дворянства и представителей городской среды.

Мы узнаем, что старший из сыновей, Джайлз, в соответствии с традицией, в возрасте семи-восьми лет был отдан в обучение в школу¹²¹. После ее окончания Джайлз был отправлен отцом в Лондон «изучать закон»¹²² в одном из так называемых «судебных иннов» — лондонских школах общего права, которые в те времена иногда называли «третьим университетом Англии» (после Кембриджа и Оксфорда)¹²³. Важно обратить внимание на то, что благодаря полученным знаниям Джайлз Ишем «...увеличил свое состояние», затем стал мировым судьей в родном селении Питчли, «где

¹¹⁸The Life of John Isham (Appendix II). P. 168.

¹¹⁹Ibid.

¹²⁰Ibid.

¹²¹Речь, скорее всего, идет о грамматической школе.

¹²²The Life of John Isham (Appendix II). P. 167.

¹²³Picard L. Elizabeth's London: Everyday Life in Elizabethan London. L., 2004. P. 231—234.

его очень ценили»¹²⁴: он дважды заседал в парламенте и получил должность стюарда у второго герцога Бедфорда¹²⁵. Профессионализм законника-юриста, материальная состоятельность, уважение в обществе — вот доминанты, определявшие жизнь старшего брата.

Роберт Ишем «хорошо учился в школе и достиг таких успехов в науках, что отец отправил его в Кембридж, где он обучался в знаменитом колледже Христа»¹²⁶. Здесь Роберт изучал богословие и «так преуспел в сем искусстве, что при поддержке друзей был призван и выбран одним из духовников королевы Марии, которая охотно приняла его в этом качестве и оказывала ему большое доверие в течение всей своей жизни»¹²⁷. Там он изучал богословие и «так преуспел в сем искусстве, что при поддержке друзей был <...> выбран одним из духовников королевы Марии, которая <...> оказывала ему большое доверие в течение всей своей жизни»¹²⁸. А до этого, сразу после завершения обучения, он стал священником в диоцезе Питерборо; в 1548 г. — священником в родном Питчли; в 1553 г. получил пребенду в Питерборо и в 1558 г. должность каноника в Виндзоре. Религиозно-церковные изменения, последовавшие после воцарения Елизаветы I, повлияли на жизнь Роберта Ишема. В 1559 г. он оставил должности в Питерборо и Виндзоре, поселившись в Питчли. Однако не позднее 1561 г. Роберт был официально введен в должность викария, хотя и не желал произносить проповедь по-английски. Возможно, такой поворот в его судьбе связан с получившим широкий общественный резонанс поступком — Роберт сделал дарение в пользу колледжа Христа в Кембридже: 20 ф. ежегодно, на протяжении жизни дарителя, должны были поступать на поддержку бедных студентов. В связи с этим автор повествования счел необходимым отметить, что «сей муж известен многими добрыми поступками», «многими благородными вещами», среди которых называет «тот факт, что он был попечителем колледжа Христа, где обучался в юности»¹²⁹. И, что важно — «были люди, которые оценили его доброту»¹³⁰. Следовательно, Роберт сделал успешную церковную карьеру и добился общественного признания.

Грегори, третий сын, как и другие, был отдан в школу и по прошествии времени отправлен в Лондон, где поступил в ученичество в одну из наиболее богатых и престижных купеческих компаний — компанию торговцев предметами роскоши. Он, как его родители и старшие братья,

¹²⁴The Life of John Isham (Appendix II). P. 167.

¹²⁵Ibid. P. 168.

¹²⁶Ibid.

¹²⁷Ibid.

¹²⁸Ibid.

¹²⁹Ibid.

¹³⁰Ibid.

усердно трудился: занимался торговлей, которая за короткое время обогатила его. Показателем богатства Грегори Ишема повествователь считает, во-первых, что характерно, скупку им земли в Бренсоне, Фартингстоне, Крике, Критоне, Олде и Натсоне, приносившей ежегодно по 400 ф. дохода; во-вторых, внушительное денежное наследство — по 900 ф. сыну и двум дочерям, и содержание, назначенное пережившей его жене¹³¹.

Младший из братьев, Генри Ишем, «провел детство за книгами и по достижении возраста был отправлен в Лондон, к Грегори Ишему в ученичество»¹³². И этот сын Осби Ишема преуспел в жизни. Показателем этого, как и в случае с братом, стало внушительное наследство, оставленное семерым детям: старшему сыну он завещал сотню фунтов в год от поместья Донсерхилл в 12 милях от Лондона, а остальным детям — «приличные суммы»¹³³. Интересно, что своего старшего сына Генри назвал Грегори — в честь брата, который очень много для него сделал и которого он искренне любил и уважал.

Завершается эта часть «Жизнеописания» «выводами» автора, на основании которых можно судить о том, что же для него было наиболее важным. «Итак, вы слышали, во-первых, о времени, когда Джон Ишем родился, во-вторых, о месте, где он родился, в-третьих, о том, кто были его родители, в-четвертых, о состоянии родителей и, в-пятых, о том, как мудро они им распоряжались. Кроме того, о том, сколько детей было у Осби и Энн, родителей Джона, и как они устроились»¹³⁴.

Главным героем повествования является Джон Ишем, родоначальник дворянского рода Ишемов в Лэмпоте, графство Нортхемптон. Автор сообщает, что, по традиции, до 16 лет он воспитывался и обучался отцом чтению и английскому письму, а затем был отправлен в Лондон, где к тому времени уже находились его братья.

В Лондоне Джон оказался 19 июня 1542 г., в день св. Петра, и поступил учеником к купцу. Обучение Джона имело профессиональную, практическую направленность: его посвящали в искусство торговли шелками и сатином, а также в секреты ведения бухгалтерии¹³⁵. Любопытно замечание повествователя о том, что Джон не приобрел от учителей «никаких полезных знаний за все время своего ученичества, <...> а учился он 9 лет...»¹³⁶. Автор совершенно очевидно хочет, чтобы у читателя сформировалось мнение о том, будто успехи Джона, все, чего он сумел добиться в жизни, он сделал исключительно сам, ориентируясь на пример своего отца. Джон

¹³¹The Life of John Isham (Appendix II). P. 169.

¹³²Ibid.

¹³³Ibid.

¹³⁴Ibid.

¹³⁵Ibid. P. 169, 170.

¹³⁶Ibid. P. 170.

словно повторял, поднимая на иной, более высокий уровень, жизненный путь Осби Ишема, разделяя его жизненные установки.

Обретя свободы Лондона и компании мерсеров, в возрасте 26 лет Джон женился на Элизабет Бакер, весьма состоятельной вдове Леннарда Бакера, горожанина и купца Лондона, и дочери Николаса Бакера, горожанина, оружейника. Как и его отец, Джон прожил в браке вплоть до своего смертного часа, «в полном согласии и покое, по крайней мере, 20 лет»¹³⁷.

Благодаря женитьбе Джон получил внушительное состояние. Согласно брачному соглашению, ему перешла в управление недвижимость Леонарда Бакера: поместье в Оксфордшире, шесть домов в Лондоне, в том числе дом на Иронмангер-стрит, в котором жили Леонард и Элизабет. Движимое имущество Бакера оценивалось в 1787 ф. 10 ш. 8 п. «в товарах и кредитах» и 235 ф. 3 ш. 9 п. наличными¹³⁸. Эта весьма солидная сумма денег, — замечает автор «Жизнеописания», — «весьма кстати перешла к Джону Ишему», у которого почти «ничего не было своего <...> до брака»¹³⁹. В подтверждение сказанного автор ссылается на слова самого Джона, которые он «сам слышал», что «отец оставил ему 10 фунтов...»¹⁴⁰. У повествователя нет никаких переживаний, оценочных суждений по поводу «брака по расчету»; для него, человека своего времени и своего социума, совершенно обыденной, нормативной является женитьба Джона, не имевшего существенного дохода, на богатой лондонской вдове. Гораздо важнее другое — Джон «преумножил эти <...> суммы, свои и своей жены <...> и (с Божьей помощью) существенно увеличил их со временем»¹⁴¹. И добился этого благодаря своему трудолюбию (он «не гнушался никакой работы...»¹⁴²), «старанию, предвидению и умению торговать»¹⁴³. Джон сумел приобрести репутацию «настоящего и честного купца». Он никогда не мстил своим врагам, а все противоречия всегда решал при посредничестве друзей, всегда был в курсе всех дел и хорошо знал людей, услугами которых пользовался «для собственной выгоды, но не в ущерб для них»¹⁴⁴. Опять-таки человек фактически поднялся самостоятельно, «сделал себя сам», как и его родители, его отец.

Следующее зафиксированное в «Жизнеописании» важное событие, маркирующее новый этап в жизни, в самоутверждении и общественном признании Джона Ишема, — избрание его попечителем компании мер-

¹³⁷The Life of John Isham (Appendix II). P. 170.

¹³⁸Ibid. P. 170—171.

¹³⁹Ibid. P. 171.

¹⁴⁰Ibid.

¹⁴¹Ibid.

¹⁴²Ibid. P. 170.

¹⁴³Ibid. P. 171.

¹⁴⁴Ibid.

серов «в год от рождества Христова 1567-й»¹⁴⁵. Это стало возможным, пишет повествователь, потому, что «он добился в своей компании уважения <...> обладая сильной волей и пользуясь симпатией своих товарищей»¹⁴⁶. И естественно, что «эту обязанность он исполнял похвально»¹⁴⁷. Автор «Жизнеописания» особо обращает внимание читателей на не по годам разумные речи Джона, его мудрость, поражавшие «коллег» по компании: «Им показались очень странными его речи, поскольку он был гораздо моложе собравшихся»¹⁴⁸. Квинтэссенция всего сказанного выше — фраза автора: «Думается, ни один человек, ни до этого, ни после, вплоть до написания этого текста, не пользовался таким уважением такого большого количества людей»¹⁴⁹.

В 1572 г., что показательно, Джон Ишем перебрался из Лондона и поселился в Лэмпоте, в маноре, который он приобрел ранее. К этому времени, полагает автор, Джон приобрел достаточно денежных средств, репутацию и доверие, что и позволило ему покинуть город. Но и здесь проявились прирожденные таланты Джона, его невероятное трудолюбие: «он занялся земледелием, сажал травы, обрабатывал землю и занимался всеми другими делами так умело, как будто он занимался ими с рождения»¹⁵⁰.

Способности Джона Ишема, его положение не остались не востребованными. В 1576 г. он был назначен мировым судьей в графстве Нортхемптон. Характеризуя деятельность Джона на этом поприще, повествователь ограничивается одной, но очень ёмкой фразой: «О том, как он управлялся с этой должностью, пусть расскажут другие, те, кто был с ним ближе, чем я, потому что, если я напишу правду, покажется, что я ему лъщу»¹⁵¹. В 1581 г. Джон был назначен королевой Елизаветой в ее сокровищницу в графстве Нортхемптон. И «эту обязанность, как и все другие, он исполнял весьма похвально», трудился, «чтобы оставить своим потомкам после себя доброе имя и славу»¹⁵². Очень важный пассаж: герой «Жизнеописания» должен заботиться о своем «добром имени» и стремиться прославиться благодаря добросовестному труду, выполнению обязанностей; и это важно не только для него самого, но и для его потомков. Подводя своеобразный промежуточный итог своему повествованию, автор заключает; «во всем, за что он брался, он проявлял зрелость ума и благоразумие, и можно сказать, что он был мудрым человеком»¹⁵³.

¹⁴⁵The Life of John Isham (Appendix II). P. 171.

¹⁴⁶Ibid.

¹⁴⁷Ibid.

¹⁴⁸Ibid.

¹⁴⁹Ibid.

¹⁵⁰Ibid.

¹⁵¹Ibid. P. 172.

¹⁵²Ibid.

¹⁵³Ibid.

Следующий ракурс, в котором повествователь разворачивает Джона Ишема и стремится продемонстрировать читателю, — его внешний облик, поведение, привычки, привязанности в обыденной жизни, отношение к детям и к окружавшим его людям.

Читаем: «Телом он был тучен, широк в костях, достаточно высок, с большим животом человека, не знавшего тяжелой физической нагрузки, но он холил себя вплоть до смерти <...> По натуре он был холериком, но быстро успокаивался...»¹⁵⁴.

Автор пишет о том, что Джон любил сыновей, хотя внешне часто «был суров» и «редко выказывал им привязанность, как это обычно делали любящие отцы»¹⁵⁵. Но иногда чувства переполняли его: «Когда они [сыновья] уехали — кто в Лондон, кто в Кембридж, где воспитывались, он часто отворачивался и горько плакал, настолько нежно он их любил»¹⁵⁶. Особые отношения, как отмечалось выше, связывали Джона Ишема со старшим сыном Томасом.

Кроме того, Джон Ишем, по словам автора «Жизнеописания», был «верным другом, всегда готовым написать, поддержать словом или приехать и потратить деньги, чтобы помочь»¹⁵⁷. Даже будучи больным, «он продолжать принимать всех, кто обращался к нему и помогал всем щедро и от всего сердца»¹⁵⁸.

Джон любил веселые компании и приглашал гостей к себе в дом, а к ним присоединялись его дети и друзья. Он никогда не мстил своим врагам, а все противоречия всегда решал при посредничестве друзей. Джон всегда был в курсе всех дел в имении и всех людей, услугами которых пользовался «для собственной выгоды, но не в ущерб для них»¹⁵⁹. В подтверждение сказанного повествователь ссылается на собственный опыт. Он пишет: «Я сам слышал, как он [Джон — Л. Ч.] решительно заявлял, что он никогда не конфисковал облигации, хотя и был купцом, и в его руки попадало в свое время много крупных счетов»¹⁶⁰.

Повествователь презентует Джона Ишема и как «хорошего политика», что доказывается, среди прочего, наличием у него большого числа друзей в Лондоне и в деревне¹⁶¹.

По словам автора «Жизнеописания», Джон «приятно говорил <...> высказывался по многим другим случаям, когда представлялась возмож-

¹⁵⁴The Life of John Isham (Appendix II). P. 173.

¹⁵⁵Ibid.

¹⁵⁶Ibid.

¹⁵⁷Ibid.

¹⁵⁸Ibid.

¹⁵⁹Ibid.

¹⁶⁰Ibid.

¹⁶¹Ibid.

ность <...> У него был небольшой запас характерных пословиц и поговорок, которыми он щедро пользовался в разговорах и беседах за столом»¹⁶². Повествователь приводит отдельные примеры таких пословиц и поговорок, весьма поучительных, позволяющих выстроить своеобразную шкалу жизненных приоритетов Джона Ишема. Их содержание свидетельствует о том, что превыше всего Джон ценил доверие во взаимоотношениях между людьми, прежде всего на профессиональном поприще, дружбу и друзей, которыми, однако, можно воспользоваться «по максимуму», с пользой; не любил тех, кто проводил время в праздности, и тех, «кто много болтал о себе, даже если говорил правду»¹⁶³; оценивал людей не по их словам, а по поступкам; призывал к тому, чтобы всегда учиться на чужом опыте.

Таким образом, автор «Жизнеописания Джона Ишема» формирует у читателей объемный, многогранный портрет, жизненный путь исключительно положительного героя. Перед нами — т.н. «модельная биография», представляющая несомненную ценность для историка уже самим фактом этой «модельности». Джон Ишем предстает и как успешный деловой человек, «добрый купец», и как заботливый, любящий отец семейства, верный, преданный друг, готовый всегда прийти на помощь, и как хороший политик. Выходец из мелких джентри, он, благодаря удивительному трудолюбию, силе воли, рассудительности, мудрости, предприимчивости, расчетливости — качествам, заложенным его родителями, в первую очередь отцом, сумел, с Божьей милостью, стать родоначальником титулованного дворянского семейства. «И, как невинное дитя и агнец Божий, он закончил свои дни в тишине и покое»¹⁶⁴.

§3. Отношение к образованию в купеческой среде Лондона

Активный образ жизни представителей деловых людей Лондона XIV—XVI вв., связанных торговлей и финансовыми отношениями со многими странами — Францией, Италией, Испанией, Нидерландами, Германией, Московией, Скандинавией, Персией, Северной Африкой и др., значительно расширял их кругозор, требовал постоянно учиться, пополнять свои знания и совершенствовать профессиональные навыки. Этому во многом способствовало и то, что некоторые из лондонских олдерменов использовались на дипломатической службе. Известно, например, что торговец предметами роскоши Джон Пайел, олдермен 1369—1379 гг.,

¹⁶²The Life of John Isham (Appendix II). P. 173.

¹⁶³Ibid. P. 173—174.

¹⁶⁴Ibid. P. 174.

трижды выполнял дипломатические поручения во Французском королевстве¹⁶⁵. Выбор, павший именно на Джона, не был случайным. В детстве он получил элементарное, но весьма добротное образование. Немаловажный штрих — грамоты и акты его картулярия написаны на латинском и французском языках. На всю жизнь Пайел сохранил большую тягу к чтению, которое стало излюбленным способом проведения им досуга. В его завещании упомянуто немало книг, преимущественно это литургические тексты — бревиарии (католические требники), молитвенники, псалтыри, Библия, а также работы по каноническому и гражданскому праву¹⁶⁶. Стремление к знаниям проявилось и в том, что Джон решил не только дать хорошее образование собственным детям, но и предпринял немалые усилия к тому, чтобы основать колледж в своем родном Итлинборо, где могли бы обучаться местные детишки.

Галантерейщик, олдермен 1381—1390 гг. Хью Фэджстолф и торговец предметами роскоши, олдермен 1413—1444 гг. Джон Мичелл также осуществляли дипломатическую миссию во Франции в сложнейшие периоды Столетней войны¹⁶⁷.

Важный этап в развитии образования и науки, в изменении отношения английского общества к этой сфере приходится на XVI столетие (особенно вторую его половину), которое неизменно привлекает внимание историков как время глубоких и всеобъемлющих перемен¹⁶⁸. Важные изменения, обусловленные Реформацией, успехами наук, распространением культуры Возрождения, затронули и отношение людей к знанию, к его возможностям и доступности: знания перестали быть уделом избранных¹⁶⁹. «Лучше быть нерожденным, чем необученным» — эта английская поговорка, распространенная во второй половине XVI в., как нельзя лучше отражает суть этих трансформаций. Не случайно тогда еще швейцарский 25-летний студент-медик, а впоследствии видный представитель гуманистической среды Томас Платтер, посетивший Лондон осенью 1599 г., как особые приметы времени отмечает присутствие в городе студентов и торговлю книгами. В своем описании английской столицы он не раз обращает внимание на то, что в разных местах этого города, прежде всего, вокруг собора св. Павла и на большом крыльце Вестминстерского аббатства, в саду которого

¹⁶⁵ Reel J.V. Index to Biographies of Englishmen, 1000—1485. P. 294.

¹⁶⁶ O'Connor S.J. Biographical Background: John Piel. P. 26.

¹⁶⁷ Reel J.V. Index to Biographies of Englishmen, 1000—1485. P. 136, 245.

¹⁶⁸ См., напр.: Сванидзе А.А., Ведюшкин В.А. К читателю // Человек XVI столетия. М., 2000. С. 5—6.

¹⁶⁹ Юсим М.А. События и перемены в духовной жизни Европы: Возрождение, Реформация, Контрреформация // Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время. С. 67.

обитают студенты, «торговцы и переплетчики торгуют самыми разными книгами»¹⁷⁰.

Благодаря изобретению в середине XV в. печатного станка уже к концу столетия в Европе было напечатано около 40 тыс. наименований книг общим тиражом в несколько миллионов экземпляров¹⁷¹. В Англии У. Кэкстон основал первую типографию в 1476 г.; в 1478 и 1480 гг. были открыты типографии в Оксфорде, Сент-Олбансе и Лондоне. За последнюю четверть XV столетия в английских типографиях было издано около 400 книг: «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, чосеровский перевод Боеция, переводы «Метаморфоз» Овидия, компиляции из сочинений Вергилия и Боккаччо, роман Мэлори «Смерть Артура», сочинения по истории и риторике. Особой популярностью в Англии пользовалось Священное Писание: тираж Библии и Нового Завета, опубликованных за время от Реформации до 1640 г., превысил миллион, а общее число названий ежегодно издаваемых здесь книг с 1500 по 1630 гг. возросло с 45 до 460¹⁷². По замечанию Э. Бартон, «публика так стремилась читать и учиться, что практически все, что выходило в то время из-под пера писателей, быстро распродавалось — от недавно «англизированных» шедевров античности до баллад-однодневок»¹⁷³.

Повсеместно росло стремление к грамотности и количество людей, умеющих читать и писать: к началу XVII в. в Лондоне 76% ремесленников и лавочников могли, по крайней мере, подписаться¹⁷⁴.

На смену старым церковным школам, многие из которых прекратили свое существование во время Реформации, пришли в XVI в. новые грамматические школы, число которых быстро росло. Их основателями зачастую были частные лица: немало богатых и известных людей завещало свои средства на их открытие и содержание. Еще до начала Реформации английский гуманист Джон Колет основал при соборе св. Павла в Лондоне школу св. Павла — одну из лучших английских грамматических школ для обучения 153 мальчиков, преподавание в которой отличалось гуманностью, а учебный план предполагал изучение текстов классических авторов. При Вестминстерской церкви св. Петра действовала Вестминстерская школа, также считавшаяся одним из самых престижных учебных заведений, где более чем 120 мальчикам преподавали классическую ла-

¹⁷⁰Thomas Platter's Travels in England. P. 197.

¹⁷¹Юсим М.А. События и перемены в духовной жизни Европы: Возрождение, Реформация, Контрреформация. С. 69.

¹⁷²Бовыкин Д.Ю. Повседневная жизнь Европы в XVI—XVII веках // Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время. С. 113.

¹⁷³Бартон Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира / Пер. с англ. М., 2005. С. 146.

¹⁷⁴Бовыкин Д.Ю. Повседневная жизнь Европы в XVI—XVII веках. С. 111.

тынь и греческий¹⁷⁵. Очевидно, что студентов именно этих двух лондонских школ запечатлел на страницах своего «Описания» Т. Платтер¹⁷⁶.

Во второй половине XVI в. богатые лондонские купцы Лоренс Шериф и Джон Лайон основали две ставшие впоследствии знаменитыми школы — Регби и Харроу. Богатейший купец и финансист XVI в. сэр Джон Грэшем завещал 200 ф. ежегодно «...на обеспечение всем необходимым четырех человек, способных читать лекции по богословию, астрономии, музыке и геометрии, в его собственном доме в Лондоне, отведенном под нужды обучения, в течение 50 лет»¹⁷⁷, а также оставил 150 ф. «...на ежегодное обеспечение в течение 50 лет трех человек, способных читать лекции по праву, метафизике, риторике в том же доме...»¹⁷⁸. По аналогичному пути пошел меховщик и олдермен Лондона сэр Эндрю Джадд. Согласно завещанию от 1558 г., он основал «свободную грамматическую школу в Тонбридже (графство Кент) и оставил средства на содержание школьного магистра и младшего учителя»¹⁷⁹. Подобным образом распорядился сэр Роланд Хилл, торговец предметами роскоши и олдермен XVI в., в отношении основанной им «свободной грамматической школы» в графстве Сэллоп¹⁸⁰. Именно купцы, в руках у которых скапливались большие денежные средства, ездили по миру, видели разные страны, набирались опыта и приобретали вкус к новым знаниям, необходимым для торговли, производства и путешествий, сыграли важную роль в появлении новых школ¹⁸¹. Небезынтересно, что все вышеупомянутые купцы необычайно гордились тем, что их имена «останутся в истории», что о них узнают грядущие поколения, им свойственно желание прославиться в веках — яркое свидетельство пробуждения чувства собственного достоинства, неведомого прежде самосознания личности, которая «начинала чувствовать себя центром притяжения и отталкивания силовых линий всех социальных процессов»¹⁸².

Обучение в многочисленных грамматических школах (а в XVII в. в Англии практически в каждом рыночном городе появляется грамматическая школа, способная подготовить к университету¹⁸³) было доступно

¹⁷⁵ *Picard L. Elizabeth's London. Everyday Life in Elizabethan London. P. 220—222; Бартон Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. С. 29.*

¹⁷⁶ *Thomas Platter's Travels in England. P. 197.*

¹⁷⁷ *Calendar of Wills. Vol. 2. P. 699.*

¹⁷⁸ *Ibid. P. 700.*

¹⁷⁹ *Ibid. P. 668—669.*

¹⁸⁰ *Ibid. P. 651—652.*

¹⁸¹ Об этом сюжете также см.: *Picard L. Elizabeth's London. Everyday life in Elizabethan London. P. 218—224; Евсеев В.А. Очерки по истории английского города раннего Нового времени. С. 142—152.*

¹⁸² *Стам С.М. Корифеи Возрождения: в 2-х кн. Саратов, 1991. Кн. 1. С. 26.*

¹⁸³ *Бовыкин Д.Ю. Повседневная жизнь Европы в XVI—XVII веках. С. 111.*

всем, независимо от социального положения. Большие публичные школы принимали живущих в округе детей либо вовсе бесплатно, либо за очень небольшую плату¹⁸⁴. В некоторых школах специально резервировались бесплатные места для бедных. Поэтому особое значение приобретала благотворительность со стороны зажиточной части английского общества. Как видно из завещаний лондонцев, в сферу повседневных обязанностей некоторых представителей правящей элиты города второй половины XVI в. и членов их семей постепенно входит забота о школярах. В частности, Элизабет Николас, вдова торговца солью и олдермена, в 1582 г. специально позаботилась о школярах в Оксфорде и Кембридже, оставив на их нужды по 60 ф.¹⁸⁵

Какой же была школьная программа? «В обычной грамматической школе современные учебные предметы были практически неизвестны. Истории, географии и иностранным языкам, конечно, обучали, но не в публичных школах, а с помощью частных учителей. Эти дисциплины считались составной частью того комплекса знаний, который был необходим для достойного образования представителей высшего дворянства, но не для массового обучения. Так же обстояло дело и с музыкой, арифметикой, геометрией, астрономией, которые можно было изучать и учащимся грамматических школ, но за особую плату. Вместо географии в этих школах преподавали предмет, называемый космографией, — своеобразную смесь фактов и вымысла в области географии, астрономии, антропологии, философии, астрологии и навигации. И, наконец, — то, что нам, с позиций сегодняшнего дня, может показаться совсем уж удивительным, — в школах не изучали родной язык. И хотя такой выдающийся педагог эпохи, как Ричард Малкастер, говорил: «Я почитаю латынь, но обожаю английский язык», и считал, что «следует в первую очередь учиться читать на том языке, на котором мы начинаем говорить», его голос звучал одиноко, и никаких изменений школьной программы в этом отношении не произошло»¹⁸⁶. Как мы видели, в престижных лондонских школах — Вестминстерской и св. Павла — учебный план предполагал изучение текстов классических авторов, классической латыни и греческого языка.

Основание грамматических школ, внимание и забота о студентах — все это свидетельствует о том, что в условиях XVI в. возрос круг ум-

¹⁸⁴Если за сына лорда следовало внести 10 ш., за сына рыцаря — шесть с половиной, а за сына джентльмена — два с половиной, то за сына горожанина — только четыре пенса (треть шиллинга).

¹⁸⁵Calendar of Wills. Vol. 2. P. 707—708.

¹⁸⁶Репина Л.П. «Лучше быть нерожденным, чем необученным» // Раннее Новое время: книга для чтения по истории / Отв. ред. проекта В.П. Буданова; рук. проекта А.О. Чубарьян. М., 2007. С. 137.

ственных запросов и интересов купцов, финансистов и пр., усилилось их стремление к светским, более широким и практическим знаниям, необходимым для ведения т.н. «городских» дел. Купцы должны были в первую очередь и прежде всего полагаться на собственные силы, скрупулезно, в деталях, оценивать конкретную ситуацию на рынке и предпринимать все необходимое для обеспечения безопасности и успеха торговли. Предусмотрительность, осторожность, способность к анализу, деловая активность и энергия, умение концентрировать волю и знания, ориентироваться в сложной ситуации и находить правильное решение, способность учиться на чужом опыте — вот те качества, которые помогали купцу преодолевать совокупность неблагоприятных явлений, случайностей, не всегда поддающихся рациональному объяснению, то есть, противостоять судьбе. Далеко не случайно повседневной заботой и некоторых лондонских олдерменов XVI в. стало стремление дать своим детям, прежде всего сыновьям, хорошее, соответствовавшее потребностям эпохи, образование. Наглядный пример — Уильям, старший сын богатого лондонского суконщика Джона Лэмбарда, олдермена 1547—1554 гг. Уильям родился в 1536 г.; в 20 лет поступил в один из престижных колледжей Лондона — Lincoln's Inn, где получил прекрасное для своего времени юридическое образование и сделал весьма неплохую карьеру. Начав в 1579 г. с должности мирового судьи в графстве Кент, впоследствии Уильям Лэмбард назначался магистром суда лорд-канцлера (1592 г.), избирался членом руководства корпорации барристеров Lincoln's Inn (1597 г.), был президентом колледжа Кобхэм (с 1599 г.). Одновременно с этим Уильям создавал собственные сочинения (в том числе «Описание Англии», 1570 г.) и занимался издательской деятельностью, чем заслужил высокую оценку королевского правительства. В 1601 г., незадолго до смерти, он был назначен Хранителем архивов лондонского Тауэра и вошел в историю как «елизаветинский хранитель древностей»¹⁸⁷, антикварий¹⁸⁸.

Таким образом, культурные феномены в Англии XVI в. привели к изменению отношения общества к знаниям, к оценке возможностей человеческой личности. Новая духовная атмосфера, созданная культурой Возрождения, способствовала осознанию того, что никто, ни короли,

¹⁸⁷ Warnicke R.M. William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536—1601. P. XIV—XV.

¹⁸⁸ Об английских антиквариатах см., напр.: Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Историческая память и технологии антикварного дискурса. Англия раннего Нового времени // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 495—521; Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннеюэартовской Англии. СПб., 2015; Зверева В.В. Антикварианизм XVI—XVII веков. Представление прошлого в контексте научной революции // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 756—771.

ни купцы, не может обойтись без образованности. Именно знания, добытые неустанным трудом, во многом обеспечили успех братьев Ишем и других купцов, как и представителей интеллектуальной среды и сельских джентри, включая обретение и накопление богатства, и общественный авторитет. Оказывается, что и юрист, и церковник, и купец способны добиться признания в глазах общества, когда они образованны, а, следовательно, профессиональны, компетентны — каждый в своем деле.

§4. Приватная жизнь: гендерный ракурс

Матримониальное поведение в среде деловых людей

XIV—XVI вв. принадлежат эпохе, когда в публичной сфере почти безраздельно доминировали мужчины. Это утверждение в полной мере можно распространить и на купеческий социум Лондона, элитарную группу которого составляли представители так называемых «Двенадцати больших ливрейных компаний», монополизировавшие муниципальное управление в городе, — олддермены. Однако совершенно очевидно, что функционирование публичной, «мужской», сферы зависело от созидательной деятельности женщин в домашней, частной, жизни, от ее участия в повседневном управлении семейным хозяйством¹⁸⁹. Кроме того, женщины имели возможности неформального влияния на модели поведения мужчин, подкрепляя или корректируя их публичные действия. И именно женщины служили весьма эффективным инструментом, при помощи которого мужчины скрепляли деловые и политические союзы.

В силу этого заключение брака и связанный с этим матримониальный выбор представляются одними из наиболее ответственных поступков в жизни деловых людей Лондона. При этом социальное положение мужчин и женщин оказывало решающее влияние на матримониальное поведение — как на саму возможность вступления в брак, так и на способ (в условиях полного контроля со стороны родственников или при самостоятельном решении) и критерии выбора будущей супруги или супруга. Институты брака и семьи играли во многом решающую роль в определении индивидуальных судеб мужчин и женщин.

¹⁸⁹См., напр.: *Loengard J.S. Plate, Good Stuff, and Household Things': Husbands, Wives, and Chattels in England at the End of the Middle Ages // The Ricardian: Journal of the Richard III Society. 2003. № 13. P. 328—340; Jones S.R. Women's Influence on the Design of Urban Homes // Gendering the Master Narrative: Women and Power in the Middle Ages / Ed. by M.C. Erler, M. Kowaleski. Ithaca; L., 2003. P. 190—211; Ward J. Women in England in the Middle Ages. L., 2006.*

Обыденное пренебрежение к женщинам не отражало их реальной роли в судьбах мужчин. Как уже было показано, брак купцов с наследницами дворянских фамилий служил механизмом реализации их социальных амбиций, брак с горожанкой — дочерью или вдовой лондонского купца — был одним из распространенных инструментов, при помощи которого осуществлялась интеграция новичка в купеческий социум столицы. Более того, матримониальный союз был одним из средств для проникновения богатых купцов в городскую правящую верхушку. Знакомство с нашими источниками показывает, что муниципальную среду Лондона буквально пронизывали узы родства. Так, известно, что бакалейщик Джон де Престон, сын олдермена 1321—1339 гг. Джона де Престона-ст., был женат дважды. Первый раз — на дочери своего опекуна Джона де Оксенфорда, виноторговца и олдермена 1324—1342 гг.; второй — на дочери Ричарда Константина, суконщика, олдермена 1336—1343 гг., и внучке Ричарда Константина-ст., тоже суконщика и олдермена 1319—1336 гг. Примечательно, что и сын Ричарда Константина-мл., Джон, также суконщик, был лондонским олдерменом в 1349—1358 гг.¹⁹⁰ Потомок де Престонов — Ричард, бакалейщик и олдермен 1378—1387 гг., состоял в браке с дочерью Джона Олшема, торговца предметами роскоши, олдермена 1342—1345 гг., одна из дочерей которого была замужем за Уильямом де Уэльдом, суконщиком, олдерменом 1349—1372 гг.¹⁹¹

Теснейшими узами родства были связаны еще три фамилии лондонских олдерменов: де Кройдоны, де Джизорсы и Хорны. Две дочери торговца рыбой и олдермена 1367—1375 гг. Ричарда де Кройдона (они же — внучки торговца рыбой и олдермена с 1347 г. Джона де Кройдона) вышли замуж за внука Джона де Джизорса, торговца пряностями и олдермена 1306—1321 гг., представителя одной из наиболее уважаемых лондонских семей, и за родственника торговца рыбой и олдермена 1377—1381 гг. Джона Хорна. Любопытно, что в XV—XVI вв. в Лондоне было еще три олдермена по фамилии Хорн¹⁹².

Интереснейшие сведения о брачно-семейных узах в деловой чреде Лондона предоставляют материалы по истории фамилии Чайчелов. Роберт Чайчел, бакалейщик и олдермен 1402—1426 гг., женился дважды: первый раз — на вдове виноторговца Уильяма Мора, олдермена 1382—1400 гг., второй раз — на вдове Ричарда Мэрлоу, торговца железными изделиями, олдермена 1403—1420 гг. При этом вторая супруга Роберта

¹⁹⁰Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 378, 379, 387.

¹⁹¹Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 321, 323, 324; Reel J. Index to Biographies of Englishmen. P. 506, 522, 560, 563.

¹⁹²Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 5, 12, 21; Reel J. Index to Biographies of Englishmen. P. 543.

Чайчела, и это особо подчеркивалось, приходилась родственницей сэру Уильяму де Фарндону, лондонскому ювелиру и олдермену конца XIII в. Брат Роберта — Уильям Чайчел, бакалейщик, олдермен 1407—1420 гг., состоял в браке с дочерью тоже олдермена и бакалейщика Уильяма Барета. Потомка Роберта Чайчела удалось обнаружить среди олдерменов XVI в. — это сэр Эндрю Джадд, меховщик, олдермен 1541—1558 гг.¹⁹³

Немало олдерменов XVI в. находили брачные партии для себя и своих детей в собственной олдерменской среде. В частности, три дочери торговца железными изделиями, олдермена 1556—1581 гг. Кристофера Дрейпера вышли замуж за лондонских олдерменов: Беннет — за сэра Уильяма Уэбба; Эгнис — за сэра Уолстона Дикси; Бриджит — первый раз за Стефена Вудроффа, второй — за сэра Генри Биллингейта¹⁹⁴. Торговец предметами роскоши Лайонел Дакет, олдермен 1564—1587 гг., вторым браком сочетался с вдовой Хэмфри Баскерфелда, тоже олдермена 1558—1564 гг.¹⁹⁵ Отметим, что именно в год смерти Хэмфри Баскерфелда (1564 г.) Лайонел Дакет пополнил олдерменскую элиту Лондона. Джордж Барн-мл., галантерейщик и олдермен 1574—1593 гг., сын олдермена, галантерейщика сэра Джорджа Барна-ст., был женат на Анне, дочери сэра Уильяма Гаррарда, олдермена 1547—1572 гг., тоже галантерейщика¹⁹⁶. Немаловажно, что Джордж Барн-мл. стал олдерменом на второй год после смерти своего тестя. Одна из дочерей сэра Джорджа Барна-ст., Элизабет, была супругой сэра Джона Риверса, бакалейщика, олдермена 1565—1584 гг.¹⁹⁷

Становится понятно, что многие лондонские олдермены стремились жениться на дочерях, вдовах и прочих родственницах своих «коллег» по должности в муниципалитете и детей своих предпочитали отдавать в такие же олдерменские семьи. Потомки таких браков также нередко становились олдерменами Лондона. Этот вывод может быть подкреплен многочисленными и не менее яркими материалами источников.

Заключение браков между представителями олдерменских семей, безусловно, способствовало сплочению и консолидации правящей элиты Лондона, придавало ей большую устойчивость и закрепляло относительную замкнутость этой социальной группы. Семейная солидарность — важнейший инструмент реализации как политического и эко-

¹⁹³ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 2, 4; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 87, 105—106; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 330, 331.*

¹⁹⁴ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 35; Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 92.*

¹⁹⁵ *Ibid. P. 36, 37; Ibid. P. 79, 92.*

¹⁹⁶ *Ibid. P. 31; Ibid. P. 78.*

¹⁹⁷ *Ibid. P. 31, 37; Ibid. P. 78, 119.*

номического господства городского нобилитета, так и хозяйственных и политических устремлений высших слоев купечества.

Материал наших источников позволяет проследить переплетение деловых и матримониальных интересов лондонских олдерменов и купцов, как столичных, так и провинциальных. Особенно много ярких фактов содержат завещания. Приведем лишь некоторые из них. Три дочери торговца предметами роскоши Роберта ле Кэллера, олдермена 1321—1323 гг., были замужем за столичными купцами. В своем завещании Роберт ле Кэллер, наряду с пожертвованиями часовне и приходской церкви св. Томаса и наследством сыновьям — Уильяму и Генри, оставил «суконщику Джеффри де Уэстону и его жене Маргарет, дочери завещателя, ежегодную ренту в приходе св. Марии и имущественные права на помещение на Кордуэйнер-стрит, сданное в аренду Джону де Браие, торговцу шерстью, и его жене Джоанне, второй дочери завещателя. Имущественные права на помещение, сданное в аренду Роберту Миссоку, торговцу шерстью, и его жене Маргарет, третьей дочери завещателя, передаются им...»¹⁹⁸. Вероятно, эта семейная компания, состоявшая из отца, трех дочерей и их мужей, была связана как родственными, так и деловыми интересами. Возможно, что Джон де Браие и Роберт Миссок поставляли шерсть для Джеффри де Уэстона, участвовавшего в организации процесса переработки сырья и производства сукна, торговлю которым могли осуществлять и сам де Уэстон, и особенно его тесть — Роберт ле Кэллер, имевший, как олдермен, наиболее широкие возможности.

Дочь Ричарда де Уэркинга, суконщика и олдермена 1335—1348 гг., вышла замуж за поставщика пшеницы¹⁹⁹. Можем предположить, что и Ричард был каким-то образом связан с торговлей зерном — это не являлось большой редкостью для лондонских олдерменов, учитывая многообразие их коммерческой деятельности. Известно также, что ювелир и олдермен 1464—1468 гг. Хэмфри Хэйфорд был женат на дочери торговца предметами роскоши²⁰⁰. Две дочери бакалейщика Томаса Хэйла, олдермена 1473—1485 гг., вышли замуж за представителей компаний суконщиков и ювелиров²⁰¹. Олдермен 1495—1503 гг. Роберт Фабиан, суконщик, заключил брачный союз с дочерью тоже суконщика²⁰², а тор-

¹⁹⁸Calendar of Wills. Vol. 1. P. 421; *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 382; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 327.*

¹⁹⁹*Ibid.* P. 586; *Ibid.* P. 404; *Ibid.* P. 372.

²⁰⁰*Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 12; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 349.*

²⁰¹*Ibid.* P. 15; *Ibid.* P. 342.

²⁰²*Ibid.* P. 19; *Ibid.* P. 339.

говец предметами роскоши и олдермен 1497—1500 гг. Роберт Тэйт — с дочерью Ричарда Вуда, купца из Ковентри²⁰³.

Многие факты из источников XIV—XVI вв. свидетельствуют об особом интересе олдерменов к купеческим вдовам и вдовам своих бывших «коллег» по муниципалитету. Так, суконщик и олдермен 1319—1332 гг. Ричард Константин состоял в браке с вдовой богатого лондонского торговца пряностями Саймона Горрарда²⁰⁴. Мехащик Джон Сели (один из предков Ричарда Сели-ст. — главы семейной компании XV в.), олдермен XIV в, дважды заключал брак: первый раз — с вдовой лондонского торговца рыбой Уильяма Лоуренса, второй — с вдовой известного лондонского купца Ральфа де Каунтбриджа²⁰⁵. Обратим внимание на то, что Джон Сели предпочел взять в жены вдову торговца рыбой, т.е. представителя ливрейной корпорации, которая занимала более высокое положение в иерархии «Больших ливрейных компаний» Лондона. Вероятно, такой брак мог обеспечить мехащику Сели укрепление и материального, и социального положения в деловом мире английской столицы. То же можно сказать и в отношении торговца рыбой и олдермена 80-х—начала 90-х гг. XIV в. Николаса Экстона, связанного браком с вдовой суконщика Джона Гилла²⁰⁶. На протяжении трех рассматриваемых столетий в почетном списке ливрейных компаний Лондона компания суконщиков неизменно находилась выше компании торговцев рыбой. И мехащик Ричард Элли, олдермен 1451—1460 гг., женился на вдове суконщика Клемента Лиффина²⁰⁷. А торговец солью Ричард Чаури, олдермен 1481—1509 гг., был женат на вдове мехащика Уильяма Шосмита²⁰⁸. Известно, что корпорация торговцев солью в то время только оформлялась как ливрейная, входившая с число «Двенадцати Больших ливрейных компаний», и заручиться поддержкой давно зарекомендовавшей себя компании мехащиков было весьма своевременным и полезным шагом.

Примечательно, что олдермен 1381, 1385—1387 гг. Джон Фрэш, принадлежавший к компании торговцев предметами роскоши, женился на вдове

²⁰³Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 16; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 369. Интересно отметить, что среди олдерменов Лондона конца XV в. был ювелир по имени Томас Вуд, две дочери которого вышли замуж соответственно за ювелира и торговца предметами роскоши (Ibid. P. 19; Ibid. P. 349). Однако, были ли купец из Ковентри (Ричард Вуд) и олдермен из Лондона (Томас Вуд) родственниками, — сказать трудно, поскольку в источниках никакой информации на этот счет не содержится.

²⁰⁴Ibid. Vol. 1. P. 381; Ibid. P. 334; Calendar of Wills. Vol. 1. P. 482—483.

²⁰⁵Ibid. P. 395; Ibid. P. 362; Ibid. Vol. 2. P. 228.

²⁰⁶Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 396; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 323.

²⁰⁷Ibid. Vol. 2. P. 10; Ibid. P. 342.

²⁰⁸Ibid. P. 16; Ibid. P. 339.

Николаса Плакета, тоже торговца предметами роскоши²⁰⁹. Два представителя компании торговцев рыбой — Уильям Аскем, олдермен 1395—1410 гг., и Томас де Уэрнвелл, олдермен 1433—1437 гг., также предпочли вступить в брак с вдовами торговцев рыбой. Супругой Уильяма Аскема стала вдова Уильяма Уайта²¹⁰; супругой Томаса де Уэрнвелла — вдова Уильяма Флэта²¹¹.

По подсчетам Б. Хэнуолт, в 1309—1458 гг. $\frac{2}{3}$ олдерменских вдов вновь выходили замуж, причем очень быстро, в период между смертью супруга и регистрацией осиротевших детей и их имущества у мэра и чемберлена²¹². Столь повышенный интерес к горожанкам, оставшимся без своих богатых и влиятельных мужей, не случаен. По городскому обычаю, они наследовали так называемую «вдовью долю», которая, как правило, составляла треть движимого имущества умершего купца²¹³. А вдовы с малолетними детьми получали еще и треть недвижимости скончавшегося супруга, которая закреплялась за его несовершеннолетними детьми. В такой ситуации мэр и олдермены несли ответственность за эту собственность и назначали опекунов, обычно мать или мать совместно с ее новым супругом. Естественно, опекунство могло служить и служило источником доходов опекуна²¹⁴, и олдермены не желали упускать такую привлекательную, с точки зрения материальных выгод, возможность. Данный факт наглядно подтверждает история заключения брака между Джорджем Сели и Марджерии Ригон. Эта вдова обрела второго супруга через 3 месяца после кончины первого. И произошло указанное событие не без участия представителей лондонской элиты из числа купцов-стапельщиков Кале²¹⁵.

Однако еще более показательна «карьер» вдовы Маргарет Стоди (леди Филпот) в 70 гг. XIV—начале XV в. «Переходя» от одного мужа к другому, сменяя один траурный наряд на другой, Маргарет превращалась из «пешки на шахматной доске», которую перемещали и которой

²⁰⁹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 19; Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Appendix. P. 341.

²¹⁰Ibid. Vol. 1. P. 403; Ibid. P. 322.

²¹¹Ibid. Vol. 2. P. 7; Ibid. P. 336.

²¹²Hanawalt B. The Widow's Mite: Recovery of Dower in Late Medieval London // Upon my Husband's Death: Widows in the Literature and History of Medieval Europe / Ed. by L. Mirrer. Ann Arbor, 1992. P. 36.

²¹³Calendar of Wills. Vol. 2. P. 707—708, а также: Hanawalt B.A. The Dilemma of the Widow of Property for Late Medieval London // The Medieval Marriage Scene: Prudence, Passion, Policy / Ed. by Sh. Roush, C.L. Baskins. Tempe, 2005. P. 135—146; Idem. The Wealth of Wives: Women, Law, and Economy in Late Medieval London. Oxford, 2007; Valerie Emanoil M.A. "In my pure widowhood": Widows and Property in Late Medieval London: Ph.D. diss. The Ohio State University, 2008.

²¹⁴Barron C. Introduction: The Widow's World in Later Medieval London // Medieval London Widows, 1300—1500 / Ed. by C.M. Barron and A.F. Sutton. L., 1994. P. XXV.

²¹⁵Hanham A. The Celys and Their World. An English Merchant Family of the Fifteenth Century. Cambridge, 1985. P. 310.

жертвовали представители «сильного пола», реализуя свои социальные и политические амбиции, в настоящую «королеву», главным образом благодаря тому, что наследство ее отца и мужей сделало эту женщину необычайно богатой и привлекательной на рынке невест.

Своими корнями Маргарет Стоди связана с хорошо известной в лондонском обществе и влиятельной семьей торговцев пряностями и вином, бакалейщиков де Джизорс, представители которой впервые упоминаются в анналах городской истории еще в начале XIII в. Основателем этого семейного клана, на протяжении трех столетий игравшего заметную роль в истории Лондона, считается Лоренс де Джизорс. Именно его внук, Джон, торговец пряностями и вином, в 1243 г. стал первым олдерменом из этой семьи и первым мэром английской столицы — в 1245—1246 и 1258—1259 гг.²¹⁶ После него на протяжении XIV—XV вв. из де Джизорсов были избраны еще пять олдерменов Лондона²¹⁷.

Маргарет приходилась внучкой Джону де Джизорсу, третьему олдермену (1306—1310, 1310—1321 гг.) и мэру (1311—1312, 1312—1313, 1314—1315 гг.) из этой фамилии, бакалейщику и торговцу вином, финансисту²¹⁸. Отцом Маргарет был сэр Джон Стоди, крупнейший импортер вина, олдермен, мэр Лондона 1357—1358 гг., женатый на Джоан, внучке и сонаследнице упомянутого Джона де Джизорса²¹⁹. Этот брак оказался необычайно выгодным для Стоди: после кончины Джона де Джизорса в 1351 г. он получил два огромных дома и другие строения, сосредоточенные во круг одного из престижных районов — Винного двора в Лондоне²²⁰.

В браке сэра Джона Стоди и Джоан Джизорс родились четыре дочери: Айдония, интересующая нас Маргарет, а также Марджери и Джоан. Джон Стоди (ум. 1376 г.) сумел подобрать весьма подходящие брачные партии для всех своих дочерей. Айдония в 1369 г. вышла замуж за Николаса Брембра, став женой одного из самых богатых, амбициозных и одновременно противоречивых фигур того времени. К моменту заключения брака Брембр, бакалейщик и торговец пряностями, уже был состоятельным и успешным человеком: жил в огромном лондонском доме, тесно сотрудничал с торговцами вином из Гаскони. Значительную часть своего состояния, в том числе некоторую недвижимость, он приобрел благодаря удачным вложениям в торговлю шерстью²²¹. Женившись на

²¹⁶*Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 372.*

²¹⁷*Ibid. P. 372, 390.*

²¹⁸*Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. Appendix I: Mayors and Sheriffs. P. 325, 326.*

²¹⁹Другая его внучка была выдана за влиятельного купца, виноторговца Генри Пикарда, лондонского олдермена и мэра 1356—1357 гг.

²²⁰*Calendar of Wills. Vol. 1. P. 57; A History of the Vintners' Company. L., 1977. P. 46—47.*

²²¹*Bird R. The Turbulent London of Richard II. L., 1949. P. 2—7.*

дочери сэра Джона Стоди, Брембр обеспечил себе вхождение во влиятельную среду лондонских виноторговцев и олдерменов Лондона²²².

Именно Николас Брембр, признанный лидер «партии виктуаллеров», наиболее последовательный сторонник Ричарда II (1377—1399) в его борьбе против «партии» Джона Гонта, герцога Ланкастерского, в ноябре 1379 г. устроил брак Джоан, младшей дочери сэра Джона Стоди, с Томасом Гудлейком, который к тому времени давно и успешно участвовал в коммерческих делах Брембра. Вполне вероятно, что Гудлейк получил руку девушки как средство более основательного вовлечения его в тесный круг доверенных лиц Николаса Брембра. Брембр также — видимо, в благодарность за оказанные услуги и гарантии лояльности в будущем²²³ — поспособствовал назначению Томаса ко двору малолетнего Ричарда II, на должность смотрителя королевских охотничьих угодий и парков Ислворт в Миддлсексе²²⁴.

Избранником еще одной дочери Джона Стоди, Марджери, стал Генри Веннер, считавшийся завидной партией из-за своих семейных и отлаженных деловых связей. Он был сыном виноторговца, одного из компаньонов Джона Стоди, унаследовавшим после смерти своего отца в 1354 г. солидную недвижимость в Кенте, Миддлсексе и Лондоне. Мать Генри Веннера вторично вышла замуж за еще одного богатого торговца вином Томаса Корнуоллиса, шерифа в 1378—1379 гг.²²⁵ Следовательно, когда Веннер взялся за управление процветающим бизнесом своего тестя, ему было на кого опереться. И хотя Генри Веннер не стал столь же влиятельным как Брембр, вплоть до своей кончины в 1395 г. он играл значимую роль в управлении Лондоном в качестве олдермена, члена парламента и шерифа²²⁶.

Возможно, стараясь расширить экономические связи семьи, Джон Стоди до декабря 1370 г. устроил брак интересующей нас Маргарет с купцом Джоном Беллингэмом, вовлеченным в коммерческие дела семьи Стоди. Именно в это время Беллингэм присоединился к Брембру и

²²²*Nightingale P. A Medieval Mercantile Community. The Grocers' Company and the politics and trade of London. N.H.;L., 1995. P. 230.*

²²³Гарантии такого рода были крайне необходимы Брембру в связи с острейшей политической и экономической борьбой между его «партией виктуаллеров» и противостоявшей ей «демократической партией» Джона Норхемптона, основу которой составляли купцы из компаний торговцев предметами роскоши и суконщиков, выступавшие за ликвидацию монополии на торговлю продуктами питания, которой обладали виктуаллеры (см.: *Documents Touching John of Northampton and Sir Nicholas Brembre. P. 18*).

²²⁴*Rawcliffe C. Margaret Stodeye, Lady Philipot (d. 1431). P. 90—91.*

²²⁵*Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. Appendix I: Mayors and Sheriffs. P. 334.*

²²⁶*Ibid. P. 335.*

новому тестю в управлении собственностью — двумя манорами в Миддлсексе. Джону Беллингэму, казалось, суждена блестящая политическая карьера (в октябре 1373 г. он был избран в парламент), но его ранняя смерть в 1375 г. разрушила эти надежды.

Маргарет в это время ждала третьего ребенка, но вопрос о ее втором браке был слишком важен, чтобы откладывать его решение. Известно, что дела ее почившего супруга шли успешно: в октябре 1375 г., например, его душеприказчики выплатили 200 марок адвокатам двух итальянских купцов, у которых он закупал предметы роскоши, а единственная дочь, Айдония, получила крупную сумму — 100 ф. — в качестве «свадебного капитала»²²⁷. В целом наследство Джона Беллингэма, которое оказалось в руках Маргарет, было весьма значительным: оно состояло не только из наличных денег, но также из лавок и прочей недвижимости, по крайней мере, в шести приходах Лондона и земель в Миддлсексе²²⁸. И это наследство необходимо было использовать с максимальной выгодой.

Джон Стоди тем временем старел и, видимо, задумывался о том, чтобы подыскать для Маргарет еще гораздо более удачную партию, чем первый брак. Реализации задуманного способствовало и быстрое продвижение Брембра по социальной лестнице, и его стремление использовать семейные связи и усилить свое влияние в городе. В 1372 г. он был шерифом вместе с Джоном Филпотом, торговцем рыбой, необычайно богатым и влиятельным человеком, с которым стремился заключить длительный союз²²⁹. Жена Филпота, Маргарет Кройдон, умерла в то же время, что и Беллингэм, и, таким образом, не было препятствий для его брака с молодой вдовой. Брак Джона Филпота и Маргарет Стоди (Беллингэм) был заключен к марту 1376 г. Именно в это время Джон Стоди написал завещание, разделив свое состояние на четыре части, — для каждой из дочерей. Все три зятя становились душеприказчиками, но опека над младшей дочерью, Джоан, которая получала дополнительные 200 ф. после свадьбы, досталась, что примечательно, одному только Брембру²³⁰.

Не только материальные, но и политические мотивы заставили Филпота породниться с Брембром и Стоди. Все трое были связаны с королевскими финансами; после смерти Стоди и воцарения Ричарда II два свояка доминировали в правительстве Лондона, поочередно занимая должность мэра во время богатого на события десятилетия, закончившегося в октябре 1387 г. Не следует пренебрегать и тем обстоятель-

²²⁷Rawcliffe C. Margaret Stodeye, Lady Philipot (d. 1431). P. 88.

²²⁸Calendar of Wills. Vol. 2. P. 423—424.

²²⁹Джон Филпот вскоре стал надежным и преданным союзником Николаса Брембра, его соратником по «партии виктуаллеров».

²³⁰Calendar of Wills. Vol. 2. P. 317.

ством, что в 1376 г. умер могущественный покровитель Филпота — Ричард, герцог Арундел, один из основных кредиторов Эдуарда III, использовавший обладавшего несомненными способностями Джона в качестве своего коммерческого агента и финансового советника²³¹. В изменившейся ситуации Джону Филпоту необходимо было найти влиятельного союзника в Сити, которым и стал Ник Брембр.

На фоне острейшей борьбы фракций в Сити, когда богатые олигархи столкнулись с угрозой со стороны «партии» Джона Нортхемптона и серией серьезных столкновений с Джоном Гонтом и другими членами Королевского совета, Филпот предстает как привлекательная и популярная фигура. Его личная храбрость в нападениях на коррумпированный двор и тот факт, что он практически в одиночку взял на себя финансовые расходы, связанные с двумя крупными сухопутными и морскими операциями против французов²³², обеспечили Джону поддержку в городе. Вместе с тем, он продемонстрировал преданность королю, активно участвуя в подавлении восстания Уота Тайлера 1381 г., за что Ричард II даровал Филпоту рыцарство²³³. Ему повезло заручиться лестными отзывами персонального пропагандиста в церковных хрониках Томаса Уолсингема, который не скрывал своего восхищения всеми, кто был достаточно храбр, чтобы противостоять дискредитировавшей себя «партии» королевского двора. «Как следствие, все требовали похвалы, оценки и восхищения, но лишь Джон Филпот заслужил их»²³⁴, — писал он, наделив своего героя ролью одинокого и лояльно патриота, окруженного сворой рычащих и мерзких дворян и знати.

Личные чувства Маргарет Стоди к ее второму мужу доподлинно неизвестны. Вместе с тем, готовность Филпота обеспечить Маргарет пожизненным доходом от его имений в Лондоне и Миддлсексе (за исключением тех, которые были оставлены для благотворительных целей) в ущерб своим взрослым сыновьям и дочерям, указывает на то, что он достаточно высоко ценил свою супругу и был искренне к ней привязан. Именно на Маргарет Джон Филпот возложил выполнение некоторых религиозных обетов, указанных в его завещании, хотя и не назначил ее душеприказчицей. Он был весьма щедр к ее дочери Айдонии, завещав ей 100 ф.²³⁵ Маргарет, в свою очередь, была готова пожертвовать

²³¹Rawcliffe C. Margaret Stodeye, Lady Philipot (d. 1431). P. 89.

²³²Напомним, что шла Столетняя война, и в середине 70-х гг. XIV в. французская армия оттеснила англичан на юге страны к морю, оставив под их властью только Бордо, Байонну и побережье между ними.

²³³Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 389.

²³⁴Walsingham T. Historia Anglicana / Ed. by H.T. Riley. L., 1863—1864. Vol. 1. P. 370—371.

²³⁵Calendar of Wills. Vol. 2. P. 339.

интересами и перспективами своих сыновей от первого брака, чтобы обеспечить достойным приданым старшую дочь Джона Филпота: первоначально мальчики были записаны в завещании как наследники ее доли в состоянии Стоди, включая движимое и недвижимое имущество, но затем она лишила их права на наследование недвижимости в пользу дочери Филпота²³⁶. Смерть летом 1384 г. «лорда Джона Филпота, рыцаря и гражданина Лондона, знатнейшего из мужей, служивших королю и королевству»²³⁷, вероятно, была причиной искренней скорби Маргарет и явилась жестоким ударом для Брембра. Он также был посвящен в рыцари в 1381 г., но, в отличие от Филпота, не получил признания горожан. В феврале 1384 г. Брембр успешно, но жестоко подавил выступление оппозиции Джона Нортхемптона и его сторонников, и у него оказалось много врагов среди горожан и еще больше — среди влиятельной знати, которых все больше не устраивал стиль правления Ричарда II. И эти враги скоро проявят себя. А пока Брембр был озабочен поисками новой брачной партии для леди Филпот, которая теперь стала вдовой одного из самых уважаемых горожан своей эпохи, обладала огромным состоянием и могла выйти замуж за одного из членов городской элиты или найти мужа в среде знати²³⁸. Но судьба Маргарет была связана с Брембром, который вместе в Веннером, всегда поддерживавшим его в семейных делах, стал опекуном наследства Маргарет в период ее вдовства. И она вышла замуж за королевского чиновника Джона Фиц-Никола, который, как и ее свояк, был вовлечен в мир правительственных финансов.

Знакомство Брембра и Фиц-Никола состоялось в 1373 г., когда крупнейшие финансисты лондонского Сити, в том числе Брембр и Филпот, предоставили королевскому правительству 9 тыс. ф. для займа Жану де Монфору, герцогу Бретонскому, сражавшемуся в тот момент за свое наследство²³⁹, и Фиц-Никол, с 1369 г. являвшийся, по сути, одним из доверенных лиц герцога, выступил его агентом в этой сделке²⁴⁰. С этого времени у Джона Фиц-Никола установились тесные деловые контакты с купцами и финансистами Сити, а с Брембром сложились и дружеские отношения. Поэтому выбор Фиц-Никола в качестве мужа для Маргарет Филпот кажется вполне оправданным. Готовность Брембра принять Фиц-Никола в семью во многом была продиктована стремлением удержать под контролем состояние Маргарет. Сама мысль о том, чтобы

²³⁶Calendar of Wills. Vol. 2. P. 423—424.

²³⁷Walsingham T. Historia Anglicana. Vol. 2. P. 115.

²³⁸Известно, например, что ее тетя, Маргарет Пикард, стала женой лорда Бургерша.

²³⁹См., напр.: *Брайант А.* Эпоха рыцарства в истории Англии / Пер. с англ. Т.В. Ковалева, М.Г. Муравьева. СПб., 2001. С. 372—379.

²⁴⁰Rawcliffe C. Margaret Stodeye, Lady Philipot (d. 1431). P. 91.

передать этот источник дохода кому-нибудь, кроме близкого друга, вызвала сильнейшее беспокойство²⁴¹. Возможно, что брак Фиц-Никола и Маргарет Филпот был вызван желанием короля Ричарда II устроить судьбу преданного подданного за счет другого подданного. Возможно, оба фактора имели место, и дали Брембру шанс угодить венценосному покровителю и укрепить собственные позиции. Даже если, что вероятно, именно король приложил руку к третьему браку Маргарет, Брембр был весьма доволен выбранным ей мужем. У Фиц-Никола была приличная собственность в Лондоне и поместье в Хартфордшире, хотя, надо признать, его доход в 80 ф. был слишком мал по сравнению с доходом любого зажиточного лондонца. Причина его продвижения лежала в связях с королем Ричардом и сэром Николасом Брембром. Свадьба состоялась в последние месяцы жизни Брембра, сразу же после того, как 10 июня 1387 г. Маргарет подтвердила права на получение Фиц-Николом части доходов с ее поместий. Примечательно, что в тот же день Фиц-Никол совместно с сэром Николасом получили права на годовую ренту в 8 ф. с лондонской недвижимости, а в сентябре 1387 г. он и Веннер весьма своевременно стали опекунами собственности Брембра. Каковы бы ни были причины этого брака, он укрепил связи Маргарет с королевским двором: далеко не случайно в конце 80х гг. XIV в. ее овдовевшая сестра Айдония стала супругой сэра Болдуина Реддингтона, влиятельного представителя королевского окружения, тесно связанного со столичными купцами и, вероятно, покровителя Фиц-Никола при дворе²⁴².

Между тем, для сэра Николаса Брембра наступили трудные времена. Своей политикой в качестве мэра, сопровождавшейся многочисленными злоупотреблениями, он вызвал массовое недовольство в Сити. К этому времени сумели укрепить свое положение и противники короля — главного покровителя Брембра. В феврале 1388 г. сэр Николас Брембр был казнен²⁴³. Ни один из его родственников не смог действительно постоять за него.

А в конце февраля или начале марта 1391 г. умер Джон Фиц-Никол. Снова, уже в третий раз, Маргарет овдовела, а ее богатая коллекция собственности обогатилась поместьем Бадуэлл, всеми владениями Фиц-Никола в Лондоне и солидной долей от вложений почившего супруга.

²⁴¹Брембр и Веннер также строили планы в отношении замужества Айдонии Беллингэм, дочери Маргарет, с одним из коллег Веннера по компании виноторговцев.

²⁴²Немаловажно, что после известного конфликта лондонцев с королем, в результате чего в 1392 г. город был взят «в королевскую руку», именно сэр Болдуин Реддингтон стал подлинным хозяином Лондона (см.: *Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. Appendix I: Mayors and Sheriffs. P. 335*).

²⁴³*Documents Touching John of Northampton and Sir Nicholas Brembre. P. 20.*

Казалось бы, смерть Брембра и сдвиг в городской политике от конфронтации к согласию между различными «партиями» сделали вопрос о браке Маргарет менее насущным, но она была слишком выгодным активом, чтобы спокойно наслаждаться годами вдовства. Ее огромное состояние и социальный статус теперь как никогда могли использоваться правящей элитой, чтобы окончательно победить или умиловить последние остатки «демократической» оппозиции. Спустя девять или даже менее месяцев ей вновь была предложена партия на рынке невест.

Последний брак Маргарет был самым политически ангажированным и в полной мере иллюстрирует весь чуждый сентиментальности прагматизм, который был характерен для многих женщин ее круга. Ее новым «избранником» стал ювелир Адам Бамме, личность столь примечательная, сколь и неоднозначная. Первоначально он был сторонником мэра Джона Нортхемптона и поддерживал его в борьбе против Брембра и других купцов-виктуаллеров. В качестве шерифа в 1382 г. он сыграл главную роль в обвинении в измене, предьявленном пяти соратникам Брембра из числа олдерменов. Однако, будучи столь же расчетливым, как и амбициозным, он предусмотрительно покинул Нортхемптона за два года до падения последнего, избежав тем самым ответных мер со стороны Брембра после его триумфального, но недолгого возвращения в должность в 1385 г.²⁴⁴

Отголоски старой вражды между крупными продовольственными компаниями (представленными в свое время Брембром) и «партией» Джона Нортхемптона, все еще ощущались на выборах мэра 1389 г. На должность претендовали ювелир Адам Бамме и бакалейщик Уильям Венур. Бамме был слишком искушен в опасном деле городского противостояния и предпочел победить своих противников демонстрацией внутренней величественности. Его готовность в данный момент отступить в пользу Венура не только обеспечила ему победу на следующих выборах 1390 г.²⁴⁵, но стала пропуском в круг ведущих олигархов.

Рука и состояние леди Филпот стали предложением, от которого Бамме не смог отказаться, особенно если учесть, что его первая жена, будучи вдовой преуспевавшего ювелира Лондона и источником доходов для него самого, недавно скончалась. Как необычайно искусный ювелир, клиентом которого были Джон Гонт и его сторонники при королевском дворе, Бамме может считаться более выгодной партией, чем почивший Фиц-Никол. Он к тому же не уступал Джону Филпоту, когда речь шла о заботе о так называемом общественном благе. Во времена

²⁴⁴Documents Touching John of Northampton and Sir Nicholas Brembre. P. 24—25.

²⁴⁵Адам Бамме избирался мэром Лондона дважды — в 1390—1391 и 1396—1397 гг. (см.: *Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. Appendix I: Mayors and Sheriffs. P. 335.*)

жестокого голода, который совпал с его пребыванием на посту мэра в 1391 г., например, он лично подписал заем на 400 ф. из корпоративной казны, чтобы купить дополнительные запасы пшеницы, договорившись о поставке «зерна из-за моря <...> в таком количестве, которое необходимо для города»²⁴⁶.

Как следовало ожидать, Бамме максимально пользовался своими новыми связями. В 1392 г., например, он получил поместья Брембра, которые были конфискованы у его душеприказчиков. Бамме помог Маргарет получить, по крайней мере, 600 ф. от имения покойного сэра Джона Филпота, с чем у нее возникли серьезные затруднения: сбор таких больших сумм денег лежал в сфере его личных интересов, так как Адам мог эффективно пользоваться ими по своему усмотрению. Если говорить об отношениях между свояками, можно предположить, что они были рады покровительству такой влиятельной и снисходительной персоны. Не теряя времени, Веннер, например, передал Бамме управление своими поместьями в качестве доверителя и вверил ему надзор за исполнением условий его завещания²⁴⁷.

Адам Бамме внезапно умер 6 июня 1397 г., во время второго срока пребывания в должности мэра. Возможно потому, что в предыдущем браке у Адама не было сына, он предпочитал по большей части арендовать, а не покупать недвижимость, вследствие чего значительная часть оставленного им состояния была получена Маргарет лишь на время. Тем не менее, Адам арендовал эту собственность на льготных условиях, и во владении семьи еще несколько десятилетий находились лавки, постоянные дворы, дома в двух лондонских приходах. В полной собственности оказались гостиница, известная как «Ле Контур» с разнообразными пристройками, пивоварня в Паултри, лавки и дома в Уэстчипе²⁴⁸. У Маргарет к тому же был солидный доход в 116 ф. от собственности в городе. Смерть ее родственницы, Джоан Джизорс, вдовы крупного бакалейщика и олдермена Хью Фастолфа и наследницы бакалейщика и олдермена Саймона Долсли, принесла ей дополнительные ренты и недвижимость, по крайней мере, в четырех городских приходах, которые отошли к ней в 1423 г.²⁴⁹

Маргарет, чье четвертое замужество принесло не только важные материальные приобретения, но и сына Ричарда, могла покинуть рынок невест и насладиться 34 годами в качестве уважаемой, знатной и самой богатой вдовы Лондона. Ей было уже за 40, она вышла из детородного возраста, и, по крайней мере, один из ее отпрысков мужского пола

²⁴⁶Stow J. A Survey of London / Ed. by C.L. Kingsford: in 2 vols. Oxford, 1971. Vol. 2. P. 108.

²⁴⁷Calendar of Wills. Vol. 2. P. 394.

²⁴⁸Ibid. P. 408—409.

²⁴⁹Ibid. P. 392—393.

дал надежду дожить до зрелого возраста — все это снижало ее привлекательность как невесты. Теперь, когда и Брембр, и Веннер скончались, она могла вести свои дела без постороннего вмешательства, следовательно, мало что мешало ей удалиться с рынка невест и принять формальный обет целомудрия. Так она и сделала через семь недель после смерти Бамме перед лицом епископа Лондонского Роберта Брейбрука в ризнице собора св. Павла. Неясно, сделала ли она это, исполняя волю своего мужа, или из уважения к нему. Возможно, ей просто хотелось побыть одной, что само по себе весьма привлекательный мотив. Так или иначе, Маргарет отошла от общества в знак исполнения обета, облачившись в траурное одеяние, украшенное мехом горноста, которое впоследствии перешло ее крестнице, Марджерии Уэйк²⁵⁰.

Примечательно, что в период вдовства Маргарет предпочитала называть себя леди Филпот, но похоронить себя она завещала рядом с Адамом Бамме в церкви св. Георгия в Баклсбери. Следует также отметить, что в своем завещании, составленном менее чем за месяц до кончины (ум. 1431 г.)²⁵¹, она именовала себя вдовой обоих мужчин, скромно пропустив первого и третьего мужа и троих детей от Беллингэма, один из которых, надо полагать, пережил ее на несколько лет. Она, несомненно, испытывала теплые чувства к сыну Ричарду Бамме, чье имя встречается рядом с ее собственным на всех распоряжениях по поводу собственности Адама Бамме начиная с 1407 г. (а ему тогда было не более 7 лет). И именно ему она оставила свои владения в Лондоне. Не удивительно, что Ричард был назван исполнителем ее завещания, в котором она оставила ему также утварь и кровать с драпировкой. Мы можем лишь догадываться, был ли тайный смысл в ее подарке своей невестке, дочери судьи Мартена, которой она отдала серебряную чашу с павлинами — птицами, известными своим тщеславием, но щедрость, с которой она одарила своих прислужниц, Сесили и Эмми, «за их труд и усердие», показывает, что и ей была свойственна доброта. Об этом же свидетельствует ее дар из двух серебряных блюдец младшему внуку, Джону Бамме, который, надо полагать, был ей утешением во время ее долгого уединения. В отличие от драматичных событий первых лет ее жизни, последние прошли без потрясений.

Несмотря на свое состояние и важное место в обществе, которые выделяют Маргарет Филпот среди других женщин такого же уровня, ее фигура остается неясной, затененной ее политически активными и амбициозными родственниками-мужчинами. Вероятно, она помогала в коммерческих делах своему первому мужу, но с тех пор она заняла слишком важное место, чтобы стоять за прилавком или вести счета се-

²⁵⁰Calendar of Wills. Vol. 2. P. 423—424.

²⁵¹Ibid.

мый. Возможно, ей не хватало интеллектуальных способностей и образования, чтобы стать купцом, более того, нет никаких свидетельств, что у нее вообще было образование, хотя она, безусловно, могла написать свое имя. Отношение Маргарет к религии было весьма обыденным, а принятие ею обета целомудрия могло быть и реакцией на бурную молодость, и стремлением оградить себя от амбиций родственников. Можно предположить, что у нее наконец-то были развязаны руки, чтобы исполнять собственные желания после стольких лет исполнения желаний родственников-мужчин, но будем надеяться, что ее скромное домашнее окружение и любящая семья принесли ей некоторое удовлетворение.

Важно отметить, что женитьба была семейным делом. В этом нас убеждает и история Маргарет Филпот, и пример купеческой семьи Сели. В частности, Ричард Сели-мл. в своем письме брату Джорджу, отправленном из Лондона в Кале 4 июня 1481 г., подробно описывает события и высказывает свои суждения: «...Сэр, ты должен помнить о разговоре по поводу сестры Дальтонов. Ты опасался условий, поставленных ее отцом и братьями <...> Я видел ее, она была на том завтраке со своей матерью. Она интересная молодая женщина: красивая, с хорошей фигурой, серьезная. Дай Бог, чтобы это отложилось в твоей голове и затронуло сердце. Сэр, в последнюю пятницу мы с отцом были в новом фруктовом саду, и я рассказал ему о впечатлении, которое произвела на меня эта молодая женщина...»²⁵².

В этом письме любопытны многие детали. Совершенно очевидно, что предполагаемая невеста Джорджа находилась под опекой отца и братьев, один из которых был деловым партнером купцов Сели. Ясно и то, что между сторонами велись переговоры об условиях заключения брака, которые впоследствии, возможно, должны были оформиться брачным договором. Видно, что обе семьи, по крайней мере, отец братьев Сели и мать Дальтонов, благожелательно относятся к возможной женитьбе. Просматривается и определенная заинтересованность в этом самого Джорджа Сели. Весьма характерно, что Ричард передает свои впечатления, описывая брату внешность его возможной избранницы и некоторые особенности ее характера, — свидетельство неподдельного интереса к личности будущей супруги. Показательно и желание Ричарда, чтобы достоинства избранницы не только «отложились в голове», но «и затронули сердце» Джорджа²⁵³.

По каким-то причинам свадьба Джорджа Сели и сестры Дальтонов так и не состоялась. В конечном счете, супругой Джорджа стала Марджерри, молодая вдова лондонского суконщика и купца-стапельщика Эдмунда Ригона, который завещал ей 1800 марок и назначил ее главной душе-

²⁵²Letter № 117 // The Cely Letters. P. 106—107.

²⁵³Ibid.

приказчицей²⁵⁴. Эта богатая вдова, еще не имевшая детей и находившаяся под покровительством компании купцов-складчиков Кале, оказалась весьма достойной брачной партией для одного из братьев Сели.

Не меньший интерес вызывал поиск супруги другому брату — Ричарду. В письме брату Джорджу из Лондона в Кале от 13 мая 1482 г. он сообщает: «...Уильям Мидуинтер встретился со мной и в разговоре спросил, подумываю ли я о женитьбе. Я ответил утвердительно...»²⁵⁵. Заметим, что когда в XV в. молодой человек из обеспеченной семьи говорил, что готов жениться, это означало, что его имущественное положение позволяет после заключения брака жить в соответствии с происхождением, достоинством и без ущерба для репутации. Затем Ричард довольно подробно рассказывает о встрече и знакомстве со своей возможной избранницей и ее мачехой, о семье предполагаемой невесты, ее мачехе и отце — «крупнейшем *rewlar* и богатейшем человеке» из дворян — Лимрике²⁵⁶.

И вновь, как и в предыдущем письме, бросается в глаза то, с каким вниманием отнесся Ричард Сели к внешности молодой женщины: «Она молода, невысока, очень хороша собой и белолица...»²⁵⁷. Немаловажно, что братья просят совета друг у друга в таком, казалось бы, личном вопросе, как выбор невесты, что позволяет говорить о доверительных отношениях между ними: «Напиши, что ты думаешь об этом деле...»²⁵⁸, — пишет Ричард Джорджу. Не подлежит сомнению в данном случае и то, что одним из немаловажных мотивов выбора брачной партии братьями Сели, видимо, как и многими другими купцами, были материальные соображения и вопросы социального престижа.

Неизвестно, по каким причинам, но женитьба Ричарда Сели на этой особе тоже не состоялась. Можно лишь предположить, что отказ последовал, скорее всего, со стороны влиятельного и богатого Лимрика. Но вот уже 22 мая 1482 г. в своем письме Джорджу Сели в Кале или Брюгге Ричард-мл. пишет: «...Гарри Брайан убедительно советовал мне повидать дочь Роузона <...> У меня много разных мыслей»²⁵⁹. Речь в данном случае идет об Анне, дочери Ричарда Роузона, торговца предметами роскоши и лондонского олддермена, на которой Ричард Сели-мл. женился в январе 1484 г.²⁶⁰ Видимо, семьям крупнейших купцов Лондона, како-

²⁵⁴ Hanham A. The Celys and Their World. An English Merchant Family of the Fifteenth Century. P. 310.

²⁵⁵ The Cely Letters. P. 151.

²⁵⁶ Ibid. P. 151—152.

²⁵⁷ Ibid. P. 152.

²⁵⁸ Ibid. P. 153.

²⁵⁹ Ibid. P. 155.

²⁶⁰ Анна Роузон получила от отца 500 марок в качестве приданого, см.: Hanham A. The Celys and Their World. An English Merchant Family of the Fifteenth Century. P. 310.

выми являлись Роузоны и Сели, договориться об условиях заключения брака оказалось проще. Безусловно, важным объединяющим моментом здесь, как и в случае с Джорджем, выступали не только личные симпатии сторон, но и их деловые интересы.

Однако не все братья Сели удачно женились. Много неприятностей и переживаний семье доставил старший из братьев — Роберт. Из нескольких писем становится ясно, что личная жизнь Роберта Сели после того, как он, находясь в лондонском доме, 19 июля 1479 г. потерял жену во время эпидемии, не была безоблачной и очень волновала домочадцев. Так, Ричард Сели-мл. в письме брату Джорджу из Лондона в Кале от 7 апреля 1480 г. с досадой сообщает: «...Сэр, между нашим братом Робертом и той женщиной, которая должна стать его женой, произошла размолвка, он не пошел ей на уступки. Теперь он предполагает уехать и вскоре будет в Кале...»²⁶¹. А 15 мая 1480 г. он же взволнованно пишет брату Джорджу: «...Сэр, нам предстоят большие хлопоты. Дело в том, что женщина, которая поймала в ловушку брата Роберта, оставила его и забрала все имущество — и то, которое привезла с собой, и все то, что брат приобрел за время их совместного проживания...»²⁶². Данные фрагменты писем очень ярко характеризуют повседневную практику межличностного общения, выявляют особенности характеров и поведения людей. Обратим внимание и на то, что Роберт Сели фактически сожительствовал с некой, оказавшейся весьма недобропорядочной, женщиной, а не находился с ней в законном браке. Это лишний раз доказывает, что реальная жизнь и в XV в. была значительно сложнее и разнообразнее известных общественных установок и обычаев.

Понятно, что поведение Роберта вызывало недовольство его родственников. Роберт, в том числе по этой причине, был отстранен от торговых дел, хотя по традиции, существовавшей в английской торговле, дело должен был унаследовать именно он, как старший сын. Но, несмотря на немилость к Роберту, семья, как могла в тех условиях, продолжала оказывать ему помощь: «Сэр, наши отец и мать хотели бы, чтобы ты уплатил за его жилье в Кале и передал ему 5 ш. или чуть больше на расходы, взяв с него долговое обязательство на всю выданную сумму...»²⁶³. Особенно удивляет следующая фраза из того же письма Ричарда Сели-мл.: «Сэр, я прошу тебя не показывать ему этого письма и не говорить с ним об этом, пока все не успокоится...»²⁶⁴. Оказывается, и в конце XV столетия близкие родственники столь трепетно относились к чувствам и переживаниям друг друга!

²⁶¹Letter № 83 // The Cely Letters. P. 73—74.

²⁶²Ibid. P. 75—76.

²⁶³Ibid.

²⁶⁴Ibid.

К сожалению, у нас крайне мало данных, по которым мы могли бы судить о возрасте, в котором в богатых купеческих семьях Лондона вступали в брак. Известны лишь отдельные случаи. Небезызвестный мерсер и олдермен второй половины XIV в. Джон Пайел женился в возрасте 30—35 лет, а Джон Ишем — в 28 лет. Косвенными свидетельствами, указывающими на брачный возраст, могут служить имущественные распоряжения отдельных купцов в отношении дочерей и сыновей. Согласно документу, проходившему через лондонскую мэрию 24 июля 1464 г., Элис, дочь скончавшегося торговца предметами роскоши Джеффри Болейна, могла вступить в права наследования по достижении 25 лет или в случае замужества²⁶⁵. Вполне вероятно, что выйти замуж она могла и раньше, не дожидаясь 25-ти летнего возраста. Такой возраст (25 лет) встречается во второй половине XV в. довольно часто, и не только когда речь идет о дочерях олдерменов, но и при упоминании сыновей²⁶⁶. Единственное исключение в отношении дочери было сделано в 1469 г.: она получила от своего отца — виноторговца право вступить в наследство «в возрасте 15 лет или в случае замужества»²⁶⁷. Для сыновей определены также 24 года²⁶⁸ и 27 лет²⁶⁹. Известно, например, что Джордж Сели женился, судя по всему, в возрасте 25—26 лет, а его брат Ричард, видимо, когда ему было 26—27 лет.

В XVI в. в одном из завещаний встречается и такая фраза: «дочери Анне — 1500 фунтов <...> по достижении ею 21 года или в случае замужества»²⁷⁰. Что касается юношей, то они, судя по некоторым завещаниям XVI в., получали свободу в распоряжении своей частью имущества позднее. Так, торговец предметами роскоши Николас Элвин 22 февраля 1504 г. завещал, чтобы душеприказчики «владели усадьбами <...> на Милк-стрит до тех пор, пока сын Фрэнсис не достигнет 26 лет. Если Фрэнсис умрет раньше, то пусть все усадьбы перейдут Николасу, сыну Ричарда Элвина, брата завещателя, когда ему исполнится 26 лет»²⁷¹.

²⁶⁵См.: Letter-Book L (1461—1497). P. 54.

²⁶⁶Ibid. P. 58, 62, 63, 65, 69, 72.

²⁶⁷Ibid. P. 85.

²⁶⁸Ibid. P. 58, 237.

²⁶⁹Ibid. P. 167.

²⁷⁰Calendar of Wills. Vol. 2. P. 707—708.

²⁷¹Ibid. P. 625. Согласно общему праву, возраст вступления в брак для мальчиков — 14 лет, для девочек — 12 лет (см.: Rogers C.D., Smith J.H. Local Family History in England, 1538—1914. Manchester; N.Y., 1991. P. 30). П. Флеминг полагает, что в XV—XVI вв. ранние браки были, скорее, исключением в среде городской элиты. Возраст первого брака для девушек из таких семей он определяет в 17—24 года, для юношей — в 21—26 лет (см.: Fleming P. Family and Household in Medieval England. P. 22). В целом это соответствует одному из критериев так называемой северо-западной модели брака, распространенной в Англии со второй половины XIV в.: браки в городах заключались, главным образом, в 24—26 лет с очень

Особый интерес представляет вопрос о возможности повторных браков в семьях лондонских купцов. История с Робертом Сели показывает, что овдовевшим мужчинам ничто не препятствовало вновь жениться. А, судя по некоторым завещаниям, — даже в весьма преклонном возрасте. Об этом красноречиво говорят факты из завещаний. Торговец рыбой Джон де Мокинг де Сомерсет в завещании от 8 сентября 1347 г. оставляет «некоторые средства на проведение заупокойных служб по душе своей умершей жены»²⁷², а в качестве одной из наследниц называет жену здравствующую. Скорее всего, она была моложе своего супруга. Стефен Броун, бакалейщик и олдермен 1429—1460 гг., в своем завещании от 28 апреля 1462 г. просил «в течение 60 лет молиться за упокой душ жен Джулианы, Элис и Роуз»²⁷³. И суконщик Уильям Уайт, олдермен 1482—1504 гг., распорядился «молиться за упокой души умершей жены Маргарет»²⁷⁴ и оставил имущество живущей супруге Анне. То же можно сказать в отношении бакалейщика Роберта Чайчела: находясь к моменту составления завещания в 1438 г. в весьма почтенном возрасте (не менее 70 лет), он просил молиться за упокой души трех своих умерших жен²⁷⁵. Упоминание в купеческих завещаниях нескольких умерших жен не должно удивлять. Смертность среди женщин даже из состоятельных семей была довольно высокой, прежде всего, из-за частых родов (до 20% от общей смертности замужних женщин). В семьях богатых горожан высокий уровень жизни, лучшие гигиенические условия, использование кормилиц и раннее вступление женщин в прокреативный период стимулировало рождаемость. Женщины рожали детей примерно каждые два года, что ослабляло организм и могло привести если не к смерти, то к инфицированию, истощению и туберкулезу²⁷⁶.

Как отмечает Л.П. Репина, в повторных браках отчетливо проявляется гендерная дифференциация: вдовцы заключали такие браки гораздо чаще и с более коротким интервалом, чем вдовы. Женщинам, как правило, удавалось вступить в повторный брак лишь, если они были еще молодыми: чем старше была невеста, тем сложнее было найти для нее жениха²⁷⁷, но не невозможно. Трудно представить, что супруга Ри-

небольшой, всего лишь в 2—3 года, разницей в возрасте между супругами, причем зачастую невеста оказывалась старше жениха (см.: *Morris T.A. Europe and England in the Sixteenth Century. L., N.Y., 1998. P. 9; Репина Л.П. Гендерная асимметрия в браке и семье // Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. Ч. 1. С. 62).*

²⁷²Calendar of Wills. Vol. 1. P. 499—500.

²⁷³Ibid. P. 553—554.

²⁷⁴Ibid. Vol. 2. P. 631—632.

²⁷⁵Ibid. Vol. 1. P. 489—90.

²⁷⁶Репина Л.П. Демографические характеристики средневекового города. С. 191.

²⁷⁷Репина Л.П. Гендерная асимметрия в браке и семье. С. 67—68.

чарда Сели-ст., скончавшегося 14 января 1482 г., мать троих, уже не юных сыновей, пребывала в молодом возрасте, когда Ричард Сели-мл. написал 24 июня 1482 г. брату Джорджу в Кале: «...наша мать собирается вступить в брак или, по крайней мере, размышляет об этом...»²⁷⁸.

Но зачастую женщины оставались вдовами в весьма молодом возрасте, что подтверждается многими примерами из истории лондонской жизни. Так, из 14 горожанок, судьба которых, в большей или меньшей степени, изучена и представлена в исследованиях, только одна — Джоанна Хилл — не прожила и года после смерти своего супруга, лондонского олдермена XV в.; остальные 13 женщин впервые овдовели в возрасте 26 лет²⁷⁹. При этом одна из них, Элизабет де Бург, и после трех замужеств, продолжавшихся 14 лет, осталась вдовой в возрасте 38 лет; вдовство Элис Линн продолжалось 59 лет; еще четыре женщины (среди них — Маргарет Филпот и Джоан Пайел — супруги олдерменов XIV столетия) оставались вдовами около 30 лет²⁸⁰.

Очевидно, что повторные браки были достаточно распространенной практикой. По оценке Б. Хэнуолт, в первой половине XIV в. только треть овдовевших горожанок Лондона повторно вступала в брак; вслед за «Черной смертью» эта пропорция увеличилась на половину; после 1380 г. — вновь сократилась и оставалась на относительно низком уровне в течение всего XV столетия²⁸¹. Аналогичные данные для XVI в., но в отношении вдов лондонских олдерменов, приводит К. Бэррон: из 208 повторно вышли замуж 70, т.е. около трети²⁸².

Иногда горожанкам Лондона удавалось неоднократно побывать в браке. Из 14 горожанок, о которых мы упоминали выше, восемь были замужем лишь один раз, одна — дважды, три — трижды и две — четыре раза²⁸³. Пожалуй, самая яркая иллюстрация к сказанному — Элизабет Николас, жена, а затем вдова сэра Эмброуза Николаса, торговца солью и олдермена 1566—1578 гг., мэра и шерифа Лондона. У этой «госпожи», как она сама себя называет в завещании, были дочь Анна от сэра Эмброуза и еще шесть дочерей и два сына от разных мужей²⁸⁴! Видимо, состоятельные вдовы находились в наиболее благоприятном, прежде всего материальном, положении, дающем им возможность применить свою

²⁷⁸Letter № 175 // *The Cely Letters*. P. 161.

²⁷⁹*Barron C. Introduction: The Widow's World in Later Medieval London*. P. XXIII.

²⁸⁰*Ibid.* P. XXIII—XXIV.

²⁸¹*Hanawalt B. The Widow's Mite: Recovery of Dower in Late Medieval London*. P. 36.

По подсчетам Х. Лейсер, около 50% лондонских вдов XIV—XV вв. снова выходили замуж (см.: *Leyser H. Medieval Women: a Social History of Women in England, 450—1500*. L., 1995. P. 177).

²⁸²*Barron C. Introduction: The Widow's World in Later Medieval London*. P. XXIV. --

²⁸³*Ibid.* P. XXIII.

²⁸⁴*Calendar of Wills*. Vol. 2. P. 707—708.

энергию и деловые качества, что не могло не привлекать предприимчивых лондонских купцов и представителей дворянских кругов.

Однако сами олдермены иногда противились подобной практике. В частности, при вступлении в повторный брак женщинам грозила утрата того имущества, которое покойный завещал им в пользование при условии отказа от нового замужества. Суконщик и лондонский олдермен 1336—1343 гг. Ричард Константин записал в своем завещании: «...жена Маргарет назначается опекуном детей, всех их товаров и движимого имущества до тех пор, пока не выйдет замуж вновь...»²⁸⁵. Подобные завещания могли служить достаточно большим стимулом для отказа от повторного замужества. Видимо, надеясь сохранить для своих наследников приданое их матерей, мужья завещали последним часть своего имущества и выгодные права распоряжения им при условии, что, овдовев, жена останется жить с детьми, будет воспитывать и оберегать их. Заметим попутно, что в таком поведении мужчин просматривается и их отношение к женщине — жене и матери. Будучи уверены в морально-нравственных и деловых качествах своих супругов, они доверяют им и воспитание своих детей, и управление имуществом.

Семья и внутрисемейные отношения

Следует отметить, что в интересующий нас период семья характеризовалась немалым своеобразием, что порождает определенные трудности при выработке ее дефиниций. Самого понятия «семья» в современном его значении (супружеская пара с ее несовершеннолетними детьми) вообще не существовало. Человек означенного времени не ограничивал себя женой/мужем и собственными детьми, не отделял себя и их от своих родителей, близких или дальних родственников, зачастую, но не всегда живших с ними под одной крышей²⁸⁶. Средневековая семья была совокупностью людей, связанных не только кровным родством. В это понятие включались и чужие по крови, но жившие в доме постоянно люди: коммерческие партнеры, факторы, ученики, а также слуги²⁸⁷.

В наших источниках можно обнаружить много тому подтверждений. Известная в Лондоне XIV в. семья де Абиндонов состояла из отца — сэра Стефена де Абиндона, суконщика и олдермена 1312—1321 гг., сына Ричарда, дочерей — Марджери и Изабеллы, их мужей и

²⁸⁵Calendar of Wills. Vol. 1. P. 482—483.

²⁸⁶Coster W. Family and Kinship in England, 1450—1800. P. 6—7; Fleming P. Family and Household in Medieval England. P. 2—3.

²⁸⁷Киясов С.Е., Мосолкина Т.В., Чернова Л.Н. Лондон на рубеже эпох: мозаика повседневности (XVI—XVIII вв.) / Под ред. Л.Н. Черновой. Саратов, 2015. С. 142.

двух внуков сэра Стефена²⁸⁸. Торговец предметами роскоши и лондонский олдермен 1321—1323 гг. Роберт ле Кэллер упоминает в своем завещании своего отца Ральфа, мать Эгнис, жену Джоанну, братьев — Уильяма, Ричарда и Томаса, сыновей — Уильяма и Генри, дочерей — Маргарет, Айдонию и Марджери и их мужей²⁸⁹. Сходной по составу была семья Джона де Оксенфорда, виноторговца, олдермена 1324—1342 гг.: отец Адам, мать Кристина, жена Элис, братья — Ральф и Джильберт, сыновья — Джон, Уильям и Томас, дочери — Екатерина, Джоанна и Маргарет²⁹⁰.

Семья купцов Сели в XV в. состояла из отца (Ричарда-ст.), матери и трех сыновей (Роберта, Ричарда-мл. и Джорджа), а также лиц, теснейшим образом связанных с ними. Это — Уильям Марион, Джон Дальтон, Уильям Сели (слуга и однофамилец, ставший после смерти Ричарда-ст. главным действующим лицом в Кале), Роберт Гуд (слуга), Томас Кестен и др.²⁹¹ О значимости для Сели некоторых из перечисленных персон свидетельствует одно из писем Ричарда Сели-ст. от 13 октября 1480 г., адресованное сыну Джорджу в Кале: «...Я послал тебе письмо <...> со своим слугой Робертом Гудом, без которого я не могу долго обходиться, так же как и без Уильяма Сели; никто не служит так безупречно мне и твоей матери в течение 20 лет...»²⁹². Впоследствии, уже после кончины Ричарда-ст., это семейство пополнилось детьми Ричарда Сели-мл. и Анны Роузон (дочери Маргарет, Изабелла и Анна) и Джорджа Сели и Марджери Ригон (сыновья Ричард, Джордж, Джон, Эдмунд и дочь Эйвери)²⁹³.

Довольно большой, с современной точки зрения, представляется семья другого лондонского олдермена (1536—1567 гг.), ювелира сэра Мартина Боувза. Она состояла из него самого, как главы этого семейства, его жены Элизабет, сыновей — Томаса, Уильяма и Мартина, дочерей — Чарити и Сесилии, мужа Сесилии, сыновей Томаса, один из которых, Мартин, уже был женат²⁹⁴.

А в состав семейного клана Ишем входили братья Грегори, Джон и Генри; мужья сестер — купцы Генри Беллами, Томас Бакер и Уолтер Мале; агенты (факторы) в Антверпене, Эмдене и Бергене-на-Зуме — Хэмфри Рамсен, Джон Бакер, брат жены Джона Ишема; Эдмунд Балейс,

²⁸⁸Calendar of Wills. Vol. 1. P. 413—414.

²⁸⁹Ibid. P. 421.

²⁹⁰Ibid. P. 460—461.

²⁹¹The Cely Letters, 1472—1488.

²⁹²Letter № 106 // Ibid. P. 94.

²⁹³Hanham A. The Celys and Their World. An English Merchant Family of the Fifteenth Century. P. 2.

²⁹⁴Calendar of Wills. Vol. 2. P. 694—695, 728—729.

зять Генри Ишема, и некий Дрю Мапессон. Кроме того, в деловых книгах Джона Ишема упомянуты слуги (*servants*) — 4 человека и 4 ученика²⁹⁵.

Что касается общей оценки количества детей в семьях английских горожан, то исследования последних десятилетий показали: 60% женатых мужчин оставляли в среднем по одному сыну, 20% — дочь или только дочерей, 20% были бездетными²⁹⁶. В этом контексте представляются интересными факты личной жизни мерсера и олдермена второй половины XIV в. Адама Фрэнси. Известно, что Адам был дважды женат. Первой его избранницей стала девушка, имя которой история не сохранила. Но, очевидно, что этот брак не стал счастливым: появившиеся на свет дети (в том числе две дочери — Джоан и Мод) умирали почти сразу после рождения. Видимо, переживания по поводу отсутствия наследников заставили Адама искать утешения вне семьи. Некая Эгнис, дочь и наследница Уильяма Чэмпнеса из Кента, родила ему вне брака троих сыновей. Один из них — Томас — умер в младенчестве, а двое — Роберт и Адам — выжили. К 1359 г., после кончины первой супруги, Адам и Эгнис поженились и произвели на свет дочь Мод, которая оказалась единственным рожденным в законном браке ребенком Фрэнси. Очевидно, что Адама с Эгнис связывали очень теплые чувства. Именно на ней он женился, когда это стало возможным, хотя, как полагают, имел внебрачных детей (около 10) от нескольких женщин, а по завещанию от 26 августа 1374 г. оставил в пожизненное владение супруге все сданные в аренду строения в двух приходах в Паултри и Уэстчипе²⁹⁷, обеспечив ей безбедную жизнь вдовы.

Взаимоотношения родственников в рамках широкой — «большой» — семьи не были юридически оформлены и не регламентировались властями, но в разных сферах социальной жизни семейная общность признавалась и осознавалась, не вытесняясь, а взаимодействуя с другими формами общественных связей²⁹⁸. В рассматриваемое время первостепенная роль в городе принадлежала малой супружеской семье, наиболее важному и сплоченному элементу социального «мира» купечества, что было неизбежно в условиях города: специфика коммерческого дела требовала мобильности, быстрого принятия решений. Однако абсолютизировать степень индивидуализации отдельных малых

²⁹⁵The First Account Book of John Isham. P. 1—124; The Second Account Book of John Isham. P. 125—153.

²⁹⁶Payling S.J. Social Mobility, Demographic Change and Landed Society in Late Medieval England. P. 52.

²⁹⁷Calendar of Wills. Vol. 1. P. 171—172.

²⁹⁸Тушина Г.М. Демографические аспекты социальной истории Прованса XII—XIV вв. // Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1993. С. 86.

семей не следует. В хозяйственно и социально нестабильном обществе, где смертность была весьма высока, семейные и более широкие родственные связи обеспечивали преемственность в делах, гарантировали кредит и его безопасность, открывали возможности для своеобразного «разделения труда»: дальние деловые поездки, мореходство становились функцией одних, чаще всего молодых, неженатых, а руководство делом, контора, кредиты — других членов родственного коллектива: отцов, дядей, старших братьев.

Индикатором внутрисемейных отношений в известной степени является завещание. Оно отражает весьма важный аспект интересующей нас проблемы, который связан с процессом перемещения имущества внутри такой локальной общности как городская семья²⁹⁹. Важно, что характер распределения движимого и недвижимого имущества между членами семейства (и теми, кто составлял более широкий круг родства по обеим линиям) отражает и степень привязанности к ним завещателя, и уровень правовой культуры. Интерес к завещаниям важен и с точки зрения той роли, которую они выполняли в гетерогенном правовом поле средневекового Лондона.

Как известно, в области наследственного права средневековое английское право знало наследование по закону и по завещанию. Представляется, что в рассматриваемый период в городском праве наследование по завещанию получает приоритетное значение. Видимо, именно так следует толковать часто встречающиеся в завещаниях олдерменов любопытные пассажи в отношении наследства их жен. Наиболее четко применительно к данному случаю выразился в своем завещании от 29 ноября 1408 г. торговец предметами роскоши Джон Уодсок. Он оставил своей супруге «в качестве ее вдовьей, вполне обоснованной, части наследства 2 тыс. ф., домашнюю утварь, льняные и шерстяные одежды, находящиеся в доме, тарелки, серебряные чайные блюда в качестве особого дара, а также его земли, сдаваемые в аренду помещения и ренты в приходе св. Олбана на Уодстрит в пожизненное пользование. Если же она не будет удовлетворена, то не получит ничего кроме того, что ей полагается согласно общему праву и обычаю Лондона»³⁰⁰. Обычай же предполагал, что вдова купца могла получить треть движимого имущества, включая товары, скончавшегося супруга, но в не ограниченную никакими условиями собственность³⁰¹. Важно, что в первую очередь

²⁹⁹На материале английского манора этот вопрос исследовала М.В. Винокурова, см.: Винокурова М.В. Имущественные права женщин в средневековой Англии // Долгое Средневековье. Сборник в честь профессора А.А. Сванидзе / Отв. ред. А.К. Гладков. М., 2011. С. 45—66.

³⁰⁰Calendar of Wills. Vol. 2. P. 397—399.

³⁰¹Ibid. P. 694—696; 721—722.

принималось во внимание именно завещание, и лишь несогласие вдовы с его условиями влекло за собой обращение к принципам общего права и обычаям.

Судя по завещаниям купцов, движимая (персональная) собственность, как правило, наследовалась по еже упоминавшемуся обычаю Лондона: треть — вдове, треть — детям и треть — на благотворительные цели³⁰². В частности, олдермен 1536—1567 гг. сэр Мартин Боувз по завещанию от 10 августа 1565 г. оставил жене Элизабет третью часть всего движимого имущества, детям — Уильяму и Черити — другую треть и последнюю — на благотворительные цели. Аналогичным образом поступили Хэмфри Баскерфельд, олдермен 1558—1564 гг., торговец предметами роскоши, один из ведущих купцов-авантюристов, член Московской компании, и Джилберт Бакл, олдермен 1582—1594 гг.³⁰³

В том случае, если у купца не было детей, он, как правило, делил свое движимое имущество на две части: одну половину оставлял жене, а другую — на благотворительные цели. Именно так распорядился олдермен 1556—1558 гг., бакалейщик Ральф Гренуэй: не имея детей, он завещал половину своего движимого имущества, что составило 2400 ф., жене Кэтрин, которая продолжила вести дела (импорт вина) умершего мужа. Вторая половина отошла церквам, слугам и на прочие благочестивые цели³⁰⁴.

Что касается недвижимой (реальной) собственности, то ее наследование было более сложным в силу разнообразия форм владения и объема владельческих прав, о чем подробнее будет сказано ниже.

В завещаниях налицо типичная модель умонастроения и поведения богатого горожанина: стремление обеспечить жену, детей, прочих близких и продемонстрировать свои добродетели, щедрость, материальную и социальную состоятельность.

При составлении завещания особое внимание купец уделяет своей жене. Ее доля наследства определяется даже раньше, чем доля наследства детей. Как уже говорилось, вдовы гарантированно получали третью часть всех товаров и движимого имущества умершего мужа в безусловную собственность, обладая законным правом наследования и распоряжения этим имуществом без ограничений, о чем свидетельствует составленное 24 января 1583 г. завещание леди Элизабет Николас, вдовы торговца солью и лондонского олдермена 1566—1578 гг. сэра Эмброуза Николаса³⁰⁵.

³⁰²Calendar of Wills. Vol. 2. P. 397—399; 694—696; 721—722.

³⁰³Ibid. P. 694—696, 645—646, 721—722; *Beaven A.B. Aldermen of the City of London.* Vol. 2. P. 13, 36, 12.

³⁰⁴*Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix.* P. 99; *Beaven A.B. Aldermen of the City of London.* Vol. 2. P. 35.

³⁰⁵Calendar of Wills. Vol. 2. P. 707—708.

Зачастую купцы в своих завещаниях выделяли своим женам (наряду с третьей частью движимости) дополнительное имущество. В частности, торговец рыбой Ричард Рэдуэлл в завещании от 2 мая 1411 г. распорядился, чтобы земли и помещения в графстве Хартфордшир после его смерти были «незамедлительно проданы» душеприказчиками, а вырученная сумма разделена на две части, одну из которых надлежало передать жене (вторую — на благочестивые дела)³⁰⁶. А олдермен 1556—1573 гг. и торговец предметами роскоши сэра Роджер Мартин оставил своей жене в дополнение к трети движимого имущества (что составило одну тыс. ф.) 333 ф. 6 ш. 8 п. и право на пожизненное владение лондонским домом и домом в Хокстоне; затем эта недвижимость должна быть передана сыновьям — Эдмунду и Хэмфри³⁰⁷. Возможно, такой шаг со стороны купцов объясняется их благодарностью, доверием и особым расположением к своим супругам. Во всяком случае, более объективного объяснения мы не можем дать, поскольку и Ричард Рэдуэлл, и сэра Роджер Мартин ничего на этот счет не говорят.

А вот Ричард Чемберлен, олдермен 1560—1566 гг., торговец железными изделиями, купец-авантюрист, член Московской компании, высказался вполне определенно. Он оставил своей жене (дополнительно к трети движимого имущества) сумму в 2200 ф. «для ведения торговли»³⁰⁸. Видимо, супруге сэра Роджера были не чужды его коммерческие интересы и, вполне очевидно, что она была компетентна в вопросах торговли. Иначе этот купец вряд ли бы доверил именно ей продолжить важнейшее дело его жизни³⁰⁹.

Наряду с наследованием вдовами трети движимости и дополнительного имущества в завещаниях купцов часто встречается упоминание о так называемой «вдовьей доле» наследства, которое состояло из различных объектов движимой и недвижимой собственности и предоставлялось, как правило, в пожизненное владение. Так, торговец рыбой Уильям Брэмpton по завещанию от 5 июня 1405 г. оставил своей жене Элис в качестве ее вдовьей части наследства сдаваемое в аренду помещение и верфь на Темз-стрит в пожизненное владение (впоследствии данное имущество должно было перейти в распоряжение церкви св. Магнуса, мэра и общины Лондона), а также пивоварню в пожизненное владение (впоследствии она должна быть

³⁰⁶Calendar of Wills. Vol. 2. P. 411—412.

³⁰⁷Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 112; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 35.

³⁰⁸Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 86.

³⁰⁹О занятости женщин в экономике см.: McIntosh M.K. Women, Credit, and Family Relationships in England // Journal of Family History. 2005. № 31. P. 143—163; *Idem*. Working Women in English Society, 1300—1620. Cambridge, 2005.

передана сыну Джеймсу)³¹⁰. Уже упоминавшийся Ричард Рэдуэлл по завещанию от 2 мая 1411 г. оставил жене Матильде «в качестве ее вдовьей доли наследства» сдаваемое в аренду помещение на Темз-стрит в пожизненное владение, впоследствии — в доверительную собственность (trust)³¹¹ с использованием на благотворительные цели³¹². Генри Бартон 31 июля 1434 г. завещал жене Джоанне «в качестве ее вдовьей части лавки и дома в двух приходах Лондона, манор Yonges в приходе Стаундон, графство Хартфордшир, земли и луга около Wadistun, графство Хартфордшир, манор Marshal в High Cross, графство Хартфордшир, и местечко Sotes в приходе Стаундон в пожизненное пользование»³¹³. Впоследствии названное выше имущество должно было перейти в доверительную собственность для продажи на благотворительные цели³¹⁴. Сэр Эндрю Джадд, олдермен 1541—1558 гг., по завещанию от 2 сентября 1558 г. передал своей жене Мэри «в качестве ее вдовьей части три манора в графстве Кент, манор в графстве Хартфордшир, усадьбы в Лондоне, поля в графстве Суррей в пожизненное владение»³¹⁵, впоследствии все это имущество должно перейти к его сыновьям — Джону и Ричарду³¹⁶.

Скорее всего, купцы предоставляли супругам право выбора между наследством по обычаю и вдовьей долей. По крайней мере, в тех завещаниях, где установлена вдовья часть наследства, нет упоминания о возможности наследования трети движимого имущества. Единственное исключение — завещание Уолтера Рэда от 10 июня 1415 г., который фактически объединил эти части наследства, распорядившись, чтобы его

³¹⁰Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 400; Calendar of Wills. Vol. 2. P. 368.

³¹¹Институт доверительной собственности (“trust”) является чисто английским институтом вещного права. Возникновение института доверительной собственности связано с особенностями феодального землевладения, к числу которых относится ограничение круга наследников земли и ее продажи церкви, монастырям, религиозным орденам, которые вообще не имели права владеть землей. Суть этого института заключалась в том, что одно лицо — учредитель доверительной собственности (“settler of trust”) передает другому лицу — доверенному собственнику (“trustee”) свое имущество с тем, чтобы получатель управлял имуществом, использовал его как собственник в интересах другого лица, выгодоприобретателя (“beneficiary” — им мог стать и первоначальный собственник) или для осуществления иных целей, например, благотворительных. Первое закрепление института доверительной собственности законом относится к 1375 г. В XV в. уже значительные массивы земель, недвижимости перешли в доверительную собственность.

³¹²Calendar of Wills. Vol. 2. P. 411—412

³¹³Ibid. P. 478.

³¹⁴Ibid.

³¹⁵Ibid. P. 668—669.

³¹⁶Ibid.; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 35.

жена Эмма получила «в качестве вдовьей доли и ее части всего движимого имущества одну тыс. ф. и все, находящееся в холле, опочивальне, кладовой и кухне, ее одежды и украшения, а также сдаваемое в аренду помещение в пожизненное пользование, впоследствии — Джону Буну и его жене Эгнис, дочери завещателя»³¹⁷. Но и здесь мы видим, что, в конечном счете, определено условие наследования именно вдовьей доли — пожизненное владение. Другой купец, Джон Уодсок, как мы уже видели, прямо записал в своем завещании, что если его жена «не будет удовлетворена вдовьей долей наследства, то не получит ничего кроме того, что ей полагается согласно общему праву и обычаю Лондона»³¹⁸.

Важно отметить также, что вдове, согласившейся на получение выделенной ей умершим мужем вдовьей доли наследства, не позволялось требовать другое имущество. Упомянувшийся выше Генри Бартон специально записал в завещании, что, если его жена согласится на предложенные им условия, «то не сможет в дальнейшем требовать какую бы то ни было другую вдовью часть»³¹⁹.

В целом ряде завещаний олддермены оставляют своим женам в пожизненное владение с последующей передачей детям и другим родственникам разнообразную недвижимость, в Лондоне и вне его, безотносительно к наследованию, как вдовьей части, так и к наследованию по обычаю. Среди такого рода наследства — дома, земли и сдаваемые в аренду помещения, усадьбы, лавки, товарные склады, пастбища³²⁰.

Возможно, некоторый свет на причины такой щедрости купцов может пролить завещание ювелира Генри Бамме, составленное 7 ноября 1413 г., согласно которому «жене Элис, ее душеприказчикам и правопреемникам» были переданы до конца ее жизни и еще на 6 лет после ее смерти земли и сдаваемые в аренду помещения, совместно приобретенные купцом и его супругой»³²¹. Можем предположить, что и другие купеческие жены были непосредственно причастны к приобретению семейной недвижимости и получали не только право пожизненного владения ею: видимо, на протяжении шести лет после смерти Элис Бамме земли и строения будут использованы в интересах ее близких.

Судя по завещаниям, нередко именно вдовы купцов получали движимое и недвижимое имущество в так называемое целевое пользование (use)³²². Стефен Константин в XIV в. оставил своей жене Джулиане

³¹⁷Calendar of Wills. Vol. 2. P. 413—414.

³¹⁸Ibid. P. 398.

³¹⁹Ibid. P. 478.

³²⁰Ibid. Vol. 1. P. 104, 228; Vol. 2. P. 50, 77, 93, 591—592.

³²¹Ibid. P. 408—409.

³²²Практика передачи земли и другого имущества в целевое пользование зародилась еще в XII в. и бурно развилась в период Крестовых походов, когда земля

дом в целевое пользование, пока его сын Джон не достигнет совершеннолетия³²³. А Джон Константин по завещанию от 19 сентября 1358 г. передал жене в целевое пользование сдаваемые в аренду помещения, ренты, товары и движимое имущество на время малолетства сына Джона³²⁴. Жена Джона Дэхема по его завещанию от 2 октября 1359 г. получила в целевое пользование товары детей — сына Джона, дочерей Джоанны, Джулианы и Эгнис, «пока они не достигнут совершеннолетия или не выйдут замуж»³²⁵. Ричард Лакер по завещанию от 25 июля 1361 г. оставил на попечение своей жены Изабеллы сына Ричарда и передал ей в целевое пользование принадлежащие тому ренты и сдаваемые в аренду помещения, пока он не достигнет совершеннолетия³²⁶. Фактически олдермены оставляли и детей, и их имущество на попечение своих жен, что в немалой степени свидетельствует о весьма высоком статусе последних в купеческой среде Лондона, о доверии к ним со стороны преуспевающих и влиятельных горожан.

Таким образом, вдова являлась опекуном детей и их имущества либо до своего вторичного замужества, либо до достижения детьми совершеннолетия. Важно, что горожанка получала права распоряжения имуществом детей, правда, лишь с согласия детей или при их формальном участии. Кроме того, вдова могла выступать в роли хранительницы имущества своих детей, завещанного им умершим мужем. И наиболее вероятная возможность получить доступ к управлению земельной собственностью открывалась перед вдовами с несовершеннолетними сыновьями.

Иногда олдермены передавали своим женам имущество, движимое и недвижимое, в абсолютную и безусловную собственность (*absolutely, in fee*). Об этом свидетельствуют завещания отдельных представителей правящей элиты Лондона. Так, Томас Миддлтон, торговец предметами роскоши, в завещании от 25 ноября 1434 г. распорядился, чтобы его жена Летиция получила «земли и сдаваемые в аренду помещения в одном из приходов Лондона в безусловную собственность; также его товары, движимость и недвижимость после уплаты по долгам должны перейти в ее полное распоряжение»³²⁷. И Джеймс Бартоломью по завещанию от 24 ноября 1481 г. оставил своей жене Элис сад и сдаваемое в аренду

отдавалась на основе доверия родственникам или друзьям до достижения совершеннолетия сыновей или до возвращения прежнего владельца.

³²³Calendar of Wills. Vol. 2. P. 40. Для юношей совершеннолетие наступало с 21 года, для девушек — с 16 лет (см.: Ibid. P. 687).

³²⁴Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 387; Calendar of Wills. Vol. 2. P. 49.

³²⁵Calendar of Wills. Vol. 2. P. 12—13.

³²⁶Ibid. P. 59—60; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 384.

³²⁷Calendar of Wills. Vol. 2. P. 475.

помещение в приходе св. Маргариты в безусловную собственность³²⁸. Следует, однако, заметить, что такого рода формулировки встречаются крайне редко и только в завещаниях, где нет упоминания о детях.

Итак, судя по завещаниям, горожанки наследовали, прежде всего, значительные денежные средства, предметы роскоши, ценную посуду, мебель, постельные принадлежности, утварь, предметы, нажитые в браке и имеющие непосредственное отношение к домашнему хозяйству и обиходу, а также товары и недвижимость: земельные участки в манорах, дома, торговые склады, пивоварни, верфи и прочие постройки. Чаще всего недвижимое имущество передавалось вдове в качестве условного дара, призванного «кормить» ее. Как правило, полученное «в кормление» недвижимое имущество впоследствии надлежало передать по мужской линии.

Горожанка могла получить наследство по завещанию не только от мужа и родителей, но и от собственных детей. Так, упоминавшаяся уже Айдония Каунтбридж, дочь сэра Стефена де Каунтбриджа, по завещанию от 12 сентября 1359 г. оставила своей матери Эвайс в пожизненное владение (впоследствии — брату Томасу) ренты в двух приходах Лондона, которые, в свою очередь, были ей завещаны отцом в качестве приданого³²⁹. Эгнис Дерби, вдова сэра Уильяма, торговца готовым платьем, судя по завещанию от 11 июня 1361 г., владела сдаваемыми в аренду помещениями на Уотлинг-стрит и рентами, которые были завещаны ей сыном в пожизненное владение (впоследствии — на благотворительные цели)³³⁰. Важно отметить, что дети фактически передавали имущество матери «в кормление», дабы обеспечить ей достойное содержание и соответствующий образ жизни.

В целом можно констатировать, что вдова обладала достаточно широкими правами распоряжения завещанным ей и детям имуществом, а также нередко — правом опеки над детьми. Положение вдовы состоятельного человека в средневековом городе давало ей больше правовой свободы, чем могла иметь замужняя женщина, что обеспечивало ей относительную деловую самостоятельность и хорошие шансы на брачном рынке³³¹.

Важнейшую часть завещательных распоряжений лондонских олдерменов составляет обеспечение наследством детей, которые, как мы уже видели, обязательно получали, согласно обычаю Лондона, третью часть всего движимого имущества своего отца. Завещатели обычно делят

³²⁸Calendar of Wills. Vol. 2. P. 598—599.

³²⁹Ibid. P. 16, 12—13.

³³⁰Ibid. P. 31.

³³¹Подробно об этом см.: Hanawalt B.A. The Dilemma of the Widow of Property for Late Medieval London. P. 135—146; Valerie Emanoil M.A. "In my pure widowhood": Widows and Property in Late Medieval London. P. 23—181.

треть своего движимого имущества поровну между всеми детьми. Так поступил, например, торговец предметами роскоши и олдермен 1342—1345 гг. сэра Джон де Олшем³³². И известный в Лондоне XVI в. купец Ричард Мэллори разделил треть своего движимого имущества между всеми 17 детьми³³³. Как правило, детям же отходило наследство матери, завещанное ей супругом в пожизненное владение.

Очевидно, если у олдермена были дети одного пола, они, как правило, становились равноправными наследниками. В частности, дом на Бэйсинглэйн, лавки на Кордуэйнер-стрит и ренты, завещанные Стефеном Константином в середине XIV в. в пожизненное пользование жене Джулиане, после ее смерти в равных пропорциях перешли к его дочерям: Эмме, Маргерии, Саре, Изабелле и Катерине³³⁴. Земли и сдаваемые в аренду помещения, оставленные в 1413 г. Генри Бамме его жене в пожизненное пользование, после ее смерти должны были перейти сыновьям: Генри, Томасу, Джону³³⁵. Сыновья галантерейщика и олдермена 1548—1560 гг. Дэвида Вудроффа — Николас, Стефен и Ричард — после смерти матери унаследовали три дома и четыре строения в Лондоне, два дома в Сент-Олбансе, пастбище в Энфилде, оставленные ей в свое время мужем в пожизненное владение³³⁶. Двое сыновей сэра Роджера Мартина, олдермена 1556—1573 гг., торговца предметами роскоши, получили по 500 ф. при жизни отца, а после его смерти им отошла треть его движимого имущества, составлявшего 3 тыс. ф. и дополнительно по 200 ф. каждому³³⁷.

Некоторые олдермены, имевшие только сыновей, в своих завещаниях особо выделяли старшего из них. Именно ему они предпочитали передавать наиболее важную и ценную часть своего имущества. Так в XIV в. поступил Джон ле Брэт, завещавший, чтобы после смерти его жены дом в приходе св. Сепульхры перешел к Роберту, его старшему сыну³³⁸. И Ричард Фолкс в ноябре 1570 г. оставил особняк, лавку и товарные склады в Лондоне старшему сыну Остину³³⁹.

Особые условия при разделе своего имущества оговаривали олдермены, оставлявшие лишь единственного сына, которого стремились

³³²Calendar of Wills. Vol. 1. P. 483—484.

³³³Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 111; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 35.

³³⁴Calendar of Wills. Vol. 2. P. 46.

³³⁵Ibid. P. 408—409.

³³⁶Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 129—130; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 32.

³³⁷Ibid. P. 112; Ibid. P. 35.

³³⁸Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 384; Calendar of Wills. Vol. 2. P. 50.

³³⁹Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 96—97; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 207; Vol. 2. P. 2, 35.

всячески выделить и обеспечить. В частности, торговец рыбой Уильям Брэмpton по завещанию от 5 июня 1405 г. оставил сыну Джеймсу сдаваемые в аренду помещения на Крокедлэйн в безусловное владение и пивоварню с условием наследования только по мужской линии (*in tale male*)³⁴⁰. Аналогичное завещание составил 28 апреля 1462 г. лондонский бакалейщик Стефен Браун: его сын Джон получил сдаваемые в аренду помещения, верфь в приходах св. Ботольфа около Биллинггейт, св. Данстана около Тауэра и св. Эндрю на Корнхилл с условием наследования только по мужской линии³⁴¹. И Томас Роув в завещании от 11 августа 1565 г. распорядился передать сыну Генри земли и сдаваемые в аренду помещения с условием наследования только по мужской линии³⁴².

В большинстве случаев олдермены, оставлявшие детей разного пола, отдавали предпочтение сыновьям. Особенно, если дело касалось недвижимости. Это видно хотя бы из завещания Генри де Глостера от 30 ноября 1332 г.: он оставил лондонскую усадьбу и четыре лавки своему сыну, дочь же могла получить эту собственность только после смерти брата³⁴³ (если переживет его). Определенная дискриминация дочерей³⁴⁴ просматривается и в завещании Уильяма Уодсока (XV в.): все его дети — Джон, Уильям, Джоанна и Филиппа — получали 2 тыс. марок, которые были поделены между ними в равных пропорциях, но сыновьям дополнительно передавались земли и имущество в манорах Нобрайт и Ностед, графство Суррей³⁴⁵.

В целом такой принцип доминировал на протяжении всей эпохи, что вполне объяснимо: купцы были заинтересованы иметь, прежде всего, сыновей, которых видели продолжателями рода и дела, и которым можно было доверить недвижимость, товары, деньги, важные поручения. Не случайно шестерым сыновьям олдермена 1556—1577 гг., торговца предметами роскоши сэра Ричарда Мэллори, кроме их доли в третьей части движимого имущества отца, был завещан пай в Московской компании³⁴⁶. Известно, что, по меньшей мере, старший из сыновей, Ричард, достиг больших успехов в торговле. А вот второй сын олдермена 1553—1584 гг., бакалейщика Томаса Лоджа, тоже Томас, «поэт

³⁴⁰ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 2; Calendar of Wills. Vol. 2. P. 368.*

³⁴¹ *Calendar of Wills. Vol. 2. P. 553—554.*

³⁴² *Ibid. P. 686—687; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 34.*

³⁴³ *Ibid. Vol. 1. P. 381; Ibid. Vol. 1. P. 379.*

³⁴⁴ Подробно см.: *Staples K.J. Daughters of London: Inheritance Practice in the Late Middle Ages. Ph.D. diss. University of Minnesota, 2006.*

³⁴⁵ *Calendar of Wills. Vol. 2. P. 397—399; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 18.*

³⁴⁶ *Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 111; Beaven A.B. The Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 35.*

и драматург», был полностью лишен наследства — его имя даже не упоминалось в завещании³⁴⁷. Скорее всего, купец вовсе не хотел предоставлять средства сыну, избравшему столь «бесполезные» занятия.

Очень редко (нам удалось обнаружить всего два случая) купцы отдавали некоторое предпочтение дочерям. Хотя мотивы такого поведения не ясны. Скорее всего, в этих случаях распределение наследства осуществлялось по принципу старшинства. Так, Николас де Фарндон, ювелир, 24 июня 1334 г. завещал своей дочери Роуз все сдаваемые в аренду помещения на Уод-стрит в пожизненное владение и только впоследствии — сыну Николасу³⁴⁸. А Стефен де Абиндон в завещании от 10 августа 1336 г. оставил дочери Изабелле ренты в приходе Всех Святых на Бред-стрит в пожизненное владение и лишь затем — сыновьям Томасу и Джону³⁴⁹.

Интерес к дочерям отражен, прежде всего, в рассмотрении вопросов их замужества и выделения приданого. Обеспечение дочерей приданым признавалось «отцовским долгом», «семейной обязанностью», и на эти цели олдермены, как правило, не скупились. Детально описывается та его часть, которая состояла из вещей, необходимых девушке в ее будущей семейной жизни. Перечень неизменно начинается с кровати, подушек, перины, простыней, одеял и т.д. Далее следует описание платьев, плащей, поясов и прочих предметов одежды, часто с указанием вида ткани и ее цвета, колец, брошей и других украшений — серебряных, позолоченных, золотых, с драгоценными камнями. Третье место занимают мебель (столы, скамьи) и кухонная утварь.

Особо, как правило, в завещаниях оговариваются денежные суммы: от 40 ф. до 2 тыс. ф.³⁵⁰ Яркий пример — завещание Генри Сэчфорда от 24 августа 1337 г., по которому этот олдермен оставил своей дочери Матильде 100 марок в качестве приданого³⁵¹. Не менее интересны завещательные распоряжения сэра Роджера Мартина, олдермена XVI в., касающиеся пятерых его дочерей. Две них — Сьюзен и Марта — получили по 500 марок приданого и по 200 марок после того, как выйдут замуж, а третья дочь, Мэри, — одну тыс. ф. в качестве свадебного дара и 200 ф. дополнительно. Двум незамужним дочерям — Джейн и Анне — передавалось, согласно завещанию, по 250 ф.³⁵² Дочери другого лондонского олдермена XVI в. Ри-

³⁴⁷Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 110; Beaven A.B. The Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 34.

³⁴⁸Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 377; Calendar of Wills. Vol. 1. P. 397—398. Правда, этому же сыну он оставил феодалы на Уодстрит, Гидроунлэйн и Темз-стрит и сад в приходе св. Ботольфа.

³⁴⁹Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 380; Calendar of Wills. Vol. 1. P. 413.

³⁵⁰Calendar of Wills. Vol. 2. P. 393; 397—399; 553—554; 694—695; 707—708; 728—729.

³⁵¹Ibid. Vol. 1. P. 435; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 381.

³⁵²Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 112; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 35.

чарда Мэллори — Анне — были завещаны 200 ф., а дочери Схолостике — 400 марок в качестве свадебного дара; 4 незамужние дочери этого купца получили по 60 ф. приданого. Кроме того, все они получили свою долю наследства в трети движимого имущества отца³⁵³. Галантерейщик и олдермен 1567—1576 гг. Уильям Бонд завещал дочери одну тыс. ф. в качестве приданого³⁵⁴. А вот Роберт де Пэрис оставил своей дочери Марджерии для ее замужества 10 марок и несколько домов³⁵⁵. Это единственный случай передачи дочери в качестве приданого не только денежных средств, но и недвижимой собственности. Единственным в своем роде является и завещание Дэвида Вудроффа, олдермена 1548—1560 гг.: его сын и дочь наследовали одинаковые суммы на свои свадьбы — по 266 ф. 13 ш. 4 п.³⁵⁶

Таким образом, судя по завещаниям лондонских олдерменов XIV—XVI столетий, фиксирующим передачу части их имущества детям, дочери наследовали не только деньги и домашнюю утварь, но и недвижимое имущество, включая дома и торговые помещения. Заметим, однако, что более всего имущественные права девушек были ущемлены именно в распоряжении земель и другой недвижимостью. Особенно наглядно это проявилось в завещательных распоряжениях олдерменов, которые либо отдавали преимущество при наследовании сыновьям перед дочерьми, либо устанавливали право первородства (в соответствии с ним все земельные владения безраздельно переходили к старшему сыну, а младшим сыновьям и дочерям выделялись небольшие доли наследства в виде движимого имущества или денежных средств).

Нередко завещатель передавал свое имущество, движимое и недвижимое, в совладение дочери и зятю с равными правами на его отчуждение. Уже упоминавшийся лондонский суконщик Стефен де Абиндон по завещанию от 1336 г. оставил сдаваемые в аренду помещения в нескольких приходах и ренты трем дочерям и их мужьям в совместное владение и распоряжение³⁵⁷.

В число наследников лондонских олдерменов входят также внуки и внучки, права которых в отношении наследства во многом аналогичны правам сыновей и дочерей. Можем утверждать, что внукам олдермены предпочитали завещать преимущественно недвижимую собственность, внукам же — денежные средства. Не случайно, что торговец рыбой

³⁵³ *Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 111; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 35.*

³⁵⁴ *Ibid. P. 81; Ibid. P. 38.*

³⁵⁵ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 379; Calendar of Wills. Vol. 2. P. 93.*

³⁵⁶ *Willan T. The Muscovy Merchants of 1555. Appendix. P. 129—130; Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 32.*

³⁵⁷ *Calendar of Wills. Vol. 1. P. 413—414.*

Уильям Брэмpton по завещанию от 5 июня 1405 г. оставил своему сыну Джеймсу пивоварню, которую мог унаследовать только еще не родившийся на тот момент внук. В том случае, если у Джеймса в течение его жизни так и не появится сын, после его смерти пивоварню следует продать, а вырученную от продажи сумму разделить среди оставшихся в живых его дочерей³⁵⁸. Весьма красноречиво и завещание бакалейщика Стефена Брауна от 28 апреля 1462 г. Этот олдермен оставил своему сыну верфь и сдаваемые в аренду помещения в трех приходах Лондона. Впоследствии, если в семье Джона родится сын, т.е. внук Стефена Брауна, то он и унаследует всю эту собственность. Если же внук так и не появится на свет, указанную недвижимость необходимо будет продать и из полученной суммы выделить по тысяче марок каждой из оставшихся в живых дочерей сына Джона: Роуз, Катерине и Эгнис³⁵⁹.

Часть имущества олдерменов могли унаследовать и другие родственники, среди которых в завещаниях чаще других упоминаются братья, племянники и племянницы. Однако такие наследники появляются лишь в случае отсутствия у того или иного олдермена собственных детей, особенно сыновей. Томас де Нортхемптон в начале XIV в. завещал дом в приходе Св. Марии Магдалины на Старом Рыбном рынке Томасу, сыну его сестры Джоанны³⁶⁰. Роберт Пэрис, торговец железными изделиями, по завещанию от 8 ноября 1406 г. оставил различные суммы денег дочери и двум сыновьям брата Уильяма. Из содержания этого завещания ясно, что на момент его составления жена Роберта Пэриса уже умерла, а детей, судя по всему, у него не было³⁶¹. А вот Саймон де Пэрис в 60-х гг. XIV в. и Генри Рэд в 1420 г. завещали свои дома и сдаваемые в аренду помещения братьям — соответственно Роберту де Пэрису и Томасу Бланту из Бристоля, «ввиду отсутствия прямых мужских наследников»³⁶².

Иногда в число получателей наследства по завещанию олдермены включают свою прислугу. Роджер де Палмер 6 октября 1327 г. завещал своей служанке Изабелле дом, в котором он жил, и две лавки на Брэдстрит в пожизненное владение «за ее хорошую и преданную службу»³⁶³. Уже упоминавшийся Роберт Пэрис отписал слуге Джону Бэйджу, «в знак признания его заслуг», усадьбу в приходе св. Марии ле Боу в пожизненное владение³⁶⁴ (впоследствии — на благочестивые цели). К со-

³⁵⁸Calendar of Wills. Vol. 2. P. 368; *Beaven A.B. Aldermen of the City of London*. Vol. 1. P. 400.

³⁵⁹Ibid. P. 553—554; Ibid. Vol. 2. P. 4. P. 553—554.

³⁶⁰Calendar of Wills. Vol. 1. P. 104.

³⁶¹Ibid. Vol. 2. P. 561—562.

³⁶²Ibid. P. 77, 423—424.

³⁶³Ibid. Vol. 1. P. 363.

³⁶⁴Ibid. Vol. 2. P. 561—562.

жалению, мы не имеем возможности выяснить, каковыми именно были данные заслуги — в завещаниях больше нет никакой информации на этот счет.

Завещания лондонских олдерменов рассматриваемого периода зафиксировали существование особого института управления наследственным имуществом — института душеприказчиков³⁶⁵. Чаще всего душеприказчиками назначались священники приходских церквей. Но в некоторых завещаниях в качестве таковых упомянуты родные и близкие купцов-олдерменов. Так, Стефен Константин в завещании, составленном в середине XIV в., одним из душеприказчиков назначил свою жену Джулиану³⁶⁶. Аналогичное распоряжение содержится и в завещании Николаса Экстона от 24 октября 1393 г.: среди душеприказчиков этого торговца рыбой и олдермена упомянута его жена Джоанна³⁶⁷. Одним из душеприказчиков Ричарда Уайттингтона, судя по его завещанию от 5 сентября 1421 г., был небезызвестный городской клерк Лондона — Джон Карпентер³⁶⁸. Генри Бартон по завещанию от 11 сентября 1432 г. оставил управлять своим наследством брата Ральфа³⁶⁹. Бакалейщик Томас Ноллес в завещании от 29 июня 1435 г. назначил одним из душеприказчиков своего сына Томаса³⁷⁰.

Какие чувства связывали супругов и домочадцев? Было бы явным упрощением считать, что теологические трактаты и поучения проповедников, столь сурово порицавшие любовь, которую они сводили к похоти и не признавали даже в рамках законного брака, не оказывали воздействия на современников. Формально в браке приветствовались не страсть, а взаимопонимание супругов, совместное ведение домохозяйства и дел, воспитание детей. Представляется, однако, неправомерным полагать, что любовь, привязанность, разумеется, в пределах эмоциональной сферы средневекового человека, никогда не существовали в отношениях между супругами.

Обратимся к истории взаимоотношений олдермена второй половины XIV в. Джона Пайела и его супруги Джоан. Джон женился к февралю

³⁶⁵Данный институт создан еще в XII в. теоретиками канонического права. Было установлено, что после смерти завещателя вместо принятия наследства наследником назначенное в завещании душеприказчиком лицо брало на себя владение всей собственностью, подлежащей распределению. Не наследник, а душеприказчик осуществлял права завещателя и выполнял его обязательства (см.: Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. Н.Р. Никоновой. 2-е изд. М., 1998. С. 226).

³⁶⁶Calendar of Wills. Vol. 2. P. 46.

³⁶⁷Ibid. P. 352.

³⁶⁸Ibid. P. 432.

³⁶⁹Ibid. P. 492—493.

³⁷⁰Ibid. P. 475.

1349 г., в возрасте не меньше 30—35 лет. Столь поздний, по современным меркам, брачный возраст объясняется, видимо, тем, что в средневековом городе семья для молодого человека, стремившегося к финансовому достатку и карьере, была, скорее, препятствием, чем поддержкой. Вступление в брак становилось возможным лишь после достижения требуемого уровня профессиональной подготовки и материального благополучия³⁷¹, которых Джон Пайел сумел достичь в конце 1340-х гг. К этому времени он уже прочно обосновался в столице и вполне мог обеспечить своей супруге надежную защиту, доброе имя и положение в обществе. Его избранницей стала девушка по имени Джоан, о жизни которой до смерти ее супруга в мае 1382 г. достоверной информации почти не сохранилось. Известно лишь, что она родилась в Лондоне между 1330—1335 гг., видимо, в семье торговца готовым платьем.

Важнейший, если не основополагающий аспект жизни Джона Пайела составляла его профессиональная деятельность, которая утверждала его социальную и личную ценность как мужчины. А что же Джоан Пайел? Как протекала ее жизнь? Чем она была наполнена? Каким образом складывались ее отношения в семье?

О жизни Джоан до смерти ее супруга в мае 1382 г. достоверно почти ничего не известно. Скорее всего, она вела достаточно скромный и размеренный образ жизни, уделяя большое внимание религиозным вопросам. В частности, в феврале 1349 г., вскоре после заключения брака, она и Джон получили полное отпущение грехов (полную индульгенцию), а в 1355 г. Джоан добилась особого разрешения папы, предоставившего ей право по своему усмотрению выбрать духовника для предсмертной исповеди³⁷². Уже эти факты показывают, сколь большое внимание в жизни Джоан Пайел занимали религиозные вопросы.

Несмотря на мизерность информации, необходимо признать, что Джоан была компетентной, умной женщиной, способной полностью взять на себя инициативу в деле управления домом, домашним хозяйством и, возможно, присматривала за «бизнесом» мужа в Лондоне во время его довольно частых поездок. Документально засвидетельствовано участие Джоан в делах мужа, связанных с движением недвижимости в Лондоне: в 1363—1367 гг. ее имя упоминается вместе с именем супруга в нескольких сделках по приобретению земли в городе. Джоан и Джон являлись совладельцами земель и рент в Итлинборо и Нортхемптоншире в целом.

В силу своей профессии Джон проводил много времени вне дома. И это не могло не сказаться на его семейной жизни и на взаимоотно-

³⁷¹ Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 183; Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. С. 62—63.

³⁷² O'Connor S.J. Joan Pyel (d. 1412). P. 71.

шениях супругов. С течением времени Джон и Джоан отдалялись друг от друга, их отношения становились все более прохладными и официальными. Показательно, что Джоан с большим нежеланием согласилась последовать за мужем в Итлинборо в конце 1370-х гг.³⁷³ Безусловно, здесь сказались ее привязанность к Лондону, который она никогда не хотела покидать. Видимо, ее совершенно не прельщала перспектива сельской жизни. Но была и еще одна причина, объясняющая такое поведение Джоан. Видимо, в Итлинборо у Джона была дама сердца — некая Маргарет Джой, возможно, местная вдова, получившая по завещанию Пайела не только 10 ф. наличными все земли, строения и ренты в Файндоне, графство Нортхемптоншир, но и личные вещи, в т. ч. кровать, скатерть, салфетку, кубок и плоскую чашу. Весьма показательно, что упоминание о Маргарет и ее наследстве следует сразу же за перечислением доли Джоан³⁷⁴. Супруга, скорее всего, получила личные вещи на основании устного распоряжения Джона. Но в данном случае любопытен контраст — «лично окрашенное» наследство, предназначенное Маргарет, и официальный, «обезличенный» характер, присущий имуществу, отписанному жене.

В целом бросается в глаза исключительно скупой тон завещательных распоряжений в отношении Джоан, который резко контрастирует с великодушием и щедростью, проявленным к друзьям и их женам в графстве и несколькими религиозным домам.

Сложными были и отношения Джоан с детьми. У нее и Джона родились два сына — Джон (умер в 1385 г.) и Николас, главный наследник (прожил до 1406 г.). В браке Николаса и некой Элизабет родились тоже двое детей: сын Джон, скончавшийся примерно в 1406 г., и дочь Элизабет, дважды выходявшая замуж и умершая после 1445 г.³⁷⁵ При жизни супруга Джоан не принимала активного участия в воспитании и обучении сыновей. Это была прерогатива Джона. После смерти Пайела эти обязанности взял на себя друг и деловой партнер Джона Пайла хорошо нам известный Ник Брембр. Именно он был назначен опекуном обоих мальчиков, которые поселились в Нортхемптоншире, и ответственным за их воспитание и обучение. И позже Джоан редко виделась со своими взрослыми сыновьями и внуками.

Таким образом, с точки зрения человеческих отношений брак Джона и Джоан Пайел нельзя назвать счастливым. Не был он и союзом единомышленников. Возможно, сказывалась разница в возрасте: возрастной интервал между супругами составлял 11—14 лет.

³⁷³O'Connor S.J. Joan Pyel (d. 1412). P. 75.

³⁷⁴Calendar of Wills. Vol. 2. P. 385—386.

³⁷⁵O'Connor S.J. The Pyel Family // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 96.

И, тем не менее, несмотря на все сложности, Джон ценил свою супругу, что наглядно проявилось в его завещаниях. Джон Пайел назначил Джоан душеприказчицей обоих своих завещаний — первого, составленного 25 июня 1377 г. и касавшегося недвижимости в Лондоне и его предместьях³⁷⁶, и второго — от конца февраля 1379 г., содержавшего детальные распоряжения относительно имущества в Нортхемптоншире³⁷⁷.

По первому завещанию всю свою недвижимость в Лондоне и предместьях Джон Пайел оставил жене в пожизненное владение. Во втором завещании Джоан упоминается только однажды — как совладелица наследства, очищенного от долгов и прочих завещательных отказов, в виде движимого имущества сыновей. Правда, в дополнительном распоряжении к завещанию, сделанном 25 июня 1379 г., она получала в пожизненное пользование 50 марок ежегодного дохода от земель мужа в Нортхемптоншире³⁷⁸.

Джон Пайел умер в мае 1382 г. Это событие, несмотря на весь свой трагизм, внесло новые краски в жизнь Джоан. Ведь, как известно, основной составляющей статуса женщины было ее положение по отношению к мужчине (дочь, жена, вдова), и потому именно для женщин вдовство означало особый социальный статус: определенную правоспособность, самостоятельность в решении имущественных вопросов³⁷⁹.

Как и подобает вдове, Джоан получила полную самостоятельность в распоряжении своим имуществом, домашним хозяйством и даже — в какой-то степени самой собой, конечно, с учетом строгих правил приличия. В материальном отношении годы вдовства Джоан Пайел были благополучными и даже комфортными. В 1411 г. ее годовой доход только от лондонского имущества составлял 23 ф. 9 ш. 4 п.³⁸⁰, что позволяет говорить о ней как о состоятельной женщине. Именно теперь в полной мере проявился, как оказалось, сильный характер этой женщины, ее понимание долга и смысла земного бытия. Джоан показала себя женщиной выдающейся в своем роде.

Она овдовела в возрасте 47—52 лет, осталась жить в доме мужа на Брод-стрит в приходе св. Варфоломея и замуж больше не выходила. Джоан Пайел нашла себя в другом. После смерти мужа она, не останавливаясь

³⁷⁶Calendar of Wills. Vol. 2. P. 381—382. Вторым душеприказчиком назначался брат Джона — Генри, архидиакон Нортхемптона.

³⁷⁷Ibid. P. 385—386. Генри был оставлен в качестве душеприказчика (скончался спустя шесть недель), а Джоан упоминается совместно с еще четырьмя душеприказчиками и двумя надзирателями.

³⁷⁸Calendar of Wills. Vol. 2. P. 386.

³⁷⁹Попова Г.А. Вдова — беззащитная жертва или свободная женщина? // Судьбы и образы женщин Средневековья. СПб., 2001. С. 167.

³⁸⁰O'Connor S.J. Joan Pyel (d. 1412). P. 74.

ни перед какими трудностями, занялась созданием колледжа в Итлинборо — мечты последних лет жизни Джона Пайела. Он начал эту процедуру в 1373 г., когда папа Григорий XI в ответ на его просьбу отдал епископу Линкольнскому Джону Бакингему распоряжение предпринять конкретные шаги, необходимые для возведения приходской церкви св. Петра в Итлинборо. Соответствующий королевский патент был получен в феврале 1375 г., а в ноябре аббат и конвент Питерборо, являвшиеся патронами св. Петра, написали епископу Бакингему, попросив созвать специальную, полагающуюся в подобных случаях, комиссию. Однако епископ всячески затягивал процесс, ссылаясь преимущественно на технические сложности. К моменту составления второго завещания в 1379 г. Джону Пайелу стало ясно, что он может и не увидеть зримого результата своих усилий. И он не ошибся. Однако Джоан посчитала своим долгом завершить начатое мужем богоугодное дело и с невероятной энергией и упорством принялась за осуществление его проекта. Ей пришлось преодолеть серьезные препятствия, чинимые главным образом епископом Линкольнским, проявив всю свою мудрость и даже хитрость. Джоан добилась того, что папа Урбан VI 10 июня 1386 г. не только подтвердил первоначальное распоряжение Григория XI, но и направил новое распоряжение, но уже не Джону Бакингему, а Томасу Бэйктому, архидиакону Лондона. Основанием для этого послужил тот факт, что Джон Пайел был горожанином Лондона. Джоан также смогла добиться и 12 марта 1388 г. купить за 20 марок новый королевский патент. После длительных препирательств и ожесточенных споров упорное сопротивление епископа Линкольнского было сломлено. В феврале 1393 г., спустя 11 лет после смерти Джона Пайела, было принято окончательное решение об учреждении колледжа в Итлинборо. Основная заслуга в том, что замысел Джона получил-таки свое воплощение, принадлежит его вдове — Джоан, которая с честью справилась с тяжелой обязанностью, которую фактически сама на себя возложила.

Как оказалось, окончание этой миссии ознаменовало начало нового этапа в жизни Джоан Пайел. Она фактически отошла от прежней жизни и семьи. Возможно, поселилась в монастыре. Известно, что в 1392 г. Джоан сделала щедрые дарения в пользу приорства св. Варфоломея в Лондоне и женского монастыря в Хартфордшире³⁸¹. Больше о ней ничего не было слышно вплоть до 1 февраля 1412 г.: достигнув 80-летнего (или более) возраста, она умерла, пережив мужа на 30 лет, сыновей, Джона и Николаса, и внука Джона. Дольше нее прожила только внучка Элизабет. Интересно, что в своем завещании Джоан называет себя «бывшей женой Джона Пайела, умершего горожанина Лондона»³⁸².

³⁸¹ O'Connor S.J. Joan Pyel (d. 1412). P. 74.

³⁸² Calendar of Wills. Vol. 2. P. 416.

Она оставила подробные инструкции относительно своих похорон — «напротив южного входа в монастырскую церковь св. Елены на Бишопсгейт»³⁸³, где был похоронен и ее супруг. Этой церкви Джоан завещала две свечи, чтобы «горели в день ее похорон». Основную часть своего имущества, в т.ч. деньги, она оставила монахиням монастыря св. Елены и других религиозных домов Лондона. Исключение составляют ее служанка Джоан Лукас, возможно, родственница одной из монахинь, персонально упомянутая в завещании, и бывший слуга Джон Шарп. Предусмотрены также «посмертные дарения» на помин души³⁸⁴.

Большую часть своей жизни Джоан Пайел жила в тени своего мужа, одного из самых успешных лондонцев своего времени. Неудивительно, что больший интерес она проявляла к религии. Джоан была женщиной исключительно набожной. Все, что мы знаем о ней, так или иначе связано с церковью. Получение полной индульгенции, разрешение самостоятельно выбрать духовника, рвение, проявленное в деле основания колледжа в Итлинборо, личные пожертвования, поддержка монахинь и, наконец, ее завещание — своеобразный каталог религиозных домов Лондона — все это позволяет говорить о ней как о женщине горячо верующей. И, несмотря на все сложности во взаимоотношениях супругов, Джоан выполнила свой долг перед Джоном, тем более что это было созвучно ее внутренним запросам и переживаниям.

Не менее показательный материал содержат письма Сели. Каким горем из-за утраты близкого человека переполнено письмо Томаса Кестена Джорджу Сели, написанное спустя месяц после смерти Ричарда Сели-ст. 13 февраля 1482 г.: «...Уважаемый сэр и мой самый почитаемый друг <...> я должен поговорить с Вами. Но если я приду к Вам и моей убитой несчастьем госпоже, я только усугублю ее горе. Поэтому я не решаюсь показываться в Лондоне...»³⁸⁵. Привязанность и добрые воспоминания вдовы Ричарда Сели-ст. были столь сильны, что спустя полгода после его смерти, 24 июня 1482 г., Ричард Сели-мл. сообщает в письме брату Джорджу в Кале: «...наша мать <...> прошла в процессии на Празднике Тела Христова <...> как и в месяц поминовения после смерти отца...»³⁸⁶.

Надо сказать, что кончина главы семейства Сели на всех произвела довольно сильное впечатление. Джон Дальтон пишет буквально через две недели после случившегося, 27 января 1482 г., Джорджу Сели из Кале в Лондон: «...Я получил от Вас два письма, из которых узнал о большой беде с Вашим отцом, да пребудет с Вами Божье милосердие...»³⁸⁷.

³⁸³Calendar of Wills. Vol. 2. P. 416.

³⁸⁴Ibid.

³⁸⁵Letter № 143 // The Cely Letters. P. 131.

³⁸⁶Letter № 175 // Ibid. P. 161—162.

³⁸⁷Letter № 141 // Ibid. P. 128.

Обратим внимание на то, что Джордж оперативно поставил в известность о смерти своего отца и главы семейной компании людей, связанных с семьей личными и деловыми интересами, успев, в частности, написать даже два письма Джону Дальтону.

Необходимо отметить, что кончина члена семьи, тем более ее главы, связанные с этим переживания и заботы, не были уделом лишь оставшихся в живых. Сами купцы-олдермены, как правило, тщательно готовились достойно отойти «в мир иной». Еще при жизни они стремились как можно обстоятельнее подойти к организации собственных похорон, детально прописывая их организацию. С распоряжений о похоронах тот или иной олдермен обычно начинал свое завещание. Иногда такого рода распоряжения делались с удивительной скрупулезностью. Ярчайший тому пример — завещание меховщика Генри Бартона, составленное 31 июля 1434 г.³⁸⁸ Этот известный в Лондоне купец пожелал, чтобы на его похоронах в часовне ле Чарнел присутствовали «мэр, олдермены, судья Лондона, шерифы, чемберлен, городской клерк, каноники церкви св. Олфега на Крипплгейт и бедные люди компании меховщиков и нескольких приходов». Это, вероятно, должно было подчеркнуть значимость Генри Бартона, его роль в жизни столицы, признание его заслуг перед лондонцами. Далее этот купец подробнейшим образом описывает, как должна проходить сама церемония похорон: кто и где должен стоять и что в какой момент делать, в какой последовательности участвовать в траурном шествии, какие понадобятся одежды, сколько потребуется факелов и свечей и т.д. Удивляет, с какой тщательностью меховщик продумал все детали! Среди вещей, необходимых, по мнению Генри Бартона, для достойных его персоны похорон, мы обнаруживаем: хлеб, 6 галлонов³⁸⁹ вина, пивные бочки, вмещавшие по 30 галлонов этого напитка, одежды для священников, в том числе «роскошное одеяние из черного бархата с золотой вышивкой и отделкой из меха» для приходского священника церкви св. Павла, в часовне которой этот олдермен и был похоронен, 2 фунта воска для изготовления небольших свечей, деньги для раздачи присутствующим на похоронах, ткань «с золотой нитью и прочая ткань для напестольной пелены, серебряный крест, покрытый глазурью и позолоченный, весом в 3 фунта и 8 с половиной унций монетного веса, золоченая монета с изображением креста Архиепископа, серебряная с позолотой монета весом в 2 фунта 7 унций монетного веса, большие серебряные чаши, кувшины для умывания, большие плоские блюда и тарелки с изображением герба завещателя». Последнее представляется явным стремлением подчер-

³⁸⁸Calendar of Wills. Vol. 2. P.477—479.

³⁸⁹Галлон — 3,785 литра

кнуть свой дворянский титул. Конечно, все оставленные купцом одежды, кувшины, блюда, монеты, крест и прочее после обряда похорон переходили в распоряжение церкви.

Невольно возникает вопрос: к чему такая тщательность, такое исключительное внимание к собственной похоронной церемонии? Думается, объяснение этому факту нужно искать в особенностях мировоззрения средневековой эпохи, в том, что сильнейшее влияние на все сферы жизни средневекового общества в целом и каждого отдельного индивида оказывали религиозные представления. А сама жизнь человека того времени получила своеобразную направленность к загробному воздаянию.

Видимо, учитывая вышесказанное, можно понять и широко распространенную практику служения месс «за упокой души». Все без исключения купцы просят в своих завещаниях молиться и отслуживать мессы за спасение своей души и душ умерших родителей, прочих родственников и друзей. И, конечно же, оставляют разнообразное имущество (земли и помещения, ренты и деньги) церквям и священнослужителям на проведение подобных служб. Чувствуется, что купец искренне верит в возможность таким способом спасти свою душу и освободить ее от грехов. Поражает, что купцы просят отслужить немалое количество месс: на протяжении 12-ти, 16-ти и даже 60-ти лет³⁹⁰. Составители завещаний буквально одержимы мыслью о необходимости отправления как можно большего числа служб «за упокой души». По мнению А.Я. Гуревича, подобная практика свидетельствует об утверждении в сознании купца идеи пропорциональности «добрых дел» на земле и наград на том свете. Купец старается устроиться по возможности с «удобствами» и в потустороннем мире³⁹¹. И это его старание реализуется в «добрых делах». Поступая так, олдермены, очевидно, старались застраховать себя, свои души от посмертных мучений на том свете. Фактически же в купеческой олдерменской среде вырабатывается новый тип религиозности, который объединял веру в Бога и страх перед загробными карами с коммерческим подходом к т.н. «добрым делам» на земле, приносящим награды на том свете.

С другой стороны, анализ завещательных распоряжений купцов, составленных в Лондоне XIV—XVI вв., убеждает и в том, что традиционный похоронный обычай вытесняется ныне конкретным волеизъявлением завещателя. Оно касается и имущественных вопросов, и места захоронения, и ритуала похорон. Уже во второй четверти XIV в. в завещаниях обычными становятся упоминания о факельных похоронных

³⁹⁰Calendar of Wills. Vol. 1. P. 381, 421.

³⁹¹Гуревич А.Я. Средневековый купец. С. 126.

процессиях, об использовании особых, преимущественно белых, погребальных тканей, о привлечении в похоронные шествия возможно большего числа людей из числа клириков, «бедных» и городской элиты. Получает распространение обычай строить семейные часовни, убедительным доказательством чему является и завещание Генри Бартона. Есть сведения и о том, что олдермены, по крайней мере, в XVI в. возводили памятные монументы в местах погребения умерших близких родственников. Известно, в частности, о существовании своего рода фамильной усыпальницы Лэмбардов в часовне приходской церкви св. Николая, где сыновья лондонского олдермена 1547—1554 гг. Джона Лэмбарда установили памятник своей матери Джулиане, скончавшейся в сентябре 1540 г.³⁹²

Косвенные свидетельства завещаний олдерменов позволяют согласиться с выводом Ю.Л. Бессмертного о том, что человек того времени больше боялся внезапной смерти, лишаящей возможным образом уладить земные дела, чем Страшного суда³⁹³. Внимание, которое уделяется в завещаниях похоронному ритуалу, видимо, связано с изменениями в общей системе ценностей состоятельных горожан: земные почести бренному телу все более теснят заботы о потустороннем блаженстве.

Очень тяжело переживали в семействе Сели не только смерть отца, но и другие людские утраты. Какой скорбью и болью проникнуто письмо верного слуги Уильяма Сели, адресованное Джорджу Сели из Кале в Лондон 29 августа 1482 г.: «...Сэр, сообщаю вам с прискорбием, что Марджери, дочь, скончалась, это случилось в день Вознесения Христова. Сэр, это такой большой и внезапный удар и такая боль, которую трудно выразить словами...»³⁹⁴.

Судя по переписке, хорошие отношения, проявлявшиеся не только в моменты трагических событий, связывали многих членов семьи Сели. Искренней представляется привязанность и теплота во взаимоотношениях между Джорджем Сели и его женой Марджери, что явственно проступает в письмах, которыми они обменивались. В частности, Марджери в письме Джорджу, отправленном из Лондона в Кале 14 сентября 1484 г., пишет: «Достопочтенный и милостивый сэр, я обращаюсь к Вам со всем почтением, с каким супруга должна обращаться к супругу, и со всей сердечностью, на какую способна, всегда желая Вам процветания <...> И если сочтете возможным написать мне о ваших делах, я буду очень рада <...> И как только Вы сможете завершить Ваши дела, я про-

³⁹² Warnicke R.M. William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536—1601. P. 2.

³⁹³ Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в Средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 109.

³⁹⁴ Letter № 187 // The Cely Letters. P. 172—173.

шу Вас поторопиться домой...»³⁹⁵. И сколь трогательны слова из письма Уильяма Мариона, обращенные все тому же Джорджу Сели в Кале 20 сентября 1484 г.: «...Сэр, моя госпожа, Ваша жена, сердечно обращается к Вам и сообщает, что в последнюю неделю отправила Вам письмо и <...> маленькое золотое украшение <...> Также, сэр, она умоляет Вас, чтобы Вы по завершению дел в Кале тотчас поспешили домой, так как она никогда не была так долго с Вами в разлуке...»³⁹⁶.

Не менее теплые чувства связывали других членов семьи Сели. Прежде всего, это относится к братьям Сели — Ричарду и Джорджу, которые проявляли самые искренние родственные чувства. Письма Ричарда Сели-мл. к брату Джорджу, пребывавшему, как правило, в Кале, неизменно начинались словами: «Мой любимый брат, я сердечно тебя приветствую...»; «Мой дорогой и горячо любимый брат Джордж, сердечно тебя приветствую...»; «Искренне уважаемый и сердечно любимый брат»³⁹⁷. «...Пиши нам. Ожидание очень тягостно, а твои письма доставляют нам большое удовольствие...»³⁹⁸, — просит Ричард брата, явно скучая по нему. Тем же отвечал и Джордж Сели своему брату: «Мой любимый брат, прими мои обычные заверения в самой горячей любви <...> Я ежечасно думаю о нас <...> Надеюсь вскоре увидеться с тобой...»³⁹⁹; «...Я скучаю и не могу заставить себя веселиться, пока не буду с Вами, надеюсь на скорую встречу...»⁴⁰⁰.

Из содержания писем понятно, что эти братья по возможности старались сделать друг для друга что-нибудь приятное. Так, Ричард пишет Джорджу: «...я обращаюсь к тебе и благодарю за большой подарок, который ты сделал по приезду...»⁴⁰¹. И в другом письме этих же корреспондентов от 15 ноября 1480 г. читаем: «Искренне и до глубины души любимый брат, я приветствую тебя от всего сердца и благодарю за те затраты, на которые ты пошел ради меня и моих друзей во время нашего последнего пребывания в Кале...»⁴⁰².

Очевидно, Джордж Сели выделялся особо добрым нравом, со всей искренностью относился к родственникам и партнерам по торговле. И они, со своей стороны, старались проявлять дружеские чувства. Это явственно просматривается в письме некоего Джона Спенсера, написанном Джорджу Сели 2 декабря 1476 г.: «Милостивый сэр и мой добрый друг <...> Сердечно благодарю за гостеприимство, которым я пользовался

³⁹⁵Letter № 222 // The Cely Letters. P. 222—223.

³⁹⁶Letter № 223 // Ibid. P. 223.

³⁹⁷Letters № № 3, 8, 18, 28, 83 // Ibid. P. 4, 8, 16, 26, 73.

³⁹⁸Letter № 84 // Ibid. P. 74.

³⁹⁹Letter № 4 // Ibid. P. 4.

⁴⁰⁰Letter № 109 // Ibid. P. 96—98.

⁴⁰¹Letter № 19 // Ibid. P. 17.

⁴⁰²Letter № 108 // Ibid. P. 75.

много раз, и также за Ваши хлопоты в связи с моим отъездом. Когда мы будем вместе, я готов сделать для Вас все, что в моих силах...»⁴⁰³.

Джордж Сели, по всей видимости, пользовался почти безграничным доверием в купеческой среде: ведь без доверия невозможны были те многочисленные просьбы, которыми буквально одолевали Джорджа знакомые, партнеры по торговле и т.д., поручая ему изрядные суммы денег или, напротив, прося купить что-либо, включая товары, с обещанием оплаты в последующем. Многочисленность таких взаимных одолжений дает основания полагать, что подобное поведение становилось традицией, правилом поведения купцов, их этической нормой⁴⁰⁴.

А какой переполох и переживания доставила всем болезнь Джорджа! Отец, Ричард Сели-ст., пишет Джорджу из Лондона в Кале или Брюгге 6 ноября 1479 г.: «...рад слышать о твоём выздоровлении. Если я правильно понял, ты во время пребывания в Брюгге заболел. Твоя мать, оба брата, Уильям Марион и я были опечалены этим и очень беспокоились за тебя <...> слава Богу, ты выздоровел...»⁴⁰⁵. И немного времени спустя, 11 ноября 1479 г., Ричард Сели-ст. вновь обращается к Джорджу в Брюгге с проникновенными словами: «...Мы с матерью надеемся услышать о твоём здоровье. Я надеюсь, что с Божьей милостью ты уже здоров. Будь весел и жизнерадостен и не экономь на вещах, которые могут быть полезны тебе, ни на обильной еде, ни на напитках. Обращайся к докторам, прислушивайся к их советам, я все оплачу. Не переутруждайся в поездках верхом, пока не окрепнешь <...> поддерживай себя любыми средствами...»⁴⁰⁶. И брат Ричард не мог не откликнуться на известие о болезни Джорджа. 11 ноября 1479 г. он пишет: «Мой любимый брат, искренне рад написать тебе. Письмо твое <...> получил и узнал из него о твоей тяжелой болезни, благодарю Бога за твое выздоровление, надеюсь, что худшее позади <...> все мы просим тебя быть здоровым и веселым. Наши отец и мать хотят, чтобы ты не брался за работу до полного выздоровления...»⁴⁰⁷. Удивительно, но и в XV столетии купцы, видимо, осознавали, что при плохом самочувствии добротнo выполнять работу невозможно. Забота о здоровье выходит на одно из первых мест. Те же мотивы звучат в другом письме Ричарда-мл. от 12 декабря 1479 г., адресованном брату Джорджу в Брюгге: «...В конце твоего письма написано, что, слава Богу, ты приедешь, мы будем рады встрече, все печали будут забыты <...> Я прошу тебя не переутруждаться, пока не почувствуешь себя здоровым, все дела могут подождать...»⁴⁰⁸.

⁴⁰³Letter № 10 // The Cely Letters. P. 9—10.

⁴⁰⁴Яброва М.М. Торговля и этика (на материалах Англии XV века). С. 80.

⁴⁰⁵Letter № 68 // The Cely Letters. P. 60.

⁴⁰⁶Letter № 73 // Ibid. P. 64—65.

⁴⁰⁷Letter № 74 // Ibid. P. 65—66.

⁴⁰⁸Letter № 81 // Ibid. P. 71—72.

Не осталась без внимания и поездка Ричарда Сели-мл. в Кале, когда там разразилась очередная эпидемия. Уильям Марион в своем письме из Лондона в Кале от 8 ноября 1478 г. Джорджу или Ричарду-мл. сумел передать немалое беспокойство родителей за сына: «...Мой господин, Ваш отец, и моя госпожа, Ваша мать, были бы довольны, если бы Ричард Сели вернулся домой, ибо, слава Богу, здесь не такая смертность, как в Кале. Сэр, они требуют, чтобы он выезжал прямо завтра...»⁴⁰⁹.

Много хлопот и огорчений семье доставлял старший брат — Роберт Сели. Недовольство вызывала, прежде всего, его необязательность и непорядочность в финансовых вопросах. Уже в письме от 5 июля 1474 г., отправленном из Лондона в Кале Ричардом Сели-ст., он укоряет сына Роберта: «...ты ленишься написать обо всем <...> Твоя жена полагает, что ты должен писать сюда, но сам ты забываешь это делать...»⁴¹⁰. И Ричард Сели-мл. в письме брату Джорджу в Кале от 9 апреля 1479 г. сетует на Роберта: «...Боюсь, на нашего отца сильно подействует огорчение, причиненное ему Робертом, разрушающим все, что он сделал своими руками <...> Я советую тебе не давать ему займы ни денег, ни вещей без свидетелей. Ты достаточно знаешь его необязательность...»⁴¹¹. Обращает на себя внимание весьма официальный тон писем, которыми обменивались братья. В частности, Роберт Сели начинает письмо Джорджу в Кале от 6 сентября 1480 г.: «Уважаемый и милостивый брат...»⁴¹². О заверениях в «горячей любви», которыми проникнуты письма других членов семьи Сели, здесь не может быть и речи.

Итак, можем отметить, что деловые люди Лондона — олдермены и члены их семей со всей ответственностью подходили к вопросам брака. Об этом свидетельствует и вполне зрелый возраст заключения первого брака (в среднем, 25—30 лет), и та тщательность, с которой осуществляли поиск подходящей брачной партии, обращая внимание на здравомыслие и привлекательные внешние данные (для женщин), и, что представлялось гораздо важнее, на материальное благополучие и социальный статус семьи избранницы/избранника. Брак олдерменов, их детей и прочих родственников решал, прежде всего, меркантильные и социальные задачи: укрупнение и консолидация семейной собственности, упрочение финансов и положения в торговой сфере, укрепление позиций в экономике, городском социуме и управлении, реализация замыслов, связанных с социальным престижем, социальными амбициями. В таком контексте закономерным представляется тот факт, что многие лондонские олдермены женились на дочерях, вдовах и других

⁴⁰⁹Letter № 39 // The Cely Letter. P. 35—36.

⁴¹⁰Letter № 2 // Ibid. P. 3—4.

⁴¹¹Letter № 47 // Ibid. P. 43—44.

⁴¹²Letter № 102 // Ibid. P. 89.

родственницах своих «коллег» по должности в муниципалитете, а детей своих стремились отдавать в олдерменские же семьи. Нередко дети от таких браков, спустя определенное время, пополняли состав правящей элиты города, становясь олдерменами. Бесспорно, заключение браков между представителями олдерменских фамилий служило мощным стимулом для сплочения и консолидации сообщества деловых людей Лондона, придания ему большей устойчивости и относительной замкнутости. Думается, что именно такими соображениями можно объяснить и столь очевидный интерес олдерменов к олдерменским же вдовам, которые в кратчайшие (после кончины супруга-олдермена) сроки вновь выходили замуж и снова — за членов столичного муниципалитета. Можем отметить также довольно широко распространенную в олдерменском сообществе Лондона практику повторных браков, охватывавшую как мужчин, так и женщин.

Однако говорить о полном замыкании олдерменской элиты Лондона, конечно, не приходится. Можно констатировать наличие определенной, четко выраженной и в значительной мере реализованной тенденции к замкнутости столичной правящей верхушки на фоне довольно высокой в условиях Лондона мобильности ее состава. Это обстоятельство наглядно проявилось в неизбежности пополнения извне и систематического обновления олдерменской общности Лондона (из-за высокой социальной подвижности английского общества вообще и лондонского в особенности, необходимости расширения деловых контактов, стремления к упрочению власти и политического влияния, по соображениям престижа) за счет представителей иных социальных групп и слоев. Одним из важнейших инструментов реализации такой тенденции было заключение брачных союзов.

Рассмотренный материал источников позволяет выделить три «круга» родственных отношений, характерных для семей олдерменов. К самому тесному из родственных объединений принадлежали потомки до второго колена одной супружеской пары. Именно этот круг родственников обычно и скрывается под термином «малая семья». Отношения ее членов были значительно более интенсивными, чем контакты с более дальними родственниками. В рамках малой семьи всемерная поддержка — денежная, правовая и пр. — считалась не только нормальной, но и необходимой. Кроме того, лишь члены малой семьи в эпистолярном наследии Сели пишут о том, что испытывают друг к другу родственную любовь.

Крепость родственной группы в среде лондонских олдерменов обнаруживает себя в практике возведения часовен, обустройстве фамильных захоронений, проведении фамильных заупокойных месс, на которые завещаются специальные суммы наследникам.

Главой малой семьи был старший из мужчин, который мог отдавать распоряжения другим ее членам хотя бы потому, что ему принадлежала значительная, если не большая, часть семейного имущества, и который должен был защищать интересы и благополучие своих домочадцев. По смерти отца его главенствующее положение переходило, как правило, к старшему сыну. Если же старший сын по каким-то причинам вел себя недостойно, традиция могла быть нарушена, как и произошло в семье купцов Сели.

Вопрос о главенстве в семье был не совсем решен, если жена переживала мужа, и наследство получали ее дети, прежде всего, старший сын. Сыновняя почтительность обязывала нового главу семьи прислушиваться к мнению матери, которую он и другие члены семьи обязаны были уважать и всемерно о ней заботиться. Возможно, сыновняя почтительность считалась одним из правил приличия, и нарушение ее могло неблагоприятно отразиться на репутации всей семьи. В то же время положение сына, унаследовавшего дело отца, во внутрисемейной иерархии после смерти последнего было выше, нежели положение матери. По всей видимости, в такой ситуации многое зависело от характеров конкретных людей, их отношении друг к другу, а также от материальных возможностей вдовы.

Семейная переписка Сели, купеческие завещания и прочие наши источники предоставляют весьма обширный материал, касающийся положения жены во внутрисемейной иерархии. Письма, которыми обменивались Джон Сели и его молодая жена Марджери, дают возможность проследить, как с течением времени менялась степень участия жены в делах супруга и семейных делах вообще. Постепенно она, как и супруги многих других лондонских купцов, становились надежными помощницами, а зачастую и деловыми партнерами своих мужей. Оставаясь вдовой, женщина могла уже совершенно свободно распоряжаться собственным имуществом (а иногда и имуществом детей).

Следующим по интенсивности родственных отношений был, очевидно, круг родственников до 3—4 колена, включавший в себя кузенов, кузин, дядей, племянников и т.п., которые также включались в число наследников и на поддержку которых в трудных ситуациях, скорее всего, рассчитывали.

Можно говорить и о существовании круга еще более дальних родственников, а также слуг. Последние не только выполняли определенную работу по дому, но и помогали своим хозяевам в торговых делах.

Необходимо отметить следующие неотъемлемые качества родственника в среде купечества XIV—XVI столетий: уважительное отношение друг к другу, забота об интересах и чести семьи, оказание материальной, юридической, моральной поддержки друг другу.

Мы лишь отчасти затронули вопрос о браке, семье и семейных ценностях лондонских олдерменов XIV—XVI вв., выделив только некоторые аспекты этой многогранной и, безусловно, научно перспективной проблемы. Тем не менее, даже рассмотренный материал позволяет отметить, что все заметнее становилось появление отдельных личностных черт, без которых рождение в более позднюю эпоху индивидуальности было бы невозможно, и которые требуют специального исследования.

Заключение

В XIV—XVI вв. Лондон и его деловые люди предстают в наиболее зрелом виде, ярко отражая сущностные черты и ведущие тенденции в развитии городской жизни переходного периода — от Средних веков к Новому времени.

Принадлежность к деловому сообществу определялась комплексом разнообразных видов деятельности: занятия торговлей, кредитные (ростовщические) операции и финансирование короны, проникновение в производственную сферу и предпринимательство, инвестиции в недвижимость и управление земельными владениями в городе и графствах Англии, участие в политической жизни и управлении Лондоном. Такое совмещение разных типов деятельности характерно для большинства деловых людей, но особенно — для олдерменов, составлявших не только самую богатую, коммерчески активную их часть, но и формировавших правящую элиту города.

Формирование института олдерменов Лондона происходило одновременно с развитием города, становлением его основных социальных и политических функций. Очевидно, существенной была роль олдерменов уже с конца IX в., хотя говорить об олдерменстве как о сложившемся городском явлении, видимо, не следует ранее конца XII в., а скорее всего, начала XIII столетия. Именно к этому времени Лондон занял общепризнанные позиции ведущего экономического центра, официальной столицы королевства и приобрел статус самого привилегированного, с максимально возможными тогда социально-политическими правами, города Англии.

Закрепленные городским законодательством критерии для избрания олдерменами были следующими. Прежде всего, это принадлежность претендентов на должность к сообществу фрименов — полноправных горожан, которые, помимо прочих привилегий, единственные имели право участвовать в выборах должностных лиц города и формировании органов городского управления. Далее, предусматривалось их обязательное членство в одной из «Двенадцати Больших ливрейных компаний» Лондона — торговцев предметами роскоши, бакалейщиков, суконщиков, торговцев рыбой, ювелиров, меховщиков, торговцев готовым платьем, галантерейщиков, торговцев железными изделиями,

вином, солью, пряностями, сукноделов и торговцев шерстью. При этом важно учесть, что олдермены входили в ограниченную по составу, самую богатую и влиятельную часть компании — верхушку ливреи. Фактически должность олдермена оставалась в руках именно таких богатейших купцов. Значение «Двенадцати Больших ливрейных компаний» на протяжении рассматриваемых трех столетий менялось, отражая изменения в экономике и социальном облике Лондона и королевства в целом. Одни из них отходили на второй план или вовсе исчезали, как это случилось с компаниями торговцев шерстью и торговцев пряностями, к XV в. поглощенными суконщиками и бакалейщиками. Другие, напротив, возвышались и укрепляли свое положение в муниципалитете: XV—XVI вв. принесли усиление влияния таких компаний как торговцы готовым платьем, галантерейщики, торговцы железными изделиями, торговцы солью. В XVI столетии в лондонском муниципалитете впервые появились олдермены из компании сукноделов; а вот компании торговцев рыбой и особенно торговцев вином, судя по представительству олдерменов из их состава, сдали свои позиции по сравнению с XIV в. Но почти неизменно на первых местах оставались торговцы предметами роскоши, бакалейщики, суконщики, ювелиры и меховщики. Олдермены именно из этих ливрейных компаний постоянно и наиболее интенсивно пополняли состав лондонского муниципалитета. В-третьих, для избрания олдерменами существовал определенный имущественный ценз: в одну тыс. фунтов «в товарах и кредитах» в XIV—XV вв. и в 1,5 тыс. ф. «в товарах, кредитах и землях» в XVI в. И последнее: в 1413 г. был зафиксирован еще один критерий — олдерменом Лондона мог стать только урожденный англичанин.

По сути, закрепление в городских документах данных требований, ужесточившихся в XVI в., позволяет говорить об определенной юридической отграниченности олдерменского круга в Лондоне, об относительной замкнутости его состава, определявшейся принадлежностью к высшей имущественной и социально-правовой группе.

Олдермены — «достойные люди», избравшиеся по административным округам, возможно, из числа советников, были самыми важными должностными лицами в городе. Советники, как нам представляется, вполне могли рассматриваться в качестве ближайшего резерва для пополнения состава органов муниципальной власти и служить базовым, основополагающим звеном, с которого начинался карьерный рост. Мэры, возглавлявшие муниципалитет Лондона, избирались только из их числа, и шерифами становились преимущественно тоже олдермены. Они же в основном пополняли состав рикордеров, чемберленов, городских клерков и прочих служащих. Следовательно, вся власть в городе — исполнительная, судебно-административная, законодатель-

ная — находилась в руках олдерменов и избравшихся из их круга муниципалиев, включая высших.

В целом структура городской элиты Лондона в рассматриваемый период представляется, по крайней мере, трехуровневой. Низшая группа — советники; элитарный слой — олдермены, внутри которого необходимо выделить «средний» уровень и «высшую» элиту, имея в виду такой общепризнанный критерий, как «степень муниципальной активности» или «концентрации должностей». Именно «высшая» элитарная группа составляла верхушку муниципального аппарата, была носителем муниципальной политики и связующим звеном между всем бюргерством и властью вообще.

Городская власть в Лондоне концентрировалась в муниципалитете, зримым материальным олицетворением которого с XV в. стало здание Гилдхолла. В целом структура муниципальной власти Лондона XIV—XVI вв. представляется следующей: «Совет олдерменов» в составе 23—26 человек (в зависимости от количества административных округов) и мэр; «Совет избранных», комплектовавшийся за счет мэра, олдерменов и 150—200 советников, избравшихся по административным округам; «Совет Ассамблеи горожан», состоявший из мэра, олдерменов, шерифов и, примерно, 70 «гильдейских старшин», занесенных в списки фрименов и носивших ливрею одной из «Двенадцати Больших ливрейных компаний».

Администрация города была непосредственно связаны с судебной властью, представленной Судом мэра, Судом олдерменов и Судом шерифа, рассматривавших дела об имущественных, торговых и всякого рода финансовых спорах. Имелись также Суды округов во главе с олдерменами, компетенция которых распространялась на вопросы организации защиты административных районов, обеспечения их общественной и противопожарной безопасности и санитарного состояния.

На протяжении всего рассматриваемого периода мы сталкиваемся с тем, что формирование городских органов власти и состава высших служащих происходило не путем подлинных выборов, а, по сути, путем кооптации. Более того, наблюдается сосредоточение в одних руках нескольких важнейших постов (от 3 до 9 последовательно, 3—4 одновременно) на протяжении длительного времени при постепенном снижении в XV—XVI вв. престижа должностей административно-полицейского характера и, напротив, возрастание интереса, особенно у олдерменов XVI столетия, к финансово-хозяйственным должностям.

Можем констатировать рост числа олдерменов, избравшихся главой лондонского муниципалитета на протяжении XIV—XVI вв. Но при этом отмечается определенное снижение степени концентрации этой важнейшей должности в XV—XVI вв. по сравнению с XIV столетием. Хотя должность мэра оставалась исключительно привилегией олдерменов,

лишь очень немногие из них в XV—XVI вв. избирались на нее дважды, не говоря уже о четырех или девяти возможностях переизбрания, встречавшихся в XIV в. Это могло быть связано с более пристальным вниманием королевской власти к соблюдению избирательных процедур в Лондоне, а, возможно, и с изменением позиции самих олдерменов в отношении степени и уровня своего участия во властных структурах в условиях расширения масштабов их коммерческой деятельности.

Обращает на себя внимание заметный рост интереса олдерменов к должности шерифа на протяжении всего рассматриваемого периода. Причем в XVI в. лондонские олдермены становились шерифами не только столицы и графства Миддлсекс, но и ряда других английских графств. Эти факты могут свидетельствовать, на наш взгляд, как о возрастании могущества и значимости столичных олдерменов, так и об укреплении сотрудничества представителей купеческой верхушки Лондона и королевской власти, чьи интересы в графствах, в первую очередь, должны были защищать шерифы, в том числе из олдерменской среды.

Следует сказать еще об одной характерной черте элитарно-олигархической власти Лондона, а именно о связи олдерменов, ее олицетворявших, с государственной, королевской властью. Необходимо напомнить, что важнейшие городские должности одновременно рассматривались и как королевские: мэр не только возглавлял лондонский муниципалитет, но был и королевским чиновником. В еще большей мере сказанное относится к шерифам, в деятельности которых служба королю должна была выступать в качестве приоритетной.

Лондонские олдермены занимали должности и непосредственно на королевской службе, а также принимали активное участие в субсидировании короны, став, примерно, с середины XIV в. ее главными кредиторами. Однако необходимо иметь в виду противоречивый характер взаимоотношений богатейшей и влиятельной городской верхушки с королевской властью.

Власть, осуществлявшуюся представителями лондонской олдерменской группы на протяжении XIV—XVI вв., можно, на наш взгляд, характеризовать как элитарно-олигархическую. Отмечается, как правило, пожизненное пребывание олдерменов в должности. Нарушить данный принцип, согласно законодательству, могли лишь исключительные обстоятельства, связанные с неподобающим поведением олдерменов, невыполнением или превышением ими своих должностных обязанностей. Хотя необходимо заметить, что иногда возникала иная ситуация, когда некоторые олдермены сами отказывались от должности, даже идя на выплаты солидных, в несколько сот фунтов, штрафов. Служба в муниципалитете, по всей видимости, требовала слишком много времени и материальных затрат, что негативно сказывалось на деловой сфере дея-

тельности определенной группы олдерменов, отдававших предпочтение коммерции во всех ее проявлениях, приносившей немалые дивиденды. Наиболее отчетливо это проявилось в XVI в. в связи с расширением и усложнением торговли и финансовых операций богатейших лондонских купцов. Однако нельзя говорить об отказе олдерменов от должности как о сложившейся практике — речь идет лишь об отдельных случаях.

Значимым фактором сплочения и консолидации правящей элиты Лондона, придания ей необходимой устойчивости и закрепления ее корпоративной замкнутости было заключение браков между представителями олдерменских фамилий, чему придавалось очень важное значение и к чему относились со всей ответственностью. Фактически принцип пожизненного пребывания в должности, присущий олдерменам, перерастал в пожизненно-наследственный, обеспечивая представителям определенных олдерменских семей постоянное участие во властных структурах Лондона. Необходимо признать, что характер источников, которыми мы располагаем, не позволяет достоверно определить точное количество таких семейств. По-видимому, речь может идти о 20—30 фамилиях, имевших многоплановые и разветвленные узы родства и свойства.

В олдерменской среде отчетливо прорисовываются деловые связи между правящими фамилиями в сфере торговли, финансово-кредитных операций, инвестирования средств в недвижимость и ее коммерческом использовании. Семейная солидарность представляется важнейшим инструментом реализации политического и экономического господства городской элиты.

Замкнутость олдерменской общности XIV—XVI вв. не была абсолютной. Ее состав постоянно пополнялся за счет выходцев из самых разных социальных слоев и общностей. Среди них — лондонские купцы и купцы из различных городов и городков Англии, обладавшие немалыми денежными ресурсами и хорошей репутацией в деловой, купеческой, среде. А также, как правило, младшие сыновья из дворянских фамилий джентри самых разных графств Англии, стремившиеся обеспечить свою жизнь благодаря непосредственному вовлечению в торговлю, которая, по меньшей мере, с XIV в. была хорошо известной им сферой деятельности.

Широкий и систематический приток свежих сил из графств и провинциальных английских городов, надо полагать, положительно сказывался на качественных характеристиках олдерменской общности Лондона. Происходило значительное и более или менее постоянное обновление ее состава за счет энергичных и предприимчивых социальных элементов, стремившихся добиться успеха, карьерного роста, полагаясь, прежде всего, на собственные силы, способности и возможности. Все это, безусловно, укрепляло экономическое могущество

крупных лондонских купцов и межсословные взаимосвязи, а, в конечном счете, усиливало позиции олдерменов в городском сообществе и городских органах власти.

Одним из важнейших инструментов реализации характерной для деловых людей Лондона, в том числе олдерменской элиты, тенденции к диалогу с окружающим миром можно считать заключение брачных союзов с выходцами из иных социальных групп и слоев. Матримониальные интересы делового сообщества охватывали представителей купечества, как столичного, так и из провинциальных городов. Очевидно, что такие браки способствовали не только укреплению делового сотрудничества между английскими купцами, но и являлись одним из немногих средств для проникновения богатых и предприимчивых купцов в деловой мир и управленческую верхушку Лондона. Многие семьи деловых людей Лондона были связаны брачными узами с английскими дворянами разного уровня, как нетитулованными, составлявшими основу джентри, так и рыцарями и даже титулованным дворянством, аристократией. Это обстоятельство может свидетельствовать о существенном интересе немалой части коммерчески активных горожан к социально более престижному в условиях XIV—XVI вв. сообществу, о желании проникнуть в него посредством заключения брачных союзов, что соответствовало их социальным амбициям. И представители дворян нередко оказывались не прочь породниться с богатейшим и могущественным столичным купечеством из числа олдерменов. Важную роль в определении именно такого матримониального поведения дворян играла близость в рассматриваемый период хозяйственных и социально-политических позиций крупнейшего купечества и джентри, а также стремление ряда аристократов поправить свое финансовое положение.

Наивысшая степень мобильности олдерменского сообщества деловых людей Лондона наблюдается в XVI в., но, важно подчеркнуть, что при этом, как и в XIV—XV вв., сохраняется основное элитарное «ядро» олдерменов, которое становится более заметным и ярко выраженным на фоне усилившейся социальной динамики.

Коммерческая деятельность деловых людей Лондона, включая олдерменов, была сложной и отражала противоречивую социально-экономическую природу самого города XIV—XVI столетий.

Прежде всего, купцы осуществляли широкомасштабную торговлю самыми разными товарами, как в Лондоне и Англии вообще, так и за ее пределами. Можем констатировать, что именно торговля, воспринимаемая как достойное, благородное и богоугодное дело, занимала важнейшую часть сознания деловых людей, требовала от них проявления рационализма, здравого смысла, деловой активности, профессионализма, осознания того, что целью их деятельности является получение дополнительных материальных

средств. Богатство, которое стало мерилем достигнутого ими успеха и социальной значимости, одновременно породило сложнейший конфликт с отдельными элементами христианского сознания. Как распорядиться богатством, чтобы не гореть в «геенне огненной», но и обеспечить свою семью, близких — проблема, которую стремились разрешить олдермены в своих завещаниях. Понимание риска, сопутствовавшего профессии, и желание обеспечить свою безопасность также толкали олдерменов к поискам заступничества у Всевышнего и святых, выражением чего служит широко распространенная практика пожертвований, зафиксированная в завещаниях. Фактически речь идет о том, что в среде купечества был выработан новый тип религиозности, объединявший веру в Бога и страх перед загробными карами с коммерческим подходом к так называемым «добрым делам», приносящим успех на этом и вознаграждение на том свете.

Большие возможности для торговли и получения доходов представляли ливрейные, купеческие по характеру, компании, в состав которых входили рассматриваемые нами купцы-олдермены. Необходимо отметить, что зачастую эти представители правящей элиты Лондона, располагая крупными материальными ресурсами и не ограничивая себя ассортиментом товаров, проникали в профессионально чуждые торговые корпорации, а также оказывались среди членов нескольких ливрейных компаний одновременно.

Ливрейные компании не были единственной формой организации и осуществления торговли столичными олдерменами. Помимо них наши источники зафиксировали существование в XIV—XVI вв. семейных объединений, компаний купцов-складчиков Кале и купцов-авантюристов, а также ряд новых корпораций, возникших и функционировавших на паевых принципах в XVI—начале XVII в. (Московская, Левантийская, Ост-Индская и пр.). Важно, что все они объединяли или привлекали к сотрудничеству не только лондонских олдерменов из самых разных ливрейных компаний, но и других купцов, столичных и провинциальных, а также представителей английского дворянства и церкви. Это приводило к вовлечению в торговую сферу значительного числа выходцев из разных социальных групп и их взаимодействию на фоне расширения торговли и увеличения ее объемов. Поскольку олдермены были среди наиболее крупных пайщиков, то и главные выгоды, прибыли от такой торговли получали тоже они.

Особенно наглядно это проявилось в XVI в., когда произошло значительное расширение масштабов и сферы торговли лондонских олдерменов. Применительно к данному столетию есть веские основания говорить о связи отдельных представителей деловой среды Лондона с процессом становления нового, организованного на раннекапиталистических принципах, производства. Столичные деловые люди не только широко вклю-

чилились в экспорт изделий английской промышленности, но и снабжали привозным сырьем целые ее отрасли, возникавшие на раннебуржуазных основах: сукноделие, хлопчатобумажное производство, кораблестроение, горнодобывающая и металлургическая промышленность. Кроме того, отдельные олдермены второй половины XVI в. принимали участие в организации различных пиратских предприятий и колониальных экспедиций, вкладывая в них немалые средства, но и извлекая колоссальные прибыли.

Не менее важной сферой экономической деятельности лондонских купцов XIV—XVI вв. были кредитные операции, связывавшие их с представителями самых разных социальных групп. Деловые люди Лондона ссужали деньгами купцов из ливрейных компаний и ремесленных мастеров столицы, а также провинциальных купцов, церковников, дворян и королевскую власть. Столь широкие социальные коммуникации не только отражают степень финансового могущества данной социальной общности, что, безусловно, важно, но и показывают уровень развития хозяйственных связей между городами и регионами Англии, а также характер и масштабы социального взаимодействия разных словных и внутрисловных групп.

Признавая приоритетное значение торгово-финансовой деятельности в структуре хозяйственных занятий деловых людей, включая олдерменов, Лондона XIV—XVI вв., необходимо отметить, что многие из них были также владельцами земли и разнообразной недвижимости в городе и различных графствах Англии. На протяжении рассматриваемых столетий капиталы, полученные от торговли, богатейшее лондонское купечество активно вкладывало в приобретение земли и прочей недвижимой собственности. Это было вызвано разными факторами: особым значением именно земельной собственности в условиях XIV—XVI вв., соображениями социального престижа, необходимостью уменьшить экономические риски и обеспечить поступление гарантированных доходов, продуктов питания и сырья.

Есть все основания говорить о том, что применительно к городу речь должна идти, скорее, о преимущественно коммерческом по своему характеру домовладении. В частности, олдермены арендовали не столько участки земли, сколько помещения, приносявшие в городе значительный доход, — лавки, гостиницы, жилые дома, мастерские, верфи. Земля же в случае аренды использовалась, чаще всего, под застройку.

Владельческие права купцов-олдерменов на недвижимость в городе и графствах были в основном трех видов. Это — феодал (фактически приравненный к городскому держанию), аренда (олдермены сдавали в аренду и сами арендовали объекты городской недвижимости у дворян, монастырей и бюргеров: купцов и мастеров) и частная собственность, укреплявшая свои позиции на протяжении XIV—XVI вв. Основными

методами приобретения недвижимой собственности олдерменами и в городе, и за его пределами в течение всего рассматриваемого периода были наследование, покупка и заключение браков с богатыми наследницами из дворянских семей.

Сделки в сфере землевладения, заключающиеся столичными купцами-олдерменами, охватывали широкий социальный спектр: представителей различных категорий горожан (купцов, мелких торговцев, ремесленных мастеров), дворянства, церкви и монастырей. При этом олдермены не только укрепляли свое положение в городском хозяйстве, но отчасти создавали для себя довольно опасных конкурентов, особенно в лице церкви и монастырей, и неизбежно вступали в зону конфликта с ними. В полной мере этот конфликт проявился во второй трети XVI в., когда могущественные купцы Лондона активно включились в широкомасштабные мероприятия королевской власти по распродаже секуляризованных церковных и монастырских имуществ.

В XVI столетии в структуре внегородской недвижимости деловых людей появляются качественно новые явления: «пастбища», «огороженные пастбища», «фермы». Очевидно, что представители крупного купечества стремились выгодно использовать земли для получения прибыли от передового в техническом отношении земледелия, тесно связанного с рынком и специализировавшегося либо на поставках шерсти для суконной промышленности, либо на товарном производстве зерна, мяса, сыра, молока и других продуктов и организованного на капиталистических фермерских началах. Стремясь к получению новых прибылей, которые в то время давало, прежде всего, овцеводство, фермеры-купцы XVI в. включались в огораживания наряду с «новым дворянством». Трудно определить масштабы, сферу распространения новых форм производства, их место и значение в структуре занятий купцов-предпринимателей, но сам факт их существования не вызывает сомнений.

В XVI столетии наглядно проявилась тенденция, наметившаяся еще в XIV—XV вв., — тенденция к буржуазному перерождению части элитарного лондонского купечества. Деловые люди в значительной своей массе оказались теснейшим образом связанными с новыми процессами, происходившими в английском обществе, они, как правило, сумели войти в эти новые условия, и использовать их в своих интересах и, безусловно, в интересах динамично и подчас противоречиво развивающихся раннебуржуазных отношений.

Наряду с этим нельзя не признать тенденции к аноблированию деловых людей Лондона, прежде всего, из числа олдерменов. Следует принять во внимание неоднократно упоминавшееся постановление мэрии от 1525 г., закрепившее возросшее значение земельной собственности в структуре имущества экономической и политической элиты Лондона.

Видимо, богатейшие купцы стремились застраховать себя на случай неудачного хода дел, вкладывая средства в недвижимость. Не стоит забывать, что именно земля обеспечивала общественное признание и право на власть. Можно предположить также, что, возводя дворцы и приобретая усадьбы, деловые люди были склонны подчеркнуть свою возросшую социальную значимость, что отражает их ценностные установки.

Помимо приобретения земельной собственности олдермены стремились всячески подчеркнуть благородство своего рода, обзаводились фамильными часовнями, гербами, изображение которого помещали на щитах, одежде, особо ценных кубках, блюдах и чашах. Кроме того, лондонские олдермены и их родственники стремились не отстать от дворян в роскоши одежды, в убранстве жилища, в некоторых элементах поведения (например, пристрастие к охоте).

Тенденция к аноблированию проявилась и в получении купцами рыцарского звания, в посвящении в рыцарское достоинство, что способствовало не только повышению социального статуса представителей купечества, но и пополнению «нового дворянства» за счет наиболее богатых и влиятельных горожан.

Многие купеческие семьи Лондона были связаны брачными узами с представителями английского дворянства. Это способствовало установлению тесных родственных и деловых связей между столичными деловыми людьми и английским дворянством (прежде всего, с джентри), служило реализацией тенденции к аноблированию, существовавшей, по меньшей мере, с середины XIV в. Нельзя игнорировать того, что сыновья и внуки некоторых купцов покидали город, основывали дворянские фамилии в графствах и пополняли локальные сообщества джентри.

Представляется, однако, что преувеличивать степень аноблирования лондонской деловой общности не следует. Далеко не все купцы и их потомки, получая дворянские титулы и основывая дворянские фамилии, полностью порывали с городской экономикой. В столь динамичном обществе, как лондонское, границы между различными сословиями оказывались размытыми, а одни и те же фамилии имели возможность неоднократно переходить из одного сословия в другое. Тем более что дворянство не составляло в Англии замкнутого наследственного сословия с юридически закрепленными правами и привилегиями, резко отграниченного от других социальных групп. Доступ в него был не только открыт, но и обязателен для свободных людей, обладавших определенным доходом. Факт происхождения из «благородного» сословия играл в Англии гораздо меньшую роль, чем на континенте.

Источники

Законодательные памятники:

- British Borough Charters, 1042—1216 / Ed. by A. Ballard. Cambridge, 1913.
British Borough Charters, 1307—1660 / Ed. by M. Weinbaum. Cambridge, 1943.
Select Charters and Other Illustrations of English Constitutional History From the Earliest Times to the Reign of Edward the First / Ed. by W. Stubbs. Oxford, 1929.
Statutes of the Realm: in 12 vols. L., 1810. Vols. 1—2, 4.
The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / Ed. by W.G. Birch. L., 1887.
Tudor Royal Proclamation: in 3 vols. Vol. 1: The Early Tudors (1485—1553) / Ed. by P.L. Hughes and J.F. Larkin. New Haven; L., 1964.
Законы Хлотхере (Хлотаря) и Эдрика (Эадрика) / Пер. М.В. Землякова // Средние века. 2014. Вып. 75(1—2). С. 287—292.

Документальные источники:

- Calendar of Early Mayor's Court Rolls (1298—1307) / Ed. by A.H. Thomas. Cambridge, 1924.
Calendar of Letter-Books Preserved Among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall / Ed. by R. Sharpe:
Letter-Book E. A.D. 1312—1337. L., 1903.
Letter-Book F. A.D. 1337—1352. L., 1904.
Letter-Book G. A.D. 1352—1374. L., 1905.
Letter-Book I. A.D. 1400—1422. L., 1909.
Letter-Book K. A.D. 1422—1461. L., 1911.
Letter-Book L. A.D. 1461—1497. L., 1912.
Calendar of Letters From the Mayors and Corporation of the City of London. A.D. 1350—1370 / Ed. by R. Sharpe. L., 1885.
Calendar of Plea and Memoranda Rolls (1364—1381) of the City of London / Ed. by A.H. Thomas. Cambridge, 1929.
Calendar of Plea and Memoranda Rolls (1413—1437) of the City of London / Ed. by A.H. Thomas. Cambridge, 1943.
Calendar of Plea and Memoranda Rolls (1437—1457) of the City of London / Ed. by Ph.E. Jones. Cambridge, 1954.
Calendar of Plea and Memoranda Rolls (1458—1482) of the City of London / Ed. by Ph.E. Jones. Cambridge, 1961.
Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / Ed. by S.J. O'Connor. (Camden fifth series). L., 1993. Vol. 2. P. 193—433.
Calendar of the Cartulary of John Pyel // Ibid. P. 101—192.
Calendar of the Close Rolls Preserved in the Public Records office. Edward I. Vol. 5. A. D. 1302—1307 / Ed. by W.H. Stevenson. L., 1908.
Calendar of the Select Pleas and Memoranda of the City of London, 1381—1412 / Ed. by A.H. Thomas. Cambridge, 1939.
Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London. A.D. 1258—1688: in 2 vols. / Ed. by R. Sharpe. L., 1889.

- Charters of the Vicars Choral of York Minster: City of York and Its Suburbs to 1546 / Ed. by N.J. Fringham. (Record Series. Vol. 148). Leeds, 1993.
- Exchequer Papers to 1603. L., 1967.
- Isham John*. John Isham, Mercer and Merchant Adventurer: Two Account Books of a London Merchant in the Reign of Elizabeth I / Ed. by G.D. Ramsey. Gateshead, 1962.
- Memorials of the Holles Family. 1493—1656 / Ed. by G. Holles. L., 1936.
- The Acts of Court of the Mercer's Company, 1453—1527 / Ed. by L. Lyell and F.D. Watney. Cambridge, 1936.
- The Medieval Account Books of the Mercers of London: in 2 vols. / An ed. and transl. by L. Jefferson. Padstow, 2009. Vol. 1.
- Картулярий Тулузского консулата (XII—XIII века) / Пер. с лат. Л.М. Лукьяновой. Вступ. ст., ред., прим. С.М. Стама. Саратов, 1998.

Нарративные источники:

- Chronicles of London / Ed. with introd. and notes by C.L. Kingsford. Glous., 1977.
- Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II. (Roll Series. № 76. Vol. 1). L., 1882.
- Crowly R.* Select Works. L., 1872.
- Documents Touching John of Northampton and Sir Nicholas Brembre // A Book of London English, 1384—1425 / Ed. by R.W. Chambers and M. Daunt. Oxford, 1931. P. 18—33.
- FitzStephen W.* Description of London // London 1066—1914: Literary Sources and Documents / Ed. and with introd. by X. Baron: in 2 vols. Mountfield, 1997. Vol. 1: Medieval, Tudor, Stuart and Georgian London. 1066—1800. P. 52—60.
- Hugh Alley's Caveat: The Markets of London in 1598* / Ed. by I. Archer. L., 1988.
- Mancini D.* From The Usurpation of Richard the Third: Concerning the Situation of the Town of London // London 1066—1914: Literary Sources and Documents. Vol. 1. P. 77—79.
- Stow J.* A Survey of London / Ed. by C.L. Kingsford: in 2 vols. Oxford, 1971. Vol. 2.
- The Cely Letters, 1472—1488 / Ed. by A. Hanham. Oxford, 1975.
- The Image of London: Views by Travelers and Émigrés 1550—1920 / Ed. by M. Warner. L., 1987.
- The Journals of Two Travelers in Elizabethan and Early Stuart England. L., 1995.
- The Life of John Isham (Appendix II) // *Isham John*. John Isham, Mercer and Merchant Adventurer: Two Account Books of a London Merchant in the Reign of Elizabeth I. P. 167—174.
- The London Journal of Alessandro Magno 1562 / Ed. by C. Barron, C. Coleman and C. Gobbi // The London Journal. 1983. Vol. 9. № 2. P. 136—152.
- Thomas Platter's Travels in England // London 1066—1914: Literary Sources and Documents. Vol. 1. P. 188—197.
- Walsingham T.* Historia Anglicana / Ed. by H.T. Riley. L., 1863—1864. Vol. 1.
- Thomas Platter's Travels in England // London 1066—1914: Literary Sources and Documents. Vol. 1. P. 188—197.
- William Gregory's Chronicle of London // The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century / Ed. by J. Gairdner. Westminster, 1876. P. 55—240.
- Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов / Пер. с лат., ст., прим. В.В. Эрлихмана. СПб., 2003.
- Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII / Пер. с англ.; общ. ред. М.А. Барга. М., 1990.
- Вильсон Т.* Государство Англия в 1600 г. // *Дмитриева О.В.* Социально-экономическое развитие Англии в XVI веке. М., 1990. С. 77—84.
- Купцы-складчики Кале. Деловая переписка семейной компании Сели (XV в) / Пер. со староангл., прим. и вступ. ст. М.М. Ябровой. Саратов, 1998. С. 21—159.
- Проповедник Т. Левер о горожанах-фермерах (1550) // *Дмитриева О.В.* Социально-экономическое развитие Англии в XVI веке. М., 1990. С. 85—86.
- Фиц-Стефен У.* Описание благороднейшего города Лондона / Пер. и коммент. Н.А. Богодаровой // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987. С. 147—156.
- Чосер Дж.* Кентерберийские рассказы. М., 1980.
- Эразм Роттердамский*. Похвала Глупости / Сост., вступ. ст., прим. А.Л. Субботина. М., 1991.

Источники хрестоматийного характера и публикации архивных материалов:

- Beaven A.B.* Aldermen of the City of London: in 2 vols. L., 1908—1913.
 Documents Illustrating the History of Civilization in Medieval England (1066—1500) / Ed. by R.T. Davies. N.Y., 1969.
- Ekwall E.* Studies on the Population of Medieval London. Stockholm, 1956. Appendix. P. 1—316.
 English Historical Documents. 1189—1327 / Ed. by H. Rothwell. L., 1975. Vol. 3.
 English Historical Documents. 1327—1485 / Ed. by A.R. Myers. L., 1969. Vol. 4.
- Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn* // Munimenta Gildhallae Londoniensis / Ed. by Th. Riley. L., 1859—1862. Vol. 1. Part 1—2.
- Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth Centuries* / Ed. by H. Riley. L., 1868. P. 302—303. URL: <http://www.british-history.ac.uk/no-series/memorials-london-life> (дата обращения: 23.03.2015)
- Records of the Borough of Leicester. 1103—1327* / Ed. by M. Badeson. L., 1899.
- Reel J.V.* Index to Biographies of Englishmen, 1000—1485, Found in Dissertations and Theses. L., 1975. P. 431—689.
- Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Chicago, 1948. Appendix. P. 321—369.
- Willan T.S.* The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953. Appendix. P. 75—130.

Литература

- Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001—2014. № 1—22.
- Акройд П.* Лондон. Биография / Пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М., 2007.
- Анисимова А.А.* Средневековая археология в Великобритании // Средние века. 2009. Вып. 70 (3). С. 67—86.
- Барг М.А.* Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М., 1962.
- Барг М.А., Авдеева К.Д.* Дворянское землевладение в Англии XIV в. // Средние века. 1981. Вып. 44. С. 157—196.
- Бартон Э.* Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира / Пер. с англ. М., 2005.
- Бергер Е.Е.* Черная смерть // Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М., 2012. С. 634—641.
- Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. Н.Р. Никоновой. 2-е изд. М., 1998.
- Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в Средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991.
- Бессмертный Ю.Л.* Несколько вводных замечаний // Историк в поиске: Микро- и макро-подходы к изучению прошлого / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1999. С. 3—9.
- Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.
- Бовыкин Д.Ю.* Повседневная жизнь Европы в XVI—XVII веках // Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время / Отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. М., 2013. С. 103—116.
- Брайнт А.* Эпоха рыцарства в истории Англии / Пер. с англ. Т.В. Ковалева, М.Г. Муравьева. СПб., 2001.
- Браун Е.Д.* Особенности семейных архивов и частной переписки в Англии XV в. (на материалах семейных архивов Пастонов, Стоноров и Пламптонов) // Делопроизводство: Информационно-практический журнал. М., 2001. № 1. С. 69—72.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм: В 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986; Т. 2. Игры обмена. М., 1988; Т. 3. Время мира. М., 1992.
- Винокурова М.В.* Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI—начала XVII в. М., 2004.
- Винокурова М.В.* Имущественные права женщин в средневековой Англии // Долгое Средневековье. Сборник в честь профессора А.А. Сванидзе / Отв. ред. А.К. Гладков. М., 2011. С. 45—66.

- Винокурова М.В., Дмитриева О.В., Федосов Д.Г. Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV—XVI веке // *Всемирная история*: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время / Отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. М., 2013. С. 193—211.
- Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время: монография / Отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011.
- Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008.
- Гарднер Дж. Жизнь и время Чосера. М., 1986.
- Гендер и общество в истории / Под ред. Л.П. Репиной, А.В. Стоговой, А.Г. Суприянович. СПб., 2007.
- Глебов А.Г. Некоторые проблемы городского развития Англии в ранний англосаксонский период (VII—IX вв.) // *Средневековый город*. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2002. Вып. 15. С. 13—27.
- Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. СПб., 2007.
- Глебов А.Г. Археология и эмпири: некоторые аспекты возникновения городских поселений в Северной и Северо-Западной Европе раннего Средневековья // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: История. Политология. Социология. 2013. Вып. 1. С. 77—80.
- Гнейст Р. История государственных учреждений в Англии / Пер. с нем. под ред. С.А. Венгерова. М., 1885.
- Горелов М. М. Этнополитическая идентичность и традиции историописания в Англии XI—XII вв. // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени* / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2003. С. 115—131.
- Гуго К. Новейшие течения в английском городском самоуправлении / Пер. с нем. под ред. Д. Протопопова. СПб., 1898.
- Гуревич А.Я. Средневековый купец // *Одиссей. Человек в истории*. М., 1990. С. 97—131.
- Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // *Одиссей. Человек в истории*. М., 1996. С. 5—10.
- Гуревич А.Я. Средневековый купец // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*: в 4 т. М., 1999. Т. 2. С. 46—79.
- Гутнова Е.В. Городское представительство в английском парламенте конца XIII—начала XIV века // *Средние века*. 1953. Вып. 4. С. 103—123;
- Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII века). М., 1960.
- Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // *Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв.* М., 1979. С. 51—80.
- Гутнова Е.В. Влияние экономической эволюции на изменения в социальной иерархии в Англии XIV—XV вв. // *Средние века*. 1983. Вып. 46. С. 27—52.
- Гутнова Е.В. Города и сословные собрания // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*: в 4 т. М., 2000. Т. 4. С. 29—45.
- Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. М., 1998.
- Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008.
- Дмитриева О.В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI веке. М., 1990.
- Дмитриева О.В. Английское дворянство в XVI—начале XVII в.: границы сословия // *Европейское дворянство XVI—XVII вв.: Границы сословия* / Отв. ред. В.А. Ведюшкин. М., 1997. С. 11—34.
- Евсеев В.А. Английский город в Тюдоровскую эпоху: Регионы и города. Иваново, 1995.
- Евсеев В.А. Очерки по истории английского города раннего Нового времени. Иваново, 2010.
- Зверева В.В. Христианизация Британии в сочинениях Беда Достопочтенного // *Средние века*. М., 2002. Вып. 63. С. 218—240.
- Зверева В.В. Антикваризм XVI—XVII веков. Представление прошлого в контексте научной революции // *Образы времени и исторические представления*: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 756—771.
- Золотов В.И. Операции с недвижимостью и социальные ориентиры английского бюргерства и купцов в первой половине XV века // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*: в 4 т. М., 2000. Т. 2. С. 289—293.

- Золотов В.И.* Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. Брянск, 2010.
- История через личность. Историческая биография сегодня* / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005.
- Калмыкова Е.В.* Властные институты и должности в средневековой Англии // *Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время* / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 2011. С. 211—253.
- Карпов С.П.* Кредит в системе итальянской торговли в Южном Причерноморье XIII—XV вв. // *Византийский временник*. М., 1988. Т. 49. С. 40—49.
- Кеннингем У.* Рост английской торговли и промышленности в Средние века. М., 1903.
- Ким О.В.* К вопросу о ранней модернизации в Европе и России (мир-системная парадигма) // *Средние века*. 2009. Вып. 70 (1—2). С. 139—155.
- Кириллова А.А.* К вопросу об образовании городского патрициата в английских городах XIV—XV вв. // *Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XIII—XVII вв.* М., 1960. С. 30—48.
- Кириллова А.А.* Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в. // *Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина*. М., 1969. Вып. 321: Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV—XV вв. С. 3—253.
- Кириллова А.А.* Завещание как источник по истории средневекового английского города XIV—XV вв. // *Из истории западноевропейского Средневековья*. М., 1972. С. 21—43.
- Кириллова А.А.* Социально-психологическая характеристика английского купечества в XV—XVI вв. // *Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии*. М., 1979. С. 3—31.
- Киясов С.Е., Мосолкина Т.В., Чернова Л.Н.* Лондон на рубеже эпох: мозаика повседневности (XVI—XVIII вв.) / Под ред. Л.Н. Черновой. Саратов, 2015.
- Клаут Х.* История Лондона / Пер. с фр. Е.Д. Мурашкинцевой. М., 2002.
- Косминский Е.А.* Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.;Л., 1947.
- Котельникова Л.А.* Крестьянство и город // *История крестьянства в Европе*. М., 1986. Т. 2. С. 64—93.
- Краснова И.А.* Деловые люди Флоренции XIV—XV вв.: в 2 ч. М.; Ставрополь, 1995.
- Лавровский В.М., Барг М.А.* Английская буржуазная революция. М., 1958.
- Левицкий Я.А.* Город и феодализм в Англии. М., 1987.
- Леонова Т.А.* Рост церковного землевладения в Англии с 1350 по 1377 гг. // *Проблемы истории Античности и Средних веков*. М., 1978. С. 48—65.
- Леонова Т.А.* Собственность и доходы английской церкви во второй половине XIV века // *Средние века*. 1985. Вып. 48. С. 214—232.
- Малаховский К.В.* Кругосветный бег «Золотой лани». М., 1980.
- Маркова С.П.* Английские купцы-авантюристы. СПб., 2011.
- Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX—XIII вв. М., 1979.
- Медведев А.В.* К проблеме завоевания, заселения и колонизации // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 100—103.
- Метлицкая З.Ю.* Харольд — последний король англосаксов (человек и символический образ) // *Образы прошлого и коллективная идентичности в Европе до начала нового времени* / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2003. С. 102—114.
- Митрофанов В.П.* Крестьяне и государство в Англии второй половины XVI—первой трети XVII в. Н. Новгород, 2000.
- Мортон А.Л.* История Англии / Пер. с англ. Н. Чернявской. Ред. и вступ. ст. А. Самойло. М., 1950.
- Мосолкина Т.В.* Организация ремесла в Бристолье в XIV—XV вв. // *Бристольские ремесленные цехи в XIV—XV вв.* Сборник текстов. Саратов, 1995. С. 3—27.
- Мосолкина Т.В.* Город Бристоль в XIV—XV веках. Экономика, общественные отношения, социальная психология. Саратов, 1997.
- Мосолкина Т.В.* Основные проблемы истории английского города XIV—XV вв. // *Новая и новейшая история*. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 31—40.
- Мосолкина Т.В.* Английские горожане и церковь в XIV—XV веках // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. М., 2000. Т. 3. С. 130—136.*
- Мосолкина Т.В.* Традиции самоуправления в городах Англии // *Средние века*. 2002. Вып. 63. С. 185—194.

- Негуляева Т.М. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьбы в XIII—начале XIV века // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1968. Вып. 1. С. 61—76.
- Негуляева Т.М. Эволюция поземельных отношений в средневековом городе (на материалах Страсбурга XI — начала XIV в.): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 1969.
- Негуляева Т.М. Учреждение и продажа ренты с недвижимости в Страсбурге XIII—начала XIV века // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2004. Вып. 16. С. 27—34.
- Никулина Т.С. Бюргерские завещания как источник по социально-культурной истории средневекового города (на материалах Любека) // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1991. Вып. 10. С. 138—148.
- Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2010.
- Очерки истории Англии в Средние века и Новое время / Под ред. Г.Р. Левина. М., 1959.
- Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Историческая память и технологии антикварного дискурса. Англия раннего Нового времени // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 495—521.
- Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб., 2015.
- Писарев Ю.И. Место служилого рыцарства в социально-политической жизни Англии XIV века // Средние века. 1973. Вып. 37. С. 82—107.
- Побережников И.В., Редин Д.А. Исследование феномена исторической переходности: в поисках «методико-методологического консенсуса» // Проблемы истории России. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2011. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени. С. 3—10.
- Попова Г.А. Вдова — беззащитная жертва или свободная женщина? // Судьбы и образы женщин Средневековья. СПб., 2001. С. 157—168.
- Райтсон К. «Разряды людей» в Англии при Тюдорах и Стюартах // Средние века. 1994. Вып. 57. С. 46—61.
- Раннее Новое время и теория модернизации. Выступления участников конференции // Средние века. 2009. Вып. 70 (1—2). С. 98—138
- Репина Л.П. К вопросу о профессиональной, имущественной и социальной дифференциации городского сословия в Англии XIV в. // Средние века. 1974. Вып. 38. С. 230—249.
- Репина Л.П. Городское сословие в английском парламенте XIV в. // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1978. Вып. 4. С. 60—73.
- Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979.
- Репина Л.П. Potiores et meliores Лондона в начале XIV в. // Средние века. 1981. Вып. 44. С. 225—228.
- Репина Л.П. Городское сословие средневековой Англии: основные проблемы и этапы истории // Проблемы Британской истории. М., 1984. С. 158—172.
- Репина Л.П. Лондонские землевладельцы в начале XV века (по данным налогового списка 1412 г.) // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987. С. 199—219.
- Репина Л.П. Город, общество, цивилизация: историческая урбанистика в поисках синтеза // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 32—38.
- Репина Л.П. Английский средневековый город // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 92—106.
- Репина Л.П. Демографические характеристики средневекового города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 1. С. 169—213.
- Репина Л.П. Лондон — столица и мегаполис // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 341—348.
- Репина Л.П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания. Сборник обзоров и рефератов: в 2 ч. / Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. М., 2001. Ч. 1. С. 70—100.
- Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.
- Репина Л.П. Память и историописание // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 19—46.

- Репина Л.П. «Лучше быть нерожденным, чем необученным» // Раннее Новое время: книга для чтения по истории / Отв. ред. проекта В.П. Буданова; рук. проекта А.О. Чубарьян. М., 2007. С. 131—141.
- Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 7—18.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
- Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии в XIII—XIV в. СПб., 1899.
- Романовская В.Б. Законодательство английского парламента XIII—XV веков (к вопросу формирования и развития сословно-представительной монархии в Англии): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1990.
- Румянцев А.Г. Английская социальная элита в XV веке. Демографические проблемы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
- Рутенбург В.И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. М.;Л., 1951.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: теоретические подходы // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 50—76.
- Савин А.Н. Английская секуляризация. М., 1906.
- Сванидзе А.А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII—XV вв. М., 1980.
- Сванидзе А.А. Социальная характеристика шведского бюргерства XIV—XV веков // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 40—41.
- Сванидзе А.А. Живые общности, общество и человек в средневековом мире Европы // Общности и человек в средневековом мире / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.;Саратов, 1992. С. 9—16.
- Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 9—41.
- Сванидзе А.А. Стратегия удержания власти: к вопросу о «демократии» в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. М., 2000. Т. 3. С. 80—86.
- Сванидзе А.А., Ведюшкин В.А. К читателю // Человек XVI столетия. М., 2000. С. 5—6.
- Сванидзе А.А., Анисимова А.А. Город в Средние века // Всемирная история: в 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М., 2012. С. 54—70.
- Сванидзе А.А. Общество и человек: к проблеме средневекового корпоративизма // Сванидзе А.А. Грани Средневековья: калейдоскоп. М., 2013. С. 45—103.
- Сванидзе А.А. Человек торгующий и контуры «общественного обмена вещью»: Торговые компании // Сванидзе А.А. Грани Средневековья: калейдоскоп. М., 2013. С. 217—271.
- Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М.;Л., 1949.
- Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., 1991.
- Соколов А.Б. Введение в современную западную историографию. Ярославль, 2002.
- Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007.
- Стам С.М. Корифеи Возрождения: в 2-х кн. Саратов, 1991. Кн. 1.
- Стам С.М. К проблеме генезиса капитализма в Западной Европе // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1998. Вып. 13. С. 87—100.
- Стам С.М. Окно в мир средневекового города // Картулярий Тулузского консулата (XII—XIII века) / Пер. с лат. Л.М. Лукьяновой. Вступ. ст., ред., прим. С.М. Стама. Саратов, 1998. С. 3—23.
- Тушина Г.М. Демографические аспекты социальной истории Прованса XII—XIV вв. // Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1993. С. 83—88.
- Тушина Г.М. Городская власть и горожане в зеркале статута XII—XIII вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. М., 2000. Т. 3. С. 40—49.
- Тушина Е.В. Городское землевладение // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. М., 2000. Т. 2. С. 279—289.

- Ульянов Ю.Р. Рост нового дворянства в Англии в XV в. // Из истории средневековой Европы X—XVII вв. М., 1957. С. 131—151.
- Ульянов Ю.Р. Образование и эволюция структуры манора Стонон в XIV—XV вв. // Средние века. 1971. Вып. 34. С. 117—144; 1972. Вып. 35. С. 154—173.
- Ульянов Ю.Р. Образование и структура маноров Биртон и Сток в XIV в. // Средние века. 1978. Вып. 43. С. 49—83.
- Федоров С.Е. Титулованная знать и династия в раннестюартовской Англии // Средние века. М., 2008. Вып. 69 (1). С. 78—85.
- Федоров С.Е., Кондратьев С.В., Питулько Г.Н. Англия XVII века: социопрофессиональные группы и общество / Под ред. С.Е. Федорова. СПб., 1997.
- Хачатурян Н.А. Запретный плод... или новая жизнь монаршего двора в отечественной медиэвистике // Двор монарха в средневековой Европе: Явление. Модель. Среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.:СПб., 2001. Вып. 1. С. 7—30.
- Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.
- Человек XV столетия: грани идентичности / Под ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2007.
- Чернова Л.Н. Структура и пути формирования городской недвижимости лондонских олддерменов XIV в. (на материале картуляриев Адама Фрэнсиса и Джона Пайела) // Средние века. М., 2008. Вып. 69 (2). С. 31—35.
- Чернова Л.Н. Ник Брембр: штрихи к портрету лондонского олигарха XIV века // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: в 2 ч. / Отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартовск, 2015. Ч. 1. С. 197—200.
- Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957.
- Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза и А. Ефрона. СПб., 1898. Т. XXIV.
- Юсим М.А. Западная Европа в позднее Средневековье // Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П.Ю. Уваров. М., 2012. С. 722—762.
- Юсим М.А. События и перемены в духовной жизни Европы: Возрождение, Реформация, Контрреформация // Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее Новое время / Отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим. М., 2013. С. 67—81.
- Яблонская О.В. Борьба «старого» и «нового» патрициата в Лондоне в последней четверти XIV века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 50—57.
- Яблонская О.В. Лондонские grosers Н. Брэмбр и Дж. Филпот в общественно-политической жизни Лондона последней трети XIV века // Вестник Тверского государственного университета. Серия. История. 2010. Вып. 1. С. 15—31.
- Яброва М.М. Лондонские ливрейные компании и так называемый процесс амальгамации // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 146—173.
- Яброва М.М. Лондонские ливрейные компании и внешняя торговля (вторая половина XVI в.) // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1975. Вып. 3. С. 181—203.
- Яброва М.М. Развитие коммерческого кредита в Англии XIV—XV вв. // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1978. Вып. 5. С. 39—50.
- Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV—начала XVI вв.). Саратов, 1983.
- Яброва М.М. Зачаточные формы капиталистического производства в Лондоне XIV—первой половины XV века // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1983. Вып. 7. С. 36—50.
- Яброва М.М. Из истории семейных торговых компаний в Англии XV века (семья Сели) // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1987. Вып. 8. С. 105—116;
- Яброва М.М. Некоторые особенности структуры английских семейных компаний конца XV века // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1991. Вып. 10. С. 129—13
- Яброва М.М. Торговля и этика (на материалах Англии XV века) // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1997. Вып. 11. С. 77—84.
- Яброва М.М. Введение // Купцы-складчики Кале. Деловая переписка семейной компании Сели (XV в.) / Пер. со староангл., прим. и вступ. ст. М.М. Ябровой. Саратов, 1998. С. 3—20.

- Ястребицкая А.Л.* Малые города как проблема сравнительного изучения средневекового города // Средние века. 1988. Вып. 51. С. 59—79.
- Ястребицкая А.Л.* Европейский город (Средние века — раннее Новое время). Введение в современную урбанистику. М., 1992.
- Ястребицкая А.Л.* Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995.
- A History of the Vintners' Company.* L., 1977.
- Archer I.W.* The Pursuit of Stability. Social Relations in Elizabethan London. Cambridge; N.Y.; Port Chester; Sydney, 1991.
- Astill G.* Archaeology and the Late-medieval Urban Decline // Towns in Decline, A.D. 100—1600 / Ed. by T.R. Slater. Andershot, 2000. P. 214—234.
- Baker T.* Medieval London. N.Y.; Washington, 1970.
- Barron C.M.* Richard Whittington: the Man behind the Myth // Studies in London History / Ed. by A. Hollaender and W. Kellaway. L., 1969. P. 197—248.
- Barron C.M.* The Widow's World in Later Medieval London // Medieval London Widows, 1300—1500 / Ed. by C.M. Barron and A.F. Sutton. L., 1994. P. XIII—XXXIV.
- Barron C.M.* London 1300—1540 // The Cambridge Urban History of Britain. V. 1. 600—1540 / Ed. by D.M. Palliser. Cambridge, 2000. P. 395—440.
- Barron C.M.* London in the Later Middle Ages. Government and People 1200—1500. Oxford, 2005.
- Bebbington G.* London Street Names. L., 1972.
- Beier A.L.* Social Problems in Elizabethan London // The Tudor and Stuart Town. A Reader in English Urban History, 1530—1688 / Ed. by J. Barry. L.; N.Y., 1990. P. 121—138.
- Betjeman J.* City of London. Churches. Andover, 2004.
- Brenner R.* Merchants and Revolution. Commercial Change, Political Conflict, and London's Overseas Traders, 1550—1653. Cambridge, 1993.
- Bridbury A.R.* Economic Growth of England in the Later Middle Ages. L., 1975.
- Briggs A.* A Social History of England from the Romans to Mrs Thatcher. L., 1985.
- Britnell R.* The Closing of the Middle Ages? England, 1471—1529. Oxford, 1997.
- Britnell R.H.* The Commercialization of English Society, 1000—1500. Cambridge, 1993.
- Bryman A.* Social Research Methods. Oxford, 2001.
- Campbell B.M.S.* The Agrarian Problem in the Early Fourteenth Century // Past & Present. 2005. № 188. P. 3—70.
- Campbell M.* English Borough: Studies on Its Origins and Constitutional History. Manchester, 1936.
- Campbell M.* English Goldsmiths in the Fifteenth Century // England in the Fifteenth Century / Ed. by D. Williams. Suffolk, 1987. P. 43—52.
- Campbell-Kease J.* A Companion to Local History Research. Sherborne, 1989.
- Cantor N.F.* In the Wake of the Plague: The Black Death and the World it Made. N.Y., 2002.
- Clark P., Slack P.* English Towns in Transition, 1500—1700. Oxford, 1976.
- Clarkson L.A.* The Pre-Industrial Economy of England, 1500—1750. L., 1971.
- Clay C.G.* Economic Expansion and Social Change: England 1500—1700. Cambridge, 1984. Vol. 1.
- Colby Ch.W.* The Growth of Oligarchy in English Towns // The English Historical Review. 1890. № 20. P. 633—652.
- Collins H.E.* The Order of the Garter 1348—1461. Chivalry and Politics in Late Medieval England. Oxford, 2000.
- Coss P.R.* Knight in Medieval England 1000—1400. Dover, 1996.
- Coster W.* Family and Kinship in England, 1450—1800. Harlow, 2001.
- Denholm-Young N.* The Country Gentry in the Fourteenth Century. Oxford, 1969.
- Danziger D., Gillingham J.* 1215: The Year of the Magna Carta. L., 2003.
- Davies M., Kissock J.* The Feet of Fines, the Land Market and the English Agricultural Crisis of 1315 to 1322 // Journal of Historical Geography. 2004. № 30, 2. P. 215—30.
- Dobson M.* Contours of Death and Disease in Early Modern England. Cambridge, 1997.
- Dod.* Peerage, Baronetage and Knightage of Great Britain and Ireland for 1882 Including All the Titled Classes. L., 1882.
- Dyer A.* "Urban decline" in England, 1377—1525 // Towns in Decline, A.D. 100—1600 / Ed. by T.R. Slater. Aldershot, 2000. P. 266—288.
- Dyer Ch.* Standards of Living in the Later Middle Ages Social Change in England, 1200—1520. Cambridge, 1990.

- English Local History at Leicester, 1948—1978. A Bibliography of Writings by Members of the Department of English Local History, University of Leicester / Compiled by A. Everitt and M. Tranter. Leicester, 1981.
- Everitt A. Ways and Means in Local History. Oxford, 1971.
- Fairburn M. Social History. Problems, Strategies and Methods. L.;N.Y., 1999.
- Fleming P. Family and Household in Medieval England. Basingstoke, 2001.
- Foster F. The Politics of Stability. A Portrait of the Rulers in Elizabethan London. L., 1977.
- Fourteenth Century England / Ed. by J.S. Hamilton. Woodbridge, 2014.
- Fox S. Londoners. L., 1987.
- French H.R. The Middle Sort of People in Provincial England 1600—1750. Oxford, 2007.
- Friedrichs Ch. The Early Modern City, 1450—1750. L.;N.Y., 1995.
- Fryde E.B. William de la Pole. Merchant and King's banker. L.; Ronceverte, 1988.
- Given-Wilson C. Wealth and Credit, Public and Private: The Earls of Arundel 1306—1397 // English Historical Review. 1991. № CCCCXVIII. Jan. P. 1—26.
- Gray R. A History of London. L., 1978.
- Green A.K. Town Life in the Fifteenth Century: in 2 vols. L., 1907.
- Gross Ch. The Gild Merchant. A Contribution to British Municipal History: in 2 vols. Oxford, 1890.
- Hanawalt B.A. The Widow's Mite: Recovery of Dower in Late Medieval London // Upon my Husband's Death: Widows in the Literature and History of Medieval Europe / Ed. by L. Mirrer. Ann Arbor, 1992. P. 21—45.
- Hanawalt B.A. The Dilemma of the Widow of Property for Late Medieval London // The Medieval Marriage Scene: Prudence, Passion, Policy / Ed. by Sh. Roush, C.L. Baskins. Tempe, 2005. P. 135—146.
- Hanawalt B.A. The Wealth of Wives: Women, Law, and Economy in Late Medieval London. Oxford, 2007.
- Hanham A. The Celys and Their World. An English Merchant Family of the Fifteenth Century. Cambridge, 1985.
- Harke X. Kings and Warriors. Population and Landscape from Post-Roman to Norman Britain // The Peopling of Britain: The Shaping of a Human Landscape (The Linacre Lectures 1999) / Ed. by P. Slack and R. Ward. Oxford, 2002. P. 145—175.
- Hatcher J. A Diversified Economy: Later Medieval Cornwall // Economic History Review. 2nd Ser. 1969. № XXII. P. 208—227.
- Heal F., Holmes C. The Gentry in England and Walls, 1500—1700. Stanford, 1994.
- Hibbert A.B. The Origins of Medieval Town Patriciate // The Past and Present. 1953. № 3. P. 15—27.
- Hilton R. Status and Class in the Medieval Town // The Church in the Medieval Town / Ed. by T.R. Slater and G. Rosser. Aldershot, 1998. P. 9—19.
- Holdsworth R.W. History of English Law. L., 1923. Vol. 4.
- Holmes G. Anglo-Florentine Trade in 1451 // The English Historical Review. 1993. Vol. CVIII. № 427. April. P. 374—375.
- Horrox R.E. The Urban Gentry in the Fifteenth Century // Towns and Townspeople in the Fifteenth Century / Ed. by J.A. Thomson. Gloucester, 1988. P. 22—44.
- Hoskins W.G. The Age of Plunder. King Henry's England, 1500—1547. L., 1976.
- Huffman J.P. Family, Commerce, and Religion in London and Cologne, Anglo-German Emigrants c. 1000—c.1300. Cambridge, 1998.
- Hunt E.S., Murray J.M. A History of Business in Medieval Europe, 1200—1550. Cambridge, 1999.
- Inwood S. A History of London. L., 2000.
- Jacob E.F. The Fifteenth Century. 1399—1485. Oxford, 1961.
- Jenkins D.E. God, Miracle and the Church of England. L., 1987.
- Johnson A.H. The History of the Worshipful Company of Drapers of London: in 2 vols. Oxford, 1914.
- Johnson P. A History of the English People. N.Y.;Cambridge;Philadelphia, 1985.
- Jones D. Summer of Blood: The Peasants' Revolt of 1381. L., 2010.
- Jones S.R. Women's Influence on the Design of Urban Homes // Gendering the Master Narrative: Women and Power in the Middle Ages / Ed. by M.C. Erler, M. Kowaleski. Ithaca;L., 2003. P. 190—211.
- Keen M. English Society in the Later Middle Ages. 1348—1500. L., 1990.

- Keene D.* Landlords, the Property Market and Urban Development in Medieval England // Power, Profit and Urban Land: Landownership in Medieval and Early Modern Northern European Towns / Ed. by F.-E. Eliassen, G.A. Erslund. Aldershot, 1996. P. 93—139.
- Keene D.* London from the Post-Roman period to 1300 // The Cambridge Urban History of Britain. Vol. 1: 600—1540 / Ed. by D.M. Palliser. Cambridge, 2000. P. 187—216.
- Keeper of the Kingdom* / Ed. by A. Bruce, J. Calder, M. Cator. L., 2002.
- Kellaway W.* The Coroner in Medieval London // Studies in London History / Ed. by A. Hollaender and W. Kellaway. L., 1969. P. 75—91.
- Kenyon Sh.* Everyday Life in the Middle Ages. Cincinnati; Ohio, 2000.
- Kermode J.I.* Obvious Observations on the Formation of Oligarchies in Late Medieval English Towns // Towns and Townspeople in the Fifteenth Century / Ed. by J.A. Thomson. Gloucester, 1988. P. 87—106.
- Kowalski M.* Warfare, Shipping, and Crown Patronage: The Economic Impact of the Hundred Years War on the English Port Towns // Money, Markets and Trade in Late Medieval Europe: Essays in Honour of John H. A. Munro / Ed. by L. Armstrong, I. Elbl, M. Elbl. Leiden, 2007. P. 233—256.
- Lander J.R.* Government and Community. England 1450—1509. L., 1980.
- Leyser H.* Medieval Women: a Social History of Women in England, 450—1500. L., 1995.
- Loengard J.S.* Plate, Good Stuff, and Household Things': Husbands, Wives, and Chattels in England at the End of the Middle Ages // The Ricardian: Journal of the Richard III Society. 2003. № 13. P. 328—340.
- Long D.* A History of London in 100 Places. L., 2014.
- Maps and History in South-West England* / Ed. by K. Barker and R. Cain. Exeter, 1991.
- McFarlane K.B.* The Nobility of Later Medieval England. Oxford, 1973.
- McFarlane K.B.* England in the Fifteenth Century: Collected Essays. L., 1981.
- McIntosh M.K.* Women, Credit, and Family Relationships in England // Journal of Family History. 2005. № 31. P. 143—163.
- McIntosh M.K.* Working Women in English Society, 1300—1620. Cambridge, 2005.
- McKisack M.* The Fourteenth Century. 1307—1399. Oxford, 1959.
- Miller E.* English Town Patricians, c. 1200—1350 // Gerarchie Economiche e Gerarchie Sociali secoli XII—XVII / A cura di A. Guarducci. Serie II.12. Firenze, 1990. P. 217—240.
- Mingay G.E.* The Gentry: The Rise and Fall of a Ruling Class. L.; N.Y., 1976.
- Mitchell R.J., Leys M.* A History of London Life. L.; N.Y., 1958.
- Myers A.R.* England in the Late Middle Ages. L., 1991.
- Neuman W.L.* Basics of Social Research. Qualitative and Quantitative Approaches. Boston, 2004.
- Nightingale P.* A Medieval Mercantile Community. The Grocers' Company and the Politics and Trade of London. New Haven; L., 1995.
- Nightingale P.* The Growth of London in the Medieval English Economy // Progress and Problems in Medieval England / Ed. by R. Britnell and J. Hather. Cambridge, 1996. P. 89—106.
- O'Connor S.J.* Biographical Background: Adam Fraunceys // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / Ed. by S.J. O'Connor. (Camden fifth series). L., 1993. V. 2. P. 3—22.
- O'Connor S.J.* Biographical Background: John Pyel // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / Ed. by S.J. O'Connor. (Camden fifth series). L., 1993. V. 2. P. 22—36.
- O'Connor S.J.* Landed Estates // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / Ed. by S. J. O'Connor. (Camden fifth series). L., 1993. V. 2. P. 37—74.
- O'Connor S.* Adam Fraunceys and John Pyel: Perceptions of Status Among Merchants in Fourteenth-Century London // Trade, Devotion and Governance. Papers in Later Medieval History / Ed. by D.J. Clayton, R.G. Davies, P. McNiven. Stroud, 1994. P. 17—35.
- O'Connor S.J.* Joan Pyel (d. 1412) // Medieval London Widows, 1300—1500 / Ed. by C.M. Barron and A.F. Sutton. L., 1994. P. 71—75.
- Patten J.* English towns, 1500—1700. Folkestone, 1978.
- Patterson C.F.* Urban Patronage in Early Modern England. Corporate Boroughs, the Landed Elite, and the Crown, 1580—1640. Stanford, California, 1999.
- Payling S.J.* Social Mobility, Demographic Change, and Landed Society in Late Medieval England // Economic History Review, 1992. № XLV. P. 51—73.
- Perring D.* Roman London. L., 1991.
- Phythian-Adams Ch.* Re-Thinking English Local History. Leicester, 1991.
- Picard L.* Elizabeth's London: Everyday Life in Elizabethan London. L., 2004.

- Platt C.* The English Medieval Town. L.; Toronto; Sydney; N.Y., 1979.
- Porter R.* Disease, Medicine and Society in England, 1550—1860. Cambridge, 1993.
- Power A.* The Wool Trade in the Fifteenth Century // *Studies in English Trade in the Fifteenth Century*. N.Y., 1933. P. 39—90.
- Prestwich M.* Plantagenet England, 1225—1360 (New Oxford History of England). Oxford, 2005.
- Rabb T.K.* Enterprise and Empire: Merchant and Gentry Investment in the Expansion of England, 1575—1630. Cambridge, 1967.
- Ramsey P.* Tudor Economic Problems. L., 1966.
- Rappaport S.* Worlds Within Worlds: Structures of Life in Sixteenth Century London. Cambridge, 1989.
- Rawcliffe C.* Margaret Stodeye, Lady Philipot (d. 1431) // *Medieval London Widows, 1300—1500* / Ed. by C.M. Barron and A.F. Sutton. L., 1994. P. 85—98.
- Reynolds S.* An Introduction to the History of English Medieval Towns. Oxford, 1977.
- Richardson J.* The Annals of London. A Year-by-year Record of a Thousand Years of History. Berkley; Los Angeles, 2000.
- Rigby S.H.* English Society in the Later Middle Ages. Class, Status and Gender. L., 1995.
- Rogers C.D., Smith J.H.* Local Family History in England, 1538—1914. Manchester; N.Y., 1991.
- Rowley T.* The High Middle Ages. 1200—1550. L.; N.Y., 1986.
- Russell J.* Medieval Regions and their Cities. L., 1972.
- Russell J.* London. N.Y., 1994.
- Sheppard F.* London. A History. Oxford, 1998.
- Smith A.* Dictionary of City of London street names. N.Y., 1970.
- Smith S.* Underground London. Travels Beneath the City Streets. L., 2004.
- Staples K.J.* Daughters of London: Inheritance Practice in the Late Middle Ages. Ph.D. diss. University of Minnesota, 2006.
- Stone L.* The Family, Sex and Marriage in England 1500—1800. L., 1990.
- Sutton A.F.* The Mercery of London: Trade, Goods, and People, 1130—1578. Aldershot, 2005.
- Swanson H.* Medieval British Towns. N.Y., 1999.
- The English Medieval Town. A Reader in English Urban History 1200—1540* / Ed. by R. Holt and G. Rosser. L.; N.Y., 1990.
- The Fifteenth Century: Revolution and Consumption in Late Medieval England* / Ed. by M. Hicks. Woodbridge, 2001.
- The London Encyclopaedia* / Ed. by B. Weinreb and Ch. Hibbert. L., 1984.
- The Oxford Companion to Local and Family History* / Ed. by D. Hey. Oxford, 2002.
- Thomson J.A.F.* The Transformation of Medieval England. 1370—1529. N.Y., 1983.
- Thrupp S.* The Merchant Class of the Medieval London (1300—1500). Chicago, 1948.
- Tucker P.* Law Courts and Lawyers in the City of London, 1300—1550. Cambridge, 2007.
- Unwin G.* The Guild and Companies of London. L., 1925.
- Valerie Emanoil M.A.* "In My Pure Widowhood": Widows and Property in Late Medieval London: Ph.D. diss. The Ohio State University, 2008.
- Veal E.M.* The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966.
- Ward J.* Women in England in the Middle Ages. L., 2006.
- Warnicke R.M.* William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536—1601. L.; Chichester, 1973.
- Williams G.A.* Medieval London. From Commune to Capital. N.Y., 2007.
- Wrightson K.* English Society 1580—1680. L., 1982.
- Wysocki D.K.* Readings in Social Research Methods. Wadsworth, 2004.

Summary

Using a wide range of various sources (legislative, private legal, and narrative) the author of the monograph investigates business world of London of the 14th—16th centuries which can be seen from three main angles. These are society and power, economic activity, private life and values.

The author shows that in the 14th—16th centuries London and its business world were the most mature clearly reflecting the leading tendencies in town life development of the transitional period from the Middle Ages to the Modern Time.

A complex of various types of activities: trade, lending operations, crown financing, production and entrepreneurship, investment into real estate in towns and counts of England, and participation in the political life and governance of London was a sign of belonging to a business community. Such a diversity of activities was typical of the majority of men of business, especially aldermen who made not only the richest and the most commercially active part of society but also formed the ruling elite of the city.

Formation of London's alderman institution took place together with the development of the city and establishment of its main social and political functions by the beginning of the 13th century. It was by that time that London had become a generally recognized leading economic center, an official capital of the kingdom and had acquired the status of the most privileged city of England.

According to the town law aldermen election criteria were the following. First of all, it was being a part of the community of freemen, rightful townspeople, who, besides other privileges, had the right to participate in elections of the town's officials and formation of the town's local authority. They were also obliged to be members of one of the Great Twelve Livery Companies of London — merchants of luxury goods, ready-made clothes, ironmongers, wine merchants, traders of salt, spice merchants, wool and cloth merchants, grocers, fishmongers, jewelers, and fur traders. It is important to note that aldermen were included in the limited but richest and the most influential part of the company — the top of the livery. In fact, the position of the alderman was in the hands of the richest merchants. Thirdly, for being elected an alderman there was a certain property qualification in 1000 pounds “in goods and

loans” in the 14th—15th centuries and in 1,500 pounds “in goods, loans and lands” in the 16th century. In 1413 another criterion was recorded: only a native Englishman could become an alderman of London.

The fact that these requirements were bolstered up in town documents shows that aldermen in London had a certain legal separation from other townsmen and their membership was limited only by high-ranking people with a property status.

All the power in the town — executive, judicial, administrative, and legislative — was in the hands of aldermen and officials, including the upper ones, chosen from them. Mayors who headed London’s municipality were elected only from among aldermen. Sheriffs were also mainly aldermen. Records, chamberlains, town clerks and other civil servants were made up of aldermen as well.

The most important town positions were considered as royal too: the Mayor was not only the head of London’s municipality but also a royal official. The same and even more can be said about sheriffs for whom their service to the king was a priority.

London’s city power was concentrated in the municipality which has been embodied in the building of Guildhall since the 15th century. In the whole the structure of power in London of the 14th—16th centuries can be seen as follows: the “Council of Aldermen”, about 23-26 people (according to the number of administrative districts) and a mayor; the “Council of the Chosen” which included the mayor, aldermen and about 150—200 councilors who were elected in administrative districts; the “Council of Citizens Assembly” consisting of a mayor, aldermen, sheriffs, and, approximately, 70 “guild masters” registered in freemen lists and wearing a livery of one of the Great Twelve Livery Companies.

The city administration was closely connected with the judicial power represented by the Mayor’s Court, Aldermen’s Court and the Sheriff’s Court which tried property, trade, and various financial cases. There were also District Courts with aldermen at the head that dealt with the protection of administrative districts and provided their social and fire safety and sanitary state.

During the given period formation of city authorities and senior officials was taking place in the way of co-optation. Moreover, several of the most important posts (from 3 to 9 successively and from 3 to 4 simultaneously) could be engrossed for quite a long time though in the 15th—16th centuries prestige of administrative and police posts was gradually decreasing while financial and business positions were becoming more attractive. It should be also noted that aldermen occupied their posts for life.

Power exercised by the representatives of the London aldermen group during the 14th—16th centuries could be characterized as elitist-oligarchic.

An important factor of the unity and consolidation of London ruling elite, its stability and securing of seclusion was marriages among the representatives of aldermen families. In fact, the principle of having life posts which grew into life-hereditary gave some aldermen families the opportunity of constant participation in London power holding structures. It seems that we may speak about 20-30 affinitive families.

Business connections between ruling families in the spheres of trade, finance and credit operations, investment into real estate and its commercial usage can be clearly traced in the alderman environment. Family solidarity seems to be the most important instrument of political and economic dominance of the elite.

However, seclusion of the aldermen community of the 14th—16th centuries was not absolute. It was constantly replenished by people from different social layers and communities. Among them there were London merchants and merchants from various towns and boroughs of England who possessed large financial resources and good reputation in business and, as a rule, younger sons of the gentry from various counties of England to provide for life being involved into trading which was, at least in the 14th century, a well-known activity.

A wide and regular inflow of new forces from counties and provincial English towns had a positive impact on qualitative characteristics of London alderman community. There was a considerable and more or less regular renewal of its members who strived for success and making a career and who, first of all, relied on themselves, their abilities and opportunities. All this strengthened economic might of big London merchants and interconnections between the classes, strengthening, therefore, the position of aldermen in the city community and authorities.

Marriage to those who belonged to different social groups and layers was one of the most important instruments of realization of a typical for London men of business tendency to the dialogue with a surrounding world. Matrimonial interests of business community covered representatives of the merchant class, both of the capital and provincial towns. It is obvious that such marriages promoted not only strengthening business cooperation among English merchants, but also were one of the few means of penetration of rich and enterprising merchants into the business world and London ruling class. Many businessmen families of London related to English aristocracy of different levels, both gentry and knights and even titled aristocracy. This shows a considerable interest of commercially active city dwellers in socially more prestigious community of the 14th —16th centuries and their wish to penetrate into it with the help of marriages which corresponded to their social ambitions and desires. Some noblemen would not mind to relate to the richest merchants. Such matrimonial behavior of noblemen was caused by the

closeness of economic, social and political positions of the big merchant class and gentry and the desire of some aristocrats to improve their financial position.

Commercial activity of London men of business was complicated and reflected a contradictory social and economic nature of the 14th—16th town itself.

First of all, merchants carried on a large-scale trade in London, inside and outside England. It was trade, seen as worthy, honorable and pious work, that took the most important part of their minds and required from them manifestation of rationalism, common sense, business activity, professionalism and understanding that their aim was to get additional benefits. Wealth which became the measure of achieved success and social importance caused a complicated conflict with some elements of Christian consciousness. How to use this wealth and not to be cast into hell-fire, but to provide for the family and close people was the problem which aldermen tried to solve in their wills. Understanding of the risk that accompanied their profession and the desire to provide their safety incited aldermen to search for God's and saints' protection which is reflected in a widely spread practice of sacrifices recorded in their wills. In fact, it can be said that the merchant class worked out a new type of religiousness which combined the belief in God and fear of after death punishment with a commercial approach to the so called "good works" that brought success in the land of the living and a reward after death. Great opportunities for trade and having income were given by livery, merchant by nature, companies whose members were merchants-aldermen. Besides them in the 14th -16th centuries there were also family associations, companies of merchants-? of Calais and merchants-adventurers, and a number of new corporations that emerged and functioned on share principles in the 16th—the beginning of the 17th centuries (Moscow, Levant, East Indies and so on). It is important to note that they all united and attracted to cooperation not only London aldermen from various livery companies but other merchants from the capital and provinces and representatives of English noblemen and church as well. A considerable number of people from different social groups were involved into the sphere of trade and interacted successfully which led to the expansion of trade and increasing of its volume. As aldermen were among the biggest shareholders, they were those who received the main profit from it.

It was especially seen in the 16th century when a considerable expansion of the scale and trade spheres of London aldermen took place. There are solid grounds for speaking about the connection of some London business community representatives of that time with the process of formation of new, organized on early capitalist principles production. Men of business from the capital not only started to export the English industry products but also sup-

plied the whole branches with imported raw material: cloth making, cotton manufacture, shipbuilding, mining industry and metal manufacture. Besides, some aldermen of the second half of the 16th century took part in organizing pirated businesses and colonial expeditions investing into them big money but at the same time making a huge profit.

Another important sphere of London merchants' economic activities was lending operations that connected them with representatives of different social groups. London men of business lent money to merchants from livery companies, craftsmen from the capital and provincial merchants, clergymen, noblemen and the crown. Such broad social communications not only reflect the degree of this social community financial might, which is, of course, very important, but they also show the level of development of economic ties among towns and regions of England and the nature and scale of social interaction among various classes and inside class groups.

Recognizing priority significance of commercial and financial activity for men of business in London of the 14th—16th centuries, it is necessary to note that many of them were also owners of land and real estate in the town and various counties of England. During this time capital received from trade was actively invested into buying land and property by the richest London class of merchants. This was caused by different factors: by special significance of land property at that time, for reasons of social prestige, by the necessity of reducing economic risks and providing guaranteed income, food and raw material. With regard to the town we should speak mainly about commercial by its nature possession of houses. In particular, aldermen rented not so many parcels of land as premises that brought a considerable income to town: shops, hotels, dwelling houses, workshops, shipyards and so on. If land was rented, it was more often used for development. Transactions in land owning concluded by London merchants-aldermen covered a wide social range: representatives of various categories of citizens (merchants, petty traders, and craftsmen), noblemen, church and monasteries. Aldermen not only strengthened their position in the city economy but partly created rather dangerous competitors for themselves, especially in church and monasteries and inevitably came into the zone of conflict with them. In full it showed up in the second third of the 16th century when powerful London merchants joined the wide scale activities of the royal power on the sale of secularized Church lands and monasteries' property.

In the 16th century pastures, "fenced pastures", and "farms" emerged in the structure of country real estate of men of business. Representatives of big merchant class tried to use lands to receive profit from the advanced in technical respect agriculture that was closely connected with the market and specialized on the delivery of wool for cloth making industry or on commodity production of grain, meat, cheese, milk and other products arranged on

capitalist farms. Trying to receive new profits that could be, first of all, gained from sheep breeding, farmers-merchants joined fencing together with “new nobility”.

Thus, in the 16th century men of business turned to be connected with new processes that took place in the English society and were able to adjust to new conditions and use them in their own interests.

Along with this we should mention such a tendency as ennoblement of London men of business, first of all, aldermen. Erecting palaces and buying estates, they were inclined to stress their growing social significance which reflects their values. Aldermen wanted to show nobleness of their kin. They bought family watches and coats of arms the image of which they placed on shields, clothes, valuable goblets, dishes and bowls. Besides, London aldermen and their relatives did not want to lag behind noblemen in luxury of their clothes, decoration of their houses and some elements of their behavior (for example, their liking for hunting). The tendency to ennoblement was seen in receiving the title of a knight by merchants, in dubbing them knight, which led not only to raising their social status but to expanding the class of “new nobility” with the richest and the most influential city dwellers.

However, we should not overestimate the degree of London business community ennoblement. Not all the merchants and their descendants, who had received noble titles and established noble families, completely broke ties with the city economy. In such a dynamic society as London's, the borders between different classes were rather vague and the same families had the possibilities to move from one class to another not once. All the more so, that nobility in England was not a closed hereditary class with rights and privileges recorded by law and separated from other social groups. Access to it was not only open but obligatory for free men who had a certain income. The fact of being noble by birth was not so important as on the continent.

Content

Introduction: Problems, historiography, sources	7
Chapter I. London: from Roman municipal to the town of the Early Modern time	29
Chapter II. Men of business in social stratum and power	69
§1. Social Status and Job Criteria of Aldermen.....	71
§2. Social Origin of Aldermen and the Ways of Penetration into the Aldermen's Community	78
§3. Magistrate Structure, Functions and Officials.....	95
§4. Principles and Mechanisms of Authority's Formation	102
Chapter III. Occupation and men of business way of life	137
§1. Trade.....	139
§2. Lending Operations and Crown Financing.....	166
§3. Trade and Wealth in Perception of Men of Business	182
§4. Investments into Real Estate.....	192
4.1. Real Estate within City limits.....	194
4.2. Real Estate out of City.....	224
Chapter IV. Social ambitions, values and private life of men of business	249
§1. London Merchants-gentlemen.....	251
§2. Values in "The Life of John Isham"	271
§3. Attitude to Education among London Merchants.....	280
§4. Private Life: Gender Viewpoint	286
Conclusion	337
Bibliography	347

Научное издание

Лариса Николаевна Чернова
Под сенью Святого Павла:
деловой мир Лондона XIV—XVI вв.

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 26.08.2016. Формат 70×100/16. Заказ № 149.
Тираж 500 экз. 23 п.л. 28,0 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. e-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям,
библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру
гуманитарных наук — философии, филологии, лингвистики,
истории, социологии и политологии.

Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих
научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены
в киоске Государственного института искусствознания:
Москва, Большой Козлицкий переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»,
выход в сторону Музыкального театра им. К.С. Станиславского
и В.И. Немировича-Данченко).
Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

Рассылка по России:
Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>

Л.Н. Чернова
Под сенью
Святого Павла:

деловой мир Лондона
XIV–XVI вв.

На основе широкого круга оригинальных источников автор — крупный специалист по истории английских городов позднего Средневековья и раннего Нового времени — реконструирует картину жизни торгово-предпринимательских слоев и властной элиты Лондона XIV–XVI вв. В книге прослеживается динамика развития городской правящей элиты, характеризуются экономическая деятельность и деловая этика, социальные связи и устремления, ценностные ориентиры и культурные установки, воссоздается частная жизнь лондонцев, вовлеченных в коммерческую сферу и властные отношения. Обнаружив новые ракурсы освещения традиционных проблем европейского урбанизма, автор предлагает на суд читателей — как профессиональных, так и просто интересующихся социальной историей XIV–XVI вв. — комплексный труд об одном из самых известных и значимых для эпохи Средневековья и раннего Нового времени «мегаполисов»

